

Министерство науки и высшего образования Российской Федерации

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ
ПОЛИТЕХНИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ ПЕТРА ВЕЛИКОГО

ФИЛОСОФИЯ НАУКИ: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

Монография

Под редакцией *И. Д. Осипова, С. Н. Погодина*

ПОЛИТЕХ-ПРЕСС

Санкт-Петербургский
политехнический университет
Петра Великого

Санкт-Петербург

2020

ББК 87.25
Ф56

Р е ц е н з е н т ы:

Доктор философских наук, профессор
Санкт-Петербургского политехнического университета Петра Великого
Н. А. Васильева

Доктор политических наук, профессор
Санкт-Петербургского политехнического университета Петра Великого
З. З. Бахтуридзе

Философия науки: история и современность : монография / под ред.
И. Д. Осипова, С. Н. Погодина. – СПб. : ПОЛИТЕХ-ПРЕСС, 2020. – 424 с.

Коллективная монография посвящена одной из актуальных проблем современной философии. В первой главе монографии анализируются историко-культурные и теоретические аспекты отечественной философии науки, представленной не только рационалистическими теориями, но и религиозными концепциями. Рассматриваются концепции М. М. Ковалевского, П. А. Кропоткина, П. И. Линицкого, Э. В. Ильенкова, В. П. Тугаринова, С. Н. Булгакова, Н. А. Бердяева, евразийцев и славянофилов. Во второй главе исследуется методология социогуманитарного знания: истории, политологии, социологии, культурологии. В третьей главе рассматриваются философские проблемы естествознания и отдельных технических наук, детально анализируются концепции эволюционизма, специфика научного творчества и эпоха COVID-19 в свете идеологии и научной картины мира.

Книга рассчитана на специалистов гуманитарных, естественных и технических наук, широкий круг читателей.

Печатается по решению
Совета по издательской деятельности Ученого совета
Санкт-Петербургского политехнического университета Петра Великого.

© Осипов И. Д., Погодин С. Н., научное
редактирование, 2020

© Санкт-Петербургский политехнический
университет Петра Великого, 2020

ISBN 978-5-7422-7026-3

УДК 1 (091)

И.Д. Осипов, С.Н. Погодин

Философия науки в современном мире

Философия науки в полной мере заявила о себе лишь в XX в., хотя сам термин «философия науки» возник столетием раньше, а её проблематика встречается уже в античной философии. Предметом современной философии науки являются «общие закономерности и тенденции научного познания как особой деятельности по производству научных знаний, взятых в их историческом развитии и рассматриваемых в исторически изменяющемся социокультурном контексте».¹ Философия науки приобретает особую актуальность; во многом это связано с новыми научными открытиями, требующими философского обобщения, с повышенным вниманием к науке как важнейшему фактору развития экономики, образования и культуры. В постсекулярном мире философия, исследуя историю и методологию естественных и гуманитарных наук, стремится выработать некоторые принципиальные положения, которые можно сделать предпосылкой разграничения сферы научного и религиозного познания. Данные положения исходят из того, что истины веры сверхъестественны и поэтому находятся вне досягаемости науки и научной философии, и когда теолог вторгается в профессиональную сферу науки, это чаще всего оказывается не продуктивно. Кроме того, религия в своих доводах не исходит из доказательства; она для этого использует веру. Наука же опирается на возможности доказательства, применяя при этом различные средства и рациональные аргументы. Так в целом развивалась теоретическая и эмпирическая наука, у истоков которой

¹ Степин В.С., Горохов В.Г., Розов М.А. Философия науки и техники. М., 1996. С.

находятся Демокрит и Аристотель, Ф. Бэкон и Р. Декарт, Кант и Гегель. Но и в истории теологии были свои великие имена А. Августина и Ф. Аквинского, М. Лютера и Н. Кузанского. Философия стремится определить те сферы культуры, прежде всего нравственной, где можно найти точки соприкосновения веры и разума. В этом контексте отметим религиозную философию, которая использует понятие верующего разума в своих метафизических конструкциях и антропологии.

Философия науки XX века представлена в различных направлениях: позитивизм и постпозитивизм, прагматизм, диалектические концепции взаимоотношения философии и науки, герменевтика, неомарксизм, постмодернизм, аналитическая философия и др. Предметы наук о природе и обществе различны, и познавательные стратегии также изменились, поэтому без методологической рефлексии познания в любой научной дисциплине обойтись нельзя. Сегодня можно сказать, что дисциплинарная специфика оказывается полезной лишь тогда, когда теоретическая проблема изучается в контексте междисциплинарных связей, гуманитарного синтеза и комплексного подхода. Контекст научной истины зачастую оказывается под опосредованным и сложным влиянием феноменов культуры и ценностей общества. Учитывая данные условия, в первой главе монографии анализируются теоретические и мировоззренческие аспекты истории отечественной философии науки, представленной не только рационалистическими теориями М.М. Ковалевского, П.А. Кропоткина, Э.В. Ильенкова, В.П. Тугаринова, но и религиозными концепциями науки П.И. Линицкого, Н.А. Бердяева, С.Н. Булгакова, евразийцев и славянофилов. Во второй главе конкретно исследуется методология социогуманитарного познания: истории, политологии, социологии, культурологии. В третьей главе всесторонне рассматриваются философские проблемы естествознания и отдельных

технических наук, генезис и особенности формирования теории эволюционизма, предпринят анализ новейшей и дискуссионной темы-эпохи COVID-19 в свете идеологии и научной картины мира

Очевидно, что становление научной культуры во многом связано с диалектикой духовного и интеллектуального развития общества; многое из того, что сегодня, безусловно, признается примером прогресса цивилизации, при своем детальном рассмотрении оказывается результатом усилий лучших умов человечества. Это и есть научно-техническая и культурная революция, которая имеет поистине глобальный характер. Ведь многие научно-технические открытия были сделаны не только в Западной Европе, но и в других регионах мира. Египет, Китай, Индия, Россия, Япония и арабские страны дали миру важные открытия в математике, астрономии, механике, философии, медицине и технике. В настоящее время без международной кооперации ученых невозможно решить многие из современных научных проблем, что убедительно демонстрирует ситуация с распространением коронавирусной инфекции. Впервые в истории политические, религиозные и социокультурные различия отошли на задний план и не помешали созданию единого фронта борьбы государств и гражданского общества с этой опаснейшей болезнью. Публикации по теме COVID-19 сразу же стали размещаться в открытом доступе в сети Интернет, чтобы ученые могли с ними ознакомиться и учесть в своей работе. Глобальное развитие науки требует информационной культуры и только свободное, творческое взаимодействие ученых создает возможность для научно-технического и социокультурного прогресса, целью которого является благо людей. При этом: «Культурная работа общества отнюдь не ограничивается готовыми созданиями творческих сил его членов. Здесь не менее, может быть более, важен самый процесс творчества, происходящий в среде общества. Важно

не то, чтобы те или иные научные исследования, те или иные произведения искусства были созданы членами русского общества,-важно, чтобы они вырабатывались в его среде, чтобы они черпали свою силу, своё содержание, свои формы в жизни этого общества, в его надеждах будущего, в окружающей и чеканящей его природе и обстановке». ²В этом и заключается диалектика универсального и национального в философии науки.

*Заведующий кафедрой
истории философии
Института философии СПбГУ
Профессор И.Д. Осипов*

*Директор Высшей школы
Международных отношений
ГИ СПбПУ
Профессор С.Н. Погодин*

² Владимир Вернадский. Жизнеописание. Избранные труды. Воспоминания современников. Суждения потомков. М., 1993. С. 582.

Глава 1

**ИСТОРИЯ ФИЛОСОФИИ
НАУКИ В РОССИИ**

УДК 101.2-101.8-101.9 (101.16, 101.17)

М.А. Арефьев, А. Г. Давыденкова

**«СИНТЕТИЧЕСКАЯ ФИЛОСОФИЯ» П.А. КРОПОТКИНА В
КОНТЕКСТЕ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ФИЛОСОФИИ НАУКИ (К 100-
ЛЕТИЮ УХОДА ИЗ ЖИЗНИ ФИЛОСОФА И УЧЁНОГО)**

**«SYNTHETIC PHILOSOPHY» by P. A. KROPOTKIN IN THE
CONTEXT OF THE RUSSIAN PHILOSOPHY OF SCIENCE (TO THE
100TH ANNIVERSARY OF THE PASSING OF THE PHILOSOPHER
AND SCIENTIST)**

АРЕФЬЕВ Михаил Анатольевич – Почётный работник высшего образования РФ, доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой философии и культурологии Санкт-Петербургского государственного аграрного университета. E-mail: ant-daga@mail.ru

AREFIEV Michail A. – St. Petersburg state agrarian University, Pushhkin, Saint-Petersburg, Russia.
E-mail: ant-daga@mail.ru

ДАВЫДЕНКОВА Антонина Гилеевна – доктор философских наук, профессор, профессор кафедры философии и культурологии Санкт-Петербургского государственного аграрного университета. E-mail: ant-daga@mail.ru

DAVYDENKOVA Antonina G. - St. Petersburg state agrarian University, Pushkin, Saint-Petersburg, Russia.
E-mail: ant-daga@mail.ru

Авторы настоящей работы рассматривают особенности формирования отечественной философии науки в русле творческой переработки и осмысления философии классического позитивизма выдающимся учёным, мыслителем П.А. Кропоткиным. Русская версия позитивизма коренным образом отличалась от европейского варианта позитивной философии её нацеленностью на решение нравственно-этических проблем. Этнос науки понимался как представление о нравственных и моральных ограничениях, связанных с постижением роли науки в общественной жизни. Вкладом Кропоткина в становление философии науки можно рассматривать формирование им представления о содержательной стороне синтетической философии. Такие категории и понятия синтетической философии как взаимопомощь и поддержка, альтруизм, жизненная сила, солидарность, справедливость, нравственность и другие в его учении отразили гуманитарную и гуманистическую направленность философии науки.

The authors of this paper consider the features of the formation of the national philosophy of science in the course of creative processing and understanding of the philosophy of classical positivism by the outstanding scientist, thinker P. A. Kropotkin. The Russian version of positivism differed radically from the European version of positive philosophy in its focus on solving moral and ethical problems. The ethos of science was understood as a representation of the moral and moral limitations associated with understanding the role of science in public life. Kropotkin's contribution to the formation of the philosophy of science can be considered the formation of his idea of the content side of synthetic philosophy. Such categories and concepts of synthetic philosophy as mutual aid and support, altruism, vitality, solidarity, justice, morality, and others in his teaching reflected the humanitarian and humanistic orientation of the philosophy of science.

ИСТОРИЯ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ФИЛОСОФИИ НАУКИ, СИНТЕТИЧЕСКАЯ ФИЛОСОФИЯ КРОПОТКИНА, ИНДУКТИВНЫЙ МЕТОД ЕСТЕСТВЕННЫХ НАУК, ВЗАИМОПОМОЩЬ, СОЛИДАРНОСТЬ И ИНСТИНКТ ОБЩИТЕЛЬНОСТИ КАК ОСНОВНЫЕ КАТЕГОРИИ СИНТЕТИЧЕСКОЙ ФИЛОСОФИИ КРОПОТКИНА

HISTORY OF RUSSIAN PHILOSOPHY, SYNTHETIC PHILOSOPHY OF KROPOTKIN, THE INDUCTIVE METHOD OF NATURAL SCIENCES, MUTUAL AID, SOLIDARITY AND THE INSTINCT OF SOCIABILITY AS THE MAIN CATEGORIES OF SYNTHETIC PHILOSOPHY KROPOTKIN

В 2021 году научная общественность отметит 100-летие ухода из жизни выдающегося человека, философа и учёного, общественного деятеля Петра Алексеевича Кропоткина (1842 – 1921), оказавшего значительное влияние на развитие мировой и отечественной науки и культуры. Мировую известность Кропоткин приобрёл прежде всего, как учёный-естествоиспытатель, общественный деятель, теоретик русского классического анархизма. В исследовательской литературе достаточно подробно освещены его исторические и социологические воззрения, политические взгляды, но менее известны его собственно философские идеи. На наш взгляд, именно вклад Кропоткина в философию, а конкретно – в философию науки, а также общая гуманистическая направленность его творчества не получили до сих пор достойного освещения. Кропоткин в философской литературе предстаёт прежде всего, как социальный философ и философ-этик (последняя работа русского учёного называлась «Этика»). Однако, как пишет московский социальный философ В.М.

Артемов, «расширительное понимание анархии, то есть как тенденции основать синтетическую, научно ориентированную философию, способную охватить наряду с природой и всю общественную жизнь, в известном смысле выводит Кропоткина за пределы анархизма в узко политическом смысле слова» [1, с. 225]. Природа и общество, их взаимосвязь и взаимообусловленность – вот главный предмет научного исследования русского мыслителя.

Вторая четверть позапрошлого, девятнадцатого, столетия характеризовалась в русле общефилософских исследований появлением новой отрасли философского знания – философии науки. Как пишет В.И. Стрельченко, «философия науки представляет собой современную форму взаимоотношений между философией и наукой, преследующую цели изучения закономерностей научно-познавательной деятельности с учётом её логико-методологических, теоретико-познавательных, мировоззренческих особенностей, а также антропологических и социокультурных оснований» [2, с. 12].

Говоря о философии науки в контексте общефилософских исследований, в литературе выделяют следующие периоды её развития:

1) Первый период становления философии науки начинается в 30-е годы XIX столетия и продолжается до 80-х годов. В качестве основных направлений здесь выступают позитивизм и кантианство;

2) Второй период охватывает два последних десятилетия XIX столетия и два первых десятилетия XX века. Основными направлениями этого периода выступают «второй позитивизм» (махизм и эмпириокритицизм), неокантианство, конвенционализм;

3) Третий период начинается в 20-е годы XX столетия и длится по 60-е годы. Наиболее влиятельными течениями в это время оказываются

неопозитивизм (или логический позитивизм), а также интуитивизм и феноменология;

4) Четвертый период приходится на 60–90-е годы XX века. Здесь необходимо выделить такие течения как постпозитивизм, неорационализм, научный рационализм [3, с. 276].

Одной из важных теоретических проблем, которая встала перед философией науки, являлось описание основных тенденций развития научного знания. Из таковых тенденций выделилось две основных: это дифференциация научного знания (в двадцатом веке только научных дисциплин, изучающих человека, насчитывали более четырехсот) и попытки его интеграции. Одной из таких попыток в плане практическом было обоснование синтетической философии.

Западноевропейский философ-энциклопедист Герберт Спенсер в своей позитивной философии наметил основные черты, присущие развитию неживой и живой природы, общества и человеческого индивидуума. Научный мир принял это как синтетическую философию[4]. Магистральной линией системы синтетической философии Спенсера стала теория универсальной эволюции, распространение принципов эволюции на все области человеческого знания и опыта.

В отечественной научной и общественно-политической мысли проблему создания синтетической философии разрабатывал П.А. Кропоткин. В понимание синтетической философией в русле классического позитивизма он включал научное знание, охватывающее все явления природы и общества, а также экономические, политические, психологические, умственные и нравственные вопросы. Как отмечают авторы учебного пособия по истории русской философии, под синтетической философией кроется мирозерцание, которое «покоится на механическом (в смысле кинетическом, т. е. находящемся в постоянном

движении) понимании природных и общественных явлений, а также явлений «жизненных, умственных и чувственных», которые могут быть сведены к явлениям физическим и химическим. Методом указанного мирозерцания является единственно научный индуктивный метод естественных наук»[5]. Синтетическая философия как вариант философии науки в этом контексте не тождественна редукционизму. Под последним понимается методологический принцип, согласно которому сложные явления могут быть полностью объяснены с помощью законов, свойственных явлениям более простым, абсолютизируется принцип редукции, то есть сведения сложного к простому и высшего к низшему.

Один из исследователей творчества Кропоткина охарактеризовал его как приверженца «синтетической систематической философии», способной дать ответы на главные вопросы, поставленные развитием человеческой истории. Кропоткин, по его мнению, соединил в своем творчестве (подобно многим мыслителям XIX века в Европе и России) неприятие правового государства, представительной демократии и рыночного хозяйства с высокой оценкой науки и технического прогресса, с безусловной верой в торжество грядущей социальной справедливости, олицетворенной в общинно-коммунистическом строе будущего [6]. Эта вера основывалась в том числе на высокой оценке научного метода (в сфере естественно-научного познания) как универсального и надёжного средства для решения важнейших задач, стоящих перед человечеством.

В контексте настоящей работы нам представляется более правильным дать определение содержания синтетической философии Кропоткина, сформулированное В.М. Артемовым. Вячеслав Михайлович пишет: «Синтетическая философия П.А. Кропоткина, опираясь на открытое миропонимание, обосновывает идеал справедливого самоуправляющегося общества, субъектами которого выступают знающие,

высоконравственные, свободные личности и их объединения. Его наследие принадлежит не столько анархистам..., сколько всему культурному сообществу, прежде всего учительству, призванному привить молодежи любовь к истине и добру. Ситуация нашего времени актуализирует общий оптимистический пафос русского мыслителя, его ориентацию на помощь человеку в совершении духовно-нравственного прорыва»[7, с. 172].

Нравственно-этические проблемы как стержень синтетической философии в понимании Кропоткина разрабатывались им в ряде работ: «Справедливость и нравственность», «Нравственные начала анархизма», «Моральный выбор Л.Н. Толстого», «Взаимная помощь как закон природы и фактор эволюции», «Записки революционера», «Современная наука и анархия», «Хлеб и воля». Особо надо выделить его фундаментальный научный труд «Этика», представленный первым томом и черновыми набросками второго тома [8].

Каковы же основные понятия синтетической философии Кропоткина, несущие в себе нравственно-этический посыл? На наш взгляд, это такие категории как «взаимопомощь», «солидарность» и «инстинкт общительности». В истории человечества, по Кропоткину, взаимная помощь и поддержка, с одной стороны, и инстинкт общительности как фактор природный, с другой стороны, всегда были более значимы, чем пресловутая «взаимная борьба за средства существования». Взаимопомощь, по Кропоткину, в человеческом сообществе неразрывно связана с такими коллективистскими ценностями как солидарность, сотрудничество и справедливость. Достаточно неожиданно актуальность этих общечеловеческих гуманитарных ценностей проявилась в чрезвычайных условиях пандемии. Лозунг потребительского общества «покупай и продавай» отошел в тень перед лицом тех вызовов и рисков (А.

Тойнби), требующих адекватного ответа. Мощное волонтерское движение и самоотверженная работа медиков наметили ориентиры этих ответов.

Понятия взаимопомощь и инстинкт общительности детально разрабатывались Кропоткиным в труде «Взаимная помощь как фактор эволюции». По Кропоткину, на заре человечества в эпоху дикости (Л.Г. Морган) люди естественным образом вырабатывали первоначальные общественные учреждения. Родовые обычаи становились простыми нормами нравственности. Из родовых обычаев вырастает такой социокультурный институт как община или марка, устроенная на началах взаимопомощи, солидарности и самоуправления. Эпоха варварства даёт объединение деревенских общин в союзы или федерации, а в духовной жизни общества распространяется принцип равенства, получивший религиозно-нравственную санкцию. Цивилизация ознаменовалась возникновением «народоправства вольных городов» и нравственно-этическое понятие братство становится важной чертой народной жизни и быта.

«Равенство» и «братство» обеспечивают взаимосвязь социально-политическим и духовно-нравственным аспектам жизни общества. Они выступают модусами категории «справедливость». Они равнозначны как в природе, так и в обществе. Справедливость в синтетической философии Кропоткина выступает в качестве общечеловеческого начала. В работе «Нравственные начала анархизма» он пишет, что «равенство ... и вытекающая из него солидарность – вот самое могучее оружие животного мира в борьбе за существование. Равенство – это справедливость. Объявляя себя анархистами, мы заранее тем самым заявляем, что мы отказываемся обращаться с другими так, как не хотели бы, чтобы другие обращались с нами ... Равенство во всём – синоним справедливости. Это и есть анархия»[9, с. 301]. «Золотое» правило морали – поступай так, как

хотел бы, чтобы так поступали по отношению к тебе, по Кропоткину, лежит в основе идеала анархии. Отметим, в связи с этим, что в разной словесной интерпретации это правило присутствует во всех культурах.

Кропоткин прослеживает эволюцию взаимопомощи, начиная с различных видов насекомых (по преимуществу «общественных» - пчёл, муравьев, термитов и т.д.), затем у птиц и животных, заканчивая людьми. Основа синтетической философии – взаимосвязь природы и общества, человечества – подтверждается Кропоткиным естественнонаучными данными. Обстоятельства жизни заставляют всех объединяться. В социологии, по Кропоткину, закон взаимопомощи определяет формирование нравственных начал человеческой жизни. Он пишет: «Мы легко различаем три основных элемента, три составные части нравственности; сперва – инстинкт общительности..., затем понятие о справедливости..., на почве этих двух развивается третий элемент нравственного – чувство, которое мы называем ... самоотвержением или же самопожертвованием, альтруизмом, великодушием» [10, с. 270 -271].

Для синтетической философии Кропоткина понятие альтруизм служит синонимом взаимозависимости природного и общественного, оно дополняется также понятием жизненности или жизненной силы. В человеческом обществе именно они (альтруизм и жизненность) разрешают противоречие между личным и общественным, индивидуальным и общим. Как пишет современный исследователь творчества Кропоткина, он «постоянно применял слова «альтруизм» и «эгоизм» в своих рассуждениях, оговариваясь, что «альтруизм» есть лишь часть инстинкта общительности... Однако часть эта – наивысшее проявление инстинкта. Во многих своих работах Кропоткин показывал, как из инстинкта взаимопомощи рождается ... потребность – безвозмездная помощь,

самопожертвование»[11, с.144]. Отметим, что термин «жизненная сила» был подхвачен и развит в рамках философии жизни [12, с.79-87].

Альтруизм человека ради счастья и развития других людей Кропоткин считал нравственностью как таковой. Отдача себя людям без корыстных мотивов - вот нравственная основа фундамента анархического общества. Поступок определялся им как критерий нравственного поведения человека. Поэтому целью этики провозглашался идеал, который вел бы людей инстинктивно к действию в нужном направлении. Кропоткин – последовательный сторонник деятельностного подхода в познании и практике. Для него философия науки как взаимоотношение между философией и естествознанием есть гарант, обеспечивающий научный подход к действительности. Деятельность в его понимании многогранна, она охватывает как сообщество людей, так и явления природы. Современный учёный, академик Стёпин пишет: «Деятельность универсальна, в ней могут преобразовываться любые объекты – фрагменты природы, социальные институты, индивиды и состояния их сознания, знаковые объекты, фиксирующие те или иные феномены духовной жизни общества. Различая виды деятельности по их предметам и результатам ..., выделяют материальную (практика) и духовную деятельность. Каждая из них реализуется в системе своих видов и подвидов. Многообразие проявлений общественной жизни предполагает многообразие видов деятельности» [13, С. 92].

Подобно тому, как цель воспитания ума, делает вывод Кропоткин, состоит в том, чтобы человек привык делать верные умозаключения почти бессознательно (инстинктивно), так и цель этики – сформировать в обществе духовную атмосферу, чтобы большинство вполне импульсивно совершало бы поступки, которые вели бы к благосостоянию всех. В истории этических учений, указывал он, принцип альтруистического

эволюционизма (идея самопожертвования в её эволюционном развитии от мира природы к миру людей) развивался биологом Ч. Дарвиным, социологом Г. Спенсером, философом-этиком Ж.М. Гюйо.

Именно Гюйо сформулировал положение о том, что альтруизм является осознанием человеком своей духовной и физической силы. Альтруизм – это действие, которое идёт от избытка сил и направлено на благо общества. Альтруистическая деятельность осуществляется в силу внутренней убежденности в необходимости благого поступка. «Мы, - писал Гюйо, - можем свети долг на сознание известной внутренней мощи. Внутренне почувствовать то наибольшее, на что мы способны, значит – ... сознать то, что мы должны сделать. Долг, если ... оставаться в области фактов, есть изобилие жизни» [14, с. 64-65]. Жизнь, по Гюйо, есть рост, развитие и усложнение (то есть эволюция), поэтому этика выступает как практическая философия, которая способствует жизни. Нравственное в человеке не нуждается ни в принуждении, ни в санкции свыше (государства, церкви, власти), оно развивается в силу естественной потребности в жизни. Для Кропоткина истинная нравственность начинается тогда, когда человек, чувствуя в себе избыток ума и воли, совершает поступки во благо всех.

Мы присоединяемся к суждению исследователя философии Кропоткина о том, что «этика для Кропоткина – в первую очередь наука, занимающаяся вопросами нравственности и предлагающая максимально приемлемые рекомендации, и мотивации человеческого поведения. Нравственность же – биологическая и психологическая характеристика индивидуума ... Мораль в таком случае – это внешнее проявление нравственности, т.е. в большей степени традиция, определяющая нормы поведения»[11, с. 136].

В качестве выводов укажем:

Во-первых, свой колорит в представление о философии науки внесли классики русского классического анархизма. Поворотным и решающим вкладом в такое видение содержания философии науки было расширительно-культурологическое толкование научного знания Кропоткиным. Как философа-этика его привлекала проблема этоса науки – представление о нравственно-этических и моральных ограничениях, связанных с постижением роли науки в общественной жизни.

Во-вторых, если основоположник русского классического анархизма М.А. Бакунин соединил в своей философии идею анархии с принципом коллективности, то Кропоткин дополнил теорию анархизма нравственно-гуманистическим содержанием, а в философию науки добавил нравственно-этический компонент и веру в добровольную, без принуждения, с ответственным выбором, нравственность человека. Соединив идеи анархизма с постулатами синтетической философии, он внёс свой вклад в развитие отечественной философии науки. Такие категории и понятия синтетической философии как взаимопомощь и поддержка, альтруизм, жизненная сила, солидарность, справедливость, нравственность и другие отражают гуманитарную и гуманистическую направленность его философии науки. Развивая нравственную составляющую философии науки, другой основоположник анархизма в России, великий писатель Л.Н. Толстой своим христианско-этическим учением привнёс в теорию анархизма религиозный момент. Профессор А. Боровой, русский философ, юрист, экономист, журналист и теоретик анархизма, в годы гражданской войны в России писал о том, что «анархизм должен объявить себя наследником многовековой мировой культуры (выделено нами М.А., А.Д.), ведь ему – анархическому духу, жившему во все времена и у всех народов, - обязаны своим существованием величайшие культурные ценности» [15, с. 156].

В-третьих, в области логико-методологической проблематики философии науки Кропоткин как один из учёных, творчески осмысливавших философию классического позитивизма, ратовал за включение в научное знание, как естественнонаучной проблематики, так и вопросов, охватывающих все общественные явления – экономические, политические, психологические, умственные и нравственные.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. **Артемов В.М.** П.А. Кропоткин как философ: нравственность и свобода в контексте социального идеала / Петр Алексеевич Кропоткин и проблемы моделирования историко-культурного развития цивилизации: материалы международной научной конференции / Сост. П.И. Талеров. – СПб.: Соларт, 2005. – С. 224 – 230.
2. **Стрельченко В. И.** Очерки истории и философии науки. – СПб.: Изд-во Политехнического ун-та, 2012. – 564 с.
3. **Арефьев М. А., Давыденкова А. Г., Кожурин А. Я., Алябьева С. В.** Курс лекций и методические указания для аспирантов по истории и философии науки: учебное пособие – М.; Берлин: Директ-Медиа, 2018. – 382 с.
4. **Спенсер Г.** Синтетическая философия / Пер. с англ. – Киев: Ника-Центр, 1997. – 513 с. (Серия "ПОЗНАНИЕ"; Вып.2).
5. История русской философии: Учебник для вузов / Маслин М. А. и др. – М.: Республика, 2001. – 639 с.
6. **Алешин А.** Кропоткин Петр Алексеевич // Библиотека "Дом А. Ф. Лосева": [электронный ресурс]. – URL: <http://www.losev-library.ru/materials/russian-philosophy?id=44>; (дата обращения: 02.12.2019).
7. **Артемов В. М.** Нравственность и свобода в этико-философской концепции П. А. Кропоткина // Петр Алексеевич Кропоткин / Под ред. И. И. Блауберг. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2012. – С. 156–174.
8. **Кропоткин П. А.** Этика: избранные труды. – М.: Политиздат, 1991. – 496 с.
9. **Кропоткин П. А.** Нравственные начала анархизма // Кропоткин П. А. Этика. Избранные труды. – М., 1991. – С. 280 - 317.
10. **Кропоткин П. А.** Справедливость и нравственность // Кропоткин П. А. Этика: Избранные труды. – М., 1991. – С. 260–280.

11. **Филатова Е. В.** Этика как основа философии П. А. Кропоткина / Петр Алексеевич Кропоткин /Под ред. И. И. Блауберг. – М.: Российская политическая энциклопедия, 2012. – С. 130–155.

12. **Арефьев М. А., Горявин А. Н., Давыденкова А. Г.** Идеи Бакунина, Бергсона и Гроссмана (Рощина) в контексте философии жизни // Гуманизм и право: Научно-образовательный журнал. – СПб., 2007. – № 3 (8). – С. 79–87.

13. **Стёпин В.С.** Программирующие функции культуры в человеческой жизнедеятельности /Культурогенез и культурное наследие /Науч. ред. и сост. А.В. Бондарев. – М., СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2014. – С. 91-121.

14. **Гюйо Ж. М.** Нравственность без обязательства и без санкций. – М., 1923. – 161 с.

15. **Боровой А.** Анархизм. – М.: Революция и культура, 1918. – 176 с.

УДК 101.2-101.8-101.9 (101.16, 101.17)

А.Я. Кожурин

**Э.В. ИЛЬЕНКОВ И ЕГО ШКОЛА О ПРОБЛЕМАХ ФИЛОСОФИИ
НАУКИ**

**E. V. ILYENKOV AND HIS SCHOOL ABOUT THE PROBLEMS OF
PHILOSOPHY OF SCIENCE**

КОЖУРИН Антон Яковлевич – доктор философских наук, профессор кафедры философии Российского государственного педагогического университета имени А.И. Герцена. E-mail: ankogyrin@rambler.ru.

KOZHURIN Anton Y. - Herzen State Pedagogical University of Russia, Saint-Petersburg, Russia.
E-mail: ankogyrin@rambler.ru.

Текст настоящей работы посвящен рассмотрению проблем философии науки, как они интерпретировались Э.В. Ильенковым и его школой. Эту школу можно считать советским вариантом неомарксизма, прошедшим основательную школу немецкой классической философии. Важнейший аспект, который характеризует подход Э.В. Ильенкова и его последователей в отечественной философии науки – резкая критика сциентизма и позитивизма. Его творчество характеризует своеобразная триада – «подлинное искусство, подлинная нравственность и подлинная наука». Соответственно, когда искусство, нравственность и наука выступали, по его мнению, в неподлинных формах, то они вызывали неприятие философа.

The text of this paper is devoted to the problems of philosophy of science, as they were interpreted by E. V. Ilyenkov and his school. This school can be considered a Soviet version of neo-Marxism, which passed through a thorough school of German classical philosophy. The most important aspect that characterizes the approach of E. V. Ilyenkov and his followers in the Russian philosophy of science is a sharp criticism of scientism and positivism. His work is characterized by a peculiar triad – "true art, true morality and true science". Accordingly, when art, morality, and science appeared, in his opinion, in inauthentic forms, they aroused the rejection of the philosopher.

НЕОМАРКСИЗМ, ГНОСЕОЛОГИЯ, ДИАЛЕКТИЧЕСКАЯ ЛОГИКА, ИСТОРИЯ ДИАЛЕКТИЧЕСКОЙ ТРАДИЦИИ, СПЕЦИАЛЬНО-НАУЧНОЕ МЫШЛЕНИЕ, ПРОТИВОРЕЧИЕ, ФИЛОСОФСКАЯ ТРАДИЦИЯ, НРАВСТВЕННЫЕ ГРАНИЦЫ НАУЧНОГО ПОЗНАНИЯ, ИДЕАЛЬНОЕ, ВООБРАЖЕНИЕ КАК ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

NEO-MARXISM, EPISTEMOLOGY, DIALECTICAL LOGIC, HISTORY OF THE DIALECTICAL TRADITION, SPECIAL SCIENTIFIC THINKING, CONTRADICTION, PHILOSOPHICAL TRADITION, MORAL BOUNDARIES OF SCIENTIFIC KNOWLEDGE, IDEAL, IMAGINATION AS AN ACTIVITY

Наука вообще и возникает там, где перед людьми встают вопросы, не разрешимые донаучными средствами и способами мышления, с помощью простого здравого смысла.

Только тут, собственно, и возникает необходимость в специально-научном мышлении, в науке, в исследовании.

Э.В. Ильенков

Крупнейшим представителем отечественного марксизма второй половины XX века был, несомненно, Эвальд Васильевич Ильенков (1924-1979). Его работы затрагивали такие области, как гносеология, история философии, этика и эстетика. В центре внимания Э.В. Ильенкова находились проблемы природы идеального и творческой деятельности, в разработку которых он внес выдающийся вклад. Значительное влияние его идеи оказали на такие дисциплины, как психология и педагогика. Наконец, затронул мыслитель и проблемы философии науки, где выступил в качестве последовательного оппонента сциентистских установок и всех разновидностей позитивизма.

Для начала уточним понятие «неомарксизм», которое будем использовать в этой главе. Под ним мы будем иметь в виду воззрения Ильенкова и его единомышленников. Для них марксизм был не диаматом, а материалистическим пониманием истории, хотя некоторые исследователи (например, В.М. Межуев) упрекают Ильенкова в подмене истории гносеологией [1, С.118]. Как известно, отношения между Ильенковым и ревнителями советской версии марксизма – диалектического материализма, который выступал для него как одна из разновидностей сциентизма, были весьма непростыми. В 1954 году Э.В. Ильенков и В.И. Коровиков выступили с тезисами «К вопросу о взаимосвязи философии и знаний о природе и обществе в процессе их исторического развития». Их авторы исходили из того, что философия не

должна решать проблемы конкретных наук, а является теорией познания, изучающей характер и природу научного знания. Собственный предмет философии – это мышление.

В противовес онтологизму диалектического материализма, Ильенков сводил философию к гносеологии. Идеи Ильенкова и Коровикова ортодоксы диамата объявили рецидивом «меньшевиствующего идеализма». Данным ярлыком в 30-е годы были заклеены воззрения А.М. Деборина и его сторонников. Иногда Ильенкова относят к числу последователей этого течения в советской философии, что безосновательно, так как именно усилиями Деборина и К^о создавались те установки, которые философ подверг резкой критике. В результате организационных мер Ильенков был изгнан с философского факультета МГУ с характерной формулировкой – за «гносеологическое извращение предмета философии». Это, впрочем, не помешало ему стать одним из главных теоретиков-гносеологов в развернувшейся в 50-60-е годы теоретической дискуссии.

Напротив, западные марксисты увидели в молодом советском философе своего единомышленника, особенно итальянские представители этого течения. Известно, что за Ильенкова заступился П. Тольятти – руководитель Итальянской коммунистической партии, а его первые работы, включая «Диалектику абстрактного и конкретного в “Капитале” Маркса», были изданы на итальянском языке (Милан, 1961). Большой интерес Ильенков и его единомышленники проявили к творчеству Д. Лукача, чью книгу «Молодой Гегель и проблемы капиталистического общества» они даже коллективно перевели на русский язык¹. В этой связи советские адепты марксизма написали письмо мэтру, интересуясь его

¹ События 1956 года в Венгрии сделали невозможным публикацию этого перевода. Книга Лукача в СССР была издана лишь в 1987 году. Среди переводчиков мы видим сподвижников и учеников Э.В. Ильенкова – А.Г. Новохатько, С.Н. Мареева, А.К. Фролова.

мнением о соотношении некоторых понятий. Правда, с Лукачем у Ильенкова были разногласия принципиального характера. Они, как нетрудно заметить, касались онтологии, которую стремился выстраивать классик западного марксизма и которую на дух не переносил его советский почитатель [2]. Поздний Лукач создавал марксистскую онтологию, опираясь на труды самого Маркса. Плодом этих усилий стала незаконченная рукопись «К онтологии общественного бытия».

Если говорить о сверхзадаче, которую ставил перед собой Ильенков, то он стремился, используя методологию «Капитала», развить диалектическую логику, Логику с большой буквы, как ее именовал Ленин. Для Ильенкова формальная логика была наукой о знаково-символических формах выражения мысли. Ее законы безотказно работают в области языка. Но, как утверждал еще Л. Фейербах, «говорить не значит мыслить». В противоположность формальной логике, которая учит правильно выражать мысли, диалектическая логика ориентирована на добывание мыслей. В данном контексте Ильенков исследовал историю диалектической традиции в мировой философии. Необходимо вспомнить его работы – «Античная диалектика как форма мысли», «Вершина, конец и новая жизнь диалектики (Гегель и конец старой философии)», «О роли классического наследства в развитии категорий материалистической диалектики», написанные в 60-70-е годы. Наиболее известная работа Ильенкова по данной проблематике – «Диалектическая логика: Очерки истории и теории» (1974), в которой автор, следуя ленинской установке, разрабатывал теорию диалектики как логики и теории познания марксизма.

Начало теоретических поисков Ильенкова связано с методом восхождения от абстрактного к конкретному, который он исследовал, обращаясь к «Капиталу». Данный метод имел свою продолжительную

историю. Важнейшим этапом ее была немецкая классическая философия, чьи представители внесли неоценимый вклад в разработку данного метода. Не случайно, что С.Н. Мареев, один из последовательных ильенковцев, привлекает для иллюстрации метода восхождения от абстрактного к конкретному строчки из «Введения в философию мифологии» (1825) Шеллинга. «Подобной же цели мы достигнем не просто случайным образом, перечисляя способы, – нет, мы нуждаемся в разворачивании, развитии, которое охватит не только все реально выдвинутые взгляды, но и все те, какие вообще можно выдвинуть; мы нуждаемся в разворачивании, самый метод которого воспрепятствует тому, чтобы хотя один мыслимый взгляд был пропущен. Такой метод может быть лишь методом восхождения, а именно, исходя из первого возможного взгляда, мы, снимая его, переходим ко второму и так, снимая предшествующий, всякий раз закладываем основу последующего – до тех пор, пока не достигнем того, для которого уже не будет последующего, каким он мог бы быть снят, – таковой взгляд и будет не просто могущий быть истинным, но он явится в качестве *необходимо истинного*» [3, С.162].

В своей первой книге Ильенков анализирует диалектику развития познания, используя в качестве материала, наряду с философией, также и науку. Здесь обнаруживаются значительные трудности. Как указывал исследователь, «способ восхождения от абстрактного к конкретному выражает тот внутренний закон развития научного понимания, который в ходе исторического развития прокладывает себе дорогу через массу случайностей, отклонений, зачастую окольными путями, неизвестными для самих теоретиков. Поэтому-то на поверхности научного развития (т.е. в сознании самих теоретиков) его не так-то легко обнаружить» [4, С.124].

Впрочем, прежде чем начать исследование, необходимо определить, что такое конкретное. Уточняя понятия, Ильенков писал, что «*конкретное*,

конкретность – это прежде всего синоним реальной связи явлений, сцепления и взаимодействия всех сторон, моментов предмета, данного человеку в созерцании и представлении». И несколькими строками ниже: «Оно сближается здесь по смыслу с понятием целостности, и Маркс часто в качестве синонима конкретности употребляет также термин “тотальность”, которому в русском языке как раз и соответствуют слова “целостность”, “целокупность”» [4, С.6].

В восприятии конкретного позиция материалиста-метафизика и материалиста-диалектика принципиально отличаются. Для первого из них конкретно только чувственно воспринимаемое, единичное, всеобщее для него – синоним абстрактного. Напротив, для материалиста-диалектика конкретность – всеобщая объективная взаимосвязь, взаимообусловленность массы единичных явлений, единство различного и противоположного. Диалектически мыслящий материалист не может также принять позицию адептов эмпиризма и позитивизма (Конта и Спенсера – персонализирует данные установки Ильенков).

Индуктивный метод, занятый поисками абстракции, выражающей общее для всех частных случаев, бесплоден. Напротив, необходим углубленный анализ одного частного случая, но такой, который позволит выявить искомый процесс в его «чистом» виде. Именно так, был убежден автор «Диалектики абстрактного и конкретного», философия добивалась действительного успеха на ниве познания. В реальном познавательном процессе индукция неразрывно связана с дедукцией. Всякий факт человек выражает в понятии, а это означает, что «новое диалектическое определение фактов образуется одновременно как новое – более конкретное – определение того понятия, с точки зрения которого он осмысляет эти факты. В противном случае аналитическое определение факта вовсе не образуется» [4, С.141].

Для Ильенкова, что видно из фрагмента, взятого в качестве эпиграфа, наука возникает только там, где вопросы, встающие перед людьми, не могут быть решены с помощью простого здравого смысла. Важнейшим элементом развития теоретического знания выступает противоречие. «Там, где налицо бессистемное пересказывание явлений, вопрос о противоречии не возникает. Простейшая попытка систематизировать знания сразу же приводит к проблеме противоречия» [4, С.222]. Об этом, был уверен Ильенков, свидетельствует развитие науки. В европейской научной традиции, был твердо убежден философ, первой стадией развития был не анализ, но синтез. Начальным этапом развития научных представлений мы обязаны древним грекам, чья ориентация на цельность и целостность не вызывала разногласий даже у исследователей, придерживавшихся диаметрально противоположных мировоззренческих установок (см., например, работы Ф. Энгельса и М. Хайдеггера). Лишь на следующей, новоевропейской, стадии, начинает доминировать аналитический подход.

Традицию необходимо было тщательно исследовать, чтобы извлечь идейные богатства, сохранившие свое значение для дальнейшего поиска. Этому была посвящена докторская диссертация Ильенкова, носившая название «К вопросу о природе мышления (на материалах анализа немецкой классической диалектики)» (1968). Несомненно, что принцип тождества бытия и мышления, развивавшийся немецкими идеалистами, был ему близок, равно как и их диалектические установки. Напротив, любые попытки провести принципиальную границу между бытием и мышлением, увековечить противоположность объекта и субъекта, Ильенковым принципиально отвергались.

В автореферате мыслитель писал: «Акцент при этом всюду делается именно на *завоевания* философской диалектики, то есть на те моменты

классической немецкой философии, которые, на наш взгляд, не могут не войти (в критически-переработанном, разумеется, виде) в состав большой Логике современного материализма. В этой связи философские системы Канта, Фихте, Шеллинга и Гегеля освещаются преимущественно с “положительной” стороны, а критическое отношение к ним осуществляется путем показа тех *реальных* моментов движения научной мысли, которые нашли в этих системах свое идеалистически перевернутое выражение и изображение. Иначе говоря, эти системы служат только тем материалом, сквозь анализ которого можно рассмотреть действительные, постоянно воспроизводимые научным мышлением, диалектические коллизии развивающегося научного познания» [5].

В своих философских пристрастиях Ильенков, несомненно, был «западником». Показательно, что в числе философской русскоязычной литературы, обязательной к обучению, помимо трудов В.И. Ленина, он приводил лишь известную книгу И.А. Ильина, посвященную Гегелю («Философия Гегеля как учение о конкретности Бога и человека», 1918). Любопытный аспект акцентирует В.В. Кожин, который знал Э.В. Ильенкова на протяжении многих лет. «Помню, как в начале 1960-х Эвальд, увидев на моем письменном столе написанную Михаилом Бахтиным и изданную в 1928 году под именем “П.Н. Медведев” книгу “Формальный метод в литературоведении (критическое введение в социологическую поэтику)”, прямо-таки впился в нее и затем выразил восхищение осуществленной в книге постановкой вопроса о “предметности” жизни идей, – то есть гносеологической основой бахтинского творчества, которая во многом совпадала с его собственными разработками. Однако переизданную вскоре по моей инициативе книгу Бахтина о Достоевском, которая представляла собой своего рода

“философию личности” (притом высочайшего уровня), Эвальд вообще не пожелал воспринимать...» [6, С.105-106].

Тем не менее, по прошествии четырех десятилетий после смерти философа, можно обнаружить темы, сближавшие его с русской философской традицией. Следует помнить, что самым одиозным направлений философской мысли для Ильенкова был позитивизм. Полемика с ним велась на протяжении всей творческой жизни мыслителя – от рецензии на книгу Э. Топича «О начале и конце метафизики» до «Ленинской диалектики и метафизики позитивизма», опубликованной посмертно. Вот как эту ситуацию комментирует В.М. Межуев: «Позитивизм для Ильенкова – своеобразное философское выражение “мещанского”, антигуманного “духа” буржуазной цивилизации, а в его войне с этим “духом” нельзя не увидеть отголосок той борьбы, которую русская философия – под разными идейными знаменами – ведет уже на протяжении двух столетий» [1, С.274]. При этом необходимо помнить, что позитивистская философия встречала у многих отечественных интеллектуалов и даже представителей власти более благосклонное отношение, чем неомарксизм. Диаматчикам и позитивистам было легче найти общий язык, чем разбираться в хитросплетениях ильенковской мысли.

Подвергая критике логический позитивизм, претендовавший на осуществление «лингвистического поворота», Ильенков также отвергал философские притязания герменевтики. Этой теме он посвятил статью «Гегель и герменевтика (Проблема отношения языка к мышлению в концепции Гегеля)», опубликованную в 1974 году в «Вопросах философии». Несмотря на заявляемые представителями позитивизма и герменевтики разногласия, по Ильенкову «дистанция между последователями Карнапа–Витгенштейна и последователями Мартина

Хайдеггера не так уж велика, как может показаться. И те, и другие разрабатывают технику работы со Словом на потребу “человека говорящего” (но уже, увы, не “мыслящего”)» [7, С.105]. Не совсем сказанным можно согласиться, но тема для размышлений, несомненно, дана.

Отношение философа к науке достаточно четко выражено И.Д. Осиповым в работе, озаглавленной «Экзистенциальная диалектика Э.В. Ильенкова» (от себя заметим, что вряд ли философ согласился бы с определением своей диалектики как «экзистенциальной»). В ней говорится, что «наука не должна обожествляться, превращаться в нечто антигуманное – сциентизм, существуют нравственные границы научного познания» [8, С.202]. Очень ярко критика сциентизма проявилась в анализе гносеологических и социально-экономических притязаний адептов кибернетики, который осуществил Ильенков. Этой теме была посвящена статья «Машина и человек, кибернетика и философия» (1966), написанная им в соавторстве с А.С. Арсеньевыми В.В. Давыдовым [9].

У Ильенкова нашлись весьма серьезные аргументы, которые он использовал в критике технократических установок. С его точки зрения сторонники кибернетики неправильно понимали природу мышления и специфику человеческого бытия. Для многих представителей кибернетики была характерна биологизация и механизация представлений о человеке. Философско-антропологическая концепция Ильенкова базировалась на понимании человека в качестве диалектического существа, включающего в себя биологические и социальные аспекты. При этом упор делался им на социальной составляющей. Ильенков исходил из того, что «*все человеческое в человеке* – то есть все то, что специфически отличает человека от животного – представляет собою на 100 % – не на 90 и даже не 99 – результат социального развития человеческого общества, и любая

способность индивида есть индивидуально осуществляемая функция социального, а не естественно-природного организма, хотя, разумеется, и осуществляемая всегда естественно-природными, биологически-врожденными органами человеческого тела, в частности – мозгом» [10, С.75].

Ильенков критиковал попытки сторонников кибернетики истолковать человека как своеобразную машину. Конечно, подобные попытки делались задолго до возникновения кибернетики. Вспомним хотя бы знаменитый труд Ламетри «Человек – машина» (1747). В нем французский просветитель рассматривал человеческий организм как самозаводящуюся машину, подобную часовому механизму. Отсюда вполне можно вывести идеал кибернетиков – машину, которая оказывается «умнее человека». Подобный подход, был убежден Ильенков, является тупиковым. На самом деле искусственный интеллект должен воспроизвести не биологическую специфику человеческого мозга, а всю историю и все достижения мышления человечества.

Другая проблема – ради чего создается машина, способная мыслить? Ильенков и его единомышленники исходили из того, что понятие машины – не техническое или кибернетическое, оно принадлежит сфере политэкономии и философии. Научное понимание машины дал Маркс, который определил ее как «природный материал, превращенный в органы человеческой воли и ее деятельного проявления в природе. Они суть созданные человеческой рукой органы человеческого мозга, опредмеченная сила знания» [9, С.276]. Здесь возникла следующая коллизия: либо техника является орудием осуществления человеческих целей, либо она превращается в самоцель, тогда человек становится средством, сырьем. Ильенков солидаризировался с А.И. Бергом в том, что достижения кибернетики должны быть поставлены на службу

коммунизму. Капиталистическое общество интерпретировалось Ильенковым как гигантская машина по эксплуатации человека и его дегуманизации. Доставалось от философа и советской системе, хотя подобные мысли он мог высказать лишь частным образом [11, С.330-332]. Одно из исключений – статья «Маркс и западный мир» (1967), опубликованная в материалах международной конференции. В СССР читатель смог ознакомиться с ней лишь в 1988 году [12, С.156-170].

Анализируя философию Спинозы, в которой он, в русле идей Ф. Энгельса и Г.В. Плеханова, видел вершину домарксовского материализма, Ильенков обращается к проблеме идеального. Спиноза для него был образцом строгого мониста, в то время как Декарт – явный дуалист. Философ писал: «Мыслит не особая душа, вселяемая богом в человеческое тело как во временное жилище (и непосредственно, как учил Декарт в пространство “шишковидной железы” мозга), а самое *тело человека*» [13, С.29]. А.Д. Майданский обращает внимание на то, что параллельно с Ильенковым к идейному наследию Спинозы обратился Л. Альтюссер. Правда, если французского марксиста учение Спинозы интересовало как антидот против Гегеля и его диалектики, то для нашего соотечественника нидерландский философ был законным представителем диалектической традиции, стоящим в одном ряду с ее титанами.

Вернемся, однако, к проблеме идеального. Важнейшее значение в решении данной проблемы имели идеи Спинозы. В «Диалектической логике» Ильенков писал: «Человек – мыслящее тело – строит свое движение по форме любого другого тела. Он не дожидается, пока неодолимое сопротивление других тел заставит его свернуть с пути; мыслящее тело стремится обойти любое препятствие самой сложной формы. Способность активно строить свое собственное действие по форме любого другого тела, активно согласовывать форму своего движения в

пространстве с формой и расположением всех других тел Спиноза и считает отличительным признаком мыслящего тела, специфической чертой того действия, которое называется мышлением, разумом» [13, С.38-39]. Идеальное рассматривается Ильенковым как субъективный образ объективной реальности, то есть как отражение внешнего мира в формах деятельности человека, в формах его сознания и воли.

В письме Ю.А. Жданову от 28 мая 1963 года философ задавался вопросом о значении Спинозы для истории науки – химии, в частности. В этой связи Ильенкова интересовал диалог между нидерландским мыслителем и Р. Бойлем, который велся через Г. Ольденбурга. Исторически позиция Бойля была более прогрессивной, указывал Жданов, а Спиноза был прав лишь «в тенденции (борьба против метафизики естествоиспытателей)». Подобная трактовка Ильенкова не удовлетворяла – его интересовали перспективные идеи, которые можно обнаружить у Спинозы. Перспективные не с точки зрения науки XVII столетия и даже не современности, но в аспекте тех идей, которым еще предстоит реализоваться. В этой связи Ильенков обращался к полемике между сторонниками картезианско-спинозистской и ньютоновской трактовки пространства. Речь идет о понятии «пустоты», которое принималось Ньютоном и отвергалось его оппонентами. Тем самым в ньютоновской физике узаконивались такие понятия, как «дальнодействие» и Бог. Картезианско-спинозистская установка оказалась востребованной лишь наукой XX века. Нет ли более короткого пути для реализации правильных идей? – задавался вопросом Ильенков [11, С.378-382].

Как мы видим, Спиноза трактовался Ильенковым как философ, представлявший несомненный интерес в аспекте проблем современной науки. В статье «Опередивший свое время» (1977) , посвященной 300-летию со дня смерти великого философа, он уточнял этот аспект: «И не

только в плане научного понимания “природы человека”, решения извечного вопроса философии об отношении “духа” к “материи”, “свободы” к “необходимости”, а даже и в таких, казалось бы, далеких от философии областях, как современная физика. Эйнштейн это понимал. Недаром он выразил желание (осуществимое вполне реально, без всякой мистики) иметь “третейским судьей” в споре с Нильсом Бором по поводу перспектив развития квантовой механики не кого-нибудь, а именно “старика Спинозу”» [12, С.107].

В истории философии Ильенков выделял две линии в осмыслении феномена идеального – материалистическую и идеалистическую. Первая из них, Демокрит – Спиноза – Дидро – Фейербах, интерпретировала идеальное как образ, отражение одного материального тела в другом материальном теле. Вторая, Платон – Фихте – Гегель, делала акцент на активной стороне отношения мыслящего человека к природе. Решение же проблемы идеального, с точки зрения Ильенкова, дал марксизм, который смог соединить материалистическую позицию с достижениями философской диалектики.

Идеальное в той системе координат, которую выстраивал Ильенков, есть не индивидуально-психологический факт, но факт общественно-исторический, продукт и форма духовного производства. «Вне человека и помимо него никакого “идеального” нет. Но человек при этом понимается не как отдельный индивид с его мозгом, а как реальная совокупность людей, совместно осуществляющих свою специфически-человеческую жизнедеятельность, как “совокупность всех общественных отношений”, завязывающихся между людьми вокруг одного общего дела, вокруг процесса общественного производства их жизни. <...> Идеальная форма – это форма вещи, но вне этой вещи, а именно в человеке, в виде формы его активной жизнедеятельности, в виде цели и потребности. Или наоборот,

это форма активной жизнедеятельности человека, но вне человека, а именно в форме созданной им вещи, репрезентирующей, отражающей другую вещь, в том числе и такую, которая существует независимо от человека и человечества» [14, С.61].

Оппоненты Ильенкова, напротив, мыслили идеальное как феномен индивидуального сознания, субъективное представление. Подобную точку зрения отстаивали И.С. Нарский², Д.И. Дубровский и др. Согласно Ильенкову, идеальное существует в многообразных формах общественного сознания и воли человека как субъекта общественного производства материальной и духовной жизни. Невозможно, таким образом, рассматривать идеальное в качестве самостоятельной субстанции, независимой от деятельности индивидов и извне детерминирующей их деятельность. Еще один важный момент, который связан с проблемой идеального у Ильенкова. Практически у всех представителей немецкой классики мы видим интерес к фантазии. Отсюда – высокая оценка искусства в их концепциях. Представители классического материализма не смогли предложить по данной проблеме ничего путного. То же можно утверждать и относительно диалатчиков. Ильенков интерпретировал воображение как деятельность и уделял важное место в своем творчестве искусству. В работах «Об эстетической природе фантазии» (1964), «Соображения по вопросу об отношении мышления и языка» (1970), «Диалектика идеального» (первоначальный вариант под названием

²Отношения с И.С. Нарским были непростыми – как в личном, так и в теоретическом отношении. А.А. Корольков вспоминает характерный эпизод, когда И.С. Нарский приехал в Ленинград с теоретическим докладом. Неожиданно среди публики он увидел своего давнего оппонента: «Покрасоваться перед ленинградскими слушателями у докладчика не получилось, он утратил твердость голоса, а тем более аргументации, растерянность возросла, когда Ильенков стал задавать вопросы, а потом и выступил. Игорь Сергеевич оказался вовсе не полемист, ему удавались объемные книги с изложением философских учений всех веков (в издательстве “Мысль” его печатали едва ли не ежегодно), но не сократовско-платоновский диалог» [15, С.79].

«Проблема идеального» вышел в 1979 году) его концепция идеального конкретизируется, получает основательную разработку и глубину.

Ильенков также интересовался теоретическими и методологическими проблемами формирования высших психических способностей человека. Исключительно важное значение для него имели идеи Спинозы и Л.С. Выготского, который также прошел школу спинозизма и марксизма. Мы уже касались мыслей Ильенкова о специфике человеческого бытия – теперь их можно конкретизировать. В отличие от животного, «родившееся дитя человеческое имеет перед собой, вне себя не только внешний мир, но и колоссально сложную систему культуры, требующую от него таких “способов поведения”, которые генетически (морфологически) в его теле вообще никак не “закодированы”, вообще никак не представлены. Здесь речь идет не о корректировании готовых схем поведения, а об усвоении таких способов жизнедеятельности, которые не имеют вообще никакого отношения к биологически-необходимым формам реакции его организма на вещи и ситуации» [14, С.53].

Для антропологических установок Ильенкова характерен своеобразный антинатурализм. Человеческое поведение, утверждал мыслитель в работе «Диалектика идеального», передается не через гены, не через морфологию органического тела, а только через воспитание. Необходимость принимать пищу с помощью тарелки и ложки, сидя на стуле, является таким же приобретенным свойством человека, как и синтаксические формы того языка, на котором он учится говорить. По отношению к морфологии человека, писал Ильенков, они являются чистыми и внешними условностями, как и правила игры в шахматы. Свое поведение индивид, приобщающийся к человеческим формам поведения, должен приспособлять к миру форм общественно-человеческой

жизнедеятельности. Усваивая предметы природы в формах, которые создаются и воссоздаются трудом людей, индивид впервые и становится человеком, представителем «рода», а не биологического вида.

Способность мыслить не наследуется человеком вместе с мозгом, она не заложена в нас биологически. Об этом свидетельствуют многочисленные случаи детей, вскормленных и воспитанных животными («дети-Маугли»). Если до определенного возраста их не удалось приобщить к человеческим формам существования, то они оставались уродливыми животными. Это связано с тем, что способность мыслить передается не через мозг, а через формы предметного мира, созданного трудом. Они определяются объемом той области культуры, которую человек лично усвоил, превратил в собственное состояние. Среди единомышленников Ильенкова мы видим видного советского генетика Н.П. Дубинина, который возглавлял Институт общей генетики. В 1980 году, уже после самоубийства Ильенкова, Дубинин был показательно смещен с этого поста. Два этих события можно объяснить тем, что «перестройщики» начали зачищать себе площадку для будущей деятельности, расправляясь со своими идейными оппонентами³.

Данной проблематикой Ильенков занимался не только теоретически, но и практически, участвуя в исследованиях по формированию и развитию психики слепоглухонемых детей. Он принял участие в эксперименте, которым в Загорске руководил А.И. Мещеряков. Методика была разработана И.А. Соколянским и А.И. Мещеряковым, а Э.В. Ильенков дал ей философское обоснование. Для философа этот эксперимент был важен не с узкопсихологической (или педагогической), но с универсальной точки зрения. Речь шла о решении таких базовых для философии проблем, как

³Современный исследователь описывает шумную кампанию, «в ходе которой в вину Н.П. Дубинину вменили то, что он выступил с “чуждой советской науке” теорией главенства социального фактора над генетическим в разумной деятельности человека» [16, С.89].

соотношение биологического и социального, мышления и языка. У детей, с которыми имели дело исследователи, по сути дела отсутствовала не только человеческая, но даже простейшая, животная психика. Необходимо было развить последнюю, чтобы затем перейти на уровень человеческой психики.

Оказывалось, что сформировать человеческую психику – это значит сформировать человеческое поведение. Экспериментаторы исходили из необходимости опосредовать человеческий организм и окружающую среду предметом, созданным человеком. Для обучения задействованных в эксперименте детей был избран своеобразный путь, – их начинали учить действовать по-человечески в тех пределах, которые были доступны их возрасту. На первых порах это было обучение обращению с игрушками, ложкой и т.д. Именно данный предмет, по мысли Ильенкова, выступал в качестве пропуска в царство культуры. Можно сказать, что загорский эксперимент был актом рождения человеческой души. В этом процессе, по мысли его организаторов, истинным оказывалось спинозистское, а не картезианское понимание психики и ее отношения к человеческой телесности.

Ильенков указывал, что данное научение было не путем к мышлению, а самим мышлением, проявлявшимся, правда, не в речевой, но в деятельностной форме. При этом философ опирался на определенную традицию, позволяющую, на его взгляд, теоретически обосновать человеческое мышление и представленную именами того же Спинозы («Опередивший свое время»), Фихте (см. посмертно опубликованные заметки: «Фихте и “свобода воли”»), Гегеля («Гегель и проблема способностей»), Маркса и Ленина («Маркс и западный мир», «Ленинская диалектика и метафизика позитивизма»).

Важную роль в творческом наследии Ильенкова играла педагогическая тематика. Он постоянно подчеркивал, что учить мыслить означает учить диалектике. Всякий действительный вопрос, вырастающий из гущи жизни, формулируется для сознания как формально-неразрешимое противоречие. Отношение к противоречию, указывал философ, является очень тонким критерием культуры ума. Элементарное требование диалектики заключается в том, чтобы данное противоречие служило толчком к самостоятельной работе, самостоятельному рассмотрению самой вещи. Способность суждения – умение использовать знания, полученные в процессе обучения, на практике. Эту способность к самостоятельному мышлению нужно воспитывать с детства – такую задачу философ ставил перед школой («Школа должна учить мыслить!», «Учитесь мыслить смолоду»).

Основная проблема современного образования, указывал Ильенков, заключается в соединении процесса овладения прочными основами современной науки с процессом воспитания ума, способности мыслить. Главное, чтобы человек мог самостоятельно развивать эти основы, корректировать их, приводить в соответствие с новыми данными, с окружающим нас миром ⁴. Между тем, предупреждал Ильенков: «Искалечить орган мышления гораздо легче, чем любой другой орган человеческого тела, а излечить очень трудно. А позже – совсем невозможно. <...> И один из самых “верных” способов такого уродования

⁴ Как известно, Ильенков неприязненно относился к практике специализированных школ, которая начала культивироваться в позднесоветский период. Современные исследователи указывают: «Советская педагогика не просто доказала, что принцип *единой* школы может быть реализован на практике. Нормальные дети, при всем различии индивидуальных способностей, вполне могут освоить общую, единую для данной культуры школьную программу весьма высокого уровня. Советские психологи и педагоги создали для этого эффективные методические средства и принципы организации учебного процесса» [19, С.65]. Авторы также ссылаются на знаменитый эксперимент со слепоглухонемыми детьми, в котором Ильенков принимал активное участие.

мозга и интеллекта – это *формальное заучивание знаний*. Именно этим способом производятся “глупые” люди, то есть люди с атрофированной способностью суждения. Люди, не умеющие грамотно соотносить усвоенные ими общие знания с реальностью, а потому то и дело попадающие впросак» [10, С.10].

В последние годы жизни Ильенков обратился к интерпретации ленинской работы «Материализм и эмпириокритицизм». Результатом стала его книга «Ленинская диалектика и метафизика позитивизма», увидевшая свет уже после смерти ее автора. В этой книге Ильенков подводил своеобразный итог своего спора с позитивистскими установками, которые получили широкое распространение в среде советских философов, особенно занимавшихся философскими проблемами естествознания и методологии науки. Ильенков видел в Ленине союзника, который в условиях кризиса в естествознании начала XX века смог показать преимущество материалистической диалектики над эмпирической методологией позитивизма. Адепты позитивизма, травившие философа при жизни, продолжили делать это и после его смерти. Посмертно изданная книга дала оппонентам Ильенкова очередной повод – отсюда негатив в его адрес со стороны Н.В. Мотрошиловой, В.С. Швырева и других недоброжелателей [17, С.27].

Теперь коснемся трагического аспекта. Одна из ранних работ Ильенкова называлась «Космология духа». Она была опубликована через несколько лет после смерти мыслителя, но кое-что проясняет в обстоятельствах последней. Работа была написана еще в середине 50-х годов. В ней автор задавался вопросом о смысле и целях существования во Вселенной разумных существ. Согласно Ильенкову, цель, заданная им природой, – противостояние энтропии. В конце концов, жертвуя собой, разумные существа возвращают умирающие миры к исходному,

огнеобразному, состоянию (явная параллель с натурфилософией великого диалектика античности – Гераклита). Смерть мыслящего духа, таким образом, оказывается актом рождения новой Вселенной, а вместе с ней и иных разумных существ. Ознакомившись с публикацией, А.В. Гулыга, уже обратившийся в православие, отнес ее к последнему периоду жизни философа [18, С.298-299]. Нам представляется, что данная ошибка весьма символична. Самоубийство Ильенкова носило философский характер, накладывая на себя руки, он стремился образумить современников, совлечь их с пагубного пути. Увы, жертва оказалась напрасной.

Ильенков, несомненно, классик марксистской мысли XX века. М.А. Лифшиц, который познакомился с ним в 50-е годы, писал в предисловии к посмертно изданному сборнику его работ: «Для меня он был неожиданно найденным союзником в тот момент, когда подъем марксистски мыслящей и образованной молодежи тридцатых годов остался только хорошим воспоминанием. За Ильенковым чувствовалось множество других молодых голов, правда, неопределенной плотности» [7, С.6-7]. В названии главы мы использовали слово «школа». Можно ли говорить о школе Ильенкова в строгом смысле слова? Некоторых единомышленников и последователей философа мы уже назвали. Их немало – А.С. Арсеньев, В.В. Давыдов, Н.П. Дубинин, В.И. Коровиков, В.А. Лекторский, М.А. Лифшиц, А.Д. Майданский, С.Н. Мареев, А.Г. Новохатько, А.К. Фролов. Не все они могут быть названы учениками Ильенкова, да и отношение некоторых из них к идеям философа со временем претерпело изменение. Тем не менее, С.Н. Мареев указывает, что школа все же существует – многие стали ильенковцами уже после смерти философа, обратившись к его работам. Это касается не только отечественных, но и зарубежных почитателей Ильенкова [17, С.95-99].

Необходимо заметить, что идеи Ильенкова не прошли бесследно и для интеллектуалов, которых трудно причислить к марксистам. Яркий пример – В.В. Кожин, который указывал, что живое общение с Ильенковым являло собой настоящий философский пир. Бесплотные понятия обретали при этом осязаемую плоть. Лекции и беседы действовали даже сильнее, чем его книги и статьи. Сам Кожин признавался, что его исторические штудии 90-х годов, включая и фундаментальную «Историю России. Век XX», создавались на основе метода восхождения от абстрактного к конкретному. Он непосредственно воспринял этот метод от Ильенкова, что придало кожинским исследованиям в гуманитарной сфере научный характер. С.Г. Кара-Мурза, характеризуя стиль мышления В.В. Кожина, указывал: «Меня он привлек тем, что я впервые увидел гуманитария и человека, близкого к художественной интеллигенции, который владел нормальным, кондовым, как бы сказать, научным мышлением. И сколько я ни перебирал потом, из ныне живущих не могу увидеть такого» [20, С.899].

Заканчивая разговор об Э.В. Ильенкове, можно выделить у него своеобразную триаду – «подлинное искусство, подлинная нравственность и подлинная наука» [7, С.307]. Соответственно, когда искусство, нравственность и наука выступали в неподлинных, ложных формах, то они вызывали неприятие философа. В сфере науки такими ложными формами были сциентизм и позитивизм, которые на протяжении всей творческой жизни Э.В. Ильенкова были объектами его критики. Поскольку ложные «боги» в той или иной форме продолжают присутствовать в современном мире, то критика, которой их подвергал выдающийся мыслитель, продолжает сохранять актуальность – как в России, так и за ее пределами [21; 22].

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Философская оттепель и падение догматического марксизма в России. Философский факультет МГУ им. М.В. Ломоносова в воспоминаниях его выпускников. М.; СПб.: Нестор-История, 2017.

2. **Майданский А.Д.** «Русский европеец» Э.В. Ильенков и западный марксизм//https://www.academia.edu/11704714/_Русский_европеец_Э.В._Ильенков_и_западный_марксизм (дата обращения –11.05. 2020).

3. **Шеллинг Ф.В.Й.** Введение в философию мифологии // Шеллинг Ф.В.Й. Сочинения в 2 т. Т.2. М.: Мысль, 1989. С.159-374.

4. **Ильенков Э.В.** Диалектика абстрактного и конкретного в «Капитале» Маркса. М.: Изд-во АН СССР, 1960.

5. **Ильенков Э.В.** К вопросу о природе мышления (на материале анализа немецкой классической диалектики). Автореф. дис...д-ра филос. наук / Институт философии АН СССР. М., 1968 // http://psilib.org.ua/books/_ilyen01.htm (дата обращения– 11.05.2020).

6. Драма советской философии. Эвальд Васильевич Ильенков (Книга – диалог). М.: [ИФ РАН], 1997.

7. **Ильенков Э.В.** Искусство и коммунистический идеал / Вступ. статья Мих. Лифшица. М.: Искусство, 1984.

8. Русская философия. Советский и постсоветский периоды: учебно-научное пособие / Под общ.ред. В.Л. Обухова, М.В. Величко. СПб.: СПбГАУ, 2015.

9. **Арсеньев А.С., Ильенков Э.В., Давыдов В.В.** Машина и человек, кибернетика и философия // Ленинская теория отражения и современная наука. М.: Наука, 1966. С.263-284.

10. **Ильенков Э.В.** Школа должна учить мыслить. М.: Изд-во Московского психолого-социального института; Воронеж: Изд-во НПО «МОДЭК», 2002.

11. **Жданов Ю.А.** Взгляд в прошлое: воспоминания очевидца. Ростов н/Д.: Феникс, 2004.

12. **Ильенков Э.В.** Философия и культура. М.: Политиздат, 1991.

13. **Ильенков Э.В.** Диалектическая логика: Очерки истории и теории. 2-е изд., доп. М.: Политиздат, 1984.

14. **Ильенков Э.В.** Диалектика идеального // Логос. 2009. №1. С.6-62.

15. Вспоминая философский факультет.../ Сост. Б.В. Марков, А.В. Малинов. СПб.: Санкт-Петербургское философское общество, 2015.

16. **Животовский Л.А.** Неизвестный Лысенко. М.: Т-во научных изданий КМК, 2014.

17. **Мареев С.Н.** Э.В. Ильенков. М.: ИКЦ «МарТ»; Ростов н/Д.: Издательский центр «МарТ», 2005.

18. **Гулыга А.В.** Русская идея и ее творцы. М.: Соратник, 1995.
19. **Кара-Мурза С.Г., Осипов Г.В.** СССР – цивилизация будущего. Инновации Сталина. М.: Эксмо, Яуза, 2010.
20. Консерватизм: proetcontra, антология / Сост., вступ. статья, коммент. А.Я. Кожурина; ред., предисл. А.А. Сеницына. СПб.: РХГА, 2016.
21. **Bakhurst, D.** Consciousness and Revolution in Soviet Philosophy: From the Bolsheviks to Evald Ilyenkov. Modern European Philosophy Series. Cambridge: Cambridge University Press, 1991.
22. Evald Ilyenkov's Philosophy Revisited. Proceedings of the Ilyenkovsimposium in Helsinki 7th-8th September 1999. Edited by Vesa Oittinen. Helsinki: Kikimora Publications, 2000.

УДК 1 (091)

О.Д. Мачкарина

ФИЛОСОФИЯ НАУКИ ПЕТРА ИВАНОВИЧА ЛИНИЦКОГО (1839-1906)

PHILOSOPHY OF SCIENCE P.I. LINITSKY

МАЧКАРИНА Ольга Дмитриевна - доктор философских наук, профессор, профессор кафедры философии и права Мурманского государственного технического университета. E-mail: odmachkarina@yandex.ru.

MACHKARINA Olga D. - Murmansk State Technical University, Murmansk, Russia.
E-mail: odmachkarina@yandex.ru

В статье автор представляет концепцию философии науки П.И. Линицкого, раскрывает понятие науки, знания, истины, показывает роль философии в системе наук и ее особенности, раскрывает соотношение эмпирических и уморительных наук, показывает особенности научного познания, раскрывает связь научного и ненаучного мышления в познании. Автор обращает внимание на оценку русским профессором соотношений естественных и гуманитарных наук, научного и ненаучного знания, на проблемы доказательства истинности знания и проблемы использования результатов познания, затрагивая важнейшую для современности проблему свободы научного поиска и ответственности.

In the article the author presents the concept of philosophy of science P.I.Linitsky, reveals the concept of science, knowledge, truth, shows the role of philosophy in the system of sciences and its features, reveals the ratio of empirical and hilarious sciences, shows the features of scientific cognition, reveals the relationship between scientific and non-scientific thinking in cognition. The author draws attention to the Russian professor's assessment of the relationship between natural and human sciences, scientific and non-scientific knowledge, the problems of proving the truth of knowledge and the problem of using the results of cognition, touching on the most important for today's problem of freedom of scientific search and responsibility.

ФИЛОСОФИЯ НАУКИ, РУССКАЯ ФИЛОСОФИЯ, ФИЛОСОФИЯ КАК НАУКА, ЕСТЕСТВЕННЫЕ И ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ, НАУКА, ИСКУССТВО, РЕЛИГИЯ, ЗНАНИЕ, НАУЧНОЕ ПОЗНАНИЕ, ОБРАЗОВАНИЕ, ВОСПИТАНИЕ

PHILOSOPHY OF SCIENCE, RUSSIAN PHILOSOPHY, PHILOSOPHY AS A SCIENCE, NATURAL AND HUMAN SCIENCES, SCIENCE, ART, RELIGION, KNOWLEDGE, SCIENTIFIC COGNITION, EDUCATION, UPBRINGING

Петр Иванович Линицкий, профессор Киевской Духовной Академии, «учитель-философ», для которого философия была, словами проф. Д. Богдашевского, произнесенными в надгробной речи, «своего рода воздухом, которым он дышал».[1,с.775]

Петр Иванович Линицкий – воспитанник Ахтырского духовного училища Харьковской духовной семинарии, магистр богословия Киевской духовной академии (1861-1865), по окончании которой защитил магистерскую диссертацию на тему «Различные направления немецкой философии после Гегеля в отношении к религии». Линицкий был оставлен в Киевской Духовной Академии в качестве преподавателя философских наук, а в 1869 году возглавил кафедру философии, которой руководил вплоть до 1887 года, после чего был назначен заведующим кафедрой логики и метафизики. В 1877 году Петром Линицким была представлена и защищена диссертация «Учение Платона о божестве», на основании чего ему было присвоено ученое звание «доктора богословия».

Современники отмечали его увлеченность, профессионализм и научную добросовестность, стремление к самообразованию, к напряженной работе собственной мысли, к изучению сочинений древних и новых философов, что сделало его «полным хозяином в области философии» [2, с.740], специалистом, обладающим сложившимся собственным мирозерцанием. Им было написано более 20 научных трудов, множество статей, посвященных анализу различных философских учений и идей, в которых прослеживается твердая позиция автора, вступающего в дискуссии по излагаемым проблемам. Среди его трудов следует назвать «Обзор философских учений» (1874), «Учение Платона о божестве» (1876), «Славянофильство и либерализм. Опыт систематического обозрения того и другого» (1882), «Философия как

наука» (1894), «Основные вопросы философии» (1901), «Очерки истории философии, древней и новой» (1902) и другие.

Свое философское мировоззрение Линицкий формировал посредством глубокого изучения философского наследия Платона, Аристотеля, Р. Декарта, Дж. Локка, Д. Юма, И. Канта, Ф. Шеллинга, Г. Гегеля, А. Шопенгауэра и многих других. Его вдохновляли работы И. Киреевского, А. Хомякова, Ю. Самарина, К. Кавелина, В. Соловьева, Г. Струве, Б. Чичерина, погружали в раздумья произведения Ф.М. Достоевского, Л.Н. Толстого и других мыслителей, труды которых стали предметом изучения и критического анализа ученого, стремящегося найти ответы на важные, продиктованные временем вопросы. В философском наследии Линицкого даны оценки влияния европейского просвещения в России, представлены возможные, с позиции автора, пути духовного самосовершенствования человека, раскрыто представление философа о познании, которое он выстраивает на основе критического анализа идей Платона, Аристотеля, Дж. Бруно, Р. Декарта, Дж. Локка, И. Канта, А. Шопенгауэра.

Петр Иванович Линицкий продолжил философскую традицию, сложившуюся в Киевской духовной академии благодаря деятельности ученых-богословов: И.М. Скворцова, В.Н. Карпова, С.С. Гогоцкого, П.Д. Юркевича, мыслителей, которых отличала высокая степень общего гуманитарного и философского образования. Их объединил интерес к педагогической деятельности и стремление посредством воспитания и образования развить в своих учениках внутренние нравственные способности, которые они, согласно «предустановлениям» Устава, должны будут направить на «утверждение и распространение истинного благочестия» [4,с.7]. И в этом начинании особую роль отводили

философии, философской культуре, которая кропотливо в стенах духовной академии усилиями преподавателей развивалась в учениках.

Перед преподавателями стояла важная задача, обозначенная еще И.М. Скворцовым и осуществляемая в стенах Духовной академии: сформировать у учащихся понятие об истинном духе философии, «приучить» их к философским исследованиям. [5, с.303] Дух времени, веяние научно-технического прогресса в обществе в конце XIX – начала XX века, диктовал свои требования к образованию. Иван Триодин, студент КДА в «Слове пред погребением» П.И. Линицкого, сказал: «Все хотели знать свое место в мире. Все жаждали философского просвещения, и мы не хотели быть слепыми в мире» [6, с.773]. И в этом им помогал профессор Линицкий, который стал для них «наставником, руководителем», спасавшим своих учеников от «безнадежного скептицизма», «вещавшим» им истину, «вдохновлявшим» их любовью к ней. Линицкий в воспоминаниях учеников стал тем, кто помогал им найти такого мыслителя в истории философии, который был ближе всех к истине, найти ответы на вопросы: «Зачем живу? Зачем страдаю?»

Действительно, П.И. Линицкий в воспитании личности особую роль отводил философии, поскольку справедливо считал, что философия способствует формированию свободного, критического и самостоятельного мышления, «умственного творчества и нравственного совершенства». Прежде всего, речь идет о формировании знаний и умений выстраивать диалог, структурировать мысль. Для всех исследователей, посвящающих себя науке, независимо от предмета изучения, необходимо «философское образование в полном объеме», которое развивает в человеке способности к философскому мышлению. [7 с.12] В философии Линицкий видел побуждение к превосходству умственному, а вместе с ним и к нравственному совершенству.

Особую роль Лينيцкий отводил науке, которой, как он пишет, «бесспорно принадлежит теперь в значительной мере власть над миром». [8, с.288] Этому философскому настрою способствовал научно-технический прогресс, охвативший Россию в конце XIX, который сопровождался рядом важных научных открытий и техническими изобретениями, промышленным подъемом и совершенствованием техники и технологий, использованием нового вида энергии, развитием коммуникаций, транспорта и связи, ростом химического производства. Это способствовало качественному скачку в области естественных наук и рождению «новых» наук, появлению новых экспериментальных методов исследования и их проникновению в область гуманитарных наук, активному росту научного знания и изменению научного мировоззрения в целом, пониманию особой роли познающего субъекта в научной картине мира. Как отмечал В.И. Вернадский, особенность момента в том, что «одновременно почти по всей линии науки в корне меняются все основные черты картины космоса» [9, с.218]

Была подготовлена почва для когнитивного поворота в науке. Наряду с естественными науками и математикой получают свое развитие и науки гуманитарные, расширяется спектр прикладных наук. Развиваются научные коммуникации, формируются научные сообщества, создаются научные и специализированные журналы, способствующие быстрому распространению информации. Разворачиваются дискуссии в профессиональной среде вокруг проблемы нового знания, проверки приобретенных знаний на истинность, придания им характера объективного знания. Все это способствует и росту интереса к проблеме философии науки П.И. Линецкого, посвятившего этому вопросу ряд интересных работ: «Философия нашего времени» (1891), «Пособие к изучению вопросов философии: Элементы философского мирозерцания»

(1892), «Философия как наука» (1894), «Мышление научное и ненаучное» (1894), «О формах и законах мышления» (1895) , «О познании» (1895) и ряд других.

Концепция философии науки, занимающая особое место в творчестве русского философа, сформирована им на основе анализа идей Сократа, Платона, Аристотеля, Р. Декарта, Ф. Бэкона, И. Канта, Г. Гегеля. Особое место в этой концепции занимает философия, как «стремление к совершенству и полноте знания». Внимание к философии науки Линицкого было связано с дискуссиями, развернувшимися в обществе вокруг идеи науки, проблемы соотношения науки и философии, места философии в системе наук, отношения науки к метафизике и определении задач современной философии, вокруг наиболее спорной идеи – идеи «научной философии», т.е. философии, которая «обладала бы всеми научными достоинствами» [10, с. 172] и претендовала на получение достоверных знаний о мире.

Линицкий подчеркивает важность теории науки, исследования знания, гносеологии, как важной части современной философии, которая оттесняет на второй план метафизику, превращаясь, по сути, в фундамент всего мирозерцания. Связывает философ этот факт с развитием промышленного производства, с разделением труда, с получением новых эмпирических данных, которые не вписывались в прежнюю картину мира и не объяснимы усилиями существующей на данный момент системы научных знаний. Для получения этих данных, как и для их обоснований и доказательства научности и истинности, необходимы сложные технические установки, новые эмпирические и теоретические методы, позволяющие установить достоверность приобретенного знания, чем и должна заниматься современная наука и философия.

Свое понимание философии и ее места в системе наук, сложившееся под влиянием изучения и систематизации философских учений, Петр Иванович Лينيцкий представил еще в 1874 году в работе «Обзор философских учений», подчеркивая связь понятия о философии с этапами ее исторического развития, с изменением предмета познания и вопросов, которые ставили философствующие умы в каждую конкретную эпоху. Родиной философии Лينيцкий считал Грецию. «Предварительное» понятие философии связывалось с мудростью, со знаниями, с житейской мудростью и общественным благоразумием людей, и в этом смысле, философия рассматривалась им уже как «стремление к совершенству и полноте знания», где знания есть «уразумение сущности вещей», охватывающее все действительное. [11, с.1]

Философия как универсальная форма научного знания, которая ориентируется на гармонию и равномерность понятий и идей, стремится к воздействию на нравственную и практическую деятельность человека, побуждает к объединению знаний, к созданию общего мировоззрения людей, действующая умственная организующая сила. Философия это наука, которая имеет дело с понятиями, а понятия нужно всячески прояснять и приводить их в стройную систему, а поэтому необходима особая подготовка и, конечно же, знания, которые позволили бы раскрыть содержания понятий. Однако эти понятия формируются не только благодаря научному опыту, но и опыту ненаучному, повседневному, отличающемуся своей бессистемностью и случайностью. Продуктами философского анализа становятся философские учения, мнения, которые, конечно, приближены к научному познанию, в отличие от предрассудков или мнений толпы. Однако постепенно, по мере развития научных знаний, философские мнения вытесняются, уступая место научным данным. Эти

изменения в философии, как считал Леницкий, и породили идею создания «научной» философии.

Действительно философия в 80-90-х годах XIX века постепенно приобретает черты науки. Метафизические вопросы в философии, как считает П. Леницкий, в принципе неразрешимые, отходят постепенно на второй план, на первый - выдвигаются новые задачи перед современной философией: «привести в порядок, соединить в одно целое наиболее широкие обобщения и выводы наук», а через то и самые науки связать между собою и таким образом составить из них единую систему» [12, с.153]. Это означает, что философия, в понимании Леницкого, становится методологией науки, обобщая и направляя научный поиск в целом. В «Критике начал новой философии» Леницкий указывает на необходимость применения метода философской критики, направленного на понимание предмета во всей целостности его сторон и отношений, опирающегося на последовательное обозрение целого по его частям, но без разрушения его целостности.

Леницкий относил философию к умозрительным наукам, опирающимся на познание, в котором «познание и познаваемое сливаются в едином нераздельном акте умозрения» [12, с.163], в единстве познающего и познаваемого. Различая науки опытные и умозрительные, он подчеркивал, что отличительной особенностью умозрительных наук, к которым он относил не только философию, но и математику, является то, что мышление в таких науках становится «важной производительной силой». Познающий субъект в умозрительных науках оперирует понятиями, «умопредставляемыми» величинами (числа, геометрические формы, пространство, отношения). Он выстраивает рассуждения, сравнивая, обобщая, анализируя или синтезируя понятия, и действует так же, как в естественных (опытных) науках ученый оперирует

эмпирическими данными. Роль умозрительных наук высока, поскольку именно они дают ученому не столько действительные знания, сколько приемы мышления, навыки, позволяющие исследователю получать новые знания. Именно поэтому естественные науки нуждаются в математике, которая предоставляет им необходимые «орудия для приобретения знаний». Так и философия, сообщает эмпирическим и умозрительным наукам «элементарные общие понятия, которые входят в состав всякого рода знаний, и при помощи которых отдельные знания приводятся в порядок, получают смысл, цельность, полноту» [12, с.154].

Как наука имеющая дело с общими понятиями, философия, опирается на принципы, «основные начала» или неоспоримые положения, которые Линицкий, называет врожденными идеями или априорными понятиями, определяя их как допущения субъекта, как «первичные, коренные мысли, присущие нашему сознанию и действующие скрытно ли явным образом» [14, с.7]. К таким идеям он относит идею Бога, мира и души человеческой [12, с.154]. Эти принципы отличаются от всех других положений всеобъемлемостью, они и придают философским понятиям всеобщий характер. Конечно же, для познания этих идей или принципов мыслящий субъект должен обратиться к самому себе, что является предварительным условием рационального познания. Само же познание, пишет Линицкий, состоит в непосредственном созерцании идей или истин, при котором познание и познаваемое сливаются в одно целое. Благодаря этому умозрительное познание становится достоверным [12, с.163].

Оперируя понятиями, философия выстраивает понимание предмета во всей его целостности, со всех сторон и отношений. Русский философ подчеркивает, что господствующей чертой всех философских систем является «стремление к строгому единству» [13, с. 144], к такому, когда каждая часть имеет свое значение только в связи с другими

составляющими системы. В итоге Линицкий отмечает, что существо философии – дух критики и исследования. Обсуждая проблему философии как науки, Линицкий замечает, что в современной философии возникло два явления: предпринимаются попытки построить научную философию и второе - стремление философии к примирению и соглашению религиозной веры с научными знаниями [3, с. 172]. Линицкий подчеркивает непримиримость этих явлений, поскольку придание философии характера научного знания предполагает исключение веры из способов познания. Действительно требование научности философии вызвано временем, поскольку взгляд на философию, как свод мнений отдельных философов, превращает ее в сомнительное учение. Остается только путь придания научности мнениям философов, превращения их идей, концепций в научные теории, в достоверное знание, только тогда возможно становление научной философии. Истоки идеи научной философии следует искать еще в глубокой древности в начинаниях Платона, Аристотеля, но сформироваться философия, как научная, смогла только в XVIII- XIX веке. Философия, пишет Линицкий, и с этим нельзя не согласиться, всегда соответствовала своей исторической эпохе - «всякое время имело свою философию» [8, с. 287], но, чтобы придать ей характер «научной», философия должна обрести свой предмет познания, превратить результаты своего исследования в объективное знание. Философия должна «позаботиться о научном достоинстве своих теорий и учений» [3, с. 172].

Философия не ограничена конкретной областью исследования, и в отличие от частных наук она и не имеет конкретных практических задач. Вопросы, которые поднимает философия, имеют «всегдашнее» значение для человеческого духа. Она направлена на формирование общего мировоззрения, т.е. «стремится к единству в познании, к соединению частного в общем» [11, с.7], но при этом черпает знания из опытных наук

как материал, который перерабатывает в рамках определенной идеи, как, впрочем, используют результаты исследования пограничных наук и эмпирические науки, тем самым, подтверждая: с одной стороны, достоверность полученного знания, с другой, - расширяя область применения результатов познания. Необходимо подчеркнуть справедливость позиции Линицкого, утверждавшего, что предназначение науки не ограничивается только решением практических задач. Важным для наук является не только приобретение новых знаний и формулирование теорий, но и предвидение возможных последствий применения полученных результатов. Философия же удовлетворяет «врожденные потребности человека в знании и любви к истине» [11, с.6].

Линицкий считал, что изучение философских наук должен предварять курс истории философии, Философия в отличие от положительных наук стремится к формированию общего мировоззрения, к единству в познании, используя как материал данные из различных эмпирических наук. Добиваясь при этом не механистического соединения определенных научных выводов, а единого знания, выстроенного на определенной идее. Задача философии как науки при опоре на научный опыт и критический анализ имеющихся данных выработать выводы, отличающиеся «твердостью, определенностью и связностью» [12, с.152]. Основу этих выводов как раз и составляют мнения, идеи философов, которые формулируют свою позицию, свои выводы, опираясь на научные знания, на данные, соответствующие уровню развития научного знания. «Настоящее имеет связь с прошлым и в значительной степени является его последствием», справедливо отмечает П. Линицкий [12, с.174]. Универсальность философии в единстве духа, вытекающего из самосознания и самопознания человека. Через освещение истории философских учений отражается единая система философии,

раскрываемая через различные учения, раскрывающие событие с разных сторон [12, с.173].

Вслед за Струве Линицкий призывает к критическому анализу сформированных философских учений, с учетом времени, для выработки соответствующих времени взглядов, принципов и идеалов мировоззрения, как оснований для приобретения и оценки новых знаний и предвидения будущего.

По мере развития человеческой деятельности, совершенствования норм общественной жизни, расширения знаний о мире, философские идеи изменяются, появляются новые представители философской мысли, рождаются новые философские системы, но «вопросы, для разрешения которых создавались эти системы, по - прежнему остаются вопросами» [11, с.7] История философии свидетельствует о том, что «каждый последующий опыт философского изыскания в историческом движении философии выдвигает новую сторону вопроса, освещает его новым светом и таким образом пролагает путь к его разрешению» [11, с.8].

Линицкий подчеркивает, что философские идеи, философские системы под влиянием исторических условий подвержены изменениям, но каждая из них отражает определенный уровень знаний, ценностей и идеалов своего времени, служит выражением философии, которая через эти идеи и в них осуществляется. «Постепенное развитие философии само собой познается, еже ли рассматривать в целом историческую последовательность систем со стороны внутренней их связи между собою, а так же в отношении их к общеисторическому движению человечества» [11, с.9]. Решение любого вопроса в познании должно начинаться с его истории для того, чтобы выяснить причины его возникновения и, в том числе, в философских идеях, которые отражают жизнь человека, цель его деятельности, ценности и идеалы в конкретную историческую эпоху.

Такое погружение в историю идей позволяет исследователю выявить особенности восприятия окружающего мира и его оценки, соответствующие определенному этапу развития человечества.

Наука, действительно задавала тон всей философии, но само понятие о знании, составляющее основу научной философии, понимание процесса познания и его предмета, определение метода познания, устраняющего «произвол и индивидуализм» [15, с. 17], метода, позволяющего достичь объективности, реализующего требование Аристотеля – «признавать за истинное знание лишь то, что доказано» [15, с. 17].

Важным становится изучение и обсуждение понятия истины и ее критериев, да и само понятие науки, составляющее основу «научной» философии, которые начинают формироваться еще в эпоху античности, благодаря идеям «ученых мужей древности» - Сократу, Платону, Аристотелю и других. Именно они заявили о роли знаний для человека, связав знания с добродетелью, а незнание со злом.

Необходимо отметить, что проблема познания была одной из центральных в философии античности и связывалась с нравственным состоянием человека и объяснялась двумя причинами: во-первых, недостатком умственного образования человека его «неведением», недостатком знаний, что может привести к принятию неправильных решений; во-вторых, - с его несовершенством, с ограниченностью способностей человека к познанию - человеку не дано знать все, поэтому, стремясь к познанию мира, он опирается не только на знания, но и на веру.

Необходимо отметить, что Линицкий в своих произведениях подчеркивал недостаточность изученности современными исследователями вклада Платона и Аристотеля в развитие науки и «научной» философии, который с позиции философа оказался гораздо значительнее, чем вклад, например, Дж. Локка в эпоху Нового времени, И.

Канта или Г. Гегеля. [13, с. 142]. Так Линицкий указал на то, что мысль заменить гипотетические решения философских вопросов решением достоверным была сформулирована еще в древности. И еще Аристотель в «Аналитиках» предложил метод аподиктический (аподиктической силлогистики) [16], позволяющий, в отличие от предложенного Платоном диалектического метода, ориентированного на вероятностный вариант решения задачи, достичь достоверного результата.

Рассуждая о возможности познания мира человеком, философ анализирует сам процесс познания и приходит к выводу, что познание – это процесс «натуральный», обусловленный природной необходимостью, который можно контролировать мере развития познавательных способностей человек начинает «контролировать» свое познание, определять цели и средства познания. Обладая чувствами и разумом, человек начинает познавать мир с ощущений, которые посредством памяти превращаются в представления. Следуя позиции Шопенгауэра, Линицкий утверждал, что познаваемым для человека может быть в мире только то, что нам является, то, что может быть представлением. «Я сам лишь настолько существую, насколько представляю себя существующим» [8, с.294].

Линицкий рассматривал познание как сложное явление, которое может быть представлено и как «дело свободное», которое ведется определенным образом, сообразно конкретной цели, установленной познающим субъектом, ориентированной на имеющиеся знания, умения и навыки (как определенный вид промышленности), и как «натуральный процесс», осуществляемый сообразно с объективными законами. Необходимо подчеркнуть, что человеческое познание Линицкий рассматривает как результат приспособления человека к окружающему миру, связывает его с необходимостью решения конкретных задач, с его

практической деятельностью, с вызовами времени. Овладевая познанием, приобретая знания, умения и навыки, познающий субъект получает возможность самостоятельно ставить перед собой цели, обращая эти знания, умения и навыки в средства для достижения целей. Познающий субъект, руководствуясь определенной, но свободно заданной целью, при этом сохраняет свою зависимость и от природных условий, и от времени осуществления самого исследования, от уровня развития знаний и их технического воплощения. Важнее всего было для Линицкого понять характер свободных устремлений познающего субъекта, его намерений приобретения знаний.

Линицкий подчеркивает различия между обыденным и научным познанием, указывает на особенности научного и ненаучного мышления, раскрывая их на основе аналогии с опытом научным и ненаучным. Научное познание возможно только тогда, как считает русский философ, когда имеется единая «общепризнаваемая» цель научного сообщества [17, с.388]. Задача философии – установит общие первые принципы, т.е. самые общие и основные начала познания. Всякий принцип, всякое положение – понятие – это результат анализа, сопоставления и обсуждения частных случаев. В работе «О познании» Линицкий указывает на то, что решение вопросов о познании не может быть найдено без обращения к истории философии. И важными в этом случае являются гносеологические идеи И. Канта, содержащие информацию о познавательных способностях человека. Допуская существование априорных идей, как первичных, коренных мыслей, присущих нашему сознанию и действующих скрытно или явным образом. [14, с. 7], Линицкий указывал на наличие этих элементов мысли в языке, что признают и позитивисты современники Линицкого.

Критерием основных начал познания становится необходимость мыслить в соответствии с установленными принципами, сообразно

законам логики как науки о мышлении. Именно этот тип мышления, сообразный с законами, получает название научного мышления. Мышление играет такую же роль в философии, как опыт в естествознании. Леницкий подчеркивает различия научного и ненаучного опыта, тем самым демонстрируя особенности научного и ненаучного мышления. Содержанием научного мышления служит лишь то, что является общим во всех науках и связывает их в единое целое. В отличие от научного опыта, научное мышление может быть определено как идеальная или субъективная сторона науки. Разграничительной стороной научного и ненаучного опыта служит познание, поскольку наука есть система знаний. Цель науки – познание предмета. Способ исследования, посредством которых добываются знания, называют методом. Система изложения знаний образует систематическую форму науки. Отсюда вытекает и понятие о философии, как науки о познании, поскольку систематическое или научное мышление - это и есть философия [19, с. 232]. Научным опытом является только тогда, когда используются различные средства: материальные (орудия исследования), формальные (правила). Философия, используя соответствующие средства, изучает только общее во всем познаваемом. На этом основании философию определяют как науку об общих началах бытия, которую называют метафизикой. Но, с другой стороны, философия становится наукой, когда имеет своей целью познание и развивается методически.

Философия исследует только общие методологические начала, главные типы научных методов: индуктивный, дедуктивный и аналитико-синтетический методы. Наукой изучающей методы является логика, причем современная логика рассматривает методы, как элементы логического целого. Методы научного познания Леницкий называет формами научного мышления, где научное мышление – это мышление

фактически данное. Философское мышление отличается от всех других идеальным моментом, как стремление к истине. Само по себе стремление к истине – дает понятие о деятельности свободной. Однако многие вопросы о методологии познания не могут быть решены, если не установлены предварительно общие воззрения на познание. Это же касается изучения метафизических вопросов, решение которых требует установления пределов познания, т.е. установления предварительных, основных общих понятий о познании, что хорошо показано И. Кантом [19, с. 240].

Познание в собственном смысле слова - есть знание, как считает Линицкий. Полученные знания образуют определенную систему, соответствующую принятой научным сообществом картине мира [14, с. 388]. Только тогда становится возможным соглашение научного сообщества о способах достижения цели познания. Важным принципом познания Линицкий признает только принцип восхождения от частного к общему, где общее – это общее понятие, которое можно получить только в конце исследования. Исходными путями достижения истины являются факты, приобретаемые субъектом в процессе познавательной деятельности, как «неизбежный исходный путь исследования» [14, с.3]. Но добиться умножения и распространения знаний, т.е. найти путь приращения знаний, можно только при наличии единой общепризнанной цели, единого метода как порядка, и как способа организации совместной научной деятельности – единых принципов и оснований познания.

В познании человеком окружающего мира и самого себя Линицкий отводит определенную роль и вере. Как считает философ-богослов, вера и знание имеют общие черты и не являются абсолютно противоположными друг другу. И вера, и знание имеют свой объект и предмет познания, свои представления о нем. Им свойственны «твердость» и «непоколебимость», как и сомнение, поскольку «познание постоянно является испытующим»

[15, с. 26]. С течением времени вера и знание стали необходимы друг другу. Прежде всего, вера сыграла важную роль тем, что устранила возможность господства абсолютного скептицизма, позволила обратить внимание на происхождение знаний, которые человек приобретает либо собственным трудом, либо посредством кого-либо, но это знание становится для нас несомненным только тогда, когда подтверждается собственным опытом.

Линицкий считает, что наука, стремясь к абсолютному господству, старается включить веру в свою область, заменив ее научной верой, т.е. верой во всемогущество науки. Но вместе с тем, исторический опыт показывает, что религиозная вера продолжает сохранять свою позицию – служит «необходимым органом вечного спасения», «возвышает достоинства науки» и «обращается в бескорыстную и возвышенную любовь к истине», как считает русский философ-богослов [18, с. 27].

Понятие о знании является для Линицкого не только сложным, но и весьма неопределенным. Однозначным является то, что знание - результат познания. Но русский философ сосредотачивает свое внимание на вопросах, которые включает в себя понятие знания: Что есть знание? Как его отыскать? Что делать с найденным знанием? Наиболее употребительное понятие о знании формулируется им на основе сходства процесса познания с промышленным производством и их результатами: добычей материала, его обработкой и распространением обработанного материала. Однако философ отмечает существенные различия между познанием и «промышленным производством» как процессом: «добыча» материала в познании рассматривается как установление фактов – это материал знаний; обработка материала в познании, которая предполагает применение сложных мыслительных операций для установления достоверности научных данных, включая приспособления и

искусственные орудия – это действительное знание; распространение «обработанного» материала рассматривается им как соотношение полученных результатов с общепризнанной системой знаний – это сформированные общепризнанные в науке принципы и убеждения. Именно эти принципы позволяют исключить «засорения» науки. Там, где нет общепризнанной системы знаний, не достает основных начал знаний, там отсутствуют единые принципы и идеалы у ученых, отсутствует возможность действовать научному сообществу согласованно. Важна систематизация знаний, их разделение по категориям. Категории – начала аналитические в познании, это определения или признаки бытия.

В общественном сознании проникновение идей роста научных знаний, как характерной черты XIX века, породило предчувствие неизбежности дальнейших успехов знаний. Теперь, как пишет сам Линицкий, никто не сомневается в том, что знание есть великая сила. [8, с.287] Успехи наук, отмечает философ, «существенным образом изменили условия быта народов и оказали могучее влияние на развитие общественной жизни» [8, с.287]. Науке теперь принадлежала власть над миром и это бесспорно принял человек, понимая, что эта власть будет усиливаться в дальнейшем. В обществе вырос интерес к образованию, сопровождающийся ростом учебных учреждений и обсуждением вопросов организации образовательного процесса. Под влиянием этих событий важным предметом научного исследования стали сама наука и знания. Теория науки отодвинула на второй план метафизику, а учение о познании превратилось в фундамент мирозерцания. Изменились и требования к знаниям, как и само понятие знания. Прежние трактовки перестали удовлетворять научное сообщество, а нового единого для всех понятия знания в современной науке не сложилось.

Общим для всех взглядов ученых выводом стало утверждение, что знание это то, что должно удовлетворять своему назначению, т.е. быть «годным для предназначенного ему употребления» [8, с.288]. Линицкий формулирует требования к знаниям: истинность, полнота и цельность. На основе критического анализа философ приходит к выводу, что весь круг знаний при данном состоянии науки представляется как неполный, несовершенный и недостаточный.

Основу научного исследования Линицкий видит в научном мышлении и научном опыте. Научный опыт становится критерием истинности научного знания. В работе «Мышление научное и ненаучное» философ подчеркивает важность научного опыта, как для естественных, так и для гуманитарных наук, обозначает характерные черты научного опыта: 1) точность и «определительность» предсказания будущих событий (характерно только для естественных наук); 2) технический характер опытных действий, от субъекта требуется лишь умелое исполнение, независимое от времени и обстоятельств; 3) отсутствие нравственной составляющей (для естественных наук); 4) прямая цель научного опыта – знание; 5) практическое применение знания. Вместе с тем Линицкий подчеркивает, что научный опыт, несмотря на самостоятельную цель – «искание знания», состоит в необходимой связи с опытом ненаучным, что доказала сама история развития науки. Кроме того, следует отметить и то, что русский философ связь научного опыта с ненаучным, берет за основу разделения наук на науки, для которых научный опыт - самостоятельная цель (искание знания) – это науки естественные, и науки гуманитарные, построенные на связи научного опыта с ненаучным.

Особо внимание Линицкий уделяет понятию науки. Под наукой понимается система знаний, относящихся к определенному предмету, к конкретной области явлений. Если придерживаться такой трактовки

понятия науки, тогда и философия должны рассматриваться как наука специальная, ограниченная определенной областью явлений [20, с.188]. Наука – это явление человеческого духа, продукт умственной деятельности. Эта идея, высказанная Линицким, позволила ему прийти к пониманию необходимости познания мира как единого целого, к осознанию необходимости общего мировоззрения, которое содержалось бы во всех науках и сообщало бы им единство. Философия, как пишет русский философ, «должна привести в порядок и систематизировать специальные знания», а для этого она должна установить классификацию наук. [20, с. 188] Задача науки (гуманитарных и естественных) – открыть законы в области исследуемых фактов. Однако в отличие от «точных» наук для гуманитарных наук на данном уровне развития научного знания «идеал точного знания» недостижим. Гуманитарные и естественные науки отличаются не только по предмету и задачам, но и по своим свойствам и значению конкретных научных знаний. Гуманитарным наукам несвойственна, как считал философ, возможность предсказания будущего [19, с. 229] Специальной формой знания, наукой в собственном смысле слова, как система знаний, обладающих такими качествами как точность, определенность, очевидность, является математика. «Всякое знание настолько совершенно, насколько оно может быть представлено в форме математического знания» - констатирует П. Линицкий [20, с. 198]. Только математическое знание обладает такими характеристиками как субъективность и вместе с ней объективность, идеальность нераздельную с реальностью.

Математическое знание объективно, оно не допускает никакого произвола и математически доказано, но вместе с тем субъективно по своему происхождению и основаниям, поскольку основным предметом математического знания является число. К понятию числа мы приходим

путем мыслительных субъективных операций на основе представлений. Математическое знание обладает в наибольшей степени качествами научного знания: точность, очевидность, определенность и достоверность [20, с. 198]. Математическое познание реально, поскольку изучает реальные отношения действительности. Содержанием математического познания являются количественные отношения и отвлеченно определяемые пространственные формы. Таким образом, можно сделать вывод, что точные науки имеют дело с идеальными формами, с продуктами человеческого мышления. Но для них характерен недостаток – это недостижимость полноты знания, поскольку стремление к точности и определенности в математических науках вынуждает сводить качественные различия к отношениям количественным, для которых свойственен недостаток - недостижимость совершенной полноты и законченности знания. Математическому знанию, как и любому точному знанию, недостает того, что свойственно знанию художественному или религиозному: единства, полноты и законченности.

Обращает на себя внимание и оценка Линицким отношений современного ученого к «бесперывному» увеличению научного материала. Как и эмпирик Ф. Бэкон, Линицкий критиковал позицию ученого, ориентированного на накопление эмпирического материала в науке без соответствующей «надлежащей обработки», настаивая на необходимости анализа. И в отличие от количественных показателей промышленного прогресса, Линицкий считал показателем научного прогресса только качественный рост знаний. Напротив, русский философ прилагал значительные усилия для изучения самого процесса познания, роли познающего субъекта. Видел особую необходимость в просветительстве.

Просвещение, как справедливо подчеркивает Линицкий, уменьшило «силу страстей», уничтожило «косность и бездеятельность», создало условия для мирного и безопасного течения жизни [8, с.288]. Сила просвещения высветила перед человеком вопросы, связанные с пониманием и организацией «правильного» обустройства общественной жизни, с ростом общего благосостояния и необходимостью образования.

Эпоха промышленного переворота изменила и отношение общества к школе. Она стала «фабрикой», где по установленным образцам «заготавливаются сведущие люди по разным частям», от которых требуется четкое выполнение конкретного задания, исполнительность и аккуратность. Предпочтение в школе отдается среднему ученику, любое проявление индивидуальности и творчества пресекается. Знания в эпоху капиталистических отношений стали товаром, а школа «средних дарований» сделала такое образование для общества доступным. Чтобы государство процветало оно должно беспокоиться о материальном благосостоянии своих граждан, способствуя всеми мерами развитию промышленности и торговли, а для этого необходимы специалисты и школы, где должны готовиться кадры, которым не только сообщаются различные научные знания и развиваются практические навыки, но и создается атмосфера доброжелательности. Поэтому можно сказать, что школа должна стать не только «рассадником знаний», но и воспитательным учреждением, занимающимся нравственным воспитанием личности. В этот процесс должна подключиться и церковь. Организация учебного процесса должна включать в себя готовность исполнителей (учителей, надзирающих за делом обучения) и самих учащихся соблюдать порядок. Формальный порядок должен устанавливаться в виде определенных ограничений и установлений, но он не решает возникающих в образовании проблем. Линицкий пытается разобраться в вопросе: почему

при избытии образованных людей, мы имеем лишь небольшую группу людей, преданных своему делу? Объясняет этот факт Линицкий наличием школьного формализма.

Цель школы приучить учащегося лишь к точности, исполнительности, механической исправности, но в случае непредвиденной ситуации учащийся остается один на один с проблемой, поскольку не сформирована самостоятельность в выполнении заданий.

Важной проблемой Линицкий считал и воспитание талантливых учащихся. Но всякий талант требует попечения, которого предоставить школа не может. Наука требует навыков, которые отрабатываются в школе. Для всех, посвящающих себя науке учащихся, необходимо философское образование и для преподавателей, ведущих эти дисциплины необходимо философское образование, т.е. развитие способностей к философскому анализу.

Несмотря на попытки реформирования правительством системы образования в конце XIX- начале XX века в России так и не сформировалась система философского образования. Причиной этого Линицкий назвал отсутствие продуманности реформ, отсутствие согласованности внешних преобразований с внутренними, изменение содержания образования, ориентацией на личность, на сферу ее формирования, на проблемы воспитания и образования, в том числе на проблемы семьи. Личность формируется в результате общения, в разных его формах – в семье, в общине, в племени. Общение это потребность, заложенная в человеческой природе, посредством которого образуется духовное единение с обществом. Но наиболее значимым для человека является общение в семье, где сливаются «внутренние и внешние стороны общения» [21с.504], закладываются духовные основы личности, формируются ее ценности и идеалы, устанавливается связь между

прошлым и настоящим, поддерживаются традиций и передается накопленное знание и опыт из поколения в поколение.

Изменилось в обществе и отношение к религии, сопровождающееся появлением форм религиозного сознания, опирающихся на научные данные, которые считаются доказанными. Общественность, не отрицая самого факта роста научного знания, включилась в дискуссии вокруг проблемы значения научного прогресса, обсуждая, в том числе, и проблему ответственности человека.

Кроме того, преподавателю необходима наблюдательность, знание психологии и, конечно же, свобода самостоятельного педагогического поиска, разработки методов и приемов преподавания. От преподавателя требуется преданность своему делу, аккуратность и внимательность к каждому обучающему, знание материала и доступный способ его подачи обучающему, но и преподаватель нуждается в заботе и внимании со стороны государства. Преподавателю должна быть поставлена задача, а поиск решения - это дело самого преподавателя. Конечно же, преподаватель должен беспокоиться об умственном развитии своих учеников и заниматься их воспитанием. Линицкий считает, что воспитание – дело школы, поскольку в семье нет правильных понятий о воспитании. Объективным началом деятельности сегодня стала идея общей пользы, всеобщего благополучия – это принцип современной науки. Характерной чертой современных нравов стал утилитаризм, стремление к умножению общего благосостояния, к усовершенствованию работы государственных учреждений и законов, стремление к умножению знаний и развитию образования. Все этому способствует сегодня наука, которая открывает перед нами новые средства удовлетворения своих потребностей. Но нельзя забывать о том, что недоброжелательность, зависть все более усиливаются среди отдельных народов. Вот почему, делает вывод Линицкий, и с ним

нельзя не согласиться, что обучение сегодня должно соединять с воспитанием, научное познание должно дополняться нравственным воспитанием и не должно исключать идею долга и ответственности ученого. При такой организации научного образования с религиозной верой будет способствовать морально-нравственному совершенствованию личности.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. **Богдашевский Д.И.** Речи у гроба почившего профессора Киевской Духовной Академии П.И. Линицкого // Труды Киевской Духовной Академии. Т. II. 1906. С.776-780.
2. **Кудрявцев П.** Профессор Петр Иванович Линицкий (12 июня 1906) // Труды Киевской Духовной Академии. Т. II. 1906. С.737-771.
3. **Линицкий П.И.** О формах и законах мышления // Вера и разум. 1895. Т. II. С. 171- 184.
4. **Аскоченский В.И.** История Киевской духовной академии, по преобразованию ее в 1819 году. СПб, 1863. 290с.
5. **Флоровский Г.** Пути русского богословия. М. : «Институт русской цивилизации», 2009. С.303.
6. Речи у гроба почившего профессора Киевской духовной академии П.И. Линицкого // Труды Киевской духовной академии. 1906. С. 737-775.
7. **Линицкий П.И.** О внешних отношениях знания (организация школы) // Вера и разум. Т. II. Ч. I. С. 1-21
8. **Линицкий П.И.** Философия нашего времени // Вера и разум. 1891.Т. II. Ч. II. С. 287-304.
9. **Вернадский В.И.** Мысли о современном значении истории знаний // Труды по всеобщей истории науки. М: Наука, 1988. С. 213-224.
10. **Линицкий П.И.** О формах и законах мышления // Вера и разум. 1895. Т. II. С.171-184.
11. **Линицкий П.И.** Обзор философских учений. Киев: Тип. С.Т. Еремеева, 1874. 253 с.
12. **Линицкий П.И.** Философия как наука // Вера и разум. 1894. Т. II. Ч. I. С. 151-174.
13. **Линицкий П.И.** Критика начал новой философии // Линицкий П.И. Пособие к изучению вопросов философии (элементы философского мирозерцания). Харьков: Тип. Губернского Правления, 1892. С. 139-165.

14. **Линицкий П.И.** О познании. Харьков: Тип. Губернского Правления, 1895. 74с.

15. **Линицкий П.И.** Вера и знание // Линицкий П.И. Пособие к изучению вопросов философии (элементы философского мирозерцания). Харьков: Тип. Губернского Правления, 1892. С. 1 -23.

16. **Аристотель.** Аналитики. Первая и вторая / Пер. с греч. Б.А. Фохта. М. : Госполитиздат, 1952. 489с.

17. **Линицкий П.И.** О внутренних отношениях знания // Линицкий П.И. Пособие к изучению вопросов философии (элементы философского мирозерцания). Харьков: Тип. Губернского Правления, 1892. С.387-404

18. **Линицкий П.И.** Чем различается вера от знания? // Линицкий П.И. Пособие к изучению вопросов философии (элементы философского мирозерцания). Харьков: Тип. Губернского Правления, 1892. С. 24-46.

19. **Линицкий П.И.** Мышление научное и ненаучное // Вера и разум. 1894. Т. II. Ч. II. С. 227-246.

20. **Линицкий П.И.** О духе как необходимом принципе философии // Линицкий П.И. Пособие к изучению вопросов философии (элементы философского мирозерцания). Харьков: Тип. Губернского Правления, 1892. С. 186-205.

21. **Линицкий П.И.** О православии, как истинно-христианской вере. Вера без дел мертва // Вера и разум. 1897.Т. II. Ч. II. С.503-525.

УДК I (091)

И.Д. Осипов

МАРКСИСТСКАЯ МЕТОДОЛОГИЯ НАУКИ В.П. ТУГАРИНОВА¹

MARXIST METHODOLOGY OF SCIENCE BY V.P. TUGARINOV

ОСИПОВ Игорь Дмитриевич - доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой истории философии Института философии, Санкт-Петербургский государственный университет. E-mail: idosipov@mail.ru

OSIPOV Igor D. - Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russia.
E-mail: idosipov@mail.ru

В статье рассматривается методология науки видного ученого-философа, доктора философских наук, автора многих научных работ, профессора и декана философского факультета Ленинградского университета В.П. Тугаринова. Он разрабатывал оригинальную марксистскую аксиологию, выступал за междисциплинарные исследования в контексте интеграции гуманитарных и естественных наук, взаимовлияния философии и науки. Важное место в его работах занимало исследование понятий информации, цивилизации, культуры, экологии, гуманизма, личности и природы. Работы В.П. Тугаринова вызвали оживленную дискуссию в советской философской науке, они продолжают оставаться актуальным до сих пор.

The article examines the methodology of science of a prominent scientist-philosopher, Doctor of Philosophy, author of many scientific works, professor and dean of the Faculty of Philosophy of Leningrad University V.P. Tugarinov. He developed an original Marxist axiology, advocated interdisciplinary research in the context of the integration of the humanities and natural sciences, the mutual influence of philosophy and science. An important place in his works was occupied by the study of the concepts of information, civilization, culture, ecology, humanism, personality and nature. The works of V.P. Tugarinov caused a lively discussion in Soviet philosophical science, they continue to remain relevant to this day.

НАУКА, ЗНАНИЕ, ЧЕЛОВЕК, ЦЕННОСТЬ, КУЛЬТУРА, МАРКСИЗМ, ОБЩЕСТВО

¹Статья написана при поддержке Гранта РФФИ № 20 -011-00144 «Теоретическое наследие философии в Ленинграде-Петербурге. Вторая половина XX века».

SCIENCE, KNOWLEDGE, MAN, VALUE, CULTURE, MARXISM, SOCIETY

Профессор и декан философского факультета ЛГУ им. А.А. Жданова, заведующий кафедрой философии для естественных и гуманитарных факультетов Василий Петрович Тугаринов (1898-1978) сыграл важную роль в развитии теоретических положений гуманистической марксистской философии. В 1940 г. он защитил кандидатскую диссертацию «Учение марксизма-ленинизма о морали», а в 1951г. докторскую диссертацию «Диалектический материализм о законе и закономерности». Его перу принадлежат множество работ по актуальным вопросам марксистской теории, среди них «Теория ценности в марксизме» (1968), «Философия сознания. Современные вопросы» (1971), «Природа. Цивилизация. Человек» (1978). Уровень достижений отечественной философии науки в это время совпадал с мировым уровнем, а ленинградскими философами В.П. Тугариновым, В.П. Рожиным, М.С. Каганом, В.А. Штоффом, В.И. Свидерским, М.В. Мостепаненко было в период 50-х-70-х годов получено множество ценных научных результатов. Марксистские принципы материалистической диалектики, единства логического и исторического, взаимосвязи теории и практики, классового анализа применялись ими с учетом достижений мировой философии и глобальных социокультурных изменений в мире. Исходя из постулатов классического марксизма, В.П. Тугаринов стремился обосновать новые тенденции развития науки и выявить основные перспективы социально-экономического прогресса. Он писал: «Социальное будущее формируется в результате социальной активности (грядущее создают люди, массы, классы на основе своей практически–преобразующей деятельности), оно зависит от исторической инициативы народных масс. Но эту творчески преобразующую деятельность людей, их способность создавать грядущее нельзя представлять себе как произвол. Деятельность людей носит

закономерный характер. Будущее как результат этой деятельности возникает закономерно» [4, с. 34]. Философ обращал пристальное внимание на новые научные идеи, которые воздействуют на развитие марксистской философии. По его мнению, развитие науки оказывает огромное влияние на углубление материалистических философских воззрений на жизнь, оно «отбросило традиционное метафизическое противопоставление детерминизма и естественной «телеологии» (целесообразности). В результате принцип причинной обусловленности постепенно освободился от упрощенного механистического истолкования, а целесообразность» получила научное объяснение» [7, с. 193].

Согласно В.П. Тугаринову сознание человека включается в более широкую сферу познания общих для всей природы процессов, столь же универсальных, как и отражение, но имеющих свою специфику. В результате происходит процесс взаимодействия и взаимопроникновения науки в той области действительности, которая рассматривается как уникальная и неподдающаяся общенаучным и естественным методам исследования. Единство науки и объектов исследования её анализа стало всеохватывающим, включающим все объекты действительности, в том числе и внутренний мир человека. Суждения В.П. Тугаринова отражали наметившиеся в мировой науке тенденции проведения междисциплинарных исследований, которые оказались актуальными в настоящее время. «Как показал опыт научного развития в XX веке, особенно в последней трети XX века дисциплинарная замкнутость сменилась междисциплинарными коммуникациями, в терминах которых стали решать научные проблемы» [1, с.102]. В этой связи заметное усиление воздействия аналитической философии на методологию научного познания объясняется совпадением универсальности философского познания и развитием системных исследований в

естественной и гуманитарной науке. Реализующийся в этот период методологический синтез наук, отражал единство материальной и духовной культуры. В этом контексте В.П. Тугаринов уделял особое внимание сближению нейрофизиологии, психологии и теории познания, теории информации и кибернетики, экологии и глобалистики, антропологии и асиологии. Следует подчеркнуть, что популярное в советской философии изучение методологических проблем различных гуманитарных и естественных наук во многом способствовало изучению их предмета, законов и категорий. И существующее в советском марксизме представление о философии как науке, исследующей наиболее общие законы развития природы, общества и человеческого мышления было продуктивным для постановки и решения различных теоретических проблем. «К своеобразию марксистской философии, обеспечивающему её методологическую эффективность, относится единство её основных разделов «онтологии (объективной диалектики), теории познания и логики (мировоззренческой, философской или «диалектической». Между тем в прежней философии имелся разрыв между ними)», - пишет В.В. Миронов [2, с.72]. Кроме того, следует согласиться с тем, что «достижения отечественной философии науки в целом и в ленинградском философском сообществе были получены не вопреки тем философским позициям, которые наши философы разделяли, пусть это и назвалось «марксистско-ленинской философией» и «диалектическим и историческим материализмом» [5, с.299]. К важному положению марксизма следует отнести то, что объект познания дан человеку не форме созерцания, а в форме практики, и что при этом сама практика, будучи окончательным и определённым критерием истины, тем не менее, не является абсолютным критерием. В.П. Тугаринов проводил различие между обыденным и научным сознанием. По его мнению, проблема обыденного сознания

возникает в связи с тем, что научное сознание и познание проникает неодинаково в различные сферы общественной жизни и что научные сознания людей в обществе далеко не одинаковы. Обыденное и научное сознание являются универсальными, а различие между ними заключается не в их предмете, а в их уровнях и в методах получения информации. В современном обществе наука как более высокая форма познания постепенно вытесняет традиционные, обыденные формы познания и основанную на них практику.

Интерес в этой связи вызывает предпринятый философом анализ понятия информации в связи с его кибернетическим определением. В.П. Тугаринов анализировал концепции информации Б.С. Украинцева, Г.В. Платонова, Д.А. Гущина, Л.М. Веккера, Л.О. Резникова и полагал, что в кибернетике понятие информации берется в универсальном смысле, как определённая форма взаимодействия между двумя или несколькими объектами любой физической природы. Кибернетическое понятие информации отличается тем, что в нём выделяется та сторона взаимодействия, которые несет определённые сведения о взаимодействующих объектах. Философ подчеркивал, что упорядоченность - важный признак, который характерен для всякого процесса, дающего информацию, в том числе и для отражения. Если обыденное понятие информации связано с сознательными действиями человека (устное, письменное и пр. сообщение), то кибернетическое понятие информации включает в себя воздействие любых систем друг на друга и отнюдь не связанное с сознанием. Сознательные же информационные процессы входят в данное понятие частично. Столь же универсальный характер имеет и признак упорядоченности информации. Своей универсальностью кибернетическое понятие информации сближается с философским понятием отражения. В.П. Тугаринов

разбирает отличие информации от отражения, которое заключается не только в различии свойства и субстрата, но и в том, что отражение означает не только онтологическое, но и гносеологическое понятие, которое показывает отношение между отражаемым и отражающим. Информация же фиксирует отношение между объектом-источником информации и объектом-приемником последней; это объекты любой природы и не обязательно, чтобы один из них был объектом, а другой субъектом. Понятие же информации не имеет гносеологического аспекта, оно является лишь онтологическим понятием. Согласно В.П. Тугаринову различие понятий отражения и информации связано со спецификой философских и специальных научных терминов. Специальные науки, такие как кибернетика, имеют лишь онтологический аспект, в то время как гносеология и логика-области философии. На основе проведенных исследований В.П. Тугаринов определяет информацию как «процесс, происходящий в материальных и идеальных (психических) системах в соответствии с общими свойствами этих систем. Она является принадлежностью этих систем и выражает природу каждой из них: в материальных процессах информация является материальной, а в идеальных, психических системах информация имеет материально-идеальный характер» [7, с.170]. Понятие информации, применяемые к объектам любой природы, позволяют анализировать процессы сознания не только в связи с такими свойствами природы как отражение, но и с другим её свойством-информацией. По его мнению, теория информации дает новый материал для обогащения теории отражений и сознания, взаимосвязь философии и специальных наук на пользу всем, философская теория отражения и специальная научная теория информации взаимно помогают одна другой. Исследования В.П. Тугаринова углубляли и уточняли понимание важной для философии и естественных наук

категории, корректировали одностороннюю позитивистскую концепцию философии науки. Данные исследования важны и в настоящее время, так как они связаны с изучением понятия информационного общества, информационной экономики, информационной культуры. Следует отдать должное научной интуиции философа, который понимал важность информации в глобальном мире.

Следует отметить также и вклад В.П. Тугаринова в исследование методологии гуманитарных наук. Его труды в этой области имеют самое непосредственное отношение к парадигме современной науки; в них обоснованы положения о детерминации результатов гуманитарной науки социокультурными условиями, отношением исследователя к объекту исследования, «человеческим фактором». Это было важно, так как в советском марксизме заметно проявилась «недооценка человека как индивида, а также переоценка классового фактора при анализе его сущности» [2, с.72]. Работы В.П. Тугаринова сыграли важную роль в осмыслении проблемы личности, экзистенциальных парадигм её бытия; он давал определение смысла жизни как «сознательно поставленной цели, имеющей общественное значение и составляющей главный и постоянный интерес человека» [3, с. 6]. Принципиальное значение имел аксиологический подход, детально рассматриваемый во многих трудах В.П. Тугаринова; он сыграл поистине революционную роль в новом понимании общества и человека, позволял выявить многообразные лично–общественные коммуникации. Работы ученого, посвященные марксистской теории ценности, вызвали широкую дискуссию, в которой приняли участие М.С. Каган, В.О. Василенко, О.Г. Дробницкий, О.М. Бакурадзе, М.А. Лифшиц и др.

В.П. Тугаринов писал: «Гносеологическое значение марксистской теории ценности стоит в том, что она конкретизирует и развивает

проблему соотношения между объектом и субъектом уже в процессе познания (чем ограничивается теория познания в её современном состоянии), но в процессах оценки, как своеобразной формы отношения субъекта и объекту» [6, с. 46]. В связи с этим марксистская теория ценностей вводит в гносеологию ряд категорий, до сих пор слабо освещаемых в марксистской философии, хотя они и занимали должное место в трудах классикой марксизма-ленинизма и в общественной практике. Этим марксистская теория ценностей дает толчок к дальнейшей разработке теории практики. Ученый подчеркивает, что в содержании каждой дисциплины есть философские вопросы, возможность ответить на них позволяют специалисту более глубоко и правильно развивать и частные, особенные проблемы своей науки. Для Тугаринова ценности-это «Предметы, явления и их свойства, которые нужны (необходимы, полезны, приятны и т.п.) людям определённого общества или класса и отдельной личности в качестве средств удовлетворения их потребностей и интересов, а также-идеи и побуждения в качестве нормы, цели или идеала». [6, с. 11] Согласно Тугаринову в ценностном отношении выражено практическое отношение человека к окружающему миру. При этом познание является первым звеном в триаде познание-оценка-практика, а ценность завершает собой познавательный процесс. Тугаринов также поясняет, что «специфика ценностного подхода заключена в исследовании не объективных закономерностей структуры, функционирования и развития общества, не массовых результатов деятельности людей, выражающихся в этих закономерностях и общественных сдвигах, так сказать интимной стороны человеческой деятельности, ибо ценности суть не что иное, как мысли, идеи, в которых выражается отношение человека к действительности и фиксируется предпочтение одних явлений к другим» [6, с. 49]. Философ сравнивал рационально-научный и ценностный

подходы при анализе социума. При первом подходе, по его мнению, отсутствует выбор между различными социально-политическими явлениями, поскольку они изучаются с исторической и объективной точки зрения. При ценностном подходе производится выбор идей, принципов, явлений исторического опыта, полезных для строительства нового общества и исключаются ценности, бесполезные с этой точки зрения. При этом Тугаринов отмечает, что в отличие от неокантианства марксизм не противопоставляет ценностный и научный подходы; они связаны, поскольку позволяют с разных сторон выявить соотношение универсальных и относительных (групповых, классовых оснований общества).

На этой основе В.П. Тугаринов анализирует вопросы развития цивилизации в контексте глобальных проблем человечества: экологических, демографических, научно-технического прогресса, урбанизации. Он раскрывает особенности ценностного подхода для выработки прогрессивной социалистической и гуманной социально-экономической и культурной политики, дает определение цивилизации как «определённого слоя культуры, обладающего некоторыми специфическими чертами (признаками), отличающими её от культуры в целом» [7. с. 65].

В заключение отметим, что работы В.П. Тугаринова позволили выявить особое значение категории информации для прикладной науки и философии, раскрыть специфику аксиологического измерения гуманитарной науки. Он впервые предложил марксистскую классификацию ценностей и убедительно аргументировал актуальность философии марксизма для понимания парадигм естественных и гуманитарных наук, решения практических вопросов воспитания человека и социального прогресса. По существу, он стремился выявить

эвристические возможности философии марксизма, что ему, несомненно удалось.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Виктор Александрович Штофф и современная философия науки. Сост. Ю.М. Шилков. СПбГУ., 2006.
2. **Миронов В.В.** Философия. М., Проспект, 2019.
3. **Тугаринов В.П.** О смысле жизни. Л.: Изд-во Ленинградского университета, 1961. 125 с.
4. **Тугаринов В.П., Румянцева Т.М.** Предвидение и современность. Л.: Наука, 1976. 212 с.
5. **Караваяев Э.Ф.** К истории становления и развития философии науки в Ленинграде (конец 1950-х-конец 1960-х гг.) //Философия в Санкт-Петербургском университете. Справочно-библиографическое издание. Под ред. А.Ф. Замалева, Ю.Н. Солонина. СПб, Санкт-Петербургское философское общество, 2003.
6. **Тугаринов В.П.** Теория ценности в марксизме. Л., Изд-во Ленинградского университета, 1968. 124 с.
7. **Тугаринов В.П.** Философия сознания. М.: Мысль, 1971. 199 с.

УДК 93

О.К. Павлова

**ФИЛОСОФИЯ И ИСТОРИЯ ФОРМИРОВАНИЯ СИСТЕМЫ
РОССИЙСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ (XVIII- XIX ВЕКА)**

**PHILOSOPHY AND HISTORY OF RUSSIAN EDUCATION SYSTEM
(XVIII-XIX CENTURIES)**

ПАВЛОВА Ольга Константиновна - доктор исторических наук, профессор Высшей школы международных отношений Гуманитарного института, Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого. E-mail: pavlovaok55@mail.ru.

PAVLOVA Olga K. –Peter the Great Saint-Petersburg Polytechnic University, Saint-Petersburg, Russia.
E-mail: pavlovaok55@mail.ru.

Статья посвящена философско-историческим аспектам развития образования в России. Рассматриваются социально-экономические, политические, культурные условия повлиявшие на философию развития просвещения в России. Внимание обращено на роль государства и общества, на значение философских идей европейских и российских мыслителей в формировании системы образования в России в период XVIII-XIX вв.

The paper is devoted to the philosophical – historical aspects of the education development in Russia. The socio-economic, political, cultural conditions that had a special impact on the philosophy of education development in Russia are viewed and considered. Attention is drawn to the role of the state and society, to the importance of the philosophical ideas of European and Russian thinkers in shaping the education system in Russia during the 18th-19th centuries.

ИСТОРИЯ; ФИЛОСОФИЯ; РОССИЯ; ОБРАЗОВАНИЕ; ГОСУДАРСТВО;
ЭТАПЫ ФОРМИРОВАНИЯ; ЦЕЛИ; ОБЩЕСТВО; СОСЛОВИЯ; ФОРМЫ
ОБРАЗОВАНИЯ

HISTORY; PHILOSOPHY; RUSSIA; EDUCATION; STATE FORMATION
STAGES; AIMS; SOCIETY; CLASSES OF PEOPLE; FORMS OF EDUCATION

Как самостоятельная дисциплина философия образования известна с начала XX века. Её родоначальником считается англо-американский философ Джон Дьюи. Философия образования как раздел философского

знания, предполагает осмысление образования с точки зрения исторически «бытийных» составляющих человеческого существования, имеющих определяющее значение для культуры общества. Следует отметить, что каждая историческая эпоха формировала свою философию образования, исходя из социально-экономических, политических, культурных и прочих потребностей общества.

В первые века формирования и развития Русского государства образование и воспитание осуществлялось церковными институтами, семьёй, общиной. Известно, что первые школы возникали при монастырях и церквях, а священнослужители становились первыми учителями. Следовательно, христианская философия лежала в основе образования и воспитания. В качестве опыта использовался византийский образец школ. По мнению В.Н. Введенского, школы Древней Руси нельзя назвать в полной мере школой из-за её малой доступности и организованности [1, с.48].

На протяжении всего средневекового периода православная вера, церковь были базой образования и нравственного воспитания. При этом следует обратить внимание, что светская власть, в лице князей и других правителей, опиралась и поддерживала подобное образование. Академик Б.Д. Греков указывал, что обычная грамотность, обучение ей были на Руси распространены раньше появления «книжного учения» [2, с.51-52].

В конце средневекового периода, в Московском государстве происходили изменения как в организации образования, так и в его содержании. XVII век стал новым этапом в развитии русской культуры, которая была связана с потребностями в образовании. Росло и успешно развивалось ремесло, появились мануфактуры, складывался всероссийский рынок. Внешнеполитическая ситуация требовала укрепления обороны страны, за этим последовали усовершенствования в военной технике, что

вызвало развитие математики, геометрии, баллистики, развитие получила медицина. Для промышленности были необходимы знания в «рудодобывающих» делах, для земледелия – знания в биологии, для освоения новых пространств возникала потребность в географических познаниях. Очевидно, что возникала потребность в образовании нового типа, которое на то время было слабо развито. Образование в значительной степени носило частный характер, ценился личностный опыт, передававшийся по наследству. Школ было мало, в основном при монастырях и церквях. Лишь в 1634 году был создан Василием Бурцовым первый печатный букварь, а в 1679 году вышла в свет новая печатная азбука. В это время среди общественных деятелей укрепляется мнение о необходимости системного светского образования. Идеи Симеона Полоцкого, Фёдора Ртищего, Сильвестра Медведева легли в основу создания высшего учебного заведения – Славяно-греко-латинской академии, организованной братьями Лихудами в 1685 году. Образование, предполагавшее не только обучение грамоте, становится потребностью части общества. Существовавшие ранее частные и церковные учебные заведения не соответствовало социально-экономическим, культурным и политическим интересам государства. Таким образом, условия развития России способствовали расширению потребности разных слоев населения в элементарных научных знаниях это совпадало с интересами государства.

Преобразования в стране, начатые Петром I, охватили все стороны жизни России начала XVIII века, не могли быть проведены без подъёма общей культуры, в первую очередь образования. Причем инициатива в данном случае исходила не столько со стороны частных лиц и общества, сколько от самого царя. Преобразования Петра I способствовали расширению сети учебных заведений, реорганизации характера образования. Как отмечал В.И. Жуков: «Петр I, потерпев ряд поражений и

неудач, верно установил диагноз: отставания России и все её поражения объясняются низким уровнем образования. Солдаты и моряки, техники и офицеры, военные и гражданские специалисты..., а вслед за ними высокая культура, наука, техника, армия и державное государство могут стать итогом определенного уровня развития образования и воспитания» [3, с. 79].

Сам стремящейся к образованию, Петр I пытается на государственном уровне привить потребность в нём обществу. На смену богословским дисциплинам приходят математика, астрономия и другие точные науки. Меняется характер школ, созданы Артиллерийская (1701 г.) и Инженерная (1712 г.) школы, Медицинское училище (1707 г.). Школы открывались в городах и губерниях (цифирные) для детей дворянских и подьяческих, для детей духовенства – епархиальные, для детей солдат – гарнизонные. Развитие получили специальные учебные заведения, открытые при крупных заводах, например, в Олонецком крае и на Урале. Целью данных учебных заведений была подготовка специалистов и администраторов для металлургической промышленности. Расширение сети общеобразовательных и специальных учебных заведений явилось необходимой потребностью для дальнейшего развития России, поэтому государственная власть в лице Петра I, не только поддерживало инициативу открытия учебных заведений, но активно принимало участие в этом процессе. Государь следовал своей линии – все лучшие достижения Европейской науки, техники, культуры взять за основу и применять в России. Эта тенденция коснулась и образования.

Особое внимание Петр I уделял женскому образованию, стараясь соответствовать европейской культуре. По его указам, в дворянские семьи приглашали учителей музыки, танцам, иностранным языкам, а также бонн и гувернанток, для обучения девочек светским манерам, обходительности

и рукоделию. Однако, обучение проводилось на дому, что не до конца удовлетворяло планы Петра I о создании системного женского учебного заведения, «питомцы которого, вступая в общество, вносили бы в него зачатки гражданских и семейных добродетелей» [4, с. 9]. В 1717 г. Петр посетил знаменитое женское училище Франции в Сен-Сире, основанное маркизой де Ментенон в 1686 г. Нечто похоже предполагалось создать в России. Для реализации замысла был основан орден Св. Екатерины, под покровительством которого планировали основать женское училище.

24 января 1724 г. Петр I издает указ, предписывающий монахиням обучать детей грамоте при монастырях, а девочек (дополнительно) – шитью, пряже и другим видам мастерства. Однако, несмотря на стремления и амбиции Петра и его сподвижника Ф.С. Салтыкова в создании женского училища, эти намерения не осуществлялись в полной мере. К сожалению, и планам Ф.С. Салтыкова не суждено было осуществиться. Он представил царю перспективный план, под названием «Пропозиции», где предлагал широкомасштабную программу обучения и воспитания молодого поколения, представителей различных сословий. Дерзкий план Салтыкова предполагал значительное расширение числа учебных заведений для различных сословий, он писал: «Ежели во всех губерниях сделаются по две академии, а во всякой академии было по 2000 студентов, и того будет 18000 студентов семи губерниях, и по прошествии семи лет из всякой академии будет выходить человек по 100, окончив некоторые свободные науки и впредь по последствию во все годы. И так мы по сему образу сравняемся во всех свободных науках со всеми европейскими государствами...» [5, с.9]. Не менее интересным был план, предложенный И.Т. Посошковым, который акцентировал внимание на обучении крестьянства: «...не худо б крестьян и поневолить, чтоб они детей своих, кои десяти лет и ниже, отдавали дьячкам в научные грамоты

и, науча грамоте, научили бы их и писать. И чаю, не худо бы так научить, чтобы не было в малой деревне без грамотного человека» [6, с. 26].

Историк отечественного образования и педагогики П. Ф. Каптерев отмечал, что во времена Петра Великого, люди мало понимали трудности, проявлявшиеся в процессе насаждения просвещения в России. Государству казалось, что несколько указов, штрафов и создание одной или двух академий по образу Оксфорда или Кембриджа будет достаточно, для того чтобы догнать уровень светской грамотности ведущих в те времена европейских государств. Средств для развития образования не хватало, перспективные смелые планы не были приняты Петром.

Тем не менее, новые учебные заведения были созданы, положено начало профессиональному и женскому образованию. При церквях существовали единичные школы для девочек, например, при лютеранской церкви в Москве (с 1694 г.) и при церкви Св. Петра в Санкт-Петербурге (с 1703 г.).

Учебные заведения, открытые в первой четверти XVIII по инициативе царя предназначались для детей разных сословий, преимущественно для дворянских и купеческих детей. Позднее эта тенденция меняется в интересах дворянства, хотя требования Петра I по отношению к образованию дворянских детей с применением даже насилия не соответствовали желаниям самого дворянства.

Представляет интерес инструкция «О порядке преподавания в школах при уральских казенных заводах», написанная В.Н. Татищевым. В ней определено не только содержание необходимого образования и формы его организации, но и указана цель для обучающихся представителей разных сословий: «...Понеже при заводах обучающимся для собственной своей пользы, чтоб в чины правления происходить и вновь пользы

изобретая приносить могли, нужно разным необходимым к тому искусствам и ремёслам обучаться...» [7, с.168-169].

Продворянская политика, проводима приемниками Петра I, отразилась на философии образования. Она была подчинена интересам и укреплению дворянства. Многие учебные заведения стали доступны лишь дворянству. Артиллерийская и Инженерные школы в середине века были преобразованы в корпуса. Кадетские корпуса находились под попечительством правительства. Происходит аристократизация дворянства, заключающаяся, в том числе, в праве выбора типа обучения, школьного или домашнего, открывались школы исключительно для дворянских детей. Для молодых дворян, будущих офицеров создавались шляхетские корпуса и закрытые привилегированные учебные заведения, дававшие классическое образование. Сохранялись старые начальные школы (гарнизонные), в которые вошли цифирные.

Постепенно в учебных заведениях возрастает значение научного подхода. Центром научной мысли после 1725 года становится Академия наук. Участие в деятельности Петербургской Академии наук принимали математики Эйлер и Бернулли, великий М.В. Ломоносов и др. Стараниями выдающихся ученых и государственных деятелей, постепенно образование становится на научные рельсы, расширялась сеть образовательных учреждений. В 1755 г. был открыт Московский университет, М.В. Ломоносов уделял много внимания организации преподавания в университете и гимназии.

Новым этапом в развитии образования стала вторая половина XVIII в. На этом этапе происходит развитие научной, научно-технической мысли, расширение научных знаний и внедрение их в промышленную, хозяйственную жизнь. В России хорошо известны имена И.И. Ползунова, И.П. Кулибина, К.Д. Фролова и многих других изобретателей. Развитие

получают гуманитарные науки. Интересно отметить, что к наукам проявляли интерес люди разных сословий, например курский купец И.И. Голиков подробно исследовал деятельность Петра I, написав об этом труд из 30 томов. Во второй половине XVIII века увеличилось число учебных заведений и количество учащихся, однако по этим показателям Россия уступала Западной Европе. Нельзя говорить о сложившейся системе образования, так как не было единых обязательных программ, социальный состав учебных заведений, например, в народных училищах был пестрый, равно как и возрастной. Наиболее популярными учебниками в училищах были «Первое учение отрокам» Ф. Прокоповича, «Арифметика» Л.Ф. Магницкого, «Грамматика» М. Смотрицкого.

Относительно женского образования очевидно, что в XVIII в. преобладало в основном домашнее обучение, а его уровень различался по стоимости и характеру образовательных запросов. Автор исследования положения и статуса русской женщины XVIII в. В.О. Михневич отмечал, что «хорошее женское образование было в те времена редкой роскошью, которую могла пользоваться только богатая знать, и, следовательно, являлось вполне аристократическим. Масса женщин среднего класса усваивала только внешнюю оболочку образования и, главное, светскости, а, в сущности, стояла на крайне низком уровне умственного развития» [8, с. 87—88].

Большое значение имела цель получения образования женщинами, оно становилось модным, статусным для личной жизни в понимании светского общества. В представлении Петра светское образование должно было облагородить ум и сердце женщин страны, а для большей части родителей образование и светские манеры позволяли создавать наиболее удачные «партии» их дочерям, то есть как можно выгоднее выйти замуж [9, с. 67].

Екатерина II продолжала политику Великого Петра. Однако, философия подхода к образованию Екатерины отличалась от её предшественника. Предполагалось, что выбор деятельности и образования есть выбор свободного человека. Конечно, под свободным человеком понималось благородное дворянство, именно его воспитанию и образованию особое внимание уделялось государством. Цель – воспитать патриота, человека чести и благородства. Новые закрытые учебные заведения отличались хорошей организацией и обеспеченностью всем необходимым, во многом за счёт государства.

Под влиянием просветительских тенденций Европы, считавшая себя просвещенной императрицей, Екатерина II значительное внимание обращала на воспитательно-образовательную сферу. По инициативе И.И. Бецкого в 1764 году было основано Воспитательное общество благородных девиц, в Петербурге открылось первое в России образовательное учреждение для девиц благородного происхождения и мещанского звания. Известное как Смольный институт, учебное заведение закрытого типа положило начало женскому сословному образованию в России. Учебное заведение, по мнению П.М. Майкова, создавалось по образцу женского образовательного учреждения Институт для дам Св. Людовика в Сен-Сире во Франции. Институт для дам Св. Людовика получил широкую известность за пределами Франции. Он стал примером для многих европейских государств. П.М. Майков уверял, что устав Смольного монастыря являлся «сколкомъ» с устава Сен-Сира [10, с. 265].

В рамках этой политики по плану И.И. Бецкого, на средства П.Демидова, было учреждено Коммерческое воспитательное училище в Москве для купеческих детей. Что свидетельствует об изменении традиций купеческих семей во взглядах на обучение своего потомства. Императрица высоко оценила заслуги И.И. Бецкого в области развития образования,

вручив ему в 1776 году большую золотую медаль с надписью «За любовь к отечеству», созданную в его честь [11, с.337]

Важное значение в формировании структуры, содержания и философии образования в России определила французская и британская культуры, которые имела большое влияние в эпоху Петра I и Екатерины II. Марк Раев, профессор колумбийского университета, утверждал, что «этико-педагогическая ориентация в России находилась в связи с европейскими образовательными теориями и практикой, ведущими своё происхождение от Локка» [12, р.671].

Первый переведенный трактат Д. Локка «Мысли о воспитании» был издан в России в 1760 году. О популярности данного труда свидетельствуют частые ссылки на него в трудах самой Екатерины. Американский ученый Э. Симмонс, утверждал, что Екатерина не симпатизировала французской системе образования, которая доминировала в России с середины XVIII в., однако часто обращалась к идеям Д. Локка.

Ещё в период Северной войны Петр I поручает лифляндцу Э. Глюку, создание первой в России гимназии по образцу западноевропейской, общеобразовательной гимназии. Однако общеобразовательные гимназии не распространились в России, после смерти Э. Глюка, гимназия была преобразована в профессиональную школу переводчиков. Возможно, причиной тому было не востребованность классического образования, изучение древних языков, которые не вписывались в практическую концепцию императора. Следующая попытка создания проевропейских гимназий была сделана М.В. Ломоносовым. С этой целью им был написан «Проект регламента московских гимназий», его основе лежали идеи создания двух отделений для детей дворян и разночинцев. Цель обучения заключалась в ознакомлении учащихся «началам наук», подготовке

гимназиста к продолжению образования. Подобная схема была предпринята И.И. Бецким при организации воспитательных домов.

Исторический опыт показал, что общедоступные, бессловные учебные заведения не получили распространения в России. Признавая определённое влияние европейской культуры на Россию, следует отметить, что самобытность государства выражалась и в образовательной сфере. В России формировалась система образования, соответствовавшая сословному делению общества. Соответственно, каждый слой общества предъявляли свои требования к воспитанию и обучению подрастающего поколения. В соответствии с этими требованиями создавались уставы и программы учебных заведений.

Таким образом, Екатерина II продолжая тенденции развития образования эпохи Петра I на государственном уровне, опираясь на европейский опыт, стремилась к созданию системы образования, поддерживала частную инициативу, осознавала важность женского образования, определила цели и средства, привлекла общественный интерес к осуществлению идей просвещения. При этом сохраняется сословный подход к образованию. На ней базируется и философия российского образования.

С начала XIX века образование продолжает развиваться на новом уровне, с учетом социально-экономических и политических требований времени. Возрастает влияние европейских ценностей на экономическую и духовную жизнь России. Образование всё больше приобретает системный характер, об этом свидетельствует созданное в 1807 году Министерство народного просвещения. Государство способствует расширению сети учебных заведений, привлекая общество к решению этой задачи. Известна идея Александра I об увеличении числа разного уровня и характера учебных заведений, как платных, так и казенных. Что предполагало

сделать начальное образование бесплатным и доступным для широкого круга учащихся.

При этом следует отметить, что на формирование самой философии образования влияют не только внешнеполитические факторы, но и геополитическое положение России, сословная организация общества, многонациональный состав населения, привилегированное положение православной церкви. Все эти аспекты, так или иначе оказывали влияние на формирование система образования, её содержание.

В начале XIX века в России происходят значительные изменения. В экономическом плане страна делает скачек в развитии, успешные военные походы укрепляют международное положение. В сословном плане происходят изменения. Возрастает значение городского населения. Укрепляется положение купечества, с развитием промышленности возрастает значение свободных рабочих. Быстрыми темпами растет численность рабочего класса и буржуазии. Меняется и состав крестьянства. Тем не менее, сохраняется традиция и стремление купечества попасть в дворянское сословие. Эти изменения не могли не оказать влияние на менталитет различных слоев общества, их отношения к образованию. В.Н. Введенский справедливо отмечал: «Изменения в ценностных ориентациях представителей различных сословий и слоев российского населения, ложились в основу эволюции соответствующих идеалов человека в российском обществе XIX века» [1, с.66].

В условиях нового времени происходят изменения в отношении к образованию. В Европе и в России образование рассматривается как необходимая составляющая не только для экономического и духовного процветания нации, но и как путь к осуществлению философских замыслов. На философию образования XIX века оказывают воздействие различные процессы. Под влияние французской революции в среде

дворянства формируются идеи глубоких преобразований от либеральных до революционных. Идеи декабристов получают распространение в среде разночинной интеллигенции. Центром этих идей будет свободный человек, духовно богатый, человек-борец. Интересно отметить, при Александре I, деятельность Министерства духовных дел и народного просвещения была направлена на создание такой системы образования и воспитания, которая бы способствовала созданию человека патриота, образованного, законопослушного и, свободного от религиозного давления. То есть, элементы ограничения роли церкви, атеистические идеи частично проникали в бюрократический аппарат и влияли на философию образования

Ситуация частично изменится с приходом к власти нового императора. В историю Николая I вошёл как Николай «палкин», за жесткую внутреннюю и внешнюю политику. В манифесте 13 июня 1826 года, он выражал свое мнение, заключавшееся в том, что события 14 декабря 1825 года были вызваны ложными направлениями в учебной системе. Как следствие, в 1826 г. был создан «Комитет устройства учебных заведений», в обязанности которого входила подготовка нового устава образовательных учреждений [13, с. 459-460]. Император придерживался мнения, что общеобразовательное обучение необходимо заменить профессионально-сословным. Более того, каждому сословию должен соответствовать определённый уровень мировоззрения, который не должен выходить за рамки его повседневной жизни и деятельности [13, С.676]. В 1828 году вышел в свет новый устав, закрепивший условности сословного образования. Так взгляды императора и внутренняя обстановка в стране повлияли на содержание, организацию и отношение к образованию.

Справедливости ради, следует отметить, что в период правления Николая I, система образования расширилась. К открытию образовательно-воспитательных учреждений активно привлекались благотворительные организации и общества при поддержке государства. Для осуществления своих планов в области образования император привлекал представителей бюрократического аппарата, среди прочих графа С.С. Уварова, опытного чиновника в сфере науки и образования, президента Российской Академии наук, известного создателя теории «официальной народности». Основные положения теории, кратко означающие единство: «Православие, самодержавие и народность», стали основой философии образования николаевского периода. Православно-патриархальные ценности будут доминировать в системе духовности российского общества.

Вторая половина XIX века стала периодом глобальных преобразований в России, связанных с реформами Александра II. Изменения коснулись всех ступеней образования, формировался новый подход к образовательной системе. Проблемы образования стали важнейшим направлением деятельности земских и городских органов самоуправления. В это период создается межведомственная, многоступенчатая система образования. Таким образом, в системе формирования и развития образования принимали участие государственные структуры, общество в лице органы самоуправления и благотворительных организаций и др. Изменения в организации системы образования отразились на философии содержания образования. В просвещенную среду российского общества проникали философские идеи западничества. Например, теория нравственного воспитания человека И. Канта [14, с. 323-358]. В России были популярны учения о человеке Гегеля, в конце XIX века распространение получают идеи К. Маркса и Ф.

Энгельса. Философские идеи воспитания и образования нашли воплощение в трудах российских ученых И.И. Давыдова, Н.И. Пирогова, К.Д. Ушинского. Писатель и мыслитель А.И. Герцен много размышлял об идеальном человеке, связывая его с реальной жизнью. К вопросам нравственно-этического воспитания и образования обращаются представители русской интеллигенции. В этой связи представляю интерес рассуждения профессора Московского университета Т.Н. Грановского. По его мнению, цель воспитания состоит не только из передачи знаний, необходимых человеку для осуществления его трудовой деятельности. Он выражал актуальные и для сегодняшнего дня мысли: «...державная мысль, которой граф Уваров был счастливым и искусным толкователем, ясно определила задачу русского просвещения, возвратив нас к коренным началам русской жизни... Исключительное и вредное преобладание иноземных идей в деле воспитания уступили место системе, истекшей из глубокого понимания русского народа и его потребностей, ... Не единым хлебом сыт человек. Решительный перевес положительных, применяемых к материальным сторонам жизни знаний над теми, которые развивают и поддерживают в сердцах юношества любовь к прекрасным, может быть, и неосуществимым идеалам добра и красоты, неминуемо приведут европейское общество к такой нравственной болезни, от которой нет другого лекарства, кроме смерти» [15, с. 579].

Подводя итог скромным рассуждениям о философии образования с исторической позиции в период XVIII- XIX вв., следует отметить, что каждая историческая эпоха исходя из социально-экономических, политических, духовных, религиозных условий жизни России выдвигала определенные, востребованные на тот момент задачи в области образования и воспитания. Эти условия формировали философию, определяли содержание образования. Для России в указанный период была

характерна ориентация на сословное образование. Каждое сословие имело свое представление о философии образования, и соответственно выдвигало свои требования к нему. Традиционно в формировании и развитии образовательного процесса особую ценность представляло стремление к высокому уровню духовности, формировавшейся веками в различных слоях русского общества. Оно было обогащено новыми представлениями о человеке, его ценности, духовных идеалах благодаря развитию общественной философской мысли второй половины XIX века.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. **Введенский В.Н.** История развития образования в России XIX- начала XX века (аксиологический аспект): монография. Екатеринбург. 2007.
2. **Греков Б.Д.** Удар по антипатриотическим тенденциям в исторической науке// Новый мир. 1949.№3.
3. **Жуков В.И.** Российское образование: истоки, традиции, проблемы. М.,2001.
4. **Днепров Э.Д.** Среднее женское образование в России / Э.Д. Днепров, Р.Ф. Усачева. Учеб. пособ. М. 2009.
5. **Салтыков Ф.С.** Пропозиции// Памятники древней письменности.Т.83. Прилож. 5. СПб., 1891.
6. **Посошков И.Т.** Сочинения. М.,1951.
7. Исторический архив/ Под. ред. Б.Д. Грекова. Т.5. М.-Л., 1950.
8. **Михневич, В.О.** Русская женщина XVIII столетия / В.О. Михневич. — М., 1990.
9. Очерки русской культуры XVIII века: В 4 т. Т. 2. М.,1987.
10. **Майков, П. М.** Иван Иванович Бецкой. Опыт его биографии / П.М. Майков. — СПб., 1904.
11. **Павлова О.К.** Предпринимательство, призрение и благотворительность в Санкт-Петербурге. Вторая половина XIX- начало XX века. СПб. 2015.
12. **Raeff M.** On the Heterogeneity of the Eighteenth Century in Russia // Russia and the World of the Eighteenth Century. Columbus, 1988.
13. Полное собрание законов (ПСЗ). ПСЗ. Собр. II. Т. II. № 1308.
14. **Кант И.** Сочинения в 6 томах. Т.4. М., 1968.
15. **Грановский Т.Н.** Сочинения.Изд.4-е. М.,1900.

УДК 1 (091)

С.Н. Погодин

**ИСТОРИЯ ПОЛИТИЧЕСКОЙ МЫСЛИ В ТРУДАХ М.М.
КОВАЛЕВСКОГО**

**HISTORY OF POLITICAL THOUGHT IN LABOR M.M.
KOVALEVSKY**

ПОГОДИН Сергей Николаевич – доктор исторических наук, профессор, директор Высшей школы международных отношений Гуманитарного института Санкт-Петербургского политехнического Университета Петра Великого. E-mail: pogodin56@mail.ru.

POGODIN Sergey N. - Peter the Great Saint-Petersburg Polytechnic University, Saint-Petersburg, Russia.
E-mail: pogodin56@mail.ru.

Отечественный историк, социолог, политолог Максим Максимович Ковалевский (1851-1916) много уделял внимание анализу политической мысли. До его работ многие исследователи связывали появление политических идей с реформацией. Он сумел подметить всю относительность и условность этой связи. М.М. Ковалевский доказал, что политические теории возникают не в головах мыслителей, а есть естественный продукт народной мысли, а мыслители только собирали и оформляли их. Он детально исследует творчество Николы Макиавелли, Жана Бодена, Иоанна Альтузия, Бенедикта Спинозы, Жан-Жака Руссо, Шарля Монтескье, Томаса Гоббса. М.М. Ковалевский не ограничивался только изучением политических теорий и их становлением. В центре его внимания находились и вопросы, связанные с причинами их появлений. В этом отношении примечательна его позиция по вопросу воздействия политической доктрины на Великую французскую революцию. М.М. Ковалевский развивал учение о «народной демократии». В нем он видел путь к созданию конституционной монархической формы правления для Франции. Говоря о перспективах будущего объединения государств, М.М. Ковалевский допускал возможность создания европейской федерации.

The domestic historian, sociologist, political scientist Maxim Maksimovich Kovalevsky (1851-1916) paid much attention to the analysis of political thought. Prior to his work, many scholars associated the emergence of political ideas with the reformation. He managed to notice all the relativity and conditionality of this connection. M.M. Kovalevsky proved that political theories do not arise in the minds of thinkers, but are a natural product of popular thought, and thinkers only collected and designed them. He examines in detail the works of Nicola Machiavelli, Jean Boden, John Altusius, Benedict Spinoza, Jean-Jacques Rousseau, Charles Montesquieu, Thomas Hobbes. M.M. Kovalevsky was not limited only to the study of political theories and their formation. His focus was also on issues related to the reasons for

their appearance. In this regard, his position on the impact of political doctrine on the French Revolution is remarkable. M.M. Kovalevsky developed the doctrine of "people's democracy." In it, he saw the way to creating a constitutional monarchical form of government for France. Speaking about the prospects for the future unification of states, M.M. Kovalevsky admitted the possibility of creating a European Federation.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ МЫСЛЬ, ПОЛИТИЧЕСКИЕ НАУКИ, ПОЛИТИЧЕСКАЯ ДОКТРИНА, МАКСИМ МАКСИМОВИЧ КОВАЛЕВСКИЙ, «НАРОДНАЯ ДЕМОКРАТИЯ», ГОСУДАРСТВО, СВОБОДА

POLITICAL THOUGHT, POLITICAL SCIENCES, POLITICAL DOCTRINE, MAKSIM MAKSIMOVICH KOVALEVSKY, "PEOPLE'S DEMOCRACY", STATE, FREEDOM

Среди огромного научного наследия М.М. Ковалевского особое место занимают его работы по истории политической мысли. Эти исследования не похожи на обзоры истории политических доктрин, которые делали его предшественники, излагая их связи с учениями о нравственности или ставя их в зависимость от развития философии. М.М. Ковалевский стремился связать анализ истории государственно-правовых учреждений и институтов с анализом развития политических идей. Такая возможность ярко выражена в структуре и названии одной из двух его крупнейших работ в этой области, где речь идет не только о путях развития государственных учреждений, но и об отражении этого развития в сфере политической мысли [1].

«Я намерен представить в возможно сжатом виде историю государства, настолько она выступает в доктринах важнейших политических писателей, как древнего, так и нового мира, - отмечал М.М. Ковалевский во вступительной статье к этой работе, - моя книга не история политических учений и еще менее – история учреждений. Это – попытка показать, что обе тесно связаны друг с другом и не могут быть поняты одна без другой» [1. Т.1. С.3]. «Заглавие моей книги верно передает мою основную мысль: действительная природа этой эволюции

станет понятно только тогда, если мы примем во внимание параллельное развитие самого общества» [1. Т.1. С.5].

До М.М. Ковалевского многие исследователи связывали появление политических идей с реформацией. Освобождение человеческих знаний от навязываемой догмы было, по их мнению, источником учения о свободе личности, как в духовной, так и в политических сферах. Широкое самоуправление церковных общин с избранием пастырей вызывало к жизни, с указанной точки зрения, идеи политического самоуправления народа под главенством выборного правителя. Эту точку зрения наиболее рельефно сформулировал ученый Г. Еллинек, по мнению которого «установить законодательным путем ряд неотчуждаемых, прирожденных и связанных прав индивида – эта мысль не политического, а религиозного происхождения, то, что до сих пор считали последствием революции, на самом деле было плодом реформации и вызванной ее борьбой» [2. С.60].

М.М. Ковалевский сумел подметить всю относительность и условность этой связи. Он справедливо указывал на ряд невольно напрашивающихся фактических возражений. Прежде всего, полагал он, нельзя утверждать, что личные вольности возникли впервые в XVI в., «что значит, в таком случае. Признание их еще Великой хартией короля Иоанна Безземельного в 1215 году?» [1. Т.2. С.4]. При анализе реформации он пришел к выводу, что она принесла не только идеи свободы. «Цезаризм в церкви, как доказывает пример и императорского Рима и нашего отечества со времен Петра Великого, и Англии эпохи Тюдоров и первых Стюардов, никогда не был условием благоприятным развитию политической свободы, а наоборот, содействовал упрочнению абсолютизма» [1. Т.2. С.4]. Гонения Кальвина и возрождение им в Женеве теократических порядков путем соединения в руках избранников паствы духовной и светской власти говорят вовсе не о религиозной и политической свободе. О том же

свидетельствуют также и отстаивание Лютером неограниченности власти князьям, а также его согласие на казни анабаптистов.

Этими сопоставления М.М. Ковалевский показал, что не в реформации, самой по себе, как в теократическом учении, кроется действительный источник идей политической и религиозной свободы. Он считал бесплодными и напрасными поиски таких идей также и у немецких и французских представителей политической мысли. По мнению русского ученого, их следует искать не в богословских и философских трактатах, не в стройных сочинениях политических мыслителей, а «в памфлетах, проповедях, дидактических виршах, пастырских поучениях, наконец, в текстах манифестов и деклараций, поспешно редактированных вожаками народных движений» [1. Т.1. С.3].

Тем самым М.М. Ковалевский доказал, что политические теории возникают не в головах мыслителей, а были естественным продуктом народной мысли, а мыслители только собирали и оформляли их. Он предложил свой оригинальный подход в их освещении, свою методикку. До работ М.М. Ковалевского главенствовала методика Б.Н. Чичерина, который указывал на наличие неразрывной связи между политическими теориями и философией [3]. Он подчеркивал, что философские и политические начала в сущности своей одни и те же. И поэтому каждой из главных философских школ соответствует и особая политическая школа, основанная на тех же самых принципах. Так, например, материалисты в политике, равно как и в философии, являются, по мнению Б.Н. Чичерина, выразителями тенденции дробления целого на части и «обособления» отдельных элементов. Они являются приверженцами резко-индивидуалистических тенденций, сторонниками прав личности и строго демократического строя государства [1. Т.3. С.48-103]. Идеалисты в политике оказываются идеологами такого строя, в котором наиболее полно

осуществляется высшая цель государства – общее благо, в котором признаются интересы разнообразных слоев населения и которое находит полное осуществление в конституционном государстве с наследственным монархом во главе [1. Т.4. С.].

Предложенный методологический подход М.М. Ковалевского к анализу политических идей ярко проявился при оценке им роли Николы Макиавелли (1469-1527) в истории политических идей. Рассматривая его учение, русский ученый писал: «Макиавелли возвращается в этой книге (имеется в виду работа Н. Макиавелли «Князь» или в другом издании названная «Государь» - *С.П.*), как и в прочих своих произведениях, к тому самому приему исторического анализа, какого придерживался Аристотель. Не подражая ему прямо, он во многом приближается в своем «Князе» к тем главам «Политики», которые посвящены изображению приемов, всякого лучше ведущих к упрочнению тирании. С этой стороны его сочинение столь же интересно для характеристики тех путей, какими республики в Италии заменены были единоначалиями, как бесценны главы «Политики» для изучения порядков выражения греческих республик. В этом смысле, «Князь», дополняет «Рассуждения» того Н. Макиавелли на Тита Ливия, дает нашему автору право считаться не только величайшим политическим мыслителем своего времени, сумевшим выяснить условия устойчивости и падения тех двух порядков государственного устройства, какие представляла Италия XVI в., но и действенным восстановлением политики как науки» [1. Т.1. С.397-380]. М.М. Ковалевский указал на прогрессивную роль Н. Макиавелли, видел в нем представителя нового направления в политике, пытавшегося освободить политическую науку от теологии.

О взглядах итальянского политического мыслителя, отмечал русский историк, судят только по его «Государю», объявляя его идеологом

монархизма и абсолютизма, представителем особого политического направления под названием «макиавеллизм». Но это односторонний подход, поскольку забывают его «Рассуждения», которые играют в его политическом мирозерцании более важную роль, поскольку они стремятся дать целостное учение о государстве.

На новые аспекты указывал М.М. Ковалевский и при анализе идей Жана Бодена (1530-1596). Идеолог французского абсолютизма Ж. Боден поставил себе целью проанализировать и определить идею верховной власти. Он нашел для этой идеи соответствующее отвлеченное понятие (суверенитет), которое с тех пор вошло во всеобщее употребление. М.М. Ковалевский считал, что понятие суверенитета прежде всего выражает неделимость государственной власти [1. Т.1. С.302]. Единство суверенитета должно означать единство государственной власти, за которую шла ожесточенная борьба между буржуазией и королем, с одной стороны, и феодальными силами – с другой.

М.М. Ковалевский отверг утверждение о том, что идея верховенства власти в государстве принадлежит Ж. Бодену. Он считал, что эта идея появилась еще в средние века. «Эта идея отнюдь не может еще считаться тождественной с современным учением о государственном суверенитете, т.е. о верховной власти, принадлежащей не главе государства, как таковому, а самому государству. В те же средние века слагается представление о том, что по существу власть государя производная и что верховенство в своем источнике принадлежит не не кому, как народу» [1. Т.1. С.218].

М.М. Ковалевский, правда, не мог сказать, когда сложилось в Европе представление о том, что суверенитет принадлежит не правительству и не народу, а государству в его целом. Он подчеркивал, что это – реакционное направление и что его придерживается большинство публицистов, в

особенно немецкие. Эти теоретики привыкли обожествлять государство и рассматривать его как самостоятельное существо.

Интересное суждение высказал М.М. Ковалевский и при оценке творчества Иоанна Альтузия (1557-1639), являющегося одним из первых теоретиков доктрины народовластия, основоположником учения о «естественном праве». Выступая в своем труде «Политика», опубликованного в 1603 г. И. Альтузий объявил себя врагом веротерпимости и одновременно теоретиком народоправства, преданным идеям демократической республики. У него теория народовластия, писал М.М. Ковалевский, получила со времени древности систематическую постановку. «В его книге за целых полтораста лет до Руссо уже провозглашено положение, что сумма верхних прав, обнимаемых понятием государственного суверенитета, может принадлежать только народу. Эти права неотчуждаемы и неделимы, избираемые сановники и наследственные правители – не более как уполномоченные народа, основу их отношений к нему составляет договор, по которому они наделяются властью на известных условиях, обещают им повиновение в форме присяги подданства. Нарушение такого договора обращает правителей в тиранов и освобождает подданных от обязанности повиновения» [1. Т.2. С.58].

Верховная власть, суверенитет, уточняет М.М. Ковалевский, принадлежат только совокупности всех граждан, составляющих государство, т.е.е всему народу. Суверенитет, имеющий своим источником народ, пребывает в нем нераздельно и неотчуждаемо. Иначе говоря, он не может быть никогда перенес на кого бы то ни было. Верховная власть возникает из общественного договора. И. Альтузий считается прямым предшественником Руссо [1. Т.2. С.63].

С теоретической и методологической точек зрения большой интерес представляет анализ М.М. Ковалевского творчества Бенедикта Спинозы

(1632-1677). Русский исследователь проявляет большие симпатии к демократическому, республиканскому устройству государства, правам и свободам личности, которые изложены в фундаментальном труде голландского мыслителя «Политический трактат» [1. Т.2. С.436-437]. Особое внимание М.М. Ковалевский уделяет взглядам Б. Спинозы на собственность. Из его концепции следует, что самой разумной формой общества является такая, в которой осуществляется общность имущества. Это утверждение может показаться на первый взгляд натяжкой. На самом же деле, к этому выводу приходит и М.М. Ковалевский, который пишет: «чтобы общежитие сделалось возможным, для этого, думает Б. Спиноза, необходимо, чтобы люди отказались от той свободы индивидуального присвоения, которой они пользовались ранее, так как эта свобода не знала других границ, кроме мощи каждого, то она необходимо вела к столкновению. Чтобы положить им конец, люди должны сделать все общим, или, выражаясь его языком, согласиться владеть сообща тем правом на вещи, которым каждый наделен природой. Они должны также условиться подчинять свое поведение воле и мощи всех соединяющих людей» [1. Т.2. С.451]. По его мнению, Б. Спиноза является одним из ранних представителей идеи национализации земли и вообще недвижимого имущества.

Интересны взгляды Б. Спинозы на государство, которые детально комментирует М.М. Ковалевский. За государством, каким бы оно ни было, голландский философ признает абсолютную власть, подчиня индивида целиком государству. Он не признает за личностью неотчуждаемых и природных прав, отрицает за народом право на восстание и даже сопротивление владыкам государственной власти, считая, что гражданин беспрекословно должен подчиняться любой власти. Б. Спиноза считает, что любое государство, раз оно существует, должно существовать и

дальше, всякое стремление низвергнуть его или даже поколебать существующую власть он строго осуждал.

Подводя итог своему исследованию творчества Б. Спинозы, М.М. Ковалевский писал: «Политическая доктрина Спинозы представляет необходимое звено в развитии учения о народном самодержавии. Спиноза, отправляясь от учения Ж. Бодэна и Томаса Гоббса о неограниченности верховной власти и вполне принимая его, образует доводы Т. Гоббса в пользу неограниченного единовластия в сторону той же неограниченности народоправства. Тем самым он подготавливает путь к развитию доктрины общественного договора и поэтому с полным правом считается прямым предшественником Жан-Жака Руссо и всего последующего учения о народном верховенстве. В этом состоит все значение его политического трактата в истории развития современного государствоведения. Рядом с этим надо поставить в прямую заслугу ему модернизацию идеи республики, разрыв ее с понятием города или коммуны и приведение ее в связь если не с союзом сел и город в, какой является современное государство, то с союзом полу самостоятельных муниципий с подчиненными или политически бесправными городами и селами. Наконец, не будем терять из виду, что Спинозой указаны и границы всякого верховенства в свободе не одного внутреннего суждения, но и внешней его передаче в форме устного и печатного слова столько же, сколько в форме культа» [1. Т.1. С.491-492].

Особенно тщательному исследованию было подвергнуто М.М. Ковалевским движение левеллеров, возникшее в эпоху английской революции. При этом наибольший интерес для истории политической мысли представляют три приводимых русским исследователем манифеста левеллеров: «Народное соглашение», «Соглашение свободных жителей Англии насчет мер к установлению мира» и «Основные законы и

вольности Англии». Именно они служили своеобразным прототипом декларации прав и свобод. Здесь четко прослеживается мысль, как отмечал М.М. Ковалевский, что должна быть граница вмешательства государства в жизнь подданных, что свобода личности, совести, печатного слова должна быть поставлена вне возможности посягательства с чьей бы то ни было стороны, и что ни король, ни парламент не вправе поднять на них руку [1. Т.1. С.308-309]. Таким образом в манифестах левеллеров заложены основы учения о неотъемлемых правах личности, которые они стремились осуществить на практике.

Однако, как отмечал М.М. Ковалевский, роль левеллеров не ограничивалась чисто политическими изысканиями и преобразованиями. Они стремились также провести ряд назревших реформ в социальной области, требовали уничтожения последних остатков феодализма. Левеллеров, - писал М.М. Ковалевский, - нельзя поэтому смешивать с английскими социалистами, так как они требуют не переворота, а реформы, их программа не устраняет возможности сохранить исторически сложившиеся устои, они не разрывают связи с прошлым, хотят только устранить все обветшалое в существующем общественном строе.

М.М. Ковалевский не ограничивался только изучением политических теорий и их становлением, в центре его внимания всегда находились и вопросы, связанные с причинами их появлений. В этом отношении очень примечательна его позиция по вопросу воздействия политической доктрины на Великую французскую революцию. До него в литературе существовали две взаимоисключающие точки зрения по этому вопросу. Одни считали, что в основу политической доктрины положены идеи Шарля Монтескье, с его стремлением наделить Францию уравнивающей свободой при сохранении монархической формы правления. Другие отдавали предпочтение идеям Ж.Ж. Руссо, с его

отрицанием законности всякого иного правления, кроме прямого народоправства, наподобие древних республик. М.М. Ковалевский настаивал на сходстве воззрений Ш. Монтескье и Ж.Ж. Руссо [4. Т.2. С.330], хотя этот взгляд не разделялся большинством историков. Однако М.М. Ковалевский не соглашался с утверждениями, что между обоими учеными действительно существовала глубокая черта различия. «Ни Руссо, ни Мабли, - писал он, - нимало не являются противниками той теории разделения и равновесия властей, которую Монтескье считает необходимым условием политической свободы» [4. Т.2. С.330]. Однако он сам же находит нужным оговориться, что это не значит, будто взгляды этих трех мыслителей на данный вопрос были вполне тождественными. Отправляясь от теории Ш. Монтескье, Ж.-Ж. Руссо и Габриэль Мабли придали ей большую логическую строгость и сделали из нее те крайние выводы, на которые едва ли бы решился сам Ш. Монтескье. В то же время благодаря тому, что между ними было немало точек соприкосновения в Конституции 1791 г., они были примирены в одной общей схеме, которая была определена М.М. Ковалевским как «народная монархия».

Термин «народная монархия» представляет собой свободную передачу «ходячего», по выражению М.М. Ковалевского, французского термина 90-х годов XVIII в.. «королевская демократия» [4. Т. 1. С.VIII]. Это доктрина нашла свое выражение в наказах 1789 г. Она требовала управления прав и отмены разных привилегий для сословий. Тем самым провозглашался принцип равенства всех граждан. В «народной демократии» ученый видел путь к созданию конституционной монархической формы правления для Франции. Но такая форма не была принята в ходе революции.

Идею «народной демократии» разрабатывали видные деятели Франции – д'Аржансон и Тюрго, оба были министрами Людовика XVI.

Понимая тяжелое положение в стране, они стремились реализовать права третьего сословия без обострения ситуации. Но их политика, по выражению М.М. Ковалевского, не нашла отклика у короля, который «упорствует в задержании мирного и потому самого нормального процесса политического развития науки» [5. С.32]. Монархия должна была отказаться от привычки руководить всеми делами через своих чиновников, она должна была окружить себя «муниципалитетами», в которых выражалось бы общественное мнение, а это и было, по мнению М.М. Ковалевского, «народной монархией». Он указывал, что с самого начала революции возникли серьезные разногласия, погубившие дело «народной монархии». Источник их «лежал не столько в различном понимании королем и собранием обязанностей правительства и прав народа, сколько в различном отношении их к сословному и церковному вопросу» [4. Т.1. С.573].

М.М. Ковалевский обращается и к роли экономического фактора – все возрастающего международного торгового обмена [4. Т.1. С.573]. Им же высказана мысль о том, что создание мировой системы хозяйства, экономическое объединение потребуют и политического объединения: «... не нужно быть пророком, чтобы предсказать наступление мирового хозяйства, которое пойдет самостоятельным путем развития и едва ли в состоянии будет помириться с существующей общественной организацией» [6. С.24]. По мере перерастания народного хозяйства из замкнутого в мировое возрастает и заинтересованность народов в возможности свободного обмена, а потому они настроены как против открытых нарушений мира, так и против различных форм экономической дискриминации на международном рынке [7. С.257]. Таким образом, экономические интересы всех стран связаны с борьбой за мир и соблюдением равноправия народов.

Взгляды М.М. Ковалевского по вопросу о всемирной организации человечества изложены, прежде всего. В его статье «Прогресс». «Рост государственных порядков, - писал в ней русский ученый, - наглядно выступает в ускорившемся за последнее столетие развитии федерации или союзных государств». «Этот порядок, как отмечали еще Монтескье и Руссо, позволяет соединить выгоды автономии малых государств с масштабами объединенной территории и многочисленностью населения, обеспечивающими обороноспособностью союзного государства» [7. С.252].

Идея международного союза, как утверждал М.М. Ковалевский, складывается еще в средние века: она развивается вплоть до начала XX столетия [7. С.254-255]. Перечисляя объединения, выражавшие идею международного союза, он начинает с папства и Священной Римской империи; с падением империи «забота о поддержании международного согласия и мира пала на союзы великих держав». К союзам, на которые возлагалась эта забота, относятся Священный Союз, антирусская коалиция времен Крымской войны, тройственный союз Германии, Австро-Венгрии и Италии, которому противостоит тройственное соглашение царской России, Франции и Англии [7. С. 254-255].

М.М. Ковалевский очень широко трактует понятие федерации – от Австрии, которая тогда даже юридически не рассматривалась как федеративное государство, до предполагаемого им в будущем всемирного объединения государства. Императорское правительство Цислейтании, т.е. австрийской половины Австро-Венгрии, он называет федеральным правительством, исходя из некоторой автономии, представленной областями, входившим в ее состав [8. С. 228].

Говоря о перспективах будущего объединения государств, М.М. Ковалевский допускает возможность создания европейской федерации, но

только «в смысле простого соглашения между самостоятельными государствами Европы» без общего центрального правительства [7. С.255]. Таким образом, речь идет о конфедерации. Ученый приписывает европейскому союзу мировую объединительную роль в силу охвата этим союзом и колонии европейских государств, остающихся в зависимом состоянии [7. С.255-256]. На пути к созданию мирового союза государств, порождаемого, по М.М. Ковалевскому, ростом общественной солидарности, он видит препятствие в «противопоставлении бедности и богатства», «розни между имущими и неимущими» [7. С.259].

Выход М.М. Ковалевский усматривает, с одной стороны, в ослаблении этой розни, в «торжестве солидарности внутри государства», т.е. установлении классового мира. Но, с другой стороны, необходимым условием установления солидарности в международных отношениях он считает «упразднение монополий, созданных в сфере международного обмена завоеванием, колониальной политикой, протестантами и разграничением сфер влияния», т.е. все же отказ от колониализма [7. С.259].

Международный союз, по мысли М.М. Ковалевского, не образует единого мирового государства. Его составят автономные государства, побуждаемые к этому хозяйственными связями, заинтересованные в сохранении мира. Внутри этих государств должна осуществляться свобода самоопределения народов. Это будет «постоянное согласие и взаимное содействие в мировом хозяйстве самостоятельных государств и их союзов». К нему должна привести эволюция человечества, представляющая собой постепенное расширение «тесной замиренной среды» - от рода и племени до современных государств. Образование единого международного союза будет «завершением всего процесса

развития и конечным упрочением идеи единства человеческого рода» [7. С.257-259].

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. **Ковалевский Максим Максимович** От прямого народовластия к представительному и от патриархальной монархии к парламентаризму. Рост государства и его отражения в истории политических учений. Т. 1-3. / Максим Ковалевский. - Москва: тип. т-ва И.Д. Сытина, 1906. - 3 т.

2. **Еллинек Георг.** Декларация прав человека и гражданина / Г. Еллинек; пер. с нем. под ред. А. Э. Вормса. - [2-е изд., пересмотр.]. - М., 1905. - XIX, - 81 с.

3. **Чичерин Борис Николаевич.** История политических учений / [соч.] Б. Чичерина. - М.: тип. Грачева, 1869-1902. - 5 т. - Ч. 5 напечатана в типо-лит. т-ва Н. И. Кушнерова.

4. **Ковалевский Максим Максимович** Происхождение современной демократии. Т. 1-4. / Максим Ковалевский. - М.: т-во тип. А. И. Мамонтова, 1895-1897. - 4 т.

5. **Ковалевский, Максим Максимович** Рецензия на книгу Лучицкого И.В. «Провинциальные собрания во Франции при Людовике XVI». Киев. 1879. // Критическое обозрение. 1879. № 15. С. 32-33.

6. **Ковалевский Максим Максимович** Развитие народного хозяйства в Западной Европе. Публичные лекции проф. М.М. Ковалевского, чит. в Брюссельск. ун-те. - Санкт-Петербург: Ф. Павленков, 1899. - 225 с.

7. **Ковалевский Максим Максимович** Прогресс// Вестник Европы. 1912. № 2. С. 225-260.

8. **Ковалевский Максим Максимович** Очерки по истории политических учреждений России. / Максим Ковалевский; Пер. с разреш. авт., А. Баумштейна, под ред. Е. Смирнова. - Санкт-Петербург: Н. Глаголев, [1908]. - 243 с.

УДК 327

М.А. Саблина, Д.Е. Любина

**ИСТОКИ КОНЦЕПЦИИ ЕВРАЗИЙСТВА В РОССИЙСКОМ
ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ**

**ORIGINS OF THE EURASIANISM CONCEPT IN RUSSIAN
POLITICAL DISCOURSE**

САБЛИНА Марина Александровна — Кандидат политических наук, Доцент Высшей школы международных отношений, Гуманитарного института, Санкт-Петербургского политехнического Университета Петра Великого. E-mail: aleksandra8@mail.ru

SABLINA Marina A. —Peter The Great St. Petersburg Polytechnic University , Saint-Petersburg, Russia.. E-mail: aleksandra8@mail.ru

ЛЮБИНА Дарья Евгеньевна - Аспирант Высшей школы международных отношений, Гуманитарного института Санкт-Петербургского политехнического Университета Петра Великого. E-mail: lyubina_de@spbstu.ru

LYUBINA Daria E. - Peter The Great St. Petersburg Polytechnic University, Saint-Petersburg, Russia.
E-mail: lyubina_de@spbstu.ru

В современном российском политическом дискурсе в последние десятилетие активно обсуждаются идеи евразийства и евразийской интеграции. Эти идеи находят отражение и во внешней политике Российской Федерации. При этом во многом современные идеи неоевразийства претерпели концептуальные изменения в соотношении с идеями «классического» евразийцев Н.Трубецкого, П. Савицкого. Анализ истоков концепции евразийства в российском политическом дискурсе позволяет рассмотреть процесс эволюции идей евразийства в отечественной политической науке, а также вклада Л.Н. Гумилева в развитие концепции евразийства. Выделение основных тезисов «классического» евразийства вносит понимание их интерпретации в современной российской политической науке.

The ideas of Eurasianism and Eurasian integration have been actively discussed in the modern Russian political discourse over the past decade. These ideas are also reflected in the foreign policy of the Russian Federation. At the same time, in many respects, the modern ideas of neo-eurasianism have undergone conceptual changes in relation to the ideas of the "classical" eurasians N. Trubetskoy, P. Savitsky. The analysis of the origins of the concept of Eurasianism in Russian political discourse allows us to consider the process of evolution of the ideas of Eurasianism in Russian political science, as well as the contribution of L. N.

Gumilyov to the development of the concept of Eurasianism. Highlighting the main theses of "classical" Eurasianism contributes to understanding their interpretation in modern Russian political science.

ЕВРАЗИЙСТВО, ИДЕИ, «КЛАССИЧЕСКИЕ» ЕВРАЗИЙЦЫ, Л.Н. ГУМИЛЕВ,
ПОЛИТИЧЕСКИЙ ДИСКУРС

EURASIANISM, IDEAS, "CLASSIC" EURASIANS, L. N. GUMILEV, POLITICAL
DISCOURSE

Евразийская концепция возникла в тот момент, когда мир перевернулся «вверх дном». Идеи «классического» евразийства формировались в контексте последствий Первой мировой войны, революции в России и начала конца колониальной эпохи европейских держав.

Неоевразийство в России также стало приобретать актуальность в период активизации политической нестабильности, возможно менее катастрофической, чем события начала XIX века, но не менее значимой, учитывая ее влияние на международную обстановку в глобальном масштабе. Геополитический вектор евразийской концепции становится наиболее актуальным на современном этапе в условиях повышенного интереса к геополитическому дискурсу и исследованиям взаимодействия, «столкновения цивилизаций» [1]. Культурологический вектор евразийской концепции на современном этапе вызывает много споров среди неоевразийцев. Некоторые считают себя консерваторами, другие относят себя к националистам, но в целом последователи евразийства на постсоветском пространстве придерживаются культурной и нормативной политики, отличающейся от этнического национализма или ортодоксального христианского консерватизма, и представляющей своего рода спектр ценностей в современном мире.

Данная работа посвящена рассмотрению процесса эволюции идей евразийства в отечественной политической науке. В основе исследования

лежит метод анализа концепции «классического» евразийства, а также вклада Л.Н. Гумилева в развитие концепции евразийства. На основе этого анализа предпринята попытка выделить основные тезисы «классического» евразийства проанализировать их интерпретацию в современной российской политической науке.

Работа основывается на трудах Трубецкого Н.С., Флоровского Г., Гумилева Л.Н., Хантингтона С. Также в работе анализируются современные исследования посвященные «классическому» евразийству.

Идейно-политические основы «классического» евразийства

Еще до формирования идей евразийства Н. Данилевский предпринимал попытки пересмотреть границы Европы и Азии, переосмыслить географическое понимание Евразии. Он первым определил Евразию как отдельное географическое образование, дистанцированное как от Европы, так и от Азии [2]. Он определял Евразию как единое континентальное пространство, ограниченное горными хребтами Гималаев, Кавказа и Альп, а также обширными морскими пространствами Северного Ледовитого, Тихого океан и Атлантического океанов, а также Черным, Средиземным и Каспийским морями. По мнению Данилевского евразийская равнина, это и есть широкая, холмистая, достаточно равнинная местность в центре описанного выше единого континентального пространства, «независимый географический мир, самодостаточный и отличный как от Европы, так и от Азии» [3]. По существу, именно такое определение «центральной равнины Европы и Азии» и обозначается термином «Евразия», как используют его некоторые современные российские политологи.

Данилевский предлагал больше, чем новый географический концепт. Он предлагал сложную схему уникальной культурной идентичности, сформированную из общего исторического опыта народов, населяющих

географическое пространство евразийской равнины. В своем основном труде «Россия и Европа» (1871 г.), Н. Данилевский «призывал народы Евразии объединиться под руководством России воспротивиться истории доминирования, насилия и алчности, которые он считал врожденными пороками европейского общества» [3]. Данилевский считал, что славянская культура лишена этих пороков. По его мнению, славяне, главным образом русские, отличаются единством, миролюбием и справедливостью. В качестве доказательства он приводит историю мирного принятия христианства, историю освоения евразийского континента без колониальных притязаний и освобождение крепостных крестьян и последующая земельная реформа.

Истоки идей евразийства можно проследить в философии славянофильства. Но к моменту оформления евразийства исторические и политические реалии, сформировавшие идеи славянофилов изменились. Славянофилы видели союзников в «порабощенных славянских народах» [4], в вопросе же религии они делали акцент на православии. Для классиков евразийства эта парадигма уже была не актуальна. Обретя независимость, славянские народы Восточной Европы не торопились со сближением с Россией. Это обстоятельство сформировало отношение классиков евразийства к «славяно-русскому миру как к культурному целому» [4]. Они считали, что «пути южных и западных славян с путями восточных окончательно разошлись» [4].

Необходимо было найти новых союзников для России. Представители позднего славянофильства, такие как Данилевский, Леонтьев, Ламанский, расценивали влияние Запада на Россию как негативное. Евразийцы переняли этот их тезис и еще более развили его с точки зрения позитивной оценки влияния Востока. Евразийцы утверждали, что просторы евразийского континента обеспечивали и поддерживали

естественные условия развития различных культур, которые, представляют собой отдельную ветвь мировой цивилизации, несмотря на то, что в определенной степени и сочетают в себе черты европейской и азиатской цивилизаций. Россия представлялась симбиозом европейской и азиатской культур, при этом не принадлежащей ни к одной из них. Исходя из этого своего утверждения, евразийцы и позаимствовали свое название от географического термина, который отражал географическое понимание русской истории и самобытности. Евразийцы «представляли себе Евразию как самостоятельную географическую единицу фундаментального этнического многообразия, в которой русские лишь недавно поднялись до демографического и политического превосходства» [5].

Развитие евразийских идей тесно связано с русской послереволюционной эмиграцией. В какой-то степени это была попытка поиска для России альтернативного пути развития людьми, получившими образование в России, но в дали от Родины потерявшие интеллигентские дореволюционные иллюзии о Европе. Это была попытка придать научную основу и «интеллектуальную перспективу» [6] разрозненным антиевропейским настроениям.

Идеи евразийской школы были сформированы группой молодых эмигрантов-интеллектуалов в Праге и Софии. Среди «классических» евразийцев были князь Н.С. Трубецкой, специалист по структуралистской лингвистике, П. Савицкий – экономист и географ, Г. Флоровский – философ и богослов. Через несколько лет к их числу присоединился В.И. Вернадский. Именно его усилиями стала развиваться евразийская концепция русской истории.

Начавшее свое формирование в 20-30-х годах XX века евразийство представляет собой социально-философскую, геополитическую концепцию [7, с. 297]. В 1920 году в Софии увидела свет книга князя Н.

Трубецкого «Европа и человечество». Это событие положило начало идейному и политическому движению, которое с тех пор стало называться евразийством. Эту работу Трубецкого можно считать «первым манифестом евразийства» [7, с. 297]. Н. Трубецкой писал о том, что развитие национальной культуры должно основываться на собственном базисе традиций. Включение в нее достижений иных культур возможно на основе творческого их осмысления. В таком случае формируется самобытная, оригинальная культурная традиция. По мнению Трубецкого невозможным является приобщение народа целиком и полностью к культуре, которая была создана другим народом [8, с. 69]. Одним из условий непрерывного развития культуры Н.Трубецкой видит усвоение молодым поколением традиций «путем подражания старшему поколению» [7, с. 298] . Этот процесс обогащает и укрепляет общий запас культурных ценностей. Также в развитии культуры важную роль играет наследственность, которая дополняет традицию, способствуя тем самым органичному развитию культуры. Единая наследственность как психический уклад общества нужна для того, чтобы новые достижения культуры органично принимались обществом в целом.

Трубецкой считал необходимым преодоление видения центра на Западе. Путь к этому философ видел в «революции в сознании». Н. Трубецкой признавал национализм как явление, вытекающее из самобытной культуры и к ней же направленное. Ложным же национализмом Трубецкой считал стремление народа к подражанию великой державе с попытками сделать «все как у господ» [7, с. 298], перенять чуждую им культуру. Такой национализм мешает народу быть собой.

В работе «Мы и другие» Н. Трубецкой подчеркивает идею о том, что политические идеи и реформы не имеющие культурного контекста, не

являются самым важным для евразийства. Основной идеей является призыв к выработке новой культуры, содержащей в себе и новые политические идеологии. Как один из элементов, культура народа имеющего государственность, должна включать в себя политические идеи и учения.

В 1927 году Н.С. Трубецкой в своей статье «О государственном строе и форме правления» представляет на суд общественности основные тезисы евразийского видения «теории элит» [9]. Он вводит понятие идеократии – новый тип отбора правящих элит. Основным его принципом является одинаковое «миросозерцание» каждой личности. Политический строй такого государства Н.С. Трубецкой назвал идеократическим [9]. Власть в таком государстве должна быть выборной, отражая интересы народа, но при этом обладать силой для активного участия в развитии культуры и хозяйственной жизни страны. Также Н.С. Трубецкой в своих трудах размышлял о целесообразности автаркии, как модели закрытой экономики, для Евразийской территории. Он приходит к выводу, что такая модель может быть выгодна государствам, которые по сути своей являются «особым миром».

Еще один «отец-основатель» «классического» евразийства Георгий Флоровский говорил о духовном родстве России-Евразии с Азией [10, с. 79]. Евразийцы видели «подлинную» российскую историю связанной не «славянской» или «варяжско-славянской» [10, с. 79] историей, а скорее русско-туранской, наследием великого Чингисхана. В тоже время евразийцы утверждают некое религиозное единство народов Евразии не останавливаясь на принципе веротерпимости.

В своих трудах посвященных евразийству Г. Флоровский говорил, что антизападническая риторика этой концепции противопоставлена не культуре русского имперского периода, но и русской православной

культуре зародившейся из византийского наследия. Он отмечал, что не представляет сложности определить географическую границу Европы и Азии, но гораздо труднее разделить Россию и Европу с точки зрения их духовно-исторического развития. В это же время Г. Флоровский ставит под сомнение и необходимость такого разделения [11, с. 334-335].

Евразийцы, главным образом П.Н. Савицкий, считали, что развитие России напрямую зависит от создания евразийской цивилизации. Он пишет о том, что понятие Евразии обозначает особую цивилизационную сущность, а его главным признаком является срединность. Именно этот признак определяет «важность для России культуры Востока и культуры Запада» [12].

В концепции «классического» евразийства основное предпочтение отдается восточным корням евразийской культуры и русского этноса. Савицким подчеркивалась агрессивность европейской культуры по отношению к другим народам, а также резко отрицательное отношение евразийцев к механистическому насаждению европейских культурных ценностей.

Развитие евразийской идеи в творчестве Л.Н. Гумилева

Большое влияние на развитие идей евразийства оказали также работы Л.Н. Гумилева. Многие понятия введенные Л. Гумилевым оказали сильное влияние на теории неоевразийства. Для понимания идей Гумилева необходимо понять особенности его методологического подхода.

Эпистемология исследователя представляет собой синтез естественных и гуманитарных наук. Подход Л. Гумилева к изучению истории человеческой цивилизации полностью соответствует иерархии наук представленной Г. Спенсером и О. Контом в 19 веке. Объектом его исследований являлись коллективные группы, которые взаимодействовали на протяжении всей истории человечества, связанные общими

культурными чертами и благодаря этому идентифицируют свое отличие от иных групп.

В теории истории Л. Гумилев сформулированы две основные идеи. Первая идея говорит о том, что этнос это фундаментальный элемент человеческой истории, биологический по своей природе, но в тоже время уникальный для человеческого вида. Вторая идея – движущая сила пассионарности. С точки зрения Л. Гумилева явление пассионарности представляет собой эффект избытка биохимической энергии энергия в отдельных людей, людей особого темперамента и способностей которые готовы жертвовать собой ради идеала.

Гумилева отличает более натуралистический подход к изучению истории. Его «этнос» это базовая единица культурного взаимодействия. Этногенез же, по мнению Гумилева, это процесс взаимодействия этноса с природной средой осуществляющийся через отдельных индивидов.

С точки зрения Льва Николаевича, для этноса гражданские и экономические права не являются определяющим фактором – члены этноса могут быть наделены правами титульных граждан национального государства, крестьян, живущих в поместье, или степных кочевников. Это не имеет никакого значения: они все еще являются частью этноса, то есть частью естественной системы.

Признание кого-то частью этноса не является прерогативой правящих элит. Наоборот, каждый человек несет в себе чувство принадлежности к определенному этносу каждый раз, когда он сталкивается с представителями «другого» этноса. Суперэтносы очень похожи на «общества» Тойнби, но основаны на внутреннем процессе этногенеза. Они являются результатом периода экспансии. Сами этносы делятся на субэтносы, которые не могут существовать вне контекста этноса. Для Гумилева эти идентичности - субэтнические, этнические,

суперэтнические-относительны, ни в коем случае не абсолютны, но в то же время они реальны, и каждый человек относится к ним по рождению.

Во многом Л. Гумилев черпал вдохновение в работах Владимира Вернадского посвященных биосфере, которая является не «просто пленкой» живого вещества «на поверхности Земли», а «постоянно меняющейся совокупностью организмов, связанных между собой эволюционным процессом в течение геологического времени и подчиняющихся ему» [13, с. 326]. По мнению Гумилева, это имеет отношение к контактам между суперэтнсами, поэтому в некотором смысле исследование Л. Гумилева имеет отношение к работе Сэмюэля Хантингтона (1996) «Столкновение цивилизаций» [1]. Стоит отметить, что для С. Хантингтона культурная карта мира Гумилева наиболее близка из всех евразийских концептов. В своем исследовании Хантингтон опирается на недавние исследования цивилизаций, а также на культуры, выявленные Тойнби, Шпенглером и Ф. Броделем [1]. Гумилев опирался на подобную же традицию в формировании своего взгляда на современное состояние мировой цивилизации, и есть некоторые интересные параллели между его выводами и выводами Хантингтона. В то же время этнология Гумилева сильно отличается от метода, используемого американским политологом. Если Хантингтон видит мир, в котором цивилизации сталкиваются и конфликтуют в плане культурных ценностей, то Гумилев видит этносы и суперэтносы, взаимодействующие подобно природным явлениям.

При анализе работ Л. Гумилева становится очевидно, что его подход принципиально отличается от «классического» евразийства. Ключевые концепции Гумилева, такие как «этногенез» и «пассионарность» не были известны евразийцам, так как увидели свет в конце XX века. Но при этом определение Л. Гумилевым своего центрального термина «этнос» как понятия культурного, подверженного поведенческим стереотипам, а также

гумилевская группировка этносов в суперэтноты, продолжает видение и понимание культуры Трубецким.

Тем не менее, учитывая предпочтение Л. Гумилева к естественным наукам по сравнению с гуманитарными и заявленное его недоверие к филологическим подходам к раскрытию истории этносов, эпистемологию Гумилева можно считать отличной от эпистемологии большинства представителей классической евразийской школы и от некоторых представителей неоевразийства.

Вклад Л. Гумилева в концепцию евразийства можно описать двумя следующими тезисами: во-первых, влияние лексики его дискурса на современную волну евразийцев. Многие современные представители неоевразийства в своих исследованиях использовали термины и язык использованный Л. Гумилевым. Как пример можно привести работы А. Панарина, который говорит о русском «космизме», опираясь на ту же концепцию, выраженную В. Вернадским, об отношении цивилизации к природной Вселенной, что и Гумилев, и описывая отношения к природе аналогично гумилевским «системам» и «антисистемам». Во-вторых, Л. Гумилев обращается к евразийцам в своей детальной этнологии народов и культур Евразийской степи: гуннов, тюркских народов, хазар, распространения несторианства в Средней Азии.

Исследования, которые Л. Гумилев проводил в начале своей карьеры, не читая многих работ классических евразийцев, тем не менее, поддерживали идеи Трубецкого и Савицкого о смешанном славяно-туранском происхождении России. Действительно, причисляя Россию к «евразийскому суперэтноту», он считал ее четвертым воплощением великого паневразийского императива, построившего до нее гуннскую, тюркскую и монгольскую империи. Центральной фигурой среди «поздних» евразийцев и неоевразийцев Л.Гумилева делало его видение

принадлежности России к суперэтносу, который не был ни западнохристианским, ни, однозначно, азиатским по происхождению [14]. Подобно классическим евразийцам, Гумилев считал важным, чтобы отдельные этносы в Евразии оставались верны своим культурам и традициям. Как показала история: «когда каждый народ сохранял право быть самим собой, Единая Евразия успешно противостояла натиску Западной Европы, и Китая, и мусульман. К сожалению, в XX веке мы отказались от этой разумной и традиционной (для нашей страны) политики в пользу европейских принципов» [13].

Для Гумилева необходимость иного подхода к развитию Евразии выражается в его идее о том, что Евразийский суперэтнос на 500 лет моложе западноевропейского суперэтноса, находится на другой стадии этногенеза и с другим уровнем пассионарности.

Что же касается его специфического взгляда на русскую историю, то гумилевская концепция суперэтноса, сформированная смешением славянских и монголо-тюркских элементов, перекликается с основным тезисом классических евразийцев, даже если методология, использованная для этого вывода, была иной.

Одним из основных положений классического евразийства является цивилизационный подход. Для классического евразийства была характерной критика романо-германской цивилизации. Еще одним важным положением классического евразийства является пространственный фактор, связанный, с одной стороны, с теорией «месторазвития», а с другой – с географическим детерминизмом.

Согласно теории «месторазвития» решающее влияние на культуру и историю народов имеет географическое пространство («место»), где происходит «развитие» народа или государства. Пространственные условия в значительной степени определяют траекторию этого «развития».

Разнообразие ландшафтов нашей планеты порождает многообразие культур. Каждый этнос или нация имеет свою модель развития. Различные типы ландшафтов порождают различные типы цивилизаций. В этом тезисе проявляется географический детерминизм евразийцев. Европейскую цивилизацию породил определенный ландшафт со специфическим климатом, близостью к морским пространствам, относительно небольшой размер территории, влиянием лесных массивов (Северная Европа) и протяженностью прибрежных территорий (Средиземноморье). Кочевые империи скифов и тюрков были предопределены ландшафтами степных массивов, исламская цивилизация – пустынностью территорий и т.п. Русско-евразийскую цивилизацию предопределил ландшафт, который представляет собой слияние леса и степи.

Одним из тезисов «классиков» евразийства было мнение об уникальности и самобытности русской цивилизации.

Также, евразийцы первыми среди русских философов и историков переосмыслили влияние татаро-монгольского нашествия на Русь в положительном ключе, увидев в диалектике русско-татарских отношений живой источник евразийской государственности.

В евразийской концепции особое место уделялось наличию национальной идеи. Для России такой идеей им виделось евразийское мировоззрение. Именно достижению этой идеи должны быть подчинены все аспекты жизни государства: политика, экономика, общественное устройство, промышленное развитие и т.д.

Ландшафтные условия России-Евразии диктуют особую этику модели управления на этом пространстве. Она основана на коллективной ответственности, воли, выносливости, взаимопомощи и подчинения начальству. Именно такая этика может обеспечить контроль и его

сохранение над огромными слабозаселенными пространствами лесостепной зоны Евразии.

Особенности «месторазвития» народа, этноса или нации накладывают отпечаток и на особенности политической системы государств. По мнению евразийцев, западная демократия характерная для европейской цивилизации не может быть универсальна и для России-Евразии. Участие народа России в политическом управлении должно развиваться на основах общинного самоуправления. Таким образом, в отличии от Европы, в России-Евразии возможно сочетание «европейской демократии» и «евразийского авторитаризма».

В завершении хотелось бы отметить, что концепция евразийства в ее классической и современной интерпретации является в большей степени геополитической концепцией [15]. Одной из основных заслуг евразийства для российской политической школы можно считать создание отечественной школы геополитики. В связи с этим рассмотрение вопроса основных тезисов евразийской концепции носит не только теоретико-исторический интерес, но и может рассматриваться как проект моделирования геополитического будущего России.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. **Трубецкой Н.С.** Европа и человечество // Наследие Чингисхана. — М. : Изд-во "Аграф", 1999.
2. **Хантингтон С.** Столкновение цивилизаций. — АСТ, 2016.
3. **Schmidt M.** Is Putin Pursuing a Policy of Eurasianism? // *Demokratizatsiya*. — 2005. — Т. 13, 1.
4. **Bassin M.** Russia between Europe and Asia: The Ideological Construction of Geographical Space // *Slavic Review*. — 1991. — Т. 50, 1.
5. **Васечко Е.Ю.** Васечко Е.Н. Старое и новое евразийство: концепция религии и политики // Вестник Ростовского государственного экономического университета "РИНХ". — 2007. — 1. — С. 140-146.

6. **Мeyer С.** Rostovtzeff and the classical origins of Eurasianism // *Anabases*. — 2009. — 9. — С. 185-197.
7. **Маслин М.А.** У истока евразийства. К 100-летию опубликования книги князя Николая Трубецкого "Европа и человечество" // *Философский журнал*. — 2019. — Т. 12, 4. — С. 161-178.
8. **Шевченко Н.Н.** Основные идеи культуры Н.С. Трубецкого в контексте философии евразийства // *Историческая и социально-образовательная мысль*. — 2014. — 3 (25). — С. 297-302.
9. **Филиппова Е.С.** Экономико-политические идеи евразийства в работах И.С. Трубецкого // *Известия СПбГЭУ*. 2017. №6 (108). . — 2017. — 6 (108). — С. 168-170.
10. **Митрофанов Г.** Анализ евразийства в трудах русских философов "серебрянного века" // *Русская религиозная философия. Христианское чтение*. — 2010. — 1. — С. 76-87.
11. **Флоровский Г.** Евразийский соблазн // *Из прошлого русской мысли*. — М. : Изд-во "Аграф", 1998.
12. **Соколов С.М.** Геополитический аспект евразийской концепции // *Евразийство и мир*. — 2014. — 3. — С. 25-33.
13. **Гумилев Л.Н.** От Руси до России. — Абрис/ОЛМА, 2018. — 256 с.
14. **Маслин М.А. Лупова А.А.** Эволюция евразийской идеи // *Русское зарубежье*. — 2014. — 3. — С. 17-75.
15. **Абаев Н.В.** Фельдман В.Р. Евразийский проект и будущее России // *Вестник Тувинского государственного университета*. — 2015. — 1. — С. 155-158.

УДК 165.023.1

Л.Е. Шапошников

**«НОВОЕ РЕЛИГИОЗНОЕ СОЗНАНИЕ» О ПУТЯХ ДОСТИЖЕНИЯ
ИСТИНЫ**

**«NEW RELIGIOUS CONSCIOUSNESS» ABOUT WAYS TO ACHIEVE
THE TRUTH**

ШАПОШНИКОВ Лев Евгеньевич – Заслуженный деятель науки РФ, президент университета, доктор философских наук, профессор, профессор кафедры философии и теологии, Нижегородский государственный педагогический университет имени Козьмы Минина
E-mail: shaposhnikov_le@mininuniver.ru

SHAPOSHNIKOV Lev E. – Minin University, Nizhny Novgorod, Russia.
E-mail: shaposhnikov_le@mininuniver.ru

В статье анализируются гносеологические установки видных представителей отечественной религиозной философии. Показывается, как они стремились преодолеть рассудочную логичность при анализе духовного мира. Русские философы обосновывали необходимость интуитивного знания, получаемого в результате соприкосновения человека с трансцендентным миром. Только в этом случае преодолевается примитивизация духовной энергии, к которой приводит рациональная философия. Отмечается, что в современных условиях при проведении реформы образования важно сохранить его духовную составляющую.

The article analyzes the epistemological attitudes of prominent representatives of Russian religious philosophy. It is shown how they tried to overcome rational logic in the analysis of the spiritual world. Russian philosophers justified the need for intuitive knowledge obtained as a result of human contact with the transcendent world. Only in this case the primitivization of spiritual energy, which leads to rational philosophy, is overcome. It is noted that in modern conditions, when conducting educational reform, it is important to preserve its spiritual component.

ИСТИНА, ПОЗНАНИЕ, ДУХОВНОЕ, РАССУДОК, РЕАЛИЗМ, РАЗУМ,
ИНТУИЦИЯ, АНТИНОМИЯ

TRUTH, KNOWLEDGE, SPIRITUAL, REASON, REALISM, REASON,
INTUITION, ANTINOMY

Большинство исследователей русской философии справедливо

отмечают, что собственно гносеологическая проблематика не была доминантной темой отечественного любомудрия. Однако это не исключает определенных достижений данного течения в сфере гносеологии. Покажем это на примере философских исканий начала XX века.

Россия этого периода представляла собой достаточно сложную и противоречивую социальную систему. Здесь не только быстрое развитие промышленности и рост объёмов сельскохозяйственного производства, но и социальный кризис общества, усиление антагонистических противоречий, паралич власти, обострение международных противоречий. В духовной сфере также происходят неоднозначные явления: соседствуют и безусловные интеллектуальные и эстетические достижения, и феномен декадентства, и различные программы обновления общества и кризис официальной идеологии. На рубеже веков в кругах интеллигенции, прежде всего творческой, начинается процесс пересмотра традиционных ценностей. З. Гиппиус вспоминает, что именно в те годы часть молодой интеллигенции объединяется стремлением оторваться «от главной основы мировоззрения «отцов» — позитивизма». Интересно отметить, что если выступление В. Соловьева против позитивизма для его современников явилось «не только неожиданностью, но и неслыханной дерзостью» [17, с. 348], то в начале XX века оно квалифицируется как необходимая «потребность духа». Естественно, возникает вопрос о новом краеугольном камне «общего мировоззрения», и это приводит к «новой форме исканий» — религиозной. Появляется течение, получившее название «нового религиозного сознания», очень неоднородное по своему отношению к православию, но солидарное в поисках «религиозного идеала», призванного преобразовать как индивидуальную, так и социальную жизнь. В 1902 году в издании Московского психологического общества выходит сборник статей «Проблемы идеализма» под редакцией П. И. Новгородцева.

Среди авторов этого сборника были Н. Бердяев, С. Булгаков, П. Струве и другие. Они подчеркивали необходимость преодоления материалистических установок в интеллигентском сознании и выступали за обращение к вечным духовным основам всего сущего, которые невозможно понять вне религиозного мировоззрения. В 1901—1903 годах «дозволяется» деятельность религиозно-философских собраний, обсуждающих проблематику христианства и общества, роли церкви в социальной сфере, соотношения разума и веры и т. д. Впервые, как отмечает З. Гиппиус, происходит «встреча» представителей исторической церкви, то есть русского православия, с религиозно настроенной интеллигенцией. На протяжении долгого периода, особенно со второй половины XIX века, это были «два разных мира», и вот у интеллектуалов и богословов начинается настоящее знакомство», происходит «некое сближение двух разных миров» [4, с. 68]. Об этом же писал Н. А. Бердяев, вспоминая тот большой интерес, который он проявлял к религиозно-философским собраниям, так как они «были замечательны как первая встреча представителей русской культуры и литературы, заболевшей религиозным беспокойством, с представителями традиционно-православной церковной иерархии» [1, с. 133]. У религиозно-философских собраний появляется свой печатный орган, журнал «Новый путь», публикующий материалы, призванные стимулировать «религиозное возрождение». Как приложение к журналу начинают издаваться стенографические отчеты с материалами этих собраний. Журнал «Новый путь» проходил и светскую, и религиозную цензуру, но, несмотря на это, его материалы «никак не могли принять достаточно благонамеренного вида». Выражая мнения ортодоксально настроенного духовенства, известный проповедник Иоанн Кронштадтский заявил, что умники «умные... выдумали журнал «Новый путь». Это сатана открывает эти

новые пути» [цит. по: 4, с. 75]. Участь собраний была предрешена, и в апреле 1903 года они были закрыты. Но все-таки состоялось 22 заседания, и с этого периода не прекращалась связь интеллигенции с церковью. Ряд членов редакции журнала «Новый путь» предпринял энергичные действия по созданию нового печатного органа, продолжающего прежнюю линию. В 1905 году появляется журнал «Вопросы жизни», ведущую роль в котором играют С. Булгаков и Н. Бердяев. Религиозно настроенная интеллигенция проявляет усилия по консолидации своих сил, возникают религиозно-философские общества в Москве, Петербурге, Киеве. Наконец, своеобразным итогом переоценки ценностей интеллигентского мировоззрения конца XIX века, окрашенного в народнические и позитивистские тона, выступает сборник «Вехи», вышедший в 1909 году.

Несмотря на большое количество и разнообразие проблем, обсуждаемых русскими философами начала XX века, можно выделить несколько главных вопросов их творчества [18], и, безусловно, одной из важных тем этого времени является специфика познания. Как познать истину? Как постигнуть религиозный Абсолют? Эти проблемы находились в центре внимания русских мыслителей. Как отмечал С. Л. Франк, «обычные формы познания нас не удовлетворяют» [15, с. 88]. Ставится задача выработки новой философской системы, принципиально отличающейся от европейских рационалистических философских школ, которая бы опиралась на национальные интеллектуальные традиции. Существенной особенностью русской философии, по мнению представителей «нового религиозного сознания», была ее тесная связь с социально-политическими проблемами. Гносеологическая функция философии иногда подавлялась программными установками тех или иных общественных движений. Е. Трубецкой отмечал, что часто для того, чтобы «опровергнуть философский принцип, казалось достаточно изобличить его

в реакционности; наоборот, от начал, которые казались прогрессивными, логических доказательств не требовалось» [8, с. 2]. Конечно, и философам начала века не удалось избежать «политических влияний, но само требование к философии «искать истины, а не подводить тот или иной фундамент под политические доктрины» весьма показательно. Здесь прослеживается попытка защитить философское знание от «узкопартийных интересов». Анализируя специфику развития мировой философии, русские мыслители приходят к выводу, что в XIX веке она сосредоточивала внимание на «критике знания»; в XX веке, чтобы продвинуться вперед, необходимо производить «критику методов знания» [13, с. 545]. Отсюда такое внимание к гносеологии Канта, из которой вышло большинство методологических установок европейской философии. Покажем это на примере анализа «философии всеединства». В 1909 году появляется работа П. Флоренского «Космологические антиномии И. Канта», а в 1912 году С. Булгаков пишет статью «Природа науки», пытаясь в ней доказать «безысходную двойственность» мыслей Канта и вскрыть «мнимость его коперниканства» [см.: 3, с. 33]. С. Франк выпускает в 1915 году монографию «Предмет знания», призванную развеять «кантовские заблуждения», наконец, в 1917 году появляется книга Е. Трубецкого «Метафизические предположения познания», которая как бы подводила итог «преодолению Канта» сторонниками «метафизики всеединства». Главной линией борьбы с немецким мыслителем у них выступает его попытка создать теорию познания на сугубо «человеческих началах». Трудность этой борьбы, по мнению Е. Трубецкого, заключалась в том, что «возвеличивание» индивида в его системе прикрывается благовидной «личиной смирения». Но «самоограничение человеческой мысли» никогда не было главным для Канта, напротив, у него «человеческий ум является центральным светилом в познании» [10, с. 8].

П. Флоренский также соглашается с этим, утверждая, что «нет системы более уклончиво скользкой, более «лицемерной» и более «лукавой», нежели философия Канта» [12, с. 122]. Опровержение кантовской гносеологии, безусловно, обязательно «для всякого учения», которое утверждает, что всякое познание «покоится на метафизических предположениях». Эти «предположения» однозначно определялись С. Булгаковым, Е. Трубецким, П. Флоренским, С. Франком как признание в качестве источника познания «абсолютно сущего», т. е. Бога. «Преодолеть» кантовскую философию означало для них «ниспровергнуть» познающего субъекта, то есть лишить его «значения центрального светила в познании». И если для кантовского теоретического разума «нет реальности, кроме логической», то для религиозных философов необходим «прорыв к сверхразумной действительности. «Преодолевая» кантовскую философию, ведущие русские мыслители пытались выработать собственные методологические установки познания, то есть создать позитивную программу «преобразования мышления». Мы отмечали иррациональную направленность философских интуиций начала XX века. Не принимая гносеологии В. Соловьева, русские мыслители подчеркивали свое преемство с ранними славянофилами, понявшими, что истина вовсе не продукт «мозговой деятельности», не итог «рассудочного сплетения понятий» [7, с. 286]. Вместо отвлеченных и потому безжизненных рациональных сентенций славянофилам удалось поставить перед русским сознанием «вселенский христианский идеал целостной жизни» [11, с. 61], несводимый к научным определениям. Лейтмотивом рассуждений представителей «нового религиозного сознания» как раз и было противопоставление научного рационалистического мировоззрения «живым и творческим озарениям». Вот только несколько характерных высказываний на этот счет. С. Булгаков считал, что «научно понимать

жизнь значит механически ее истолковывать, значит превращать организмы в машины» [3, с. 36]. По мнению С. Франка, жизненная полнота также противостоит научному знанию, ибо здесь в сущности сталкивается «идея живого в отличие от мертвого или механического» [14, с. 114]. Таких высказываний можно было бы приводить еще много. Нам же важно подчеркнуть, что уже в это время стала ясна недостаточность одних научных методов познания. Необходим еще и ценностный подход, предусматривающий «сверхлогический синтез», в результате которого у С. Булгакова появляется «организм идеи», у Е. Трубецкого — «конкретное всеединство», у С. Трубецкого - «конкретный идеализм», наконец, у Франка — «конкретное знание». Несмотря на различие в названиях, итог, к которому должно прийти истинное познание, у них одинаков, а именно: «идеальное должно стать реальным». Процесс превращения идеальных представлений в реальные образы должен опираться на особую способность человеческого разума — интуицию, дающую истину со всеми ее основаниями.

Учение об интуиции на русской почве складывалось во многом благодаря работам Н. Лосского, и прежде всего под воздействием его главного труда «Обоснование интуитивизма». В первом варианте этой публикации, появившейся в журнале «Вопросы философии и психологии», автор более откровенно сформулировал ее цель, назвав работу «Обоснование мистического эмпиризма». Но под влиянием критических отзывов Н. Лосский заменил в заголовке «мистический эмпиризм» на «интуитивизм», стремясь показать философский характер данной книги, в которой «нет речи ни о чем таинственном, неопределенном». Однако Н. Лосский и в новой редакции книги признается, что «философское направление, обосновываемое нами, можно назвать мистическим» [5, с. 93]. Раскрывая содержание понятия «мистицизм», русский философ

определяющим его признаком считает возможность «слияния человеческого существа с Богом... когда человек чувствует и переживает Бога так же непосредственно, как свое «я» [5, с. 93]. Этот путь к истине, как он считал, можно экстраполировать вообще на «весь мир не я», ибо он познается так же непосредственно, «как мир я». Интуитивизм, по его мнению, снимает перегородки между Субъектом и объектом познания и тем самым разрешает вековечный конфликт рационализма с эмпиризмом. С этой точки зрения, все предшествующие философские теории занимались бесполезными спорами, так как в основе подлинной теории познания не может лежать идея «о внутреннем и внешнем мире, о взаимодействии между ними. Гносеология же интуитивизма исходит из аксиомы, что «объект знания имманентен процессу знания» [5, с. 63]. Интуитивное познание, отвлекаясь от всего случайного, дает «приятие причинности и субстанциональности». Такое возможно в силу того, что «в основе мира лежит сверх индивидуальной мировой разум» [5, с. 345]. Деятельность последнего и порождает «сущностные отношения», улавливаемые человеческим «созерцанием» с помощью «внимания сравнения». Получается, что содержание знания дано в готовом виде, и задача познания — «следовать за ним». Процесс «следования» составляет субъективную сторону познавательного процесса. Оппоненты Н. Лосского указывали, что его концепция утверждает: «Познание не стоит почти никакого труда». Оправдываясь, он фактически повторяет аргументацию Шеллинга, у которого только избранные могут обладать познавательной интуицией, большинство же людей «лишены этой способности». Свою концепцию Лосский называет «идеал-реализмом», и в этом названии прослеживается стремление, созвучное поискам других русских мыслителей, о которых мы уже говорили. Вообще задача соединения идеального с реальным становится лейтмотивом философских исканий

этого периода. Н. Лосский понимал, что его построения убедят далеко не всех тех, кто интересуется философией, и многие читатели отметят противоречия его системы и поэтому не смогут «поверить в истинность идеал-реализма» [6, с. 144]. По мнению философа, противоречия интуитивизма только «кажущиеся», в действительности он приводит к созданию «органического мировоззрения». Негативное отношение «части читающей публики» к идеям новой философии, к «синтезу» идеального и реального объясняется недоступностью для многих «общих основ» истинного познания.

Полным знанием обладает только абсолютный разум, человек же всегда «ограничивается лишь его мало частью». В этой связи гносеология интуитивизма неизбежно при оценке «человеческой познавательной деятельности приходит к скептицизму» [5, с. 372]. Н. Лосский своей теорией интуитивизма выразил потребности философской мысли России начала века. Для С. Франка только с работой Н. Лосского «Обоснование интуитивизма» «возникает специфическая русская научно-систематическая философская школа» [15, с. 84].

Книга «Обоснование интуитивизма» находилась в центре внимания «философских умов», вызывая оживленную полемику. О ней высказалось большинство ведущих мыслителей этого периода.

Сторонники «нового религиозного сознания» в целом высоко оценивали теорию Н. Лосского и признавали интуитивизм «подлинной методологией познания». Вот как об этом писал С. Булгаков: «Рассудок бесплоден... он бухгалтер мысли, но не ее творец». Необходимо отказаться от рассудочных построений, заменив их «интуитивными прозрениями», характеризующимися «полнотой и глубиной, непосредственностью» [3, с. 15]. С. Франк также соглашается, что высшей «методологической» формой познания выступает «иррациональная сущность», постигаемая интуитивно.

Отсюда делается вывод, что «каждый шаг реального познания... опирается на интуицию» [14, с. 125]. Наконец, и для Е. Трубецкого отвлеченное мышление — лишь «вспомогательное орудие человека». Духовная философия доказывает, что «истина в утверждении интуиции, которая действительно представляет особую основу всякого познания» [10, с. 179]. Много этой проблематике уделяет внимания и Н. Бердяев. С его точки зрения, «в научном познании нет смысла», только «в подлинно высшем гнозисе есть изначальное откровение смысла» [2, с. 10]. Проникнуть же в это «откровение смысла» можно только при помощи «творческой интуиции». Интуитивизм в то же время у русских мыслителей не отрицает важности и необходимости философского мышления.

Философия призвана «оправдать» религиозную веру перед разумом образованного человека. Интеллигенция должна пройти через «сознательный пересмотр, а это возможно лишь при опоре религиозного мировоззрения на идеалистическую философскую традицию. Иными словами, современный человек может, принять «только ту веру, только тот идеал, который будет в состоянии оправдать и удостоверить себя перед судом испытующей мысли» [8, с. 9]. Но философская система не может (да она и в принципе не способна) устранить противоречия познавательного процесса. Как отмечал Л. Шестов, «... философия с логикой не должна иметь ничего общего; философия есть искусство, стремящееся прорваться сквозь логическую цепь умозаключений и выносящее человека в безбрежное море фантазии» [19, с. 41]. В действительном мире все противоречиво, причудливо переплетается: божественное и человеческое, святое и греховное, прекрасное и безобразное. Отсюда неизбежна антиномичность как в духовной, так и в социальной сферах. Понятно, почему большинство религиозно настроенных философов начала нашего века были сторонниками «имманентного дуализма человеческой жизни и

познания». Так, Н. Бердяев утверждал, что для ума истина антиномична. Основопологающим фактором христианского бытия и для С. Франка выступает «антиномический, рационально непостижимый дуализм между жизнью в Боге и жизнью в мире» [16, с. 162]. Эта противоречивость пронизывает, по его убеждению, все сферы деятельности людей. Любые человеческие попытки найти гармонию в пределах земного существования обречены на неудачу.

Антиномизм играет роль центральной методологической установки и в системе С. Булгакова. По его мнению, в природе научного знания есть «неустраняемая антиномия». Наука и «чужда истине, ибо она дитя этого мира», но наука — «и дитя Софии, организующей мощи этого мира, ведущей его к истине, и потому на ней лежит печать истинности» [3, с. 28]. В рамках религиозных философских исканий начала нашего века была и критика антиномизма: речь прежде всего идет о позиции Е. Трубецкого. Последний полемизировал прежде всего с П. Флоренским, который наиболее последовательно «реализовывал» установки антиномизма. Е. Трубецкой справедливо констатировал, что если истина неизбежно противоречива и об одном и том же можно утверждать противоположные суждения, причем «каждое из них должно считаться истинным», то тогда равноправными будут тезисы о том, что Бог есть и что его нет. Алогизм «утрачивает возможность» обосновывать свои положения, «отстаивать» сам себя [см.: 10, с. 170 - 177]. А из «сферы всеединства», по мнению философа, исключается мысль, религия сводится лишь к чувственным переживаниям. В итоге Е. Трубецкой характеризует последовательный антиномизм как симптом «быстро надвигающегося умственного упадка». Для него все антиномии, с которыми сталкивается человек, когда судит об Абсолютном, «суть антиномии нашей, а не абсолютной мысли, которые, стало быть, в единстве истины безусловной так или иначе разрешены или

сняты» [10, с. 60]. Следовательно, идеал знания — это интуиции, в которых преодолена противоречивость.

В гносеологических исканиях начала века в целом скептически оценивались познавательные способности человека. Индивид ощущает высшую реальность, она «эмпирически открывается ему», но «неизреченное можно только явить, но не доказать» [9, с. 61 - 62]. Наиболее последовательно идеи агностицизма представлены во взглядах Л Шестова. По его мнению, мы «не можем ничего знать о последних вопросах нашего существования и ничего о них знать не будем». А сама цель философии сводится не к попыткам найти вечную истину, а к задаче «научить человека жить в неизвестности» [19, с. 30].

Задав вопрос, что есть истина, русская религиозная философия начала XX века не нашла на него однозначного ответа. Истина и интуитивно дана, и рационально невыразима, она антиномична, но она и «едина в Абсолютном»; философия — это одновременно и путь к истине, и дорога к неизвестности. Ведущим мотивом философских интуиций становится протест против одномерного, рационалистического понимания познания, при котором сложное разлагается на простое, а непонятное становится общедоступным. Такие операции в «сфере духа» обесценивают неповторимость каждой человеческой личности, усредняют мотивы и цели поведения людей. Сфера же духовного часто несводима к элементарным материальным потребностям, она очень сложное образование, содержащее разнообразные духовные ценности, трудно вписываемые в различные логические формулы. Несмотря на иррациональную направленность, гносеологические идеи русских мыслителей не были бесплодными. Они показывали, что человеческий дух не может удовлетвориться прописными истинами, и звали его «не к покою, а к творческой деятельности». Конечно, философы начала века не смогли найти «абсолютное знание»,

выработать бесспорный «гносеологический идеал», но они, говоря словами Е. Трубецкого, продемонстрировали «неистошимую отвагу человеческой мысли», при которой даже неудачи вызывают «новую попытку, новый подъем в полет» [8, с. 7], не случайно идеи русских философов оказали существенное влияние на развитие мировой философии XX века.

Они и сегодня не утратили своей актуальности, так как дают представление о сложности духовного мира человека и предупреждают об опасности его примитивизации. Это тем более важно, когда часть реформаторов российского образования пытается навязать ему исключительно прагматические цели, помогающие лишь материальному преуспеянию. Однако представители «нового религиозного сознания» убедительно доказали, что подобная философия образования ведет к деградации личности и к обесцениванию всей социальной сферы.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. **Бердяев Н.А.** Самопознание. М.: СП «ДЭМ»: Междунар. отношения, 1990. 334 с.
2. **Бердяев Н.** Смысл творчества. М.: Г.А. Леман и С.И. Сахаров, 1916. 358 с.
3. **Булгаков С.** Природа науки // Философский сборник Льву Михайловичу Лопатину. М.: Тип. тов-ва Кушнерев и К⁰. 1912. С. 10 - 48
4. **Гиппиус З.** Воспоминания о религиозно-философских собраниях // Наше наследие. 1990. № 4. С. 65 – 80.
5. **Лосский Н.** Обоснование интуитивизма. СПб.: Тип. М. Стасюлевича, 1908. 372 с.
6. **Лосский Н.** Органические и неорганические мировоззрения // Философский сборник Льву Михайловичу Лопатину. М.: Тип. тов-ва Кушнерев и К⁰. 1912. С. 128 – 146.
7. **Розанов В.В.** Несовместимые контрасты жития: Литературно-эстетические работы разных лет. М.: Искусство, 1990. 604 с.
8. **Трубецкой Е.** Возвращение к философии // Философский сборник Льву Михайловичу Лопатину. М.: Тип. тов-ва Кушнерев и К⁰. 1912. С. 1 – 9.

9. **Трубецкой Е.** Из прошлого. Вена: Русь, 1917. 87 с.
10. **Трубецкой Е.** Метафизические предположения познания. М.: Русская печатня, 1917. 335 с.
11. **Трубецкой Е.** Мирозерцание Вл. С. Соловьева. В 2 т. Т. I. М.: Изд-во «Путь», 1913. 631 с.
12. **Флоренский П.А.** Из богословского наследия // Богословские труды. М., 1977. Сб. 17.
13. **Флоренский П.А.** Столп и утверждение Истины. М.: Изд-во «Путь», 1914. 814 с.
14. **Франк С.** К теории конкретного познания // Философский сборник Льву Михайловичу Лопатину. М.: Тип. тов-ва Кушнерев и К^о. 1912. С. 108 - 127
15. **Франк С. Л.** Сущность и ведущие темы русской философии // Философские науки. 1990. № 5. С. 80 – 90.
16. **Франк С.** Свет во тьме: опыт христианской этики и социальной философии. Париж: YMKA-press. 1949. 403 с.
17. **Цертелев Д.Н.** Из воспоминаний о Владимире Сергеевиче Соловьеве // Соловьев В. «Неподвижно лишь солнце любви...»: Стихотворения. Проза. Письма. М.: Московский рабочий, 1990. 444 с.
18. **Шапошников Л.Е.** Русская религиозная философия. Конец XIX – начало XX века. Ведущие представители. М.: Юрайт, 2018. 305 с.
19. **Шестов Л.** Апофеоз беспочвенности: (Опыт адогматического мышления). СПб.: Тип. Т-ва «Обществ. польза», 1905. 285 с.

УДК 1(091)

Н.К. Сюндюков

**«ВОЛЯЩИЙ РАЗУМ» КАК ПРИНЦИП НАУЧНОЙ МЕТОДОЛОГИИ
А.С. ХОМЯКОВА**

**THE «WILLING REASON» AS A PRINCIPLE OF SCIENTIFIC
METHODOLOGY OF A. S. KHOMYAKOV**

СЮНДЮКОВ Никита Кириллович – старший преподаватель Факультета государственного и муниципального управления Северо-Западного института управления РАНХиГС. E-mail: nick.syundyukov@gmail.com

SIUNDIUKOV Nikita K. —North-West Institute of Management RANEPА,
E-mail: nick.syundyukov@gmail.com

The article analyzes the scientific methodology of A. S. Khomyakov and traces the dialogue between slavophil's axiology and the ideas of german idealism. It is proved that Khomyakov's epistemology was influenced both positively and negatively by german philosophy, primarily by Hegel. Criticizing "hegelism", Khomyakov instead offers the concept of "willing reason", which constitutes a kind of synthesis of abstract rationality and direct faith. This approach to knowledge allows us to achieve the integrity of the mind: attention to the positive fact is balanced here by the general religious and moral attitude of the subject of knowledge. It is shown that Khomyakov applies this methodology primarily in the field of historical research. The most striking and illustrative fruit of his methodology is the unfinished work "Semiramide".

Статья посвящена анализу научной методологии А.С. Хомякова и прослеживает диалог между славянофильской аксиологией и идеями немецкого идеализма. Доказывается, что гносеология Хомякова испытывала как позитивное, так и негативное влияние немецкой философии, прежде всего со стороны Гегеля. Критикуя «гегелизм», Хомяков предлагает взамен концепцию «волящего разума», представляющую собой своеобразный синтез абстрактной рассудочности и непосредственной веры. Именно такой подход к познанию позволяет достичь целостности разума: внимание к позитивному факту здесь уравновешивается общей религиозно-нравственной установкой субъекта познания. Показано, что Хомяков применяет данную методологию прежде всего в области исторических исследований. Наиболее же ярким и показательным плодом его методологии является незавершенный труд «Семирамида».

**ХОМЯКОВ, ГЕГЕЛЬ, ЖИВОЗНАНИЕ, ВОЛЯЩИЙ РАЗУМ, МЕТОДОЛОГИЯ,
ЦЕЛОСТНОСТЬ, ФАКТ, РАССУДОЧНОСТЬ**

**KHOMYAKOV, HEGEL, ZHIVOZNANIYE, WILLING REASON,
METHODOLOGY, INTEGRITY, FACT, RATIONALITY**

Среди зарубежных источников, повлиявших на становление и развитие философии славянофильства, и в частности – славянофильской философии науки, принято выделять несколько интеллектуальных традиций. Прежде всего, это классический немецкий идеализм. Действительно, рассуждения И. Киреевского, А. Хомякова, в меньшей степени – К. Аксакова оказываются во многом зависимы от теоретических построений немецких философов – как в негативном, так и в позитивном плане. Одни идеи Гегеля и Шеллинга заимствовались практически в неизменном виде. Другие подвергались теоретической переработке, что позволяло славянофилам переложить их на отечественный интеллектуальный ландшафт с его специфическим отношением к истории и к европейской культуре. Наконец, значительный объем идей немецких классиков подвергался систематической критике. Речь идет, прежде всего, о т.н. «рассудочности» немецкой (а вместе с ней и практически всей западной) философии. Немецкий идеализм в своих выводах опирался исключительно на логически-рациональные построения, тем самым игнорируя, по мнению славянофилов, необходимость целостного подхода к познанию. В качестве реакции на подобное «иссушенное» рассудком познание славянофилами была выдвинута концепция «живознания», т.е. такого знания, которое могло бы объединить в себе, в своем процессе становления и рациональную, и вне-рациональную стороны познания.

Среди других источников влияния, которые выделяются исследователями – немецкий романтизм (Ф. Баадер, Ф. Гельдерлин), французский консервативный католицизм (Жозеф де Местр). Данные интеллектуальные течения повлияли на славянофильскую философию прежде всего в социальной части, определив ее консервативную и умеренно-реакционную направленность. При этом сложно сказать, насколько эти влияния были опосредованы, собственно, немецкой

классической философией, поскольку сама эта традиция также вобрала в себя часть настроений и установок обозначенных течений (опора на государственность, критика Просвещения, острый интерес к вопросам религии и т.д.)

Мы не случайно упомянули о концепции «живознания» как своеобразной славянофильской оппозиции по отношению к немецкому рационализму и панлогизму. Здесь стоит отметить, что и для немецких мыслителей тема целостного знания была не менее важной, чем для отечественных – особенно для Шеллинга. Тем не менее острие критики славянофилов было направлено именно на дискретность и обособленность идеалистической гносеологии. «Добросовестный фанатик рассудка, признаваемого за разум, [Гегель] верил вполне законности и, так сказать, святости своего подвига (...) Для него формула всегда обуславливала явление. Рассудочность опять расшибалась о свои границы. Логика Гегеля была явлением бесплодным в своем догматическом значении и решительным в смысле отрицания, ибо она своею несостоятельностью разрушала веру в рационализм» [1, с.268]. Менее критично славянофилы относятся к Шеллингу, поскольку он также критиковал Гегеля и более настойчиво указывал на необходимость целостности познания: «Хомяков высоко ценит шеллингианскую идею связи явлений природы и человеческой мысли с теми всеобщими божественными началами, которые управляют миром. Именно в этом он видит основу разумного целостного миропонимания, называя Шеллинга «примирителем внутреннего разногласия, восстановителем разумных отношений между явлением и сознанием, следовательно, воссоздателем целостности духа». Но основой философии Шеллинга остается рассудочный анализ, которому приписывается безусловно положительное значение, а разуму – уровень «уясненного самосознания»; все другие начала Шеллинг полагает

отвлеченными. При этом, по мнению Хомякова, нивелируется значение воли как иррационального факта, не сводимого к «логическому строю» мысли»[2, с.53].

Следует заметить, что критика «рассудочного анализа» имела для славянофилов смысл не столько философски-абстрактный, сколько методологический. Острее всего славянофилами переживалась рассудочное понимание истории, культивируемое Западом, указание на односторонность её процессов и на неизбежность прогресса, выкроенного по цивилизационным лекалам Европы. Все эти выводы представлялись славянофилам исключительно абстрактными и надуманными, т.е. игнорирующими действительные факты жизни в угоду стройности логических конструкций. И здесь мы приходим к еще одному источнику, оказавшему опосредованное влияние на развитие славянофильства, прежде всего в части философии истории. Речь идет о позитивизме. Разумеется, ни Киреевский, ни Хомяков, ни братья Аксаковы не могли принять позитивизм в его чистом виде – слишком уж враждебны его основные положения по отношению к аксиологии славянофильства. Более того, нам не удалось найти упоминания этого термина в трудах старших славянофилов. Однако нельзя переоценить роль позитивизма в развитии методологии научного знания XIX в. Позитивизм устранил или же переосмыслил значительную часть сугубо метафизических конструкций, заложенных в основании европейской науки 17-18 вв. Разумеется, славянофилы не могли оставаться в стороне осмысления подобных идейных течений Европы. Возможно, позитивизм был ими воспринят опосредовано – через европейский материализм или реализм, однако некоторые черты позитивистского подхода в науке явно присутствуют у Хомякова, в меньшей степени – у Киреевского. Прежде всего, это требование учета действительных фактов, интерес к материальным

факторам, влияющим на исторические процессы. объяснения процессов в угоду их описанию, и что частные факты должны всегда иметь преимущество по отношению к фактам общим.

Немецкий идеализм и позитивизм с внешней точки зрения представляются позициями сугубо конфликтными. Так, идеализм Гегеля утверждает, что всякий действительный процесс является самораскрытием Абсолютного духа в истории, в то время как позитивизм настаивает, что исследователи должны вовсе отказаться от подобных телеологических объяснений, ограничившись описанием процессов. Ни та, ни другая крайняя позиция европейской философии не могла удовлетворить славянофилов в полной мере. Отечественная история, будучи первостепенным объектом интереса для русских философов, требовала иных ответов. Россия не могла и не должна была существовать на обочине, лишенная «всемирного воспитания человеческого», как это отмечал Чаадаев (в этом тезисе легко прослеживаются отголоски «гегелизма»); но славянофильское самосознание не могло удовлетвориться и простым перечислением эмпирических фактов, которое могло как принизить, так и возвысить Россию среди других европейских держав. Славянофилы занялись разработкой собственного методологического аппарата, который мог бы дать ответ на вопрос о смысле и задачах исторического пути России в соответствии с национальным духом и национальным умозрением. Таковой аппарат должен был совместить в себе как скрупулёзность по отношению к действительным фактам, позволяющую осветить своеобразие отечественной истории во всем ее богатстве, так и универсальность теоретического построения, которая позволила бы вписать историю России в более широкий контекст всеобщего развития цивилизаций, а в предельном смысле – указать на религиозные основания всякого исторического процесса. Разработка этого аппарата

славянофилами, будучи своеобразным синтезом позитивизма и гегелевской философии, оказалась предтечей действительного развития отечественной исторической науки. Так, в 70-80х годах 19-го века методология, исходившая из философии позитивизма «пришла на смену популярной в России гегелевской философии истории, реализованной, в частности, в юридической школе историографии... В целом же в этот период влияние позитивизма на обществознание стало весьма существенным и требовало от ученого поиска социальных фактов, подтверждающих различные теоретические гипотезы. От метафизики историческая наука переходит к «социальной физике», так как позитивистская методология требовала изучения всей конкретики социальной жизни для получения реальной картины жизни общества»[3, с. 455].

В чем же заключалось своеобразие этого методологического синтеза, предложенного славянофилами? С.А. Воробьева указывает, что «основным методом философско-исторической системы Хомякова является диалектика, которая определяет механизм структурирования исторической теории, объединяя общефилософские принципы с конкретной динамикой истории... Общая тенденция философии истории Хомякова к более объективному исследованию фактографического материала определяет и соответствующую направленность его диалектики. Хомяков стремится к отражению исторического процесса в единстве разнообразия, поэтому его философия истории учитывает интеграции конкретно-исторических условий»[2, с.53]. Итак, основополагающая черта хомяковской методологии в области исторических исследований – единство «общефилософских принципов с конкретной динамикой истории». Под «общефилософскими принципами» следует понимать те положения, что в общих чертах были переняты славянофилами у немецкой философии:

телеологизм, требование целостности, вера в безусловную нравственную направленность исторического процесса и т.п. Однако одних этих «абстрактных» положений не достаточно для того, чтобы суметь уловить «исторический процесс в единстве разнообразия». На выходе исследователь получает скорее единство теории в ущерб фактическому многообразию. Здесь, конечно, не может не прийти на ум славянофильская теория соборности как синтеза католического единства и протестантской свободы. Если же мы хотим добиться подобной «соборности» в области исторического, и – шире – гуманитарно-общественного знания, то нам следует учитывать материальные факторы исторического процесса. «В своей ориентации на естественнонаучную методологию Хомяков исходит уже из обозначившейся тенденции в русской философии истории первой половины XIX в. В соответствии с данным подходом, историческую законообразность он мыслит уже не только в рамках теологии, а с учетом конкретных наук и реальных исторических особенностей жизни народа» [2, с.98]. Среди подобных исторических особенностей выделяются географические, этнографические, лингвистические данные. Так, в своих «Записках о всемирной истории», Хомяков отмечает: «Никто еще, кажется, не попал на весьма простую мысль приложить к истории человечества ход геологический. Вглядитесь в наслоения племен, в их разрывы, в их вкрапления в друг друга, скопления или органическое сращение, и, вероятно, вы разрешите неожиданно большую часть исторических загадок» [4, с.33].

Итак, в области исторического исследования Хомяков следует своеобразному диалектическому методу, усиленному идеями позитивизма. Разумение действительности, безусловно, требует некоторой абстракции, которая достигается следованием логическим законам рассудка. Это и есть «рассудочное» постижение истории, которое, согласно славянофилам,

страдает исключительной односторонностью, всегда существуя «в целом», но при этом игнорируя частности.

Здесь следует сделать важную оговорку. Менее всего славянофилы стремились принизить значение логики и рационального мышления в научных исследованиях. Напротив, в своих трудах Хомяков и Киреевский неустанно подчеркивают необходимость абстрактно-логических суждений для целостного разумения действительности. Доходит до того, что славянофилы стремятся рассуждать еще более логично и более последовательно, чем это делали немцы. Так, Хомяков в письме к Самарину критикует Шеллинга за излишнюю метафоричность, а затем указывает на необходимость «очистить» понятия пространства и времени от «чувственных представлений» для «полной отчетливости анализа»!

Однако само действие анализа, будучи операцией не цельного разума, но рассудка, предшествует двум другим важнейшим фактам человеческой жизнедеятельности – вере и воле. В трудах Хомякова присутствует несколько определений веры, однако в настоящей работе для нас имеет первостепенное значение определение, данное в уже упомянутом письме к Самарину: «я назвал верою ту способность разума, которая воспринимает действительные (реальные) данные, передаваемые ею на разбор и сознание рассудка» [5, с.327]. Таким образом, вера есть как бы *доверие* к восприятию мира внешнего, «общего, Божиего». Вера есть также критерий разделения на внутренне и внешнее. Важно заметить, что здесь еще не идет речь о вере сугубо религиозной, которая как раз является «высшим состоянием разума, обращенного к невидимому миру» [6, с.246]. Вера как доверие есть именно начало всякого цельного, непосредственного мышления, не замкнутого на самом себе. Подобным концептуальным пониманием веры Хомяков заочно спорит с выводами гегелизма. Действительно, если мы понимаем мир внешний как «закон понятия

самотворящего из самого себя сознаваемое и сознающее» [5, с.331], т.е. как всего лишь часть рационального процесса сознания, то мы лишаемся сознания жизненного, «не нуждающимся в доказательствах и довода», в котором человек сознает, «что принадлежит его умственному миру и что миру внешнему» [5, с.327]. Отказ от подобного жизненного сознания и означает для Хомякова утрату веры. Если воспользоваться терминологией Гегеля, за которым Хомяков все же признает некоторую сознательность по отношению к ошибкам собственной философии, утрата веры ко внешнему есть проявление «несчастливого сознания»: «Самость есть абсолютная сущность; сущность, которая была субстанцией и в которой самость была акцидентальностью, низведена до предиката» [7, с.399].

Однако преодоление «несчастливого сознания», с его далеко идущими последствиями и для научной методологии, невозможно одной лишь верой. Вера является естественным состоянием человека, но её недостаточно для цельного разумения действительности. Более того, таковая вера, по Хомякову, оказывается лишь «оселком воли». Теперь, перейдя к разговору о понятии воли в философии Хомякова, мы можем пролить свет и на его отношение к позитивному учету фактов, и к наблюдению как научному методу.

Воля служит своего рода проводником разума, позволяющим посредством «хотения понимания» перейти от «до-предметного знания», данного верой, к попытке выделить сущность того или иного явления, а затем – к осмыслению этого явления на логическом уровне. Конечным же этапом этого процесса, по Хомякову, служит возврат к вере – но вере уже обновленной, религиозной, вере, причастной действиям «волящего разума».

Выделить сущность явления нам позволяет именно волевое желание понять тот или иной объект. Хомяков приводит пример с выстрелом,

убившим зверя. Конечный результат, т.е. смерть зверя, понимается здесь как факт. Однако ли можно назвать эту смерть в своей обособленности полноценным явлением в отношении к человеческому разумению? Смерти предшествовало ружье, «верный глаз» и «твердая рука», действовали «сила пороха, тяжесть, устремленная по прямой линии, притяжение земли; изменяющее эту линию, сопротивление воздуха, даже легкое влияние бокового встречного или попутного ветра, законы химические, удерживающие дробь в ее виде или окисляющие ее на лету и изменяющие ее тяжесть» [5, с.336]. Все то, что и следует понимать как позитивный учет фактов. Однако их простое перечисление все же не подводит нас к собственно схватыванию явления смерти зверя во всей её полноте: «нет той точки, той формы, на которой бы мы могли остановиться и сказать: вот явление». Явление ускользает от попытки своего познания, будучи причастным бесконечному многообразию действительного мира. Оно оказывается бесконечно малым и бесконечно большим, согласно афоризму Паскаля, на который ссылается Хомяков. И здесь явление начинает пониматься как многообразие материальных факторов, как постоянная их смена и движение: «явление есть уже его [сущего] движение, его как сознаваемого или как предмета для сознания, следовательно — его движение для сознающего» [5, с.338].

На этом этапе познания, оттолкнувшись от эмпирического сбора данных, может и должен быть применен рассудочно-логический анализ, который будет способен до определенной степени согласовать воспринятое нами явление в соответствии с законами разума. Однако разумность еще не может дать ответ, почему то или иное явление действительно, т.е. необходимо; «разумность не есть необходимость, она есть только условие возможности» [5, с.338]. Под необходимостью же Хомяков понимает начало всякого явления. Подобраться к подобному

началу, пройдя этап рассудочно-логического анализа, нам позволяет «свободная мысль, т.е. воля разума». «Воля — это последнее слово для сознания, так же как оно первое (и именно потому, что оно первое) для действительности. Воля разума, и — прибавляю — разума в его полноте, ибо изменение явлений есть изменение в сознаваемом (а не в сознании, которое, с своей стороны, воспринимает одинаково всякий предмет), но сознаваемое, как таковое, — уже предполагает или, лучше сказать, заключает в себе уже присущее существование до-предметного сознания, той первой степени мысленного бытия, которая не переходит и не может перейти в явление, всегда предшествуя ему» [5, с.340].

Таким образом, воля разума включает в себя и веру как до-предметное знание, и рациональное постижение явления, т.к. всякое рациональное постижение должно быть направлено свободной волей, отличающей человека от природного мира, и итоговый синтез этих познавательных процессов, данный в живознании. Важно заметить, что живознание может быть доступно и человеку, познающему непосредственно, через веру. И процесс познания, по Хомякову, есть именно возврат к цельности живознания, однако уже углубленной и отрефлексированной: «живознание как бы исчезает на стадии рассудка, потом снова появляется на синтетической стадии всецелого разума» [6, с.246]. Воля позволяет исследователю перейти от до-предметного знания внешних явлений, непосредственно свойственного всякому человеку, к их логическому осмыслению посредством рассудка с целью итогового синтеза результатов этих процессов в высшем акте, данном в вере религиозной. Мы видим, что и начальным, и итоговым этапом познания для Хомякова оказывается вера. Но если вера на начальном этапе существует в форме непосредственного знания, она как бы еще не способна полноценно выделить предмет как явленный сознанию из

окружающего субъекта мира, то вера на конечном этапе, вера религиозная, позволяет человеку не только осмыслить предмет логически, но и возвыситься за пределы собственного обособленного сознания до состояния «всецелого разума», или «цельности духа», если пользоваться терминологией Киреевского.

Нам остается осветить последний момент, концептуально важный для понимания гносеологии Хомякова. Как соотносится подобная схема познавательного процесса с познанием научным? «Мысль человека, содержа в себе начало проявления и начало сознания, проходит в своем дальнейшем развитии две степени: первую - степень определенного проявления, вторую - степень определенного сознания. Первая идет от мысли непроявленной (что мы называем неизвестным) к проявлению; вторая возвращается от проявления (следовательно, известного) к первоначальной мысли (неизвестному), которую она приводит в известность. Первая составляет область жизни и художества; вторая - область знания и науки. Первая - синтез; вторая - анализ. Полнота духа заключается в согласном и равномерном соединении обеих». И, далее, на полях Хомяков отмечает: «Говорить о синтетической науке - значит говорить слова без смысла. Наука иногда только пробует синтетический путь, отправляясь от предположения для аналитической проверки» [8, с.251]. Следует ли отсюда вывод, что Хомяков ограничивает область научных исследований сугубо рассудочным анализом? Полагаем, что эту оговорку следует применить прежде всего к блоку естественных наук, которые, действительно, могут лишь «пробовать синтетический путь», не смея подняться до высот «полноты духа». Однако подобные выводы нельзя отнести к наукам общественного блока: этнографии, лингвистике, географии. Венчает же блок этих наук история и историческое познание, поскольку здесь в силу вступает фактор религиозной жизни народов.

«Хомяков строит свою философско-историческую концепцию таким образом, что законы не выводятся из отдельных фактов, а лишь проявляются в них. Божественная предустановленность позволяет рассматривать аналитические данные истории в духе единой исторической гармонии, которая отражается в сознании познающего через «до-предметное» знание. Хомяков подчеркивает приоритет синтетического мировоззрения, концептуального, целостного мышления, отвергая в то же время его абсолютизацию, выражающуюся в пренебрежительном отношении к отдельным фактам как к чему-то второстепенному» [2, с. 118]. Исследователь способен причаститься к этому духу «божественной предустановленности» при условии пристального внимания к фактору религиозной жизни народов. Народная вера ставится Хомяковым во главу угла всякого исторического познания, поскольку она есть выразитель «вечных истин и единственного человеческого счастья» [9, с.277]. При этом в своей обрядовой форме религия предельно конкретна и способна предоставить исследователю бесценный материал для аналитического рассмотрения; в форме же догматической религия есть выразитель высших устремлений человека – духовных и нравственных.

Таким образом, исследование религиозной жизни народа есть то потенциально синтетическое начало исторической науки, которое способно пролить свет на «полноту духа» той или иной народности. Оно сочетает в себе как внимание к действительным фактам жизни – изучение этнографических, лингвистических, статистических данных, так и рассмотрение высших форм религиозности (догматики, истории религиозных институтов), задающих тон общественным, политическим и нравственным формам существования народов. «Говоря практически, мы скажем, что в истории мы ищем самого начала рода человеческого, в надежде найти ясное слово о его первоначальном братстве и общем

источнике. Тайная мысль религиозная управляет трудом и ведет его далее и далее. Если рассмотрим ход науки в прошедшее и нынешнее столетия, мы убедимся, что она получила движение и развитие именно от споров, касающихся веры... В этом смысле история уже не есть простая летопись; но она также и не отвлеченное созерцание внутренней жизни личной, проявленной во внешности племен и народов. Духовный, характер сохраняется вполне, но вещественность получает новую важность. Имя и судьба каждого народа делаются предметом достойным исследования до самого его семейного источника, имена людей остаются случайностями, занимательными только потому, что они служат точками опоры для дальнейших разысканий» [4, с.39-40].

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. **Хомяков А.С.** По поводу отрывков, найденных в бумагах И.В. Киреевского // Хомяков А.С. Полное собрание сочинений. Издание третье, дополненное. Т.1. М.: Университетская типография на Страстном бульваре, 1900. С. 263-284.
2. **Воробьева С.А.** Философия истории А. С. Хомякова. – СПб.: Наука, 2019. 215с.
3. **Осипов И.Д.** Историология русского позитивизма // Вестник Санкт-Петербургского университета. Философия и конфликтология. 2018. Т. 34. Вып. 3. С. 454-457
4. **Хомяков А.С.** Семирамида. Исследования истины исторических идей // Хомяков А.С. Сочинения в 2 т. М.: Московский философский фонд Издательство "Медиум", 1994. Т. 1. С. 15-449.
5. **Хомяков А.С.** Письмо о философии к Ю. Ф. Самарину // Хомяков А.С. Полное собрание сочинений. Издание третье, дополненное. Т.1. М.: Университетская типография на Страстном бульваре, 1900. С. 321-348
6. **Благова Т.И.** Живознание // Русская Философия. Энциклопедия. Под общ. редакцией М. Маслина. М.: Алгоритм, 2007. С. 246
7. **Гегель Г. В. Ф.** Феноменология духа. СПб.: Наука., 1992. 444 с.
8. **Хомяков А.С.** По поводу статьи И. В. Киреевского «О характере просвещения Европы и о его отношении к просвещению России» // Хомяков

А.С. Полное собрание сочинений. Издание третье, дополненное. Т.1. М.: Университетская типография на Страстном бульваре, 1900. С. 197-260.

9. **Хомяков А.С.** Письма к В. Пальмеру // Хомяков А.С. Сочинения в 2 т. М.: Московский философский фонд Издательство "Медиум", 1994. Т. 2. С. 244-310.

Глава 2

**ФИЛОСОФСКИЕ ПРОБЛЕМЫ
ГУМАНИТАРНОЙ НАУКИ**

**АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ФИЛОСОФИИ ЧЕЛОВЕКА В
КОНТЕКСТАХ КУЛЬТУРЫ XX ВЕКА**

**ACTUAL PROBLEMS OF HUMAN PHILOSOPHY IN THE CONTEXT
OF CULTURE OF THE XX CENTURY**

КОЛЕСНИК Ирина Ивановна – кандидат философских наук, доцент Высшей школы международных отношений Гуманитарного института, Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого.
E-mail: Svetlova_i@mail.ru

KOLESNIK Irina I. - Peter the Great Saint-Petersburg Polytechnic University, Saint-Petersburg, Russia.
E-mail: Svetlova_i@mail.ru

Культурфилософские концепции и художественные произведения XX века продемонстрировали необходимость пересмотра представлений о соотношении понятий «наука и техника» и «гуманизм и культура» в современном мировоззрении. Гуманистическая культура в ситуации сверхразвития науки и техники должна занять место стабилизирующего фактора. Центральное понятие гуманистической философии – человек – обретает новое содержание и становится менее абстрактным, будучи «привязанным» к конкретным контекстам культуры XX века. Пришедшие на смену традиционному обществу, эпохи индустриальной и информационной культуры подвергают человека новым трансформациям.

Cultural and philosophical concepts and works of art of the twentieth century have demonstrated the need to revise ideas about the relationship between the concepts of “science and technology” and “humanism and culture” in the modern worldview. A humanistic culture in a situation of overdevelopment of science and technology should take the place of a stabilizing factor. The central concept of humanistic philosophy - man - acquires a new content and becomes less abstract, being "attached" to the specific contexts of the culture of the twentieth century. Those who have replaced traditional society, the era of industrial and informational culture are subjecting people to new transformations.

КУЛЬТУРА, ЧЕЛОВЕК, ФИЛОСОФИЯ КУЛЬТУРЫ, ГУМАНИСТИЧЕСКИЕ
КОНЦЕПЦИИ, ИНДУСТРИАЛЬНАЯ КУЛЬТУРА, ИНФОРМАЦИОННОЕ
ОБЩЕСТВО

CULTURE, MAN, PHILOSOPHY OF CULTURE, HUMANISTIC CONCEPTS,
INDUSTRIAL CULTURE, INFORMATION SOCIETY

Гуманистическая культура – необходимый фактор уравнивания ситуации неуправляемого научно-технического прогресса. Об этом писали многие философы и культурологи в XX – н. XXI вв. [1,2]. Всеобъемлющая вера в разум, в непрерывный человеческий прогресс, движимый и управляемый научно-техническими достижениями, рационализм как мировоззренческая установка уже в первой половине XX в. привели к прямо противоположному эффекту. Чудовищные катастрофы мирового масштаба показали всю глубину заблуждения, что разумное, то есть научное начало, является тем флагманом, который приведёт человечество к «всеобщему счастью». Европоцентристские установки, опирающиеся на противопоставление «цивилизации» иным формам жизни, именуемым «дикими» и «отсталыми», критикуемые сначала теоретически, а потом потерпевшие крах на практике – практике прогрессирующего массового уничтожения человечества при помощи сначала хлора и иприта, а потом концлагерей, газовых камер и ядерных бомб, привели к появлению огромной волны противодействия, представленной и философскими течениями, и движением антитехнистов, и формированием контркультуры, и антирасистскими концепциями, и созданием целого ряда художественных произведений. «Афроцентризм», культурный релятивизм, развенчание «мифа машины», открытие бессознательного; протестные движения, хиппи, эксперименты с измененными состояниями сознания, фестивали и новая музыкальная культура, романы, стихи, живописные полотна, скульптура и архитектура, наконец, кинематограф, – рождается огромная палитра иных, отличных от продуктов «извращенного разума» и холодного интеллекта, сфер воплощения творческой индивидуальной и коллективной человеческой энергии. Такими авторами как О. Шпенглер [3], М. Хайдеггер [4], Л. Мамфорд [5,6], Х. Ортега-и-Гассет [7,8] и др.

сугубо позитивная и восторженная оценка научно-технического прогресса была пересмотрена.

Новые формы, которые приобретает культура в XX веке, базируются и сопровождаются новой философской парадигмой. Философия поворачивается «лицом к человеку», интерпретируя последнего не как какую-то абстракцию, а как результат воздействия определенных социокультурных контекстов [9,10]. Г. Маркузе писал об исчезновении необходимой любому здоровому обществу протестной составляющей, о различных формах «уплощения» изначально объемного человека, о губительной одномерности индустриализации и массовизации культуры и общества [11].

Проблема трансформаций культуры при переходе от традиционной и индустриальной эпох к информационной подробно представлена в работах Э. Тоффлера [12,13], Т. Эриксона [14]. Одно из принципиальных отличий новой современной культуры состоит в том, что она больше не предоставляет человеку определенные нормы и ценности. Все предыдущие культурные эпохи имели четкие идеалы, имели свое «лицо», поэтому не представляет труда составить ассоциативный ряд, посвященный, например, античности, средневековью или более узкой культуре и человеку в ней. Современная культура – это культура «без лица»: бесконечное разнообразие форм, мода на быстротечность, сверхскоростные перемены. Поэтому одной из важнейших характеристик нового культурного контекста можно назвать отсутствие в этом обществе многообразия, новизны и временности какого-то определенного ориентира, ценностного или смыслового. Авторы, используя метафору «лего», сравнивают ситуацию, в которой оказался современный человек, с данным типом конструктора: никакой заранее заданной модели нет, из огромного количества деталей можно собрать все, что угодно. Раньше

культура с самого детства обучала канону. Этому соответствовал и тип детского конструктора: кубики, пазлы, из которых нужно было собрать заранее заданную модель. Теперь же конструктор предполагает бесконечную вариативность. У человека в руках коробка деталей «лего», из которых он должен «собрать самого себя», но в нее будто забыли положить инструкцию. [14].

Сквозь призму культурных контекстов рассматривает человека и Л. Мамфорд [5,6,15]. Самой главной антигуманной характеристикой нынешней эпохи он считает засилье техники. Автор говорит о том, что у человека сложился неправильный взгляд на самого себя, представление о себе самом как о производителе орудий труда, технических устройств, научных концепций, распространяющих «миф машины» – миф о первостепенной важности научно-технического прогресса.

Мамфорд выделяет несколько основных культурных эпох и соответствующие им типы человека: архаический, цивилизованный, осевой, механизированный и постисторический. Наиболее был приближен к целостности, на его взгляд, именно архаический человек, находящийся на максимальном удалении от эпохи технического прогресса, пребывающий в гармонии с природой и с самим собой. В архаическую эпоху культура базировалась на соотношении понятий «мужское и женское», в последующие эпохи стержнем культуры становится не пол, а власть. После создания древними цивилизациями первых мегамашин («рабочей», «военной» и «бюрократической») человек, по мнению Мамфорда, навсегда утрачивает свободу и «человеческий масштаб жизни». Мегамашины со временем усложняются, принимая новые и новые формы (например, «религиозная мегамашина», «механизация и технизация»). Можно констатировать, что последней формой становится мегамашина информации и интернета [16].

Понятие «мегамашина» можно трактовать и как невидимые человеку масштабные формы культуры, формы власти, организующие жизнь человека определенным образом. В эпоху индустриализации формируется новая мегамашина, порождающая эпоху нового тоталитаризма, основывающегося на скрытых формах контроля человека, замаскированных под его желания. Рождается «общество потребления», в котором человек удерживается в подчинении уже не с помощью прямых репрессий, а с помощью формирования определенных устойчивых желаний – материальных благ, комфорта и развлечений. Духовные и интеллектуальные составляющие исчезают, исчезает также критика и характерные для всех предыдущих эпох «фигуры протеста». Здесь мы выходим на ключевое для культуры второй половины XX века понятие – «протест». Протестные движения и протестные формы культуры вызвали к жизни новую философию свободы, общества и человека, которая и определила дальнейшее развитие как западного, так и других миров, положила начало толерантности, открытости, многообразию, гуманизации культуры [17].

В психоаналитических концепциях культуры «внутренний мир» человека, его душа и чувства выходят на первый план [18,9,20,21]. Основными характеристиками целостного субъекта в ряде психоаналитических теорий понимаемого как процесс, являются конструктивные ориентации, личностный рост, самореализация. Деструктивная же тенденция – невроз и его виды как форма существования человека в современном мире, которые становятся показателем расщепленности. Культура индустриального общества препятствует производству своего «единого подлинного Я». Вариантами экзистенциально неукорененного деформированного человека являются, например, деструктивная личность и получившая большое

распространение в минувшем веке некрофильская личность. Конструктивная энергия, таким образом, оборачивается деструктивными импульсами, направленными как вовне, так и на себя самого, а позитивные потенции перепрофилируются. Субъективные переживания индивида уже не объективируются в форме креативных жестов. Поэтому увеличение количества вещей, которыми владеет человек, равно как и социальная гиперактивность, не способны восстановить «экзистенциальное ядро» и подлинность.

В концепции Д. Бьюдженталя [21] под целостностью понимается подлинная природа человека (рассматриваемого в «чувственной модальности»), которая является переживанием и осознанием человеком сочетания своего разума, чувств, духовности, телесности и всего многообразия «внутренней жизни». Целостность в данном случае – это внутреннее единство этих составляющих, которые являются частями единого целого – собственной идентичности человека. Чувства и «внутренняя жизнь» – это базисные составляющие человека, таково основное положение гуманистической концепции личности. Таким образом, человек обозначается, прежде всего, как человек чувствующий.

К.Хорни описывает «невротическую личность нашего времени» [19, 20]. Главными результатами невротического процесса являются следующие глубинные процессы: переключение жизненной энергии в русло псевдо-индивидуальности и подмена «реального Я» «идеализированным». Идеализированный образ постепенно становится жизненной перспективой и критерием оценки себя, воображение создает иллюзию неограниченных возможностей, что делает человека незаинтересованным в процессе реального совершенствования и ведет к прогрессирующему разрыву между «идеализированным Я» и реальными возможностями, к глубокому отчуждению от «реального Я». Таким

образом, невроз, вследствие вызываемой им траты конструктивной энергии, является одной из самых неудачных форм существования человека. Путь преодоления самоотчуждения человека К. Хорни видит в освобождении от «идеализированного Я» и раскрытии «реального Я» (самореализация). При благоприятном стечении обстоятельств, то есть при условии возникновения большей свободы «реальное Собственное Я» будет расти, человек сможет конструктивно работать и творчески самовыражаться. Сотрудничество Хорни с такими известными этнографами, как Маргарет Мид и Рут Бенедикт, помогло ей проиллюстрировать зависимость неврозов от общественно-культурной среды.

Попытка противостояния «принципиальному хаосу», «диктату гиперреальности» и невозможности выхода за ее пределы, а также «одномерному человеку» Франкфуртской школы, трагедия которого заключается в невозможности осознания собственной одномерности, отчетливо выявляется в гуманистическом направлении в современном гуманитарном знании, которое признает человеческую субъективность и особое значение внутреннего мира; при этом важная роль отводится аксиологическому аспекту и психической составляющей человек [22]. Также среди главных тезисов гуманистов можно выделить следующие: производство должно служить человеку, а не экономике; отношения между человеком и природой должны строиться на кооперации, а не на эксплуатации; высшей целью всех социальных мероприятий должно быть человеческое благо и предотвращение человеческих страданий; не максимальное, а лишь разумное потребление служит здоровью и благосостоянию человека. Разработке проблемы трансформации человека, его идентификации, самоопределения, самоактуализации, самореализации

и самосовершенствования и посвящены работы таких представителей гуманистической философии, как Э. Фромм, К. Хорни, Д. Бьюдженталь.

В заключение нужно отметить, что в противовес конструированию в ряде культурфилософских направлений «онтологически» и «эпистемически» «неуверенной личности», идее принципиальной погруженности человека в «хаос» и гиперреальность, гуманистическое направление в современном гуманитарном знании признает человеческую субъективность и особое значение внутреннего мира; важная роль отводится аксиологическому аспекту и психической составляющей человека. Ряд представителей психоаналитической традиции, «собирая» нового человека, ищут основания целостности в глубине «Я», утверждая, что у человека существует некий внутренний центр, в котором фиксируется процесс субъективного переживания индивидуальности, благодаря которому находит выражение творческая энергия человека. Анализ факторов современной культуры, вызывающих трансформации человека, показывает, что с одной стороны, они приводят к внутренним конфликтам здорового человека, с другой – способствуют усилению неврозов у невротической личности. В первую очередь, это противоречивые тенденции культуры, в частности проповедуемые идеалы «братской любви» и фактически существующее враждебное напряжение в обществе, которое рождается в результате небезопасности в экономической и социальной областях. Также уменьшение роли религии и разрушение традиций не дает человеку ощутить принадлежность к могущественному целому, обеспечивающему защиту и направляющему стремления.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Новая технократическая волна на западе. М., 1986
2. Философия техники в ФРГ. М., 1989

3. **Шпенглер О.** Закат Европы. Очерки морфологии мировой истории. М. 1993.
4. **Хайдеггер М.** Время картины мира. Пер. с нем. В.В. Бибихина. //Новая технократическая волна на Западе. М., 1986, с. 93-119.
5. **Мамфорд Л.** Миф машины: Техника и развитие человечества / Льюис Мамфорд; [Пер. с англ.]. - М.: Логос Σ, 2001. – 404 с.
6. **Mumford L.** Technics and Civilization. N. Y., 1934
7. **Ортега-и-Гассет Х.** Дегуманизация искусства и др. работы. М., 1991
8. **Ортега-и-Гассет Х.** Эстетика. Философия культуры. М., 1991
9. Современная западная философия. М., 1991. – 414 с.
10. Проблема человека в западной философии. М., 1988. – 552 с.
11. **Маркузе Г.** Эрос и цивилизация. Одномерный человек: Исследование идеологии развитого индустриального общества / Г. Маркузе; Пер. с англ., послесл., примеч. А.А. Юдина; Сост., предисл. В.Ю. Кузнецова.- М: ООО "Издательство АСТ", 2002. – 526 с.
12. **Тоффлер Э.** Шок будущего. М., 2008. 560 с.
13. **Тоффлер Э.** Третья волна. М., 2010. 784 с.
14. **Эриксен Т.Х.** Тирания момента: время в эпоху информации. М., 2003.
15. **Mumford L.** The Transformations of Man. L., 1957.
16. **Светлова И.И.** Проблема трансформаций человека в философии культуры Л. Мамфорда// Научно-технические ведомости СПбГПУ-2006.6-Т.3. 0,4 п.л.
17. **Светлова И.И.** Проблема трансформации человека в философии культуры XX века: автореферат дис. ... кандидата философских наук: 09.00.13 / Светлова Ирина Ивановна; [Место защиты: С.-Петербург. гос. ун-т]. - Санкт-Петербург, 2009. - 22 с.
18. **Фромм Э.** Анатомия человеческой деструктивности. М., 1994. – 447 с.
19. **Хорни К.** Невротическая личность нашего времени. СПб. 2002. – 224 с.
20. **Хорни К.** Собрание сочинений в 3-х т. М., 1997.
21. **Бюдзенталь Д.** Наука быть живым: Диалоги между терапевтом и пациентами в гуманистической терапии. М., 2005. – 336 с.
22. **Светлова И.И.** Человек в мире маркетинговой культуры // Философия XX века: школы и концепции. Материалы работы секции молодых ученых «Философия и жизнь». Материалы научной конференции 21 ноября 2000 г.- СПб.: Санкт-Петербургское философское общество, 2001.

УДК 001.38

В.В. Евсеев, А.С. Матвеевская, В.Л. Погодина

**ЭЛЕКТРОННЫЕ ТЕХНОЛОГИИ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО
ОБЩЕНИЯ В НАУЧНОЙ СРЕДЕ**

**ELECTRONIC TECHNOLOGIES OF PROFESSIONAL
COMMUNICATION IN THE SCIENTIFIC ENVIRONMENT**

ЕВСЕЕВ Владимир Владимирович – кандидат педагогических наук, доцент Института физической культуры, спорта и туризма, Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого. E-mail: evseev_vv@spbstu.ru

EVSEEV Vladimir V. - Peter the Great St.Petersburg Polytechnic University, Saint-Petersburg, Russia.
E-mail: evseev_vv@spbstu.ru

МАТВЕЕВСКАЯ Анна Сергеевна – кандидат географических наук, старший преподаватель кафедры мировой политики факультета международных отношений, Санкт-Петербургский государственный университет
E-mail: annamatveevskaya@mail.ru

MATVEEVSKAYA Anna S. - St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russia.
E-mail: annamatveevskaya@mail.ru

ПОГОДИНА Виктория Леонидовна - доктор педагогических наук, доцент, профессор кафедры туристского бизнеса, Санкт-Петербургский государственный университет промышленных технологий и дизайна E-mail: tbkafedra@mail.ru

POGODINA Victoria L. - St. Petersburg state University of industrial technologies and design, Saint-Petersburg, Russia.
E-mail: tbkafedra@mail.ru

В данной статье рассмотрены современные электронные технологии научной коммуникации и профессионального общения в сфере научного сотрудничества. Современная наука, являясь новатором высоких технологий, использует новейшие материалы и способы производства, с целью продвижения презентации исследовательских материалов и научных открытий. Научная коммуникация привлекает все больший исследовательский интерес участников, заинтересованных в научной информации различных форматов. Рост способов взаимодействия исследователей и ученых, акторов производственной сферы и бизнеса, а также общественности, привел к новым формам электронных технологий профессионального

общения. Такая взаимосвязь ценна для представителей академического сообщества. Сама научная коммуникация включает всю совокупность видов общения в научной среде: электронная почта, электронные каналы и платформы, научные социальные сети, облачные технологии, блоги. Используя такие виды общения, участники имеют возможность обмениваться результатами научных экспериментов, демонстрацией опытов, для координации совместных опытных разработок. Необходимость в открытости современной науки для взаимодействия с общественностью, которая проявляет все больший интерес к научной информации, ведет к популяризации науки в целом, а значит и к развитию общества.

This article is devoted to the consideration of modern electronic technologies of scientific communication and professional communication in the field of scientific cooperation. Modern science is an innovator of high technology and uses the latest materials and methods of production in order to promote the presentation of research materials and scientific discoveries. Scientific communication is attracting increasing research interest of participants interested in scientific information of various formats. The growth is observed in the ways of interaction between researchers and scientists, actors in the manufacturing sector and business, as well as the public. It has led to new forms of electronic technology for professional communication. Such a relationship is valuable to members of the academic community. Scientific communication includes the whole set of types of communication in the scientific environment: e-mail, electronic channels and platforms, scientific social networks, cloud technologies, blogs. Participants have the opportunity to share the results of scientific experiments, demonstration of experiments, to coordinate joint experimental development, using these types of communication. Modern science should be open to interaction with the public, which is showing an increasing interest in scientific information. This leads to the popularization of science as a whole, and therefore to the development of society.

ПРОФЕССИОНАЛЬНОЕ ОБЩЕНИЕ, ЭЛЕКТРОННЫЕ ТЕХНОЛОГИИ,
НАУЧНАЯ КОММУНИКАЦИЯ, НАУЧНОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО, КАНАЛЫ
ВЗАИМОСВЯЗИ

PROFESSIONAL COMMUNICATION, ELECTRONIC TECHNOLOGY,
SCIENTIFIC COMMUNICATION, SCIENTIFIC COOPERATION, COMMUNICATION
CHANNELS

Запросы технико-технологических параметров промышленной революции, расширение ландшафта глобализации повысили спрос на продукты интеллектуального производства. В этих условиях возникла потребность в изменении содержания деятельности и структуры научных, научно-исследовательских и научно-образовательных учреждений и их роли в моделировании трендов прогрессивного развития. Формирование потребности общественных платформ в непрерывном обновлении результатов научно-интеллектуального знания и их эффективном использовании, параметры и маршруты откликов науки на вызовы

современной цивилизации и производства, готовность и интересы самого производства и государства поддерживать «обновление знания» должны соответствовать векторам модернизации, темпорально опережать потребности обновления. И только в этом случае мы можем говорить о том, что само производство знаний становится стратегическим фактором развития общества. «Преобразование науки, технологий, инноваций в весомую движущую силу общественного развития и повышение роли научных знаний и открытий, связано со становлением нового технико-технологического уклада» [1, с. 421].

Наука выступает генератором высоких технологий, где знания и их применение «доминируют над капиталом, трудом и сырьем...» [2, с. 278]. Характерными признаками этого положения выступают: использование новейших материалов и способов производства, высокая доля затрат на НИОКР, быстрые темпы морального старения и обновления продукции, короткий жизненный цикл продукции и др. Производство и выпуск наукоемкой продукции, превращение знаний в передовые технологии определяют не только социальные и экономические параметры жизнедеятельности человека, но благотворно влияют на формирование среды его обитания, появляются «умные города», «умные вещи», «большие данные», меняются нормативно-ценностные ориентации человека, качество и уровень жизни человека.

В последнее время повышается исследовательский интерес к научной коммуникации. Необходимо отметить, что практические аспекты, так называемых научных коммуникаций, начинают развиваться еще в XVII веке. Начало XIX века ознаменовалось появлением первых «научных» объединений/обществ. Позже появляются специализированные журналы, на страницах которых можно было обсудить научные проблемы, познакомиться с диапазоном исследований в различных отраслях, они служили и источником популяризации научных открытий. И только в XX веке печатные издания приобретают статус в качестве «легитимного источника научных знаний и мнений» [3].

Наблюдается повышенный спрос на научную информацию различных форматов как со стороны акторов производственной сферы,

государства, так и со стороны широкой общественности. Это обусловлено потребностями научно-технического прогресса, ростом объемов и скорости передачи научной информации [3]. Важную роль играют модели научно-информационного взаимодействия научного сообщества. Последнее время можно констатировать рост каналов и маршрутов взаимодействий как для ученых и исследователей, так и для коллективов научных организаций, и в целом для отрасли научных коммуникаций. Эти связи очень важны и ценны для представителей академического сообщества, они поддерживаются и для взаимоотношений с «внешней» целевой аудиторией» [4] и составляют суть информационной инфраструктуры профессиональной научной сферы. Сама научная коммуникация включает всю совокупность видов общения в научной среде, включая механизмы экспертизы результатов исследования и взаимодействия экспериментаторов-исследователей [5, с. 115-118].

В последнее время наблюдается рост интереса к коммуникациям между наукой, учеными, научно-образовательными сообществами и общественностью. Публичные коммуникации помогают популяризировать современные открытия, технологии, материалы. По данным «Мониторинга инновационного поведения населения» россияне достаточно хорошо осведомлены о достижениях науки и техники (42% опрошенных). Данные опроса фиксируют снижение интереса ко всем темам, за исключением «Международные проблемы» и «Информационные технологии». По мнению экспертов, российские граждане, всегда высоко оценивали свою информированность о разработках в науке, достижениях в технике, в технологиях, но «на практике не слишком активно вовлечены в научно-популярный дискурс» [6]. Огромную информационную помощь по новым научным разработкам может оказать, например, «Научная сеть МГУ», представляющая собой единую базу информации. Она создана для облегчения доступа населения к научной, научно-популярной и образовательной информации: это могут быть обзорные статьи, комментарии, курсы лекций, рефераты и др.

Современная наука и ее достижения должна быть открытой, активно взаимодействовать с общественностью. В этом плане наблюдается

увеличение количества мероприятий, посвященных популяризации науки. Со стороны широкой общественности, особенно в условиях пандемии, повышается спрос на научную информацию. Например, запуск в 2005 г. проекта и электронного издания «Наука и технологии России - STRF.ru» как диалоговой площадки обсуждения проблем, стоящих перед наукой и сектором коммерциализации технологий. Платформой научной коммуникации выступает профессиональное общение ее субъектов.

Согласно исследованиям, наиболее распространенным способом взаимосвязей ученых с использованием интернет-технологий, которые относятся к личным контактам в онлайн-пространстве, все еще остается электронная почта [7]. Она рассматривается в качестве основного оперативного средства научной коммуникации ученого-исследователя и важного источника информации и обмена научными результатами.

Особенно в условиях вынужденной изоляции, изменение привычного ритма жизни и структуры взаимосвязей поднимается значение личных контактов, коммуникаций, поиска каналов обмена информацией. Как показала практика периода пандемии, активизировались поиски приемлемых каналов и платформ, выступающих в качестве механизмов преодоления информационной «изоляции». В этой ситуации стали шире использоваться для профессионального общения как учеными, так и научными сообществами формы персональной коммуникации (Skype, ICQ, Mail.Ru Агент и пр.), социальные сети, форумы, блоги и другие. Стали создаваться дополнительно коммуникативные «мосты»: для проведения вебинаров, онлайн-совещаний, встреч, интернет-конференции, которые могут осуществляться на таких платформах как Zoom, Google Hangouts Meet и пр.

Актеры профессионального общения могут использовать каналы социальной сети как системы мобильного обмена сообщениями о результатах научных экспериментов, демонстрацией опытов и технологий «испытаний» технических новинок, для координации совместных опытных разработках, выводах о подтверждении или необходимости уточнения гипотезы исследований, возможности поиска инвесторов, оценках проделанной работы и пр.

Если мы возьмем научные форумы, то на них происходит обсуждение самых разнообразных по тематике и масштабу исследований научных тем. Предполагается в дальнейшем возможности утраты данного вида коммуникации в связи с использованием более продвинутых технологий научной коммуникации. По мнению экспертного сообщества, широко используются сегодня облачные технологии, которые уже завоевывают рынок профессионального общения, в том числе в сфере научных исследований и образования.

Сегодня для научного сообщества определенный интерес представляют веб-ресурсы, совокупно называемые термином Веб 2.0. Блоги, вики и RSS выступают в качестве примеров проявлений Веб 2.0. Например, научные дискуссии можно проводить с помощью данного сервиса.

Также одной из современных сетевых форм обмена информацией и инструментов Веб 2.0. являются блоги или сетевые журналы. К примеру, аккаунт в социальной сети пользователя Нил Деграсс Тайсона имеет более тринадцати миллионов читателей (рис.1).

Главная О нас Поиск в Твиттере Уже зарегистрир

Твиты 6 071 Читаемые 39 Читатели 13,3 млн Списки 9

Neil deGrasse Tyson @neiltyson
Astrophysicist
New York City
haydenplanetarium.org/tyson/
Дата регистрации: январь 2009 г.
463 фото или видео

Твиты **Твиты и ответы** **Медиа**

Neil deGrasse Tyson @neiltyson · 13 ч.
If you don't embrace the methods, tools, and discoveries of science, the obvious next step is to dispose of your cell phone.
723 9,0 тыс. 46 тыс.

Neil deGrasse Tyson @neiltyson · 28 мая
The astrophysicist does not fear the dark because we know the night to b ablaze with light our eyes cannot see.
727 5,7 тыс. 40 тыс.

Neil deGrasse Tyson @neiltyson · 27 мая
Freedom isn't free.
2,1 тыс. 15 тыс. 79 тыс.

Neil deGrasse Tyson @neiltyson · 25 мая
Congratulations to this season's Graduates. Just remember that graduations are not really the end of anything. Instead, they are the beginning of everything.

Не пользуете Твиттером?
Зарегистрируйтесь и собственную персон- ленту!
Регист

Вам также мож понравиться
· Обновить

- Bill Nye** @BillNye
- NASA** @NASA
- Elon Musk** @elonmusk

Рис.1. Официальная страница Нила Деграсс Тайсона в социальной сети

Говоря о представлении научного сообщества в социальных сетях, важно отметить, что многие ученые используют их достаточно часто. Блоги вполне бы способны сыграть организационную роль не только в качестве личного «хранилища информации». Публикации в блогах могут рассматриваться как своеобразные поле для межличностной коммуникации [8]. Исследовательская организация «BioInformatics LLC» проводила опрос относительно ученых и использования ими социальных сетей. Половина всех опрошенных ученых читает блоги. Используя каналы социальных сетей, деятели науки находят возможность принимать участие в вебинарах, практикумах, обучающихся семинарах, коллоквиумах, проходят процедуру аттестации, посещают дискуссионные клубы и др. Большинство отмечают, социальные сети в значительной мере влияют на принятие ими решений и используются ими с целью обмена информацией с коллегами [9]. Но следует отметить, подобная форма обмена информацией в настоящее время не слишком популярна в научной среде. В качестве примера блогосферы можно назвать ресурс «Scienceblogs.com» и ресурс «Элементы» соответственно, ориентированные на ученых и исследователей.

Необходимо отметить, что большинство российских научно-образовательных организаций имеют аккаунты в популярных социальных сетях. На рисунке 2 представлена официальная страница в сети ВКонтакте открытой мастерской цифрового производства для молодежи СПбПУ.

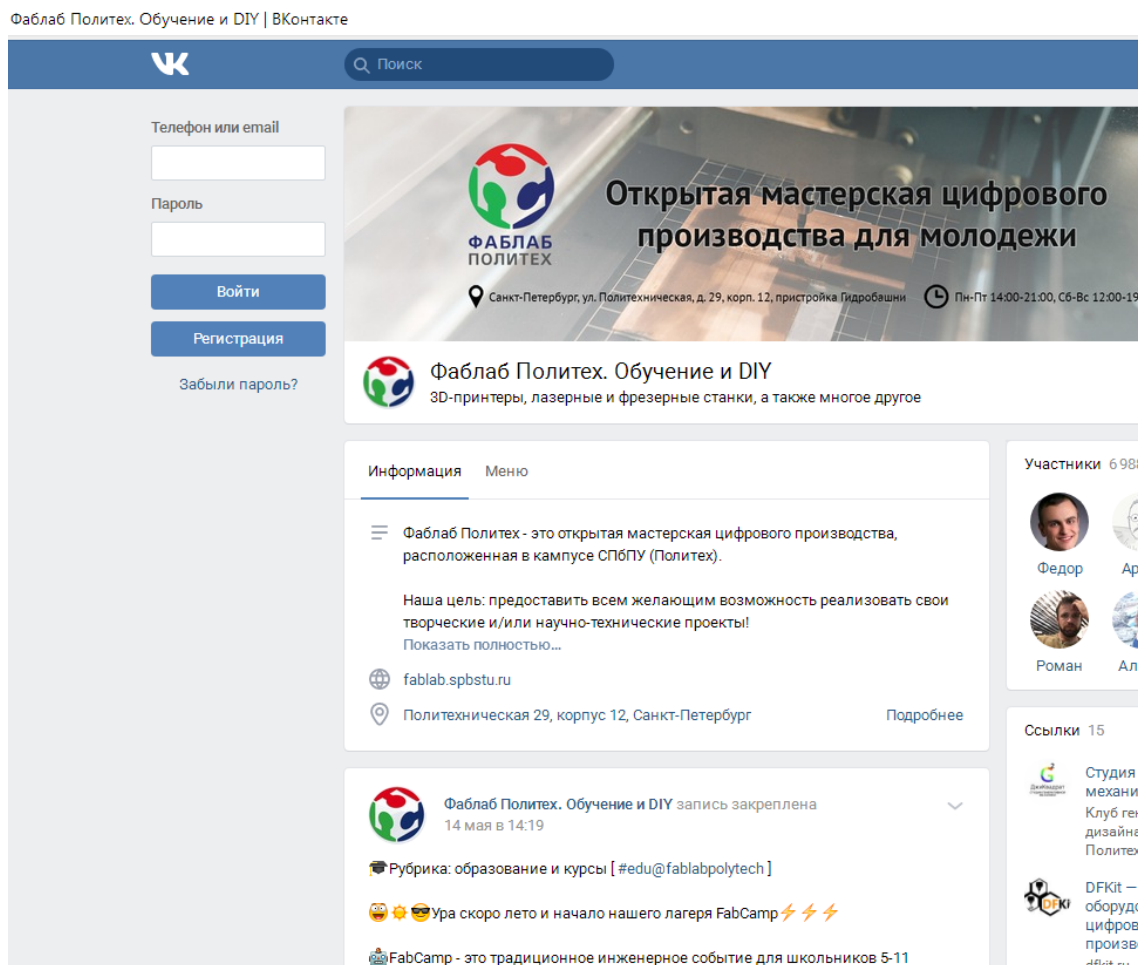

Рис.2. Открытая мастерская цифрового производства для молодежи СПбПУ

В тоже время, научные сети могут восприниматься как креативные площадки для осуществления проектной деятельности, поиска и создания групп по научным интересам и возможностью собственной интеграции в научные исследования. В этом и состоит глобальная творческая и организационная функция социальных сетей профессионального общения постоянного пополнения знаний и приобретения компетенций.

Примером международной научной социальной сети является сайт Nature Network. Данная научная социальная сеть базируется на основе одного из самых известных в мире научных журналов – Nature. По каналам социальной сети предлагаются разнообразные формы современных электронных коммуникаций – форумы, блоги, профессиональные сообщества, публикации и др.

В 2019 году в России появилась социальная сеть для учёных. Она рассматривается как социальная платформа, которая объединит учёных, студентов, преподавателей и предпринимателей. На этой платформе можно будет предложить и найти работу в научно-исследовательской сфере, получить доступ к электронной базе публикаций и рефератов, участвовать в голосовании, подать заявку на участие в конкурсе, найти каналы академической мобильности, оперировать международными научными данными. Как отмечается, такая платформа поможет дополнительно улучшить ситуацию с "молодой наукой" в России. Приток молодых ученых возрос на девять с половиной процентов. Доля исследователей в возрасте до 35 лет составила более шестидесяти шести процентов [10].

Подобные проекты социальных платформ уже существуют в различных странах: американские платформы [ResearcherID](#) и [Academia.edu](#) (более 50 миллионов пользователей), немецкая платформа ResearchGate (более 13 миллионов пользователей) и др. Активные пользователи научных социальных сетей размещают на своих личных страницах прежде всего свои достижения в виде опубликованных учебных разработок и научных статей, проекты, монографии, рецензии, доклады и презентации с конференций и др.

Журнал Nature опубликовал обзор практики использования социальных сетей в рамках представителей академического сообщества. Согласно данным обзора, основные преимущества предоставляет ученым сеть ResearchGate, на втором месте - сеть LinkedIn. Обе социальные сети мало известны и недостаточно активно используются в России. Для примера, ResearchGate — это специализированная сеть для ученых (более 4,5 млн. пользователей). Пользователями сети могут быть только сотрудники какой-либо научной организации (при регистрации необходимо указать рабочую электронную почту, находящуюся на домене указанного научного учреждения). Профиль в ResearchGate для ученых, исследователей — часть самопрезентации. Важная особенность подобной сети ResearchGate в её уникальной возможности размещать любые результаты, в том числе, и негативные результаты своих научных

исследований, которые могут быть на самом деле очень перспективны [11]. Многие службы различных стран проводят мониторинг социальных сетей на предмет поиска подобных результатов.

Что касается сети профессиональных контактов, то сетью LinkedIn пользуются профессионалы не только научно-образовательных учреждений. Эксперты подчеркивают возможность использования этой социальной сети, в первую очередь, для обсуждений с коллегами и для поиска работы, или возможности участия в новом проекте. Оказалось, что представители гуманитарных специальностей используют LinkedIn в профессиональных целях гораздо чаще, чем ResearchGate.

Пользуясь сетью профессиональных контактов, можно опубликовать свой научный вопрос, высказать собственное мнение и спросить мнение коллег. На сайте социальных сетей удобно искать коллег, занимающихся близкой проблематикой, и по тегам, найти будущих соавторов, развернуть обсуждение, организовать дискуссию, публиковать научные результаты. Так же сайте социальных сетей имеется раздел с анонсами научных конференций и форумов по всему миру, а также имеется раздел вакансий. Академические сети ученые, исследовательские сообщества, научно-образовательные учреждения используют преимущественно для распространения работ, для усиления своего влияния и научной узнаваемости.

Научные журналы до сих пор являются одним из важнейших инструментов научных коммуникаций ученых и их исследовательских коллективов. Они служат по-прежнему основным источником презентации ученого при представлении результатов собственных исследований и знакомстве с итогами научно-исследовательских работ коллективов авторов и коллег в научном сообществе.

Появление электронных научных журналов стало следствием активной деятельности ученых и научных организаций в онлайн-среде. Одними из первых электронных научных журналов стали «Mental Workload» и «Computer Human Factors». Сейчас принято выделять следующие виды онлайн-журналов в сети Интернет: «электронные журналы; гибридные журналы; электронные препринты; электронные

нерцензируемые публикации в виде листков новостей, статей, рабочих документов; публикации на персональных страницах в Сети; электронные книги и монографии» [12]. Наряду с онлайн-журналам сейчас успешно функционируют так называемые научные электронные библиотеки.

По мнению С.А. Душиной, «более надежными и популярными каналами установления контактов, как и в доцифровую эпоху, остаются непосредственная коммуникация, формальное и неформальное общение: доклад на конференции, стажировки, кулуары. По-прежнему сотрудничество обуславливается личными связями, конституирующими доверие» [13]. Проблема доверия в продвижении наукоемкого продукта [14] является весьма актуальной.

Таким образом, под влиянием сетевых мобильных технологий меняется система профессионального общения: *e*-технологии становятся важным механизмом развития и интеграции научной коммуникации. Интернет-технологии позволили оперативно распространять научную информацию, создавать электронное информационное научное пространство, обмениваться результатами научных исследований, участвовать в проектной деятельности. Сеть предоставляет площадку для профессионального общения, система которого меняет свою структуру, глобализируя научное сотрудничество.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. **Евсеева Л.И., Тараканова Т.С., Матвеевская А.С.** Научная коммуникация в образовательном пространстве университетов Четвертая промышленная революция: реалии и современные вызовы. X Юбилейные Санкт-Петербургские Социологические Чтения. СПб.: Изд-во Политехн. ун-та, 2018. С. 421-425
2. **Маслова Т.И.** Интернет-наукведение в обществе высоких технологий // Наука и техника: Вопросы истории и теории. Выпуск XXXIV. СПб.: СПбФ ИИЕТ РАН, 2018. С. 278-279
3. **Решетникова Е. В.** Научные коммуникации: эволюция форм, принципов организации [Электронный ресурс] – URL: <https://www.sibsutis.ru/upload/publications/9b3/uxofvwfphpyfwz%20nlcieeuwqkvzohdcsxzhcvdi.pdf>. (дата обращения: 05.06.2020)

4. Динамика развития отрасли научных коммуникаций в России. Исследование отрасли научных коммуникаций: [Электронный ресурс] // Коммуникационная лаборатория. - URL:http://www.rvc.ru/upload/iblock/0b3/201605_dynamics_of_scientific_communication.pdf. (дата обращения: 12.05.2020)

5. **Руди А.Ш.** Научная коммуникация и место в ней понятия устойчивости // Омский научный вестник. 2012. № 2 (106). С. 115–118

6. Опрос ВШЭ: как россияне относятся к достижениям науки. [Электронный ресурс] - URL:<https://openscience.news/posts/396-opros-vshe-kak-rossiyane-otnosyatsya-k-dostizheniyam-nauki> (дата обращения: 04.06.2020)

7. **Медведева С. М.** От научного творчества к популяризации науки: теоретическая модель научной коммуникации // Вестник МГИМО-Университета. – 2014. – № 4. – с. 278 – 286

8. **Чернозуб С.П.** Научная коммуникация в России в век информационно-коммуникационных технологий // Общественные науки и современность. 2013. № 6. С. 144–152

9. Scientists Use Social Media [Электронный ресурс] – URL: <https://scholarlykitchen.sspnet.org/2008/08/14/scientists-use-social-media/>. (дата обращения: 05.06.2020)

10. В 2019 году в России появится социальная сеть для учёных. [Электронный ресурс] -URL: <https://www.google.ru/search?> (дата обращения: 07.02.2020)

11. Ученые и социальные сети. [Электронный ресурс] - URL: <https://scientificrussia.ru/articles/uchenye-i-socialnye-seti>.(дата обращения: 07.06.2020)

12. **Богданова И.Ф.** Онлайн-пространство научных коммуникаций / И.Ф. Богданова // Социология науки и технологий. – 2010. – № 1. – Том 1. – С. 140–161

13. **Душина С.А.** Способствуют ли академические компьютерные сети научной коллаборации? (по материалам эмпирического исследования) // Наука и техника: Вопросы истории и теории. Выпуск XXXIV. СПб.: СПбФ ИИЕТ РАН, 2018. С. 267-268

14. **Поздеева Е.Г.** Доверие как фактор успешного продвижения наукоемкого продукта на рынке // Технологии PR и рекламы в современном обществе. СПб.: Изд-во Политехн. ун-та, 2018. С. 161-171

УДК 316.74:001.11

Е.Г. Поздеева, О.Д. Шипунова, Л.И. Евсеева

**АГЕНТНОСТЬ И ИНТЕГРАЛЬНОСТЬ КАК ПРИНЦИПЫ
АНАЛИЗА ТЕНДЕНЦИЙ ОТНОШЕНИЯ МОЛОДЕЖИ К НАУКЕ
AGENCY AND INTEGRALITY AS PRINCIPLES OF ANALYSIS OF
TRENDS IN THE RELATIONSHIP OF YOUTH TO SCIENCE**

ПОЗДЕЕВА Елена Геннадиевна – кандидат социологических наук, доцент Высшей школы медиакоммуникаций и связей с общественностью Гуманитарного института, Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого. E-mail: elepozd@mail.ru

POZDEEVA Elena G. - Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University, Saint-Petersburg, Russia.
E-mail: elepozd@mail.ru

ШИПУНОВА Ольга Дмитриевна – доктор философских наук, профессор кафедры общественных наук Гуманитарного института, Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого. E-mail: o_shipunova@mail.ru

SHIPUNOVA Olga D. - Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University, Saint-Petersburg, Russia.
E-mail: o_shipunova@mail.ru

ЕВСЕЕВА Лидия Ивановна - кандидат философских наук, доцент Высшей школы медиакоммуникаций и связей с общественностью Гуманитарного института, Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого. E-mail: l.evseeva@mail.ru

EVSEEVA Lidiya I. - Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University,
Polytechnicheskaya str. 29, Saint-Petersburg, 195251, Russia.
E-mail: l.evseeva@mail.ru

В статье анализируются тенденции изменений отношения молодежи к науке и научной деятельности сквозь призму сохранения традиционных научных принципов (Р. Мертон, Э. Гидденс), а также происходящих под влиянием ценностных и поведенческих сдвигов, свойственных новым поколениям и сопровождающих внедрение интегральных образовательных моделей, направленных на повышение

самостоятельности студентов и поддержании их активного участия в научных проектах. Концепция действенной субъектности в сочетании с трендом индивидуализации позволяют установить позитивную динамику более заинтересованного, активного и ответственного отношения молодежи к научному производству и экспертному знанию. На материале сравнительного анализа данных социологических опросов, проведенных авторами в Санкт-Петербургском политехническом университете Петра Великого и полученных вторичных данных в других российских вузах, отмечается возрастание роли агентной позиции студента в получении научных знаний и релевантных навыков, требующих исследовательских компетенций и позволяющих вступить в диалог с научным сообществом. Делается вывод о сложившейся общей потребности в интегральном подходе, нацеленном на реализацию новых функций науки в цифровом обществе и роли субъекта как агента широкой сети публичных научных коммуникаций и участника экспертного знания.

The article analyzes the trends of changes in the attitude of young people to science and scientific activity through the prism of preserving traditional scientific principles (R. Merton, E. Giddens), as well as the value and behavioral shifts that occur under the influence of new generations and accompany the introduction of integrated educational models aimed at increasing students' independence and maintaining their active participation in scientific projects. The concept of effective subjectivity in combination with the trend of individualization allows us to establish a positive dynamic of a more interested, active and responsible attitude of young people to scientific production and expertise. Based on the comparative analysis of data from sociological surveys conducted by the authors at Peter the Great Saint Petersburg Polytechnic University and secondary data obtained at other Russian universities, the increasing role of the student's agent position in obtaining scientific knowledge and relevant skills that require research competencies and allow entering into a dialogue with the scientific community is noted. It is concluded that there is a General need for an integrated approach aimed at implementing new functions of science in a digital society and the role of the subject as an agent of a wide network of public scientific communications and a participant in expert knowledge.

НАУКА, ЭКСПЕРТНОЕ ЗНАНИЕ, АГЕНТНОСТЬ, ИНТЕГРАЛЬНОСТЬ, МОЛОДЕЖЬ, ОТНОШЕНИЕ К НАУЧНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ, СОЦИАЛЬНЫЙ ПОРТРЕТ УЧЕНОГО

SCIENCE, EXPERT KNOWLEDGE, AGENCY, INTEGRITY, YOUTH, ATTITUDE TO SCIENTIFIC ACTIVITY, SOCIAL PORTRAIT OF A SCIENTIST

Современное общество оказывается перед вызовами, которые обуславливают новую волну интереса широкой общественности к науке на основе интегрального подхода и понимания своей активной роли в поиске новых решений для сложных проблем. Переход к цифровому этапу информационно-технологического развития повлек за собой необходимость включенности общественности и особенно молодежи в

обучение новым навыкам и профессиональным компетенциям, но наряду с этим актуализировал и значение общего концептуального видения перспективы. Это повлияло на представление о роли науки и экспертного знания в разработке перспектив и стратегий общественного развития, сместило акценты в сторону важности в любой профессиональной сфере исследовательской деятельности, позволяющей самостоятельно проводить скрининг среды, влияющей на успешность и эффективность прилагаемых усилий. Научная сфера все больше находится в активном поле происходящих изменений, что связано с трансформацией коммуникативного пространства отношений между общественностью, учеными, экспертами и практиками и возникновением новых форм научной коммуникации [1]. Ученые и эксперты активно делятся своими разработками и идеями в средствах массовой информации, в социальных сетях. На публичных площадках проходят встречи с экспертами в формате диалога с общественностью о применении высоких технологий в решении глобальных и жизненно важных для человека проблем. В этих условиях индикатором потребности в новых интегральных научных подходах выступает заинтересованное отношение молодежи к науке и экспертному знанию, возрастание доли участия студентов в научных разработках и проектах. Активное отношение молодежи к научным разработкам и рост требований к сфере образования демонстрируют как сопряженный с этим процесс возрастания ответственного поведения [2; 3], так и в целом, характеризуют более глобальный процесс – изменение агентности [4], понимания молодежью своей социальной роли и вклада в контексте инжиниринга будущего. Таким образом, исследование интереса молодежи к науке и экспертному знанию, оценка готовности будущих специалистов к научной деятельности представляет собой базу перспективной оценки проектирования трендов будущего социального развития.

Постановка проблемы и обзор литературы

Современность отмечена двойственным характером роли науки, в котором отражены ожидания по отношению к ученому как к учителю и одновременно посреднику, способствующему найти ответы на интересующие вопросы. Это устанавливает режим параллельного развития двух типов научной коммуникации: популяризации науки (реконструкции для публики теорий, проектов, внедрений) и ведения метадискурса, касающегося научной политики, финансовой поддержки, перспектив профессионального сообщества, конкретных исследований и экспериментов [5]. Согласно взглядам ведущего отечественного социолога О.И. Яницкого, в современном научном производстве наблюдается новый виток интеграции знания и практики, гибридизация становится «магистральным направлением социальной динамики и ее научно-технического инструментария», она представляет собой «сращивание» разнокачественных агентов, структур и процессов социального действия, что способствует формированию социобиотехнических систем [6, С. 16]. В инженерной науке и практической сфере, которая раньше базировалась на достраивании технологий до их конкретного воплощения на производстве, сегодня происходит поворот к трансдисциплинарности, который объясняется динамикой сложных систем и требует выхода за пределы сложившихся подходов [7, С.14]. Д.Л. Ситникова рассматривает научную теорию в качестве субъекта самоорганизации в науке, отводит ей роль *репликатора* [8, С. 86]. За счет репликаторных свойств адаптируемости к условиям, направленности в будущее, простоты включения в образовательный процесс, доступности языка и охвата массовых аудиторий научное знание способствует изменениям в науке и обществе и одновременно повышению статуса ученого. Правда, в условиях высокой динамики смены запросов на научный результат зачастую возникает

дисперсия знания, вызванная высоким темпом институциональных изменений в науке и трансформационных процессов в обществе. Это обуславливает неготовность акторов адекватно реагировать на изменяющуюся реальность, что влечет за собой появление лженауки [9]. Эти моменты и протекающая нелинейность происходящих процессов, возникновение совершенно новых феноменов, побуждающих пересматривать научные концепции, переопределять понятия, актуализирует проблему доверия науке и ученым [10, С.180], которая исследуется с позиций комплексного подхода.

По данным мониторинга ВШЭ в 2016 г. отмечен общий тренд повышения доверия к науке и технологиям: от 59 до 68% опрошенных россиян отмечают пользу от научно-технических достижений. Больше всех науке доверяет молодежь в возрасте до 34 лет: 73% (против средней оценки по всем респондентам -67%); также чаще доверяют науке люди с высшим образованием: 71 (против 67%). Эти же категории граждан больше следят за новостями науки и техники, стремятся быть в курсе последних научных достижений [11].

По данным ВЦИОМ, с 2010 по 2017гг. показатель доверия к работникам научной области колебался от 66% до 79%. При этом сегодня большинство россиян (59%) думают, что ученые скрывают от нас правду. Самыми недоверчивыми остаются люди, не окончившие школу (77%), тогда как среди людей с высшим образованием этот показатель ниже – 45%. Социологи отметили интересный факт: 42% россиян считают, что ученые знают истину, а 41% говорят, что они искренне заблуждаются [12].

В прошлом веке Р. Мертон сформулировал модель этоса науки, в которой функционирует идеальный тип научного сообщества. Э. Гидденс отмечал повсеместность доверия к экспертам и экспертным системам как черту современного общества [13, С. 220]. Однако новый век установил

ускоренный режим потребления научного знания, и возникшие в последние десятилетия деформирующие явления научных институтов (такие как бюрократия, плагиат, экспертократия и др.) поставили перед профессиональным сообществом задачу разработки интегральных подходов и технологий производства знания.

Эта задача проецируется на образовательную сферу, которая готовит профессионалов нового типа, обладающих таким набором компетенций, который позволил бы проектировать и решать комплекс задач в условиях неопределенности и с применением высоких интеллектуальных технологий. В этой связи отношение молодежи к научной деятельности приобретает особое значение, так как выступает показателем структурной и институциональной готовности общества к совершению новых качественных прорывов в науке и технологиях. Отношение молодежи к науке служит характеристикой ее адаптированности к текущим задачам как показатель процесса индивидуализации и одновременно выступает маркером происходящих глобальных социально-ролевых трансформаций.

Фундамент отношения молодежи к науке и исследовательской деятельности закладывается еще в школьные годы, а затем получает развитие в вузе на фоне общей ситуации востребованности науки и общего доверия научной сфере. Расширение поля влияния и интеграция усилий научных институтов связано с необходимостью прогнозировать подготовку нового интеллектуального класса при содействии развивающей среды вуза, что основывается на активном отношении студентов к освоению наук и ведению самостоятельной научно-исследовательской деятельности.

Важность принципа интегрализма вытекает как из научно-теоретических тенденций трансдисциплинарности, синтезирующих подходы полярных научных сфер исследования (таких, например, как

биология, инженерия, культурология), так и является результатом развития практик, о чем свидетельствуют получившие широкое развитие, например, нейромаркетинговые инструменты рекламной деятельности. Интегрализм рассматривается как универсальный принцип организации сложных природных и социокультурных систем, в которых высокий уровень дифференциации сочетается со столь же высоким уровнем интеграции, действующей как поиск взаимной согласованности всех разнообразных элементов и их коэволюции [14]. Интегрализм возвращает нас к рассмотрению эгоистических и альтруистических программ, достижению уникального баланса между ними.

Применительно к молодежи этот вопрос звучит как новый режим баланса их индивидуальных поведенческих стратегий и социально одобренных норм и институционально поддерживаемых условий реализации деятельностных установок. Отмечаемые сдвиги, вызванные объективными поколенческими изменениями, ценностной трансформацией и новым пониманием целевых установок, четко ориентированных на самореализацию и насыщенную впечатлениями жизнь, не могут не вызывать повышенный интерес и необходимость взвешенных оценок. Как показывают исследования [15, С. 162-163], современное цифровое поколение отличается высокой степенью активности в освоении новых технологий, стремительными изменениями в формах досуга, повышенным вниманием к здоровому образу жизни и телесности, действующим приоритетом субъективного благополучия. Об этом говорят многие исследователи [16, 17; 18]. Отмеченные поведенческие сдвиги, характерные молодежи, основаны на сочетании социального перфекционизма и готовности к экспериментированию, что выражается в частой смене места работы и позитивном отношении к высокому уровню мобильности.

В ценностном мире молодежи происходят динамические явления, которые также ставят вопрос о новом витке интегральности культурных традиций и социальных ориентиров. Молодежь избирательно относится к системе ценностей, транслируемой обществом. Всемирный мониторинг ценностей (Р. Инглхарт, К. Вельцель) подтверждает нелинейность развития ценностного мира. Молодежь осваивает не все ценности общества, а с наибольшей вероятностью принимает на вооружение те ценности, которые соответствуют ее непосредственному опыту в период становления личности [19, С. 151]. Проведенное отечественными социологами исследование [20] показало, что для российского общества в целом характерны смешанные ценности, сочетающие материалистические и постматериалистические. Для молодежи, как показывает мониторинг, преобладание смешанных ценностей сохраняется в значимой доле - чуть более 50% [17, С. 83 - 84], а реклама и СМИ влияют на закрепление у молодых людей ценностей индивидуализма (личного успеха (46,3%), ценностей и стиля жизни восходящего среднего слоя: работы, семьи и успеха (55,4%) [20, С. 88]. Наблюдается стремление к индивидуализации поведенческих стратегий, в этой связи многие ценностные ориентиры претерпели изменения.

Рост индивидуализации как современный тренд был выявлен и поставлен в центр научных дискуссий еще начале XXI века. У. Бек рассматривал индивидуализацию как необходимую стратегию выживания субъекта в условиях неопределенности и риска и как следствие снятия жесткого ограничения влияния классовых, гендерных рамок и семейных институциональных предписаний [21]. З. Бауман выявил тенденции индивидуализации как следствие глобальных процессов и господства потребления, порождающих неопределенность жизни и личностную неуверенность, замыкание в ущерб коллективности и слабость

традиционных институций [22]. Э Гидденс подчеркнул необходимость постоянного экспериментирования для современного общества ввиду рефлексивного характера современного общества. «Систематическое рефлексивное применение знания к условиям воспроизводства социальной системы, ведущее к изменению условий, к которым оно применяется» - таков режим рефлексивности социальной жизни [13, С. 27].

Индивидуализацию применительно к субъекту далее развивали социологи в рамках концепта «способности к действию» («agency») [23], которая понимается как способность субъекта к долгосрочному планированию собственной жизненной стратегии. Эта характеристика особенно важна на этапах жизненных переломов, когда субъекту необходимо принимать судьбоносные решения, что актуально для молодежи и студенчества. Сегодня ставится вопрос о рассмотрении этой характеристики как биографической компетенции, которая интегрирует способности и навыки субъекта строить и управлять собственной жизненной траекторией [24]. А. Бандура в систему элементов способности к действию включает целеполагание, расчет и планирование, саморегулирование и веру в самоэффективность [25].

Автономность принятия решений и проект собственной действительности подчеркивается в понятии *human agency*, которая акцентирует события, «действователем» которых выступает сам субъект в условиях, когда на каждом этапе он может поступить иначе согласно обстоятельствам. Действенная субъектность требует от личности сознания, свободы воли и рефлексивности. Такие качества, как инициатива, творчество, чувство контроля над собственным поведением, чувство действительности, которое связано с приписыванием своим действиям ожидаемых последствий, – эти качества ставит в основу субъектности Э.

Внук-Липинский, анализируя тренды развития публичности в современном обществе [26, С. 134-135].

Анализ индивидуалистических подходов позволяет заключить, что способности и навыки современного субъекта в построении собственной жизненной стратегии и нахождении оптимальных жизненных планов в условиях повышенной неопределенности и динамики рынков, являются важнейшей компетенцией, которая формируется и закрепляется с помощью исследовательского подхода, научных экспериментов, проектных навыков и умения гибко включаться и успешно работать в составе различных команд. Именно эти качества и навыки лежат в основе научно-исследовательской работы студента, обучающегося в вузе.

С целью анализа тенденций формирования научного интереса и включенности студентов в научную деятельность были предприняты социологические опросы, сфокусированные на выявлении интереса студентов к науке и новым технологиям, понимании ими социальной роли ученого, анализа готовности молодых людей заниматься наукой, получения оценки условий научной деятельности в процессе обучения в вузе.

Результаты исследования

Для реализации заданных целей и задач в Санкт-Петербургском политехническом университете Петра Великого в 2017 -2020гг. проводились социологические опросы. Опрос на тему «Ученый глазами студентов» (случайная выборка 256 студентов, метод онлайн-анкетирования) [27] показал, что студенты-политехники неоднозначно относятся к престижу ученого в обществе: 37% отмечают престиж, тогда как 46% его отрицают. Только 18% хотели бы посвятить свою жизнь науке, тогда как 53% точно этого бы не сделали (29% затруднились с ответом). Ассоциативный ряд с «наукой» возглавили понятия: «прогресс»,

«знания», «ученый». Общий настрой студентов характеризовали полученные ответы на вопрос, следует ли привлекать молодежь к занятиям наукой: 84% студентов уверены, что это следует делать. И почти столько же респондентов (83%) указали, что активно участвуют в научных мероприятиях университета. Среди них (34% опрошенных) имеют свои научные публикации, а 24% ответили, что собираются заниматься научной работой по своей специальности.

Показателен взгляд студентов на проблему их отношения к техническому прогрессу, выявленный в групповом интервью со студентами СПбПУ (март 2019, 134 студента). На вопрос о том, актуальна ли проблема технологического будущего, 75% студентов отметили положительно против 13%, выразивших противоположное мнение. Оптимизм студентов относительно технического прогресса раскрывал вопрос, на который были получены следующие ответы:

- Верю в технический прогресс – 30%
- Верю в технический прогресс в отдельных сферах – 38%
- Верю, но сомневаюсь, что технический прогресс решит «больные проблемы» общества – 22%
- Прогресс объективен, но он несет огромные потери и серьезные последствия – 6%
- Не верю - 1%
- Затруднились ответить – 3%.

На вопрос о том, доверяют ли студенты современной технике и технологиям, были получены следующие оценки (Таб.1).

Таблица 1.

Характеристика доверия технике и технологиям со стороны студентов (2019, 134 студента)

Абсолю	Вполне	Не во	Нет, не	Не
--------	--------	-------	---------	----

тно доверяю	доверяю	всем доверяю	доверяю	знаю
7%	40%	35%	10%	8%

В ходе исследования выяснилось, что почти одинаковая доля студентов (37%) относится нормально и испытывает тревогу по поводу возможного вытеснения роботами людей на рабочих местах. Сомнение по этому вопросу высказали 18% студентов, а 7% выразили готовность бороться, чтобы этого не допустить. Таким образом, опрос показал достаточно тревожное отношение студентов к будущему на фоне веры в технический прогресс.

В 2012г. Центр социолого-наукоедческих исследований СПбФ ИИЕТ РАН провел опрос среди студентов, имеющий целью выявить отношение студентов к науке и выбору академических профессий. В опросе участвовало 154 студента двух государственных вузов Санкт-Петербурга разного профиля. На вопрос о том, рассматривают ли студенты для себя карьеру ученого, более половины дали положительные ответы [28, С. 94], а среди старшекурсников около 20% подтвердили свое намерение пойти в науку. Была отмечена и динамика: доля студентов, выбравших для себя исследовательскую научную деятельность, возросла с 7,8 % на первом курсе до 19,3 % на старших курсах [28, С. 96]. По мнению опрошенных (около 90%) развитие инновационного бизнеса и коммерциализация идей могут содействовать академическому продвижению молодежи [28, С. 97].

В сентябре 2019 года среди студентов младших курсов (1 и 2 курс) Санкт-Петербургского политехнического университета Петра Великого (выборка случайная, 411 человек) было проведено социологическое интервью с целью определить их намерение заниматься наукой и

научными разработками. Разброс ответов, выражающих мнения студентов, был следующим (Таб. 2).

Таблица 2.

Интерес студентов к науке и научной деятельности

Ответы	%
Да, если бы за это было достойное вознаграждение	12
Да, если бы независимо от оплаты, это было мне интересно	30
Скорее да, но только если бы была готовность рынка к внедрению разработок	17
Скорее нет (я еще не готов к этому/ свои причины)	23
Нет, это не мое	12
Затрудняюсь ответить	6

Эти данные отражают наличие интереса студентов к науке и научной деятельности. Однако при этом было также установлено взвешенное отношение студентов к профессиональной научной деятельности, что было связано с артикулированной ими проблемой оплаты труда ученых, заказов на исследования, а также были выражены сомнения молодежи относительно оперативности внедрения разработок. Также показательна заявленная неготовность трети студентов к включению в науку, что можно объяснить еще не полной включенностью студентов младших курсов во все возможные виды университетской активности, в том числе и научные проекты.

Социологический опрос-2020 продолжил тему «Ученый глазами студентов». Среди респондентов оказались не только студенты СПбПУ, но и других вузов Санкт-Петербурга (метод онлайн-анкетирования, выборка случайная, 49 респондентов). Отмечая значение научно-исследовательской

работы для современного студента, студенты отметили различные преимущества научной работы в вузе (Таб. 3).

Таблица 3.

Отношение студентов к научно-исследовательской работе

Развитие профессиональных навыков; Получение дополнительных баллов к внутриуниверситетскому рейтингу и других преимуществ	65,3%
Творческая самореализация	59,2%
Умение работать в научном коллективе	53,1%
Расширение контактов в профессиональной и исследовательской сфере	34,7%
Выработка навыков самостоятельной работы с различными источниками информации	28,6%
Необходимость выполнить обязательные требования образовательной программы	8,2%
Желание внести свой вклад в науку	6,1%

При этом 8,2% респондентов считают, что занятия НИР - это бессмысленная трата времени.

В ходе опроса студентов попросили дать оценку своему участию в научной деятельности (Рис.1).

Рис.1. Оценка участия в научной работе.

Используя шкалу от 1 до 5, студенты оценили степень своей вовлеченности в научные исследования и научную работу. Среди активных (высокие и средние показатели) оказались больше половины студентов – 59,2%, тогда как совсем низкие оценки своей научной работе дали 18,4% опрошенных. В качестве предпочтительных форм научной работы студенты отметили скорее традиционные формы - написание статей, участие в конференциях и выездных мероприятиях. При этом около трети студентов предпочли бы также участие в научных профессиональных сообществах.

Профессию ученого считают престижной 73,5% студентов. Это практически совпадает с долей тех студентов, которые выразили желание профессионально заниматься наукой после окончания вуза.

На основе личностных характеристик (которых можно было отметить несколько) можно составить такой портрет современного ученого (Рис.2).

Рис. 2. Личностные черты современного ученого.

Сравнивая данные социологических опросов в 2017г. и в 2020г., следует отметить, что возросла доля тех, кто относится к научной деятельности как к престижной, и рассматривает для себя будущую профессию, связанную с исследованиями. Сохраняется высокий уровень участия студентов в научной работе вуза, а также желание вести научную коммуникацию, состоять и образовывать профессиональные научные сообщества. В социально-личностном портрете ученого доминируют такие качества, как оригинальность, креативность, заинтересованность и целеустремленность, что коррелирует с современными индивидуалистическими установками и ответственным отношением к научному результату.

Для сравнения нами были проанализированы данные опросов, которые проводились в других вузах России. Отношение студентов к науке и научной работе, а также перспективы вхождения студентов в профессиональный мир науки ранее исследовались социологами среди студентов МГУ [29]. Исследователей интересовал вопрос о том, является ли для студентов сегодня ориентиром образ ученого, который придерживается в своей деятельности этическим принципам,

установленным Р. Мертоном. Социологами был сделан следующий вывод: развивающаяся модель Мертона продолжает действовать в качестве ориентира. Так, в представлениях студентов МГУ наука связана с исследованиями, знаниями, открытиями, познанием, а также с прогрессом, развитием, технологиями. Идеальный образ ученого складывается из характеристик: погруженность с головой в науку (32,5%), разносторонность (14%) и широкий кругозор (12%), ум (13%), а также умение опережать других (17%), заинтересованность в своем деле (12%), высокая квалификация и финансовая обеспеченность (по 10,8%). Примечательно, что ученый видится студентам не просто погруженным только в науку и оторванным от жизни, а реальным, способным обеспечить себе достойное место в современном динамичном мире [29, С. 80].

Во многом близкие оценки были получены социологами Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского, которые в 2013 г. провели опрос среди студентов. Для студентов ННГУ ученый - это, прежде всего, умный и экстраординарный человек, за спиной которого имеется большой багаж знаний и опыта. Этот ученый обладает уверенностью в себе и креативностью, наделен остроумием и чувством юмора, демонстрирует понимание другой точки, что повышает его привлекательность как собеседника [30]. Большинство студентов считают, что профессия ученого требует высокой квалификации (85%) и позволяет реализовать себя и свои идеи (76%). Прикладной и эвристический потенциал науки как профессии видят 70% молодых людей, а высокий статус науки как профессии в глазах студентов подрывается, в основном, ее низким финансированием. Те, кто рассматривает профессию ученого как престижную, составляют 35%, как высокооплачиваемую - 23%. Причем отмечена тенденция: к старшим курсам мнение о престижности

профессии ученого становится более распространенным среди студентов. Однако, по данным этого исследования, у студентов все же преобладает отрицательный настрой по отношению к продолжению научной деятельности после прохождения обучения в вузе [30, С. 48].

Обобщая социологические данные, полученные на основе опросов в российских вузах, следует отметить, что вхождение в практическую сферу науки и в научную коммуникацию с профессиональным сообществом со стороны молодежи характеризуется сегодня пока не достаточно высоким уровнем. Реальность такова, что среди молодежи не более 15% молодых специалистов из разных областей назвали науку, высшее образование и IT как наиболее предпочтительные сферы, к позволяющие заниматься исследованиями и разработками [31, С. 121]. Наблюдается пока существенный разрыв между мотивацией молодежи по отношению к научной деятельности и их фактической занятостью исследованиями, что свидетельствует об институциональной неготовности и неразработанности эффективной системы вовлечения и стимулирования молодежной инициативы в вузах.

Заключение.

Исследования показывают, что процессы индивидуализации, развитие субъектности и форм активности, характерные студенческой молодежи, сопровождающиеся подвижностью и гибкостью их ценностного мира, имеют силу, но пока не произвели существенного прорыва в научную сферу. Это ставит задачу перед вузами для поиска интегрированных моделей, позволяющих гибко и оперативно, улавливая интерес молодежи, включать ее в научные и исследовательские творческие направления деятельности, встраивать это в образовательный процесс, тем самым способствуя обретению навыков и поддержанию мотивации студентов.

Проведенные опросы и анализ вторичных социологических данных дают возможность заключить, что российским студентам характерен рост интереса к научной работе. Они презентуют реальный образ ученого, обладающего институционально обоснованными профессиональными и личностными характеристиками, отвечающими этосу современной науки и требованиям практики. Студенты заявляют о готовности принимать активное участие в научных исследованиях, демонстрируют информированность о возможностях, но пока не слишком большая доля студентов заявляет о намерениях вести научную деятельность после окончания вуза. Это свидетельствует о сложившейся потребности в интегральных подходах, их реализации в новых образовательных моделях, подчеркивающих агентностные тенденции и поведенческие тренды, поддержанные позитивными индивидуалистическими ценностями, свойственными молодежи, и ее готовностью к риску и мобильности.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. **Шипунова О.Д.** Инфосфера коммуникации в контексте современной науки. Коммуникативные стратегии информационного общества Труды X Международной научно-теоретической конференции. СПб.: Изд-во Политехн. ун-та, 2018. С. 40-42.
2. **Поздеева Е.Г., Тростинская И.Р., Евсеева Л.И.** Проблемы формирования профессиональной ответственности инженера в условиях современной инновационной деятельности. Научно-технические ведомости Санкт-Петербургского государственного политехнического университета. 2018 Т. 9. № 3. С. 57-65. DOI: 10.18721/JHSS.9306
3. **Шипунова О.Д., Денисков А.В.** Субъектные взаимодействия в условиях современного технологического уклада. Международный научно-исследовательский журнал. 2018. № 1-3 (67). С. 136-140.
4. **Танова А.Г., Евсеева Л.И., Поздеева Е.Г., Тростинская И.Р.** Субъектные аспекты мониторинга удовлетворенности студентов качеством образования (по материалам Центра социологических исследований СПбПУ). Научно-технические ведомости Санкт-Петербургского государственного

Политехнического университета. Гуманитарные и общественные науки. 2018. Т. 9. № 1. С. 90-101. DOI: 10.18721/JHSS.9110

5. **Петерс Х.П.** Ученые как общественные эксперты. Пособие по общественным связям в науке и технологиях./ Под ред. Массимиано Букки и Брайана Тренча; Пер. с англ. – М.: Альпина нон-фикшн, 2018. С. 177 – 206.

6. **Герасимова И.А.** Инженерное знание в техногенной цивилизации// Эпистемология и философия науки. 2018. Т. 55. № 2. С. 6-17.

7. **Яницкий О.И.** Глобализация и гибридизация: к новому социальному порядку// Социологические исследования. 2019. №8. С. 8 –17.

8. **Ситникова Д.Л.** Роль научной экспертизы в динамике сложных систем //Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология, 2012, №4(20), вып. 1. С. 86-90.

9. **Зарубина Н.Н.** Проблематика лженауки в России: риски демаркации различных форм знания// ПОИСК. Политика. Обществоведение. Искусство. Социология. Культура .2017. Выпуск № 6(65). С.113 –122.

10. **Зборовский Г.Е., Амбарова П.А.** От нелинейного знания— к нелинейному доверию. // Социологический журнал. 2019. Том 25. № 3. С. 176–187. DOI: 10.19181/socjour.2019.25.3.6683

11. **Опрос ВШЭ:** доверие науке и технологиям в России понемногу растет [Электронный ресурс]. – URL: <https://scientificrussia.ru/articles/nedoverie-k-nauke-i-tehnologiyam-v-rossii-po-prezhnemu-vysoko>. – (дата обращения 14.05.2020).

12. **Наука и общество:** авторитет и доверие. Пресс-выпуск ВЦИОМ. 27 июля 2018. [Электронный ресурс]. –URL: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=9225>. – (дата обращения 04.06.2020).

13. **Гидденс Э.** Последствия современности. Пер с англ Г.К. Ольховикова; Д.А. Кибальчича; вступ. Статья Т.А. Дмитриева. – М.: Издательская и консалтинговая группа «Праксис», 2011. – 352 с.

14. **Лайтман М., Хачатурян В.** Перспективы XXI века: Рождение интегрального мира. М., 2013.

15. **Радаев В.В.** Миллениалы: Как меняется российское общество [Текст] / В.В. Радаев; Нац. Исслед. Ун-т «Высшая школа экономики». – М.: Изд. Дом Высшей школы экономики, 2019. –224 с.

16. **Погодина В.Л., Матвеевская А.С.** Пропаганда здорового образа жизни средствами экологического туризма в Ленинградской области. Физическая культура студентов: материалы Всероссийской научно-практической конференции. СПб.: ПОЛИТЕХ- ПРЕСС, 2019. С. 442-446.

17. **Волкова Л.М., Евсеев В.В.** Формирование социального здоровья студентов через потенциал физической культуры. Ученые записки университета им. П.Ф. Лесгафта. 2019. № 10 (176). С. 65-69.

18. **Погодин С.Н., Пискун О.Е., Саморуков В.И.** Спорт и политика в аспекте исторического анализа. Теория и практика физической культуры. 2018. № 4. С. 96-98.
19. **Инглхарт Р., Вельцель К.** Модернизация, культурные изменения и демократия: последовательность человеческого развития. М.: Новое издательство, 2011. – 464 с.
20. **Головин Н.А., Сибирев В.А.** О возможности культурной рецессии в России 2010хгг: размышления над исследованием ценностей // Журнал социологии и социальной антропологии. 2016. Том IXI, №3(86). - С. 80 – 94.
21. **Бек У.** Общество риска. На пути к другому модерну. М., 2000.
22. **Бауман З.** Индивидуализированное общество/ Пер с англ. Под ред В.Л. Иноземцева. – М. Логос, 2005. – 390 с.
23. **Evans K.** Taking Control of their Lives? Agency in Young Adult Transitions in England and the New Germany // Journal of Youth Studies. 2002. Vol. 5. № 3. P. 245–269.
24. **Ерофеева П.** Индивидуальное и структурное в социальной мобильности в контексте индивидуализации: обзор эмпирических исследований// Социологическое обозрение. 2015. Т. 14. № 2. С. 107 – 150.
25. **Bandura A.** Social Cognitive Theory: An Agentic Perspective // Annual Review of Psychology. 2001. № 52. P. 1–26.
26. **Внук-Липиньский Э.** Социология публичной жизни / Э. Внук-Липиньский; пер. с польского Е.Г. Генделя. – Москва.: Мысль, 2012. –536 с.
27. **Политех глазами студентов: Образование, наука, политика.** Альманах социологических исследований 2016-2017 г./ под ред. Е.М. Разинкиной. – СПб.: Изд-во Политехн. Ун-та, 2017. С. 95-106.
28. **Ащеулова Н.А., Душина С.А.** Мобильная наука в глобальном мире /ред. В.М. Ломовицкая. – СПб.: Нестор-История, 2014. -224 с.
29. **Юрасова М.В., Судас Л.Г.** Отношение студентов к науке и научной работе. Мониторинг общественного мнения. 2005. № 3 (75) июль-сентябрь 2005. С. 72-82.
30. **Шорыгин Е.А.** Образ современного ученого в представлении студентов. Наука. Мысль: электронный периодический журнал. 2014. № 9. С.47-52.
31. **Gvozdeva G.P., Gvozdeva E.S.** Youth’s Interest in Science and Innovation and the Conditions for Leadership in Russia. Социология науки и технологий. 2018. Том 9. № 1. С.116 – 132.

**ЦЕННОСТНЫЕ СРЕДСТВА ВОЗДЕЙСТВИЯ В КОНТЕКСТЕ
СОВРЕМЕННОЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ
ДИСКУССИИ**

**VALUE MEANS OF IMPACT IN THE CONTEXT OF MODERN
PUBLIC AND POLITICAL DISCUSSION**

РЯБОВА Анна Львовна – кандидат философских наук, доцент Высшей школы международных отношений Гуманитарного института; Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого.
E-mail: ral5@mail.ru

RIABOVA Anna L. – Peter the Great St.Petersburg Polytechnic University, Saint-Petersburg, Russia.
E-mail: ral5@mail.ru

Целью работы является выявление особенностей ценностных установок, способствующих самоидентификации социальной группы, объединенной принадлежностью к общей партии. Рассматривается процесс ведения коммуникации, реализуемый группой участников, их вклад в формирование глобальной коммуникативной стратегии своей группы. Уделяется внимание участию ценностных концептов как целевому аспекту в объединении группы. Проводится лингвокогнитивный анализ ценностных концептов.

The purpose of the paper is to identify the characteristics of value attitudes that contribute to the self-identification of a social group, united by belonging to a common party. The process of conducting communication, implemented by a group of participants, their contribution to the formation of the global communicative strategy of their group is highlighted. The participation of value concepts as the target aspect in the group integration is identified. A linguo-cognitive analysis of value concepts is carried out.

ЦЕННОСТНЫЕ СРЕДСТВА; ЦЕННОСТНЫЙ КОНЦЕПТ; ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКАЯ ДИСКУССИЯ; КОММУНИКАТИВНЫЙ ПРОЦЕСС; КОММУНИКАТИВНЫЕ СТРАТЕГИИ

VALUE MEANS; VALUE CONCEPTS; PUBLIC – POLITICAL DISCUSSION; COMMUNICATION PROCESS; COMMUNICATION STRATEGIES

Духовные и культурные ценности мотивируют и регулируют жизнь человека в обществе, придавая ей значимость, совокупность

индивидуальных ценностей формирует единую систему ценностей социума, определяет его миропорядок и устройство. Важность темы обусловлена необходимостью понимания, и исследования как роли общих ценностей в процессе коммуникации для достижения взаимопонимания, так и неприятие ценностей, приводящее к конфликтам и сбоям в общении. Данная работа посвящена исследованию вопроса о том, как выстраивается коммуникативный процесс, реализуемый группой участников, как создаётся готовность граждан ассоциировать себя с той или иной партией или фракцией внутри партии. Целью исследования является выявление ценностных концептов, необходимых для аргументированных действий направленных на объединение группы. Исследование базируется на материале, анализирующем особенности американской лингвокультуры, для которой характерно как противостояние демократической и республиканской партий в условиях двухпартийной системы, так и наличие групп внутри одной партии при сохранении общей групповой идентичности. Изучение ценностных координат в данном контексте представляет определённый интерес. Для достижения поставленной цели необходимо реализовать следующие задачи: рассмотреть роль ценностей в солидаризации с группой; проанализировать ценности как результат нового осмысления возможностей, которые кроются во взаимоотношении человека со средой; обсудить глобальные коммуникативные стратегии как средство координации внутри группы. Актуальность исследования заключается в необходимости выделения и изучения ценностей, принимающих участие в регулировании и мотивации процессов взаимодействия индивида со средой. Также представляется актуальным проследить развитие коммуникативных стратегий различных внутрипартийных сил, которые поддерживают процессы консолидации и вражды внутри партии.

Соответственно, ценности приобретают то этическое значение, которое отличает деятельность человека. Знание о ценностях представляет собой тот тип разделяемого членами какой-либо группы знания, которое в значительной мере определяет процессы самоидентификации любой группы. Любое знание имеет частично распределяемый и распределённый характер в сообществе, где никто не обладает всей полнотой знания, в то же время, каждый индивид является носителем фрагментов этого знания более или менее пересекающихся.

В этой связи интересны исследования Е.В. Троценковой [1,2], Дж. Серля [3], Г. Тэшвела [4], Г.С. Иваненко [5], в которых отмечается, тот факт, что индивиды могут идентифицировать себя с той или иной организацией, не соглашаясь при этом с её ценностями и стратегиями. В то же время, рассматривая ценностную картину, мы подразумеваем социальную оценку нового осмысления возможностей, вне зависимости от того, является ли результат оценки действий положительным или негативным [1с.24-26]. Социальная идентичность – ощущение принадлежности к определённым социальным группам и определяющая социальное поведение. Социальное поведение определяет место личности в социальной системе и является индикатором эмоционального поведения и системы ценностей. Это справедливо в особенности для тех групп, которые предполагают осознанное и добровольное присоединение. К данному типу объединения относятся политические партии, поддержка которых зависит от того, насколько ценности, декларируемые партией, близки конкретному индивиду. Ведущая роль ценностей, в частности, подчёркивается ещё и тем, что ряд избирателей могут голосовать за партию даже в случае, если это противоречит их экономическим интересам непосредственно. В прессе часто появляются статьи, в которых обсуждаются причины, заставляющие консервативный, белый,

малообразованный сектор сообщества Соединённых Штатов Америки, так называемые «голубые воротнички» голосовать в пользу республиканской партии. Данные причины обычно формулируются в терминах, отсылающих к ценностным установкам электората. Ряд избирателей, возможно, будут голосовать за программу партии, даже, если программа противоречит их экономическим интересам, делая предпочтения в пользу ценностей, декларируемых представителями избранной партии.

В массовой печати регулярно обсуждаются анализ результатов голосования, роль ценностей в солидаризации с группой, возможность существования внутри доминирующей культуры. В некоторых случаях ценностные представления индивидуума противоречат данной доминирующей культуре [6].

(1) But it is striking that the people who most dislike the whole idea of health-care reform - the ones *who think it is socialist, godless, a step on the road to a police state*- are often the ones it seems designed to help. <...> the voters *'preference for emotional engagement* over reasonable argument has allowed the Republican Party to blind them to their own interests. The Republicans have learnt how to stroke up *resentment against the patronizing liberal elite*, all those do-gooders who assume they know what poor people ought to be thinking. Right-wing politics has become a vehicle for channeling this *popular anger against intellectual snobs* [7].¹

¹ Удивительно, но те люди, которые больше всех не принимают реформу здравоохранения –люди, которые считают реформу социалистической, не совместимой с религиозными принципами, шагом на пути к полицейскому государству, часто являются именно теми представителями, кому необходима данная реформа. Предпочтение избирателей в сторону эмоциональной вовлеченности перед разумными аргументами позволило Республиканской партии ослепить их и использовать эмоции в своих интересах. Республиканцы научились разжигать обиду, направленную против власти либеральной элиты, всех добродетелей, которые присущи малоимущему классу. Правая политика стала средством популяризации гневных эмоций, направленных на воздействие в сторону интеллектуальных снобов.

(2) When working class people vote conservative, as most do in the US, they are not voting against their self-interest; they are voting *for their moral interest*. They are voting for the party that *serves to them a more satisfying moral cuisine* [8].²

Следует обратить внимание на мотивационные принципы деятельности человека и разделение ценностей с другими членами группы. Одним из основных ценностных фильтров, через которые индивидуум пропускает сообщение, относится к понятию «свой – чужой». Для достижения цели и успешного убеждения адресата, автор должен говорить с ним на понятном языке, необходима идентификация с адресатом. Здесь стоит отметить употребление местоимений «*we, our*», которые объединяют автора с читателем. Также следует отметить существование устойчивых партийных групп возможно только в случае единения общности ценностей. Целостная монолитность группы способствует определению дистанции по отношению к оппозиционной партии, сглаживает внутренние противоречия и разногласия, развивает внутригрупповые предпочтения и враждебные чувства, поддерживает самооценку представителей группы. При благоприятной ситуации, при условии, если значительное число ценностей сохранено, кандидату достаточно разделять ценности большинства, чтобы обеспечить себе победу. Однако, во время выборов 2015-2016 гг. республиканцы столкнулись с осознанием разрыва между интересами «голубых воротничков» и элит, приведшего к протестным настроениям и, обеспечивая поддержку альтернативного кандидата, которым являлся Д.Трамп. В результате коллективных стратегий, выходящих за рамки одной дискуссии и проходивших не только на форуме on-line изданий, но

² Когда представители рабочего класса голосуют за консерваторов, как это делают большинство избирателей в США, они голосуют в пользу своих моральных интересов, а не экономических. Они голосуют за партию, которая предоставляет им более приемлемые моральные блюда политической кухни.

и в аккаунте издания в Twitter, собственных аккаунтах читателей в социальных сетях, массовый избиратель противопоставил себя демократам. Глобальные стратегии придают дискурсу определённую степень целостности, следует рассматривать дискуссию, как целостный текст, а не как сумму позиций по какому-то кругу вопросов [9]. Во время дискуссий республиканцы представляли Д.Трампа как кандидата, представляющего большинство, а не исключительно белых мужчин – расистов, как его предпочитают изображать либеральные СМИ. Это делалось не только через следующие маркеры « at least 30 million other Americans», « blue color workers of America of all colors», « not everyone voting for Trump is white», но и за счёт отнесения себя к тем социальным группам, которые обычно позиционировали себя, как выступающие против ценностей, проповедуемых Д.Трампом. Например, ярлыки « classic racist stereotyping», использовались с негативной приставкой «not a racist», «not a xenophobe». Предложения Д.Трампа интерпретировались как выражение патриотизма и стремление решить проблемы Америки с помощью введения строгих законов против нелегальной иммиграции, подчёркивалось отсутствие расизма. Данная стратегия позволяла сплотить группу перед, якобы, внешней угрозой, сплотить группу, подняв самооценку представителей группы (« мы умные и видим их манипуляции»). Использование таких лексических средств объединения, как повторы разными участниками дискуссий слов *change*, *anger*, *revolution* призваны описать настроение группы сторонников Д.Трампа. В целом, сторонники Д.Трампа декларируют традиционные американские ценности, стремление к переменам и обновлению, патриотизму. Использование стратегии противопоставлению себя партийной элите и представление своего лидера как защитника истинных ценностей партии и интересов широких масс избирателей имело успех [1.с.32-34]. Д.Трампа

был представлен как откровенно выражающий свои взгляды и взгляды своих сторонников истинный гражданин США. Вторая стратегия республиканской партии представляла Д.Трампа как защитника интересов широких масс, движимых любовью к своей стране. Внутрипартийная группа сторонников Д.Трампа, будучи достаточно узкой, смогла активизировать своих членов и использовать дискурсионные стратегии с целью достижения победы и консолидации группы.

Коммуникационные усилия были направлены на шаги в отношении собственной консолидации и активизации своих приверженцев. При этом коммуникационные шаги и усилия были направлены на ряд частных задач, связанных с конкуренцией внутри партии и позиционирование себя как наиболее представительной части республиканцев. Во внутренней конкурентной борьбе предполагается подача своих ценностей как наиболее типичных для всей группы. Пропагандируется необходимость защиты образ своих ценностей как положительный в ответ на попытки другой группы найти убедительные доводы для противопоставления ценностей. В развитии своих глобальных коммуникативных стратегий группа за счёт лексической координации реализует массово один и тот же приём. Также развивается последовательно логика аргументированных шагов с целью манипуляций, переходя зачастую от защиты к атаке. Группа может заимствовать логику аргументации оппонентов, применяя её к собственной ситуации и усиливая потенциал воздействия. Готовность граждан ассоциировать себя с той или иной политической партией или отдельными фракциями внутри неё во многом определяется той степенью, в которой эта партия разделяет ценностные установки близкие гражданину страны. Ценностные концепты являются опорой для достижения цели и знаниями, ведущими к самоидентификации социальной группы.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. **Троценкова Е.В.** Ценностный конфликт в коммуникативных ситуациях различного типа: влияние ценностных ментальных репрезентаций на стратегии общества//Вестник Перм.ун-та. Российская и зарубежная филология.2012.Т.18.Вып.2. С.24-34

2. **Троценкова Е.В.** Когнитивный механизм метарепрезентации как основа стилистического приёма иронии//Когнитивные исследования языка.Вып.22: Язык и сознание в междисциплинарной парадигме исследований. М.: Ин-т языкознания РАН; Тамбов: Изд.дом Тамбов, гос. ун-та 2015.С.143-151.

3. **Searle J.R.** Intentionality: An Essay in the Philosophy of Mind. Cambridge: Cambridge University Press, 1986.Р.1-8.

4. **Taifel Н.** Social Identity and Intergroup Behavior// Social ScienceInformation.1974.Vol.13.No.2.April.P.65-93.

5. **Иваненко Г.С.** Анализ формы воздействия на адресата как аспект судебного исследования экстремистского текста//Филологические науки: Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота,,2013,№ 4 (22.) С.82-87.

6. **Карасик В.И.** Культурные доминанты в языке//Языковая личность: культурные концепты: сб.науч.трудов, Волгоград; Архангельск: Перемена.19996..С.3-16.

7. Why Do People Vote Against Their Own Interests//BBC News. Дата публикации: 30.01.2010.URL: [http:// news.bbc.co.uk/2/hi/8474611.stm](http://news.bbc.co.uk/2/hi/8474611.stm) (Дата обращения 04.05.2019)

8. **Meadors М.** Evidence Reveals That Voting against One’s Economic Self-Interest May Be Hazardous to One’s Health//HuffPost. Дата публикации:10.11.2015.URL: http://www.huffingtonpost.com/marvin-meadors/conservatives-voting-agai_b_8495932.html. (дата обращения: 04.05. 2020).

9. **Schwartz S.H.** An Overview of the Schwartz Theory of Basic Values// Online Readings in Psychology and Culture.2012. Vol.2. Issue 1. URL: <http://dx.doi.org/10/9707/2307-0919/1116> (дата обращения 07.05.2019).

УДК 101 - 172.13

А.О. Туфанов, М.А. Вишняков

**ВОЛОНТЕРСКОЕ ДВИЖЕНИЕ КАК ПОКАЗАТЕЛЬ
ОБЩЕСТВЕННОЙ САМООРГАНИЗАЦИИ: ФИЛОСОФСКИЕ И
СОЦИАЛЬНО-ЭТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ**

**VOLUNTEER MOVEMENT AS AN INDICATOR PUBLIC SELF-
ORGANIZATION: PHILOSOPHICAL AND SOCIO-ETHICAL
ASPECTS**

ТУФАНОВ Александр Олегович – доктор философских наук, доцент, проректор по учебной работе Санкт-Петербургского государственного аграрного университета.

TUFANOV Alexander O. – St. Petersburg state agrarian University, Pushhkin, Saint-Petersburg, Russia.
E-mail: tufanov2010@yandex.ru

ВИШНЯКОВ Максим Александрович – соискатель кафедры философии и культурологии Санкт-Петербургского государственного аграрного университета

VISHNYAKOV Maxim A. - candidate of the Department philosophy and cultural studies of Saint Petersburg University state agrarian University, Pushhkin, Saint-Petersburg, Russia.
E-mail: maxx@rambler.ru

В настоящей работе поднимается злободневная проблема – общественное реагирование в России на явление пандемии коронавируса в виде волонтерского движения. Для добровольческой деятельности основополагающим принципом организации выступает концепт самоорганизации. Самоорганизация трактуется как одна из категорий современной социальной философии, а в контексте философии науки она связана с понятийно-категориальным аппаратом синергетики. Синергетический подход в отечественной философии науки базируется на идеях, выдвинутых в 20-30 гг. двадцатого столетия А.А. Богдановым во всеобщей организационной науке тектологии. Самоорганизация в волонтерском движении связана с единым подходом и разделением его участниками комплекса нравственно-этических ценностей: альтруизм, взаимопомощь и поддержка, солидарность, коммуникативность и др.

This paper raises a topical issue – the public response in Russia to the phenomenon of the coronavirus pandemic in the form of a volunteer movement. For voluntary activities, the concept of self-organization is the fundamental principle of the organization. Self-organization is interpreted as one of the categories of modern social philosophy, and in the

context of the philosophy of science, it is associated with the conceptual and categorical apparatus of synergetics. The synergetic approach in the Russian philosophy of science is based on the ideas put forward in the 20-30s of the twentieth century by A. A. Bogdanov in the General organizational science of tectology. Self-organization in the volunteer movement is associated with a common approach and the sharing of a set of moral and ethical values by its participants: altruism, mutual assistance and support, solidarity, communication, etc.

СИНЕРГЕТИКА, ФИЛОСОФИЯ НАУКИ, САМООРГАНИЗАЦИЯ,
ВОЛОНТЕРСКОЕ ДВИЖЕНИЕ, НРАВСТВЕННЫЕ ЦЕННОСТИ ТРАДИЦИОННОЙ
КУЛЬТУРЫ РОССИИ, СИСТЕМНЫЙ ПОДХОД

SYNERGETICS, PHILOSOPHY OF SCIENCE, SELF-ORGANIZATION,
VOLUNTEER MOVEMENT, MORAL VALUES OF TRADITIONAL CULTURE OF
RUSSIA, SYSTEMATIC APPROACH

Общетеоретическую разработку принципа самоорганизации в современной философии науки даёт синергетический подход, который можно свести к следующим положениям:

- открытые системы выступают предметом анализа и характеризуются как находящиеся в неравновесном состоянии;
- все системы находятся в состоянии интенсивного обмена веществом и энергией со своим окружением;
- в научной литературе различают процессы организации и самоорганизации;
- общий признак организационных процессов - возрастание порядка, противодействие энтропии, хаосу;
- существенная отличительная черта самоорганизации заключается в возникновении взаимодействия разной степени вплоть до кооперации;
- еще одно отличие самоорганизации - в социальном смысле поступки и действия людей не являются строго детерминированными. Это особенно проявилось в современных условиях пандемии, когда взаимопомощь и солидарность между людьми возникли спонтанно.

По мнению ряда представителей синергетики, современная наука перестала быть детерминистской, а нестабильность, по словам Ильи

Пригожина (1917 – 2003), в определённом смысле заменяет детерминизм. В статье «Философия нестабильности» он пишет: «Следует... распрощаться с представлением, будто этот мир – наш безропотный слуга. Мы должны с уважением относиться к нему. Мы должны признать, что не можем полностью контролировать окружающий нас мир нестабильных феноменов, как не можем полностью контролировать социальные процессы (хотя экстраполяция классической физики на общество долгое время заставляла нас поверить в это). Открытие неравновесных структур, как известно, сопровождалось революцией в изучении траекторий. Оказалось, что траектории многих систем нестабильны, а это значит, что мы можем делать достоверные предсказания лишь на коротких временных интервалах... Это, кстати, служит ещё одним напоминанием, что наше знание – всего небольшое оконце в универсум»[1, с. 51]. Подобные идеи в определённом смысле слова стали Ответом (А. Тойнби) на Вызовы современности (глобальная экологическая проблема, всемирная пандемия и др.).

Подчеркнём, что в исследовательской литературе о синергетике это утверждение Пригожина считается излишне категоричным. В качестве аргументов используются следующие положения:

- 1) в неустойчивых системах имеет место не отсутствие детерминизма, а его более сложный тип;
- 2) представление о детерминизме необходимо модифицировать, рассматривая его как с учётом исторической философской традиции, так и современного научного знания;
- 3) следует разрабатывать более глубокий тип детерминизма, понимающий неоднозначность будущего и, соответственно, усиливающий роль и ответственность человека[2, с. 263].

Синергетика как философия самоорганизации базируется на принципе холизма, то есть идее целостности мира, а научное знание о мире основано на концепте глубинной взаимосвязи хаоса и порядка. В этом случае предметом синергетики выступают механизмы самоорганизации: от самопроизвольного возникновения до устойчивого существования структур как природного, так и общественного характера.

В отечественной философии науки предтечей синергетики как научного знания по праву считается Александр Александрович Богданов (1873 – 1928).

Он считается первооткрывателем всеобщей организационной науки тектологии, смысл которой заключается в существовании фундаментального закона сохранения организации, то есть в его понимании равновесного состояния системы. Равновесное состояние системы, по Богданову, выступает как «динамическое» или «подвижное» равновесие, в котором противоположности должны сбалансировать, уравновесить друг друга и только таким путём достигается устойчивое состояние системы.

Системный подход в философии науки развивался по ряду направлений: кибернетико-математическом, биологическом, макроэкономическом, лингвистическом и др. В теоретической социологии можно выделить две разновидности системного подхода: системно-структурные идеи и структурно-функциональные. Социальные системы в этом плане рассматриваются как открытые системы. Для них характерен более или менее активный обмен с окружающей средой ресурсами, энергией и информацией. Главная отличительная черта социальных систем – это целеустремленный самоорганизующийся характер и ориентация на устойчивое состояние.

Сегодня в условиях всемирной пандемии, самым непосредственным образом коснувшихся и России, устойчивое состояние общественной системы поддерживается как усилием властных структур (вертикаль власти), так и общественной самодеятельностью на различных уровнях: индивидуально-личностном (волонтерство), социально организованном (благотворительность церковная и со стороны предпринимателей и социально ориентированных НКО). В нашем исследовании мы остановимся на феномене волонтерства.

В исследовательской литературе волонтерство чаще всего определяют, как форму гражданского участия. Оно осуществляется на благо широкой общественности, абсолютно добровольно, не предполагает денежного вознаграждения. Социокультурными институтами, формирующими волонтерское движение, являются благотворительные фонды, добровольческие отряды различных направлений (военно-патриотическая работа, социальная помощь бездомным, а сегодня, в условия пандемии, помощь лицам пожилого возраста, находящимся за пределами 65 лет, по доставке продовольствия и медикаментов). Особо следует сказать о волонтерской деятельности, связанной с церковно-религиозными организациями. Так, например, РПЦ (Русская православная церковь) посредством воплощения в жизнь социальной концепции развернула широкую благотворительную деятельность. Вот лишь некоторые данные, её характеризующие (приведены в отчете Синодального отдела по церковной благотворительности и социальному служению): на сегодняшний день создано 60 Центров гуманитарной помощи, 95 приютов для бездомных, 400 сестричеств милосердия, 10 мобильных служб помощи бездомным, 40 приютов для стариков (богаделен) и пр. В Москве только в одной православной службе добровольцев «Милосердие» свыше 1500 человек, среди них есть

менеджеры среднего и высшего звена, инженеры, врачи, бизнесмены, студенты. Эти люди просто помогают одиноким старикам, инвалидам, многодетным семьям, детям-сиротам. Современная действительность призвала к участию в волонтерском движении многие-многие тысячи людей.

Помимо формирования волонтерства на базе социальных и культурных институтов возникло явление организации волонтерства с помощью IT-технологий. Как пишет социолог МГУ имени М.В. Ломоносова В.А. Сушко, «особое распространение альтруистическая помощь получает посредством социальных сетей, на платформе которых и происходит стихийное объединение добровольцев с последующей организацией в группы и сообщества. 2013 год был объявлен Годом волонтерства в Москве. Это указывает на интерес, который официальные власти проявляют к добровольчеству и проявлению альтруизма. Вместе с тем этому событию не было оказано достаточно массовой информационной поддержки, поэтому оно прошло незаметно для основной части населения» [3].

Формирование добровольческой помощи на основе информационных социальных сетей с широчайшим охватом всех групп населения России нашло своё продолжение в условиях пандемии. «Акция взаимопомощи #МыВместе направлена на поддержку пожилых, маломобильных граждан и медицинских сотрудников во время пандемии коронавируса. Во всех регионах России работают волонтеры, доставляя лекарства и продукты. Юристы и психологи бесплатно консультируют нуждающихся в их помощи, а тысячи партнеров акции помогают своими услугами и товарами» [4]. Около 100 000 волонтеров из 85 регионов уже участвуют в акции «Стать волонтером». Организаторы этого движения через информационные сети призывают: «Ваша компания может помочь в

условиях борьбы с пандемией коронавируса». Они пишут: «В 2020 году мы столкнулись с тем, чего не было никогда в 21 веке – пандемия. Многие люди потеряли почву под ногами. Но если у молодого поколения есть силы на адаптацию, то пожилым людям нужен особый подход и наша помощь не будет лишней» [4]. Укажем в связи с этим на особое значение социальной составляющей волонтерства:

1) всеобщая заинтересованность в формировании сплочённости, солидарности и стабильности в российском обществе;

2) формирование комплекса социальных услуг, которые предоставляются различными социальными программами на уровне государства, но оказываются государственными органами в недостаточном объеме;

3) усвоение участниками волонтерского движения духовно-нравственных и моральных ценностей на личностном уровне, формирование их гражданской и патриотической позиции.

Всё это направлено на позитивную социализацию в первую очередь подрастающего поколения.

Если в советское время одним из важнейших социальных институтов, способствующих социализации молодежи, и в первую очередь студенчества, было стройотрядовское движение, то сегодня на смену ему пришло волонтерство. Волонтерство можно рассматривать в качестве социального института. Как отмечает социальный философ А.Г. Давыденкова, «институты создают устойчивые формы совместной деятельности людей по использованию общественных ресурсов ради удовлетворения их потребностей... Многие ... вполне обоснованно считаются составляющими культурного фона. Одной из важнейших социокультурных функций институтов является стабилизация

деятельности людей» [5. С.34]. Волонтерство в этом плане содействует устойчивому развитию гражданского общества.

Т.А. Ковель пишет об этой стороне добровольческой деятельности так: «Это устойчивая форма организации волонтерской деятельности, включающая в себя нормативную и неформальную базу, позволяющую волонтерам взаимодействовать между собой и осуществлять свои социальные функции в рамках общественной системы» [6, 348]. Как институализированная практика волонтерство выполняет ряд социокультурных функций:

- 1) Функция социализации. Человек, участвуя в волонтерских практиках, осваивает новый социальный опыт и приобретает новые социальные связи. В российских условиях это опыт самоорганизации, приобретения навыков социального общения и приобщения к традиционным российским духовным ценностям взаимопомощи и взаимной поддержки, солидарности, альтруизма.
- 2) Экономическая функция. С этой позиции волонтерство является общественным и государственным ресурсом. Оно способствует привлечению широких масс, подчеркнём еще раз – по преимуществу молодежи, в качестве бесплатной рабочей силы.
- 3) Досуговая функция. Волонтер участвует не только в трудовой деятельности, но и принимает активное участие в сфере отдыха, развлечений, досуга. Например, студенты Санкт-Петербургского государственного института культуры и искусств принимают самое активное участие в ежегодном мероприятии «Ночь музеев», организуя бесплатное посещение музеев Санкт-Петербурга. Исключением стал текущий, 2020-й год, когда из-за пандемии это мероприятие прошло online.

- 4) Образовательно-воспитательная функция. Участвуя в волонтерском движении, молодые люди помогают социализироваться и окружающим посредством своих знаний, опыта, примера. Тут действует самый сильный эффект – эффект самовоспитания.

В контексте настоящей работы для нас особо значимой выступает проблема самоорганизации молодёжи. Как пишет белгородский социолог А.В. Кисиленко, «проблема самоорганизации российской молодёжи является актуальной для социологической науки и общественно-преобразующей практики, поскольку, как и всякое сложное явление социальной действительности, самоорганизация в зависимости от действий её акторов может иметь амбивалентные последствия как конструктивного, так и крайне негативного, деструктивного характера... Можно утверждать, что феномен самоорганизации в значительной степени определяет перспективы развития самой молодёжи и российского общества в целом, поскольку готовность и способность к ней отражают фундаментальные человеческие качества представителей любого поколения, степень его социальности» [7, с.64]. Мы разделяем позицию этого автора в том, что волонтерская деятельность является ярким примером такой самоорганизации и поддержания традиционных российских духовных ценностей взаимопомощи, альтруизма, милосердия, отзывчивости, самоотверженности и ответственности.

Самоорганизация волонтерского движения как формы современного общежития предполагает следование ряду существенных качественных характеристик:

во-первых, добровольность, то есть способность самостоятельно и свободно решить вопрос об участии в движении;

во-вторых, безвозмездность, бескорыстность, то есть следование определённым нравственно-этическим ценностям альтруизма;

в-третьих, добросовестность как выполнение волонтерами добровольно принятых на себя обязательств;

в-четвёртых, легальность, которая требует от участников знания действующего законодательства и учёта правовых норм на практике;

в-пятых, принципиальность как следование нормам морали и этическим требованиям социума;

в-шестых, доступность, что связано с открытостью движения, наличием равных возможностей участия в волонтерском движении вне зависимости от половозрастных, физиологических, профессиональных, образовательных и религиозных оснований.

Для нас как профессиональных педагогов высшей школы, практиков-преподавателей особый интерес представляет студенчество в качестве ресурса волонтерского движения. В исследовательской литературе этой проблемой предметно занимается уральский социолог, педагог УрГУ М.В. Певная. Она рассматривает добровольчество не только как одну из форм гражданской активности, но и подчёркивает, что волонтерство существенно влияет на профессиональное становление студентов. Для волонтеров любого возраста на первом месте стоит возможность добровольно и безвозмездно помогать другим людям. Однако для студентов, согласно мониторингу студенческой молодёжи Екатеринбурга, это связано в первую очередь с ориентацией на профессиональное и карьерное развитие. Певная выделяет пять ведущих мотивов, приводящих студенческую молодёжь в это движение:

«альтруизм» - 52%;

«полезные знакомства» - 42%;

«опыт работы» - 39%;

«общение с интересными людьми» - 30%;

«опыт общественно-политической работы» - 30% [8, с.85].

Эти данные были получены в ходе конкретного социологического исследования в 2014 – 2015 гг. Сегодня, в условиях всемирной пандемии коронавируса ценность такого личностного качества как альтруизм стала неизмеримо выше. Мы убеждены, что это в полном смысле слова относится к студенческой молодёжи как наиболее отзывчивой, мобильной, совестливой социальной группы.

В качестве выводов укажем, во-первых, концепт самоорганизации по своим теоретико-методологическим основаниям может рассматриваться как одна из категорий социальной философии. Во-вторых, самоорганизация как явление природных, социальных и мыслительных процессов анализируется в рамках синергетического подхода как одного из ведущих в философии науки. В-третьих, понятия устойчивого равновесия, динамического и подвижного равновесия в социальных системах были введены в рамках науки тектологии А.А. Богдановым, который справедливо рассматривается как один из основоположников синергетической парадигмы. В-четвертых, в современных условиях всемирной пандемии коронавируса как Вызова современной цивилизации, в том числе и русской цивилизации, волонтерское движение стало одним из адекватных Ответов.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. **Пригожин И.** Философия нестабильности //Вопросы философии, 1991. - № 6. – С. 46 – 57.
2. **Арефьев М.А.** Курс лекций и методические указания для аспирантов по истории и философии науки: учебное пособие /М.А. Арефьев, А.Г. Давыденкова, А.Я. Кожурин, С.В. Алябьева. – М.; Берлин: Директ-Медиа, 2018. - 383 с.
3. **Сушко В.А.** Проявление волонтерства в современном российском обществе /<https://doi.org/10.24158/tipor/2017/11/8> (дата обращения 19.02.2020)

4. МыВместе [Электронный ресурс]. – URL: <https://мывместе2020.рф/> (дата обращения 26.05.2020)

5. **Давыденкова А.Г.** Философия личности и культурно-институциональные процессы: Монография. – СПб.: ЛГУ имени А.С. Пушкина, 2005. – 220 с.

6. **Ковель Т.А.** Волонтерство как социальный институт. Факторы институционализации волонтерства в современной России //Московский экономический журнал. - № 7. - 2019. - С. 348 -352.

7. **Кисиленко А.В.** Волонтерство: потенциал самоорганизации российской молодёжи //Научный результат. Социология и управление. Т.4. - № 1. - 2018. – С. 63 – 71.

8. **Певная М.В.** Студенческое волонтерство: особенности деятельности и мотивации //Высшее образование в Росси. - № 6. – 2015. – С. 81 – 88.

**ЭВОЛЮЦИЯ ФЕМИНИСТСКОЙ МЫСЛИ В КОНТЕКСТЕ
ПОЛИТИЧЕСКОЙ НАУКИ**

**EVOLUTION OF FEMINIST THOUGHT IN RELATION TO
POLITICAL SCIENCE**

ЛАГОЙКО Анастасия Геннадьевна - аспирант Высшей школы международных отношений, Гуманитарного института, Санкт-Петербургский политехнический Университет Петра Великого. E-mail: anastasia.lagoyko@gmail.com

LAGOYKO Anastasia G. – Peter The Great St. Petersburg Polytechnic University, Saint-Petersburg, Russia. E-mail: anastasia.lagoyko@gmail.com

Феминизм как концепция и как движение часто вызывает неоднозначные реакции. Все чаще гендерное равенство признается общепринятой ценностью, однако феминизм до сих пор является горячо обсуждаемым вопросом, который идет вразрез с устоявшимися нормами. В политической науке феминистское движение появилось в связи с несогласием с положением женщин и исключением их из общественно-политической жизни. Считалось, что женщина не создана для принятия важных решений, и это укладывалось в исторические нормы политической теории. Феминистки подчеркивают неравенство, с которым сталкиваются женщины в обществе, и политические последствия этого неравенства. В контексте политической науки это означает в том числе и обсуждение причин и последствий чрезмерной представленности мужчин. Феминистское движение поднимает ряд вопросов, которые противоречат основам политологии.

Feminism as a concept and as a movement often elicits mixed reactions. Gender equality is increasingly recognized as an accepted value, but feminism is still a hotly debated issue that runs counter to established norms. In political science, the feminist movement appeared in connection with disagreement with the status of women and their exclusion from social and political life. It was believed that women were not created to make important decisions, and this was within the historical norms of political theory. Feminists emphasize the inequality that women face in society and the political consequences of this inequality. In the context of political science, this includes discussing the causes and consequences of overrepresentation of men. The feminist movement raises a number of issues that contradict the foundations of political science.

ФЕМИНИЗМ, ГЕНДЕРНОЕ РАВЕНСТВО, ТРИ ВОЛНЫ ФЕМИНИЗМА,
ЖЕНСКОЕ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОЕ ДВИЖЕНИЕ

FEMINISM, GENDER EQUALITY, THREE WAVES OF FEMINISM, WOMEN
SOCIAL MOVEMENT

Современную жизнь достаточно сложно представить без активного участия женщин в различных сферах общественной жизни. Во многих вопросах женщины принимают решения наравне с мужчинами, а в некоторых и вовсе действуют абсолютно самостоятельно. Безусловно, таким положение дел было не всегда. Исторически за женщиной закреплялось более низкое положение по сравнению с мужчиной, пока в какой-то момент не возникло такое общественно-политическое движение как феминизм.

О феминизме как о некоем социально-политическом движении женщин можно говорить начиная с Великой французской революции. Принятая в 1789 г. «Декларация прав человека и гражданина», провозглашавшая лозунг свободы, равенства и братства всех людей независимо от их происхождения, признала свободными и равными гражданами только мужчин. Эта несправедливость и послужила толчком к возникновению протестного женского движения, выступающего за экономическое, политическое и юридическое равноправие мужчин и женщин. Таким образом, в начале 90-х гг. XVIII в. целью социально-политического движения женщин во Франции стало распространение прав, провозглашенных в «Декларации», и на женщин. Для этого француженки организовывали социально-политические общества женщин, проводили различные акции в защиту своих требований. Из этого можно заключить, что женщины Франции не просто выдвинули политико-правовые требования, но и начали вести активную общественно-политическую деятельность.

В 1791 г. французская писательница Олимпия де Гуж от лица всех женщин опубликовала собственную «Декларацию прав женщины и гражданки». Согласно «Декларации», целью общества является «защита неотъемлемых прав обоих полов, ... все гражданки точно так же, как и граждане, лично или при посредстве избранных ими представителей могут принимать участие в самоуправлении; ... должны быть допущены ко всем общественным местам, отличиям и должностям; только различие их добродетелей и талантов должно служить критерием при их выборе», а также «конституция не действительна, если выработана не большинством индивидуумов, из которых состоит нация» [3, с. 26-27].

Проблема гражданских и политических прав женщин активно поднималась и при подготовке французской Конституции 1793 года. Комитет по исследованию поведения женских сообществ, созванный под напором женского движения, дал отрицательное заключение по трем вопросам: о наличии у женщин политических прав, о возможности их участия в управлении государством и возможности обсуждения женщинами вопросов в политических союзах. Аргументация была следующая: «для выполнения государственных задач женщины очень редко обладают достаточными способностями и не имеют нравственных и физических сил для пользования правами» [1, с. 131]. В результате антифеминистской кампании в 1793 г. были закрыты женские клубы, в 1795 г. принят декрет о полном недопущении женщин к политической жизни. Спустя 9 лет, в 1804 г. вступил в силу Гражданский кодекс, в соответствии с которым женщина лишалась всех гражданских прав [1, с. 131].

Несмотря на короткую историю и поражение женского движения в борьбе за равноправие в период Французской революции, идеи протестного движения повлияли на общественное сознание не только во

Франции, а в XIX – начале XX вв. те же политические требования стали основой для суфражистского движения.

Первая волна феминизма

С исторической точки зрения выделяют три этапа феминистского движения. Эти этапы также называют три «волны», стремясь подчеркнуть сходство этапов с волнами океана, где «каждая последующая волна приходит за предшественницей и занимает её место, не умаляя значения предыдущей» [4].

Первая волна феминизма приходится на XIX – первую половину XX вв., когда основным мотивом феминистского движения являлась борьба за юридическое закрепление равноправия полов, требование иметь равные с мужчинами политические и гражданские права. Полагалось, что получение избирательного права и возможности голосовать избавит женщин от гнета предрассудков и половой дискриминации. В этот период протестное женское движение получило большое развитие в странах с развитой демократией, а либеральный феминизм стал идейной основой этого движения [4].

Так, в Соединенных Штатах Америки важным шагом в развитии феминистского движения стало принятие в 1848 году «Декларации чувств». Этот документ опирается на «Декларацию независимости» 1776г., где признается, что «все мужчины и женщины созданы равноправными» [3, с. 45]. В «Декларации чувств», в частности, присутствовали требования женских гражданских прав: право голоса, право на собственность, образование, оплачиваемый труд и активное участие в политической и религиозной жизни общества. С этого момента «был заложен фундамент феминизма как теории и как политического движения» [3, с. 46]. Стоит отметить, что к 1902 г. американские женщины

добились всех требований, изложенных в документе, кроме избирательных прав.

Требование равного с мужчинами права голоса на выборах было ключевым среди большинства феминистских организаций к концу XIX в. Из чего следует, что движение либерального феминизма сформулировало политическую программу и сформировалось главным образом в форме суфражистского движения, т. е. борьбы женщин за избирательные права.

Значительную роль в борьбе за право женщин участвовать в голосовании сыграло суфражистское движение, в формировании идеологии которого немалую роль сыграла работа Джона С. Милля «Подчинение женщины». Поддерживая идею интеллектуального равенства мужчин и женщин, Милль полагал, что мышление женщин значительно отличается от мужского своей практичностью, интуитивностью и быстротой реакции; требовал обеспечить женщинам доступ к качественному образованию, к оплачиваемому труду, предоставить им возможность участвовать в гражданской и политической жизни, и, таким образом, преодолеть дискриминацию женщин [1, с. 132-133]. Что касается брачной сферы, то семья станет равноправным «деловым товариществом» мужчины и женщины только при условии юридического равноправия. Однако, уже вступая в брак, женщина, по мнению Дж. Ст. Милля, «выбирает профессию управления домом, воспитания детей» и все, что идет «вразрез с ее главными обязанностями, должно быть отвергнуто ею» [1, с. 133]. Как видим, Милль достаточно противоречив в своих убеждениях: выступая за равноправие полов, он призывал женщин не стремиться в мужскую (общественную) сферу жизни, а выполнять свое биологическое предназначение матери семейства.

Первой английской суфражистской организацией стал Комитет женских избирательных прав. В качестве основных средств борьбы и

достижения своих целей суфражистки использовали различные методы: организации митингов и демонстраций, сбор подписей под петициями в парламент, кампании в прессе, личные связи и контакты для лоббирования симпатизировавших суфражизму парламентариев. Таким образом, новое суфражистское движение взяло за основу либеральную доктрину «равенства прав и возможностей всех граждан, независимо от пола, расы и вероисповедания, и ставило своей задачей достижение равноправия женщин во всех сферах общественной жизни» [5, с. 24].

Активную роль в распространение идей суфражизма сыграли Эммелин Пэнлхерст и ее дочери Кристабель и Сильвия. Созданный ими «Женский социально-политический союз» положил начало новому направлению суфражизма – милитантству. Представительницы «Женского союза», требовали получения женщинами равных политических прав, но, с другой стороны, не допускали возможности какого-либо сотрудничества и компромисса с властями, пока их требования не будут выполнены. Милитантки пропагандировали воинственные способы привлечения внимания к вопросу права голоса для женщин: разбрасывали листовки в здании парламента, приковывали себя наручниками в общественных местах, устраивали несогласованные шествия. Подобные действия лишь усиливали позиции противников женского равноправия. Как следствие, суфражистки и Комитет женских избирательных прав были вынуждены порвать с милитантками [6, с. 97-99]. Как бы то ни было, противостояние умеренного и радикального направлений в британском феминистском движении привлекло внимание к «женскому вопросу», тем самым выросло число участников суфражистского движения. Движение суфражизма в Англии, появившееся в 1865 г., завершило существование в 1928 г. после того, как английским парламентом был принят избирательный закон,

который гарантировал женщинам избирательное право наравне с мужчинами [5, с. 25].

Борьба за обретение женщинами избирательного права распространилась на многие страны. Общность интересов, солидарность и желание обмена опытом привело к появлению международных женских организаций. Так, в 1888 г. был образован Международный совет женщин. Спустя шесть лет суфражистские общества США, Канады, Великобритании, Нидерландов, Швеции, Германии и Норвегии объединились в Международный женский суфражистский альянс, в который в 1911 г. входило уже 24 национальные организации [2, с. 31].

Первая волна феминизма завершилась после получения женщинами избирательного права. Равные с мужчинами избирательные права были получены женщинами в Новой Зеландии в 1893 г., в Австралии – в 1902, в Финляндии – в 1906, в Норвегии – в 1913, в Дании и Исландии – в 1915, в России – в 1917, в Канаде – в 1918, в Австрии, Германии, Нидерландах, Польше, Швеции– в 1919, в Ирландии – в 1922, в Великобритании – в 1928, в Испании и Португалии – в 1931, во Франции – в 1945, в Греции – в 1952 [2, с. 9].

Цель в виде получения права голоса была достигнута, однако это не подразумевало абсолютного равенства и освобождения от дискриминации и угнетения. Феминизм первой волны был в значительной степени тенденцией политического мышления, мотивированного современным либерализмом, который основывался, прежде всего, на свободе и равенстве людей. Либеральный феминизм первой волны был естественным продолжением либеральной идеи и реформистской политики, господствовавших в XIX столетии.

Как это ни странно, но получение права голоса надломило и пошатнуло женское движение. Четкая цель и скоординированные действия

в борьбе за избирательное право для женщин сплачивали и вдохновляли участников движения. Кроме того, многие наивно рассчитывали, что, завоевав право голоса для женщин, они добились полной эмансипации. Лишь в 1960-е годы женское движение возродилось с появлением «второй волны» феминизма [8, с. 312].

Вторая волна феминизма

К 1960-м годам политические права, требуемые первой волной, были в основном достигнуты. По крайней мере, формально женщины были свободны от патронажа со стороны как семьи, так и государства. Однако феминистки второй волны отмечают, что, несмотря на формальное юридическое равенство, социальный и экономический статус женщин мало изменился [9, с. 46]. Вопреки мнению либеральной традиции равные политические права сами по себе не гарантируют гендерное равенство, а свобода женщин ограничивается многими экономическими, социальными и культурными структурами.

Вновь возникшее женское движение было вызвано несогласием женщин с принципами патриархального общества, то есть общества, где доминируют мужчины. Активисты второй волны критиковали идею о том, что предел женской реализации – это ведение домашнего хозяйства и воспитание детей, и заявили о необходимости коренных изменений культуры, подняв вопрос о независимой женской личности [4]. Теперь главным требованием феминисток было получение не только избирательного права, но и права быть избранными во властные государственные органы.

Отличительные признаки второй волны феминизма состоят в следующем: появляется большое количество произведений на тематику кардинального пересмотра устройства общества, природы женщины и ее идентичности, переосмысливания идей феминизма. Представленные

авторами идеи становятся прочным фундаментом феминистской философии.

Так, одним из идеологов феминизма «второй волны» была Симона де Бовуар. В своей работе «Второй пол» она исследовала женскую природу и выделяла причины зависимого положения женщин от мужчин. Она утверждает, что гендерные отношения иерархически организованы внутри сообщества. Мужчина считается абсолютным субъектом и нормой, по которой определяются условия человечества, а женщина определяется как отклонение от этой нормы - женщина является «другим». На своей второй позиции женщина не может в полной мере реализовать свою свободу [10].

До 1960-х гг. феминизм не являлся политической идеологией, а различие по половому признаку редко рассматривалось как важная политическая составляющая общественной жизни социума. Если же экономические, политические и социальные различия мужских и женских ролей принимались во внимание, то рассматривали их как естественные, то есть неизменные [8, с. 313].

Под влиянием феминистской мысли и увеличением числа активисток, участвующих в решении различных вопросов, возросло и количество интересующихся своими правами и возможностью политического участия. В это время смещаются акценты по многим вопросам: такие темы как разделение труда в семье, вопросы рождения и воспитания детей и другие, что раньше были личными, стали обсуждаться в обществе и появляться в политической повестке дня гораздо чаще.

В период «второй волны» феминизма выделились четыре направления: либеральный, марксистский, социалистический, радикальный, которые различались идеологически между собой.

По сравнению с *либеральным феминизмом* первой волны, когда акцент на проблемах неравенства проецировался на социально-политическую, или публичную, плоскость, то сейчас под пристальным вниманием оказывается частная сфера и поиски причин угнетения женщин там. Эволюция либерального феминизма вышла за рамки формального равенства, акцентировав внимание на новых вопросах в воспитании детей и личной свободы в вопросах деторождения.

Как уже было сказано, лишь в 1960-х годах феминизм формируется в политическую идеологию. Случилось это в связи с ростом популярности *радикального феминизма*, когда сторонницы феминистского движения объявили приоритет в политике гендерного деления в противовес существовавшим политическим идеологиям. Таким образом, радикальный феминизм рассматривается как противоположная либеральному феминизму идеология. Один из основных постулатов радикального направления заключается в том, что женская биология является центром идеологии. В отличие от либерального феминизма, где проблема подавления женщин решается через равенство, радикальный опирается на различия. Кроме того, изменение политических институтов и законов в сторону равноправия невозможно, а угнетенное положение женщин останется неизменным пока «не будет реконструирована сексуальность» [2, с. 98].

Радикальный феминизм политизировал понятие пола, что перевернуло понимание о власти и политике. Радикальные феминистки утверждали, что пол является фундаментальной социальной и политической категорией, которая отражает властные отношения между женщинами и мужчинами и является начальной формой любого подчинения. Поскольку мужское доминирование, согласно радикалкам, основано на контроле женского тела, женское подчинение может быть

остановлено только путем предоставления женщинам возможности определять свою собственную сексуальность. Суламифь Файерстоун, одна из идеологов радикального феминизма, утверждает, что женщина становится жертвой угнетения именно через контроль мужчиной путем контроля женской сексуальности. Происходит разделение биологического и социального аспектов понятия «пол» [3, с. 211].

Биологический пол относится к физиологическим характеристикам, которые определяются исключительно на основе биологии. Под социальным полом понимается ментально-поведенческий комплекс: эмоции, идеи, идентичность, позы, мимика и т. д. Для определения социальной составляющей вводится понятие «гендер», который обусловлен социальными и культурными практиками и нормами, выполняемыми людьми в зависимости от их биологического пола [12, с. 217-218].

Радикальный феминизм также распространил политические идеи на те области жизни, которые считались интимными, и провозгласили свой лозунг «личное – это политическое». Движение породило новые виды политической практики, такие как группы феминистского просвещения, которые рассматривались как надежный способ узнать об опыте женщин. Идея заключалась в том, что при обсуждении своего личного опыта с другими женщинами выясняется, что проблемы, которые считаются личными, являются общими для всех женщин и, следовательно, политическими [3, с. 191; 2, с. 97]. Таким образом, радикальный феминизм второй волны вынес на политическую повестку ранее запретные темы, а политизация семейных отношений и сексуальности привели к радикальному переопределению политики.

Как *марксистский*, так и *социалистический феминизмы* видят зависимость между гендерным и классовым неравенством и частной

собственностью. Именно в институтах капитализма видится причина угнетения женщин. *Марксистский феминизм* придерживался теории, что капитализм порождает как классовое неравенство, так и экономическую зависимость женщины от мужчины. Как следствие, только после искоренения капитализма и классового деления станет возможным гендерное равенство [2, с. 100].

Теория *социалистического феминизма*, появившаяся в 1970-х гг., вобрала в себя черты марксистского и радикального направлений. Цель представительниц социалистического феминизма была в освобождении женщин от подчиненного положения, которое должно исчезнуть вместе с теми системами власти, которые поддерживают это подчинение, то есть капитализмом как властью капитала и патриархатом как властью мужчин, и приоритете женских проблем над классовыми и общественными. Факторами эмансипации женщин должно быть изменение «воспроизводственной» сферы, а не только экономических условий. По мнению социал-феминисток, женщины должны иметь право мнения по вопросам рождаемости, аборт, воспитания детей, а оба родителя иметь возможность брать декретные отпуска по уходу за ребенком, а также иметь гибкие рабочие графики [2, с. 101].

Политика была теперь не только о государстве или правительстве, она воспринималась как повседневный опыт.

Третья волна феминизма

Третья волна поставила под сомнение феминистскую политику, которая опиралась на общий опыт женщин и определенную ими женскую идентичность. Феминизм третьей волны критикует политику идентичности второй волны как эссенциальную. Основной проблемой политики идентичности было то, что она не придавала достаточного теоретического или политического значения различиям между женщинами.

Третья волна подчеркнула, что женщины не являются однородной группой, кроме пола, как объединяющего фактора, существуют и различия, такие как раса, возраст, национальность, сексуальная ориентация и класс. В некоторой степени анализ этих различий не был чужд и феминизму второй волны. Тем не менее, третья волна феминизма указала, что женщины и мужчины не образуют две отдельные группы, которые можно различить на основе психосоциальных факторов. Поведение, опыт, черты и способности варьируются между полами, и эти различия зависят от этнического происхождения, религии, сексуальной ориентации, социального класса и исторической ситуации. Помимо разнообразия социальных категорий и различий между мужчинами и женщинами, теоретики-феминистки третьей волны также выделили различия в опыте и самобытности женщин [12, с. 226].

Третий этап феминистской теории развился вместе с новым политическим теоретическим движением, которое поставило под сомнение идею целостности. Движение теперь известно под названиями постмодернистского. Третья волна феминисток справедливо поставила под сомнение идею политики идентичности, согласно которой группа женского общества может основываться на идее обмена опытом и идентичности [13, с. 47].

Фундаментальная критика политики идентичности была высказана, в частности, Джудит Батлер, одним из наиболее влиятельных теоретиков феминистской теории третьей волны. В своем произведении «Психика власти» Батлер утверждает, что должен быть переход от политики идентичности к политике сопротивления: вместо того, чтобы подчеркивать идентичность, феминизм должен противостоять и стремиться подорвать заранее определенные идентичности [14].

Феминистки третьей волны с полным основанием спрашивают, кому феминистская политика требует прав и какие права она требует. Первая волна феминисток воспринимала гендерную двойственность как должное и требовала таких же индивидуальных прав для женщин, как и для мужчин. Вторая волна феминисток подчеркнула, что социальные структуры образуют особую социальную группу женщин, которая подчиняется социальной группе, образованной мужчинами. Социальная несправедливость порождается институтами и практиками, которые влияют на отношение к людям, их восприятие и использование своих возможностей. Тем не менее, неясно, к какой социальной группе относятся женщины.

В этот период распространяется такое направление феминизма как интерсекциональный феминизм. Термин интерсекциональность был впервые использован исследователем Кимберли Креншоу в ее статье 1989 года [15]. Используя этот термин, Креншоу показала, что неравенство, с которым сталкиваются темнокожие женщины, отличается по своей природе от неравенства, с которым сталкиваются чернокожие мужчины или белые женщины, поскольку на него влияют как пол, так и цвет кожи. Таким образом, аспекты неравенства пересекаются в жизни чернокожих женщин, поэтому дискриминация, с которой они сталкиваются, возникает не только вследствие пола или цвета кожи, но и является результатом их совокупного воздействия.

Креншоу использовала в качестве примера дискриминацию, с которой сталкиваются темнокожие женщины, но этот же принцип можно также использовать для анализа и выявления других форм угнетения и неравенства. Поскольку интерсекциональность затрагивает не только пол и цвет кожи, но также и другие социальные категории - такие как социальный класс, сексуальная ориентация или инвалидность. Данная

теория является удобным инструментом для борьбы за права любого человека. И в этой борьбе интерсекциональность важна, потому что она сделала идентификацию неравенства более многомерной и, таким образом, лучше отражает сложность мира.

В сферу борьбы феминисток третьей волны вошли религиозные вопросы и положение женщин в религии, проблемы домашнего насилия, неравенство зарплат и невозможность пробить так называемый «стеклянный потолок», т.е. получить повышения из-за половой принадлежности. Одной из проблем, поднятых феминистками, стало отсутствие гендерно-корректного языка. В связи с этим появились феминитивы, то есть альтернатива терминам мужского рода, или, наоборот, гендерно-нейтральные понятия.

Таким образом феминизм третьей волны настаивал на возможности самореализации, независимо от цвета кожи, национальности или сексуальной ориентации. Произошла смена ориентиров: борьба за права белой женщины среднего класса сменилась борьбой за равные права всех.

Заключение

В зависимости от исторического периода феминизм стремиться к осуществлению различных политических целей. Все начинается с получения женщинами избирательного права голоса, получения равного с мужчинами права доступа к образованию, появления и постепенного увеличения женского представительства на высоких общественных постах вплоть до самостоятельного принятия решений по вопросам женской сексуальности.

Главная же цель феминистского движения на протяжении всей истории его существования заключается в использовании новой политической стратегии, а фундаментом феминистской теории являются

принципиально другие ценности и политические взгляды, отличные от господствовавших в определенный период традиционных канонов.

Как мы видим, на каждом этапе развития последовательницы женского движения серьезно и по-новому относятся к тому, что подразумевается под зависимым и угнетенным положением женщин, господством мужчин и политическими взаимоотношениями между полами в целом. А само появление феминизма как политической идеологии является ответом на общественные ожидания и запросы. Становится очевидна неизбежность переосмысливания традиционных понятий женской природы, роли и места женщины в политическом и историческом процессе. Таким образом, феминизм, изначально боровшийся за права женщин, превратился в политическую теорию интерсекционального сегодня.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. **Лапа О. В.** Истоки феминистского движения // Веснік ГрДУ імя Янкі Купалы. Сер. 1, Гісторыя і археалогія. Філасофія. Паліталогія. – 2014. – № 2(174). – С. 129-134.
2. **Королева Т. А.** Проблемы и противоречия женского движения: вчера и сегодня : монография / Т. А. Королева. – СПб.: СПбГИКиТ, 2015. – 184 с.
3. **Брайсон В.** Политическая теория феминизма. Пер. с англ. О. Липовской и Т. Липовской. М.: Идея-Пресс, 201. – 304 с.
4. **Муслумова Т. В.** Феминизм: истоки, этапы развития и основные направления // Вестник Шадринского государственного педагогического университета. – 2015. – № 4.
5. **Бугашев С. И.** Британский суфражизм в XIX – начале XX века // Труды кафедры истории Нового и новейшего времени. 2012. № 8. С. 24–35.
6. **Шнырова О.В.** Суфражизм в истории и культуре Великобритании. М.: ИД Ивана Лимбаха, 2019. – С. 424.
7. **Королева Т. А.** Феминизм как идейно-политический феномен // Известия РГПУ им. А.И. Герцена. – 2010. – № 126. С. 311 – 319.

8. **Mitchell J.** "Naisvallankumous" // Naisvallankumous. Esseitä feminismistä, kirjallisuudesta ja psykoanalyysista. Suom. Leena Lehto. Helsinki: Otava, 1986.

9. **Де Бовуар С.** Второй пол // Электронная библиотека Liters. – Режим доступа: <https://www.litres.ru/simona-de-bovuvar/vtoroy-pol/>

10. **Heinämaa S.** "Gender, Sex and Embodiment" // Oxford Handbook of Contemporary Phenomenology. Toim. Dan Zahavi. Oxford: Oxford University Press, 2012.

11. **Pulkkinen T.** Postmoderni politiikan filosofia. 2. painos. Helsinki: Gaudeamus, 2003. – С. 47.

12. **Батлер Дж.** Психика власти. Теория субъекции. Пер. с англ. З. Баблюян. М.: Алтейя, 2010. Электронная библиотека Liters. – Режим доступа: <https://www.litres.ru/dzhudit-batler-18552142/psihika-vlasti-teoriya-subekcii-42628877/>

13. **Crenshaw K.** Demarginalizing the Intersection of Race and Sex: A Black Feminist Critique of Antidiscrimination Doctrine, Feminist Theory and Antiracist Politics // University of Chicago Legal Forum. – URL: <https://chicagounbound.uchicago.edu/cgi/viewcontent.cgi?referer=&httpsredir=1&article=1052&context=uclf> (дата обращения: 29.05.2020)

УДК 1(091)

Л.А. Микаелян

ИСТОРИЯ И ФИЛОСОФИЯ КОНЦЕПЦИИ «ИСПАНИДАД»

HISTORY AND PHILOSOPHY OF THE «HISPANIDAD» CONCEPT

МИКАЕЛЯН Лусине Артаковна - ассистент Высшей школы международных отношений, Гуманитарного института, аспирант, Санкт-Петербургский политехнический Университет Петра Великого. E-mail: laluz93@mail.ru

MIKAELIAN Lusine A. – Peter The Great St. Petersburg Polytechnic University, Saint-Petersburg, Russia.
E-mail: laluz93@mail.ru

В данной статье рассмотрена история Испании конца XIX – начала XX веков, чтобы понять идеологию, философию и основные принципы, заложенные в концепцию. Актуальность данной работы обусловлена возникновением и развитием концепции «Hispanidad», важностью данной концепции в проблеме региональных споров, а также в некоторых вопросах современной национальной политики Испании и стран Латинской Америки. В статье производится анализ идеологии, предложенную философом и поэтом Р. Де Маэсту, так же оценка и ее роль в ходе исторических событий.

This article examines the history of Spain in the late XIX – early XX centuries in order to understand the ideology, philosophy and basic principles embedded in the concept. The relevance of this work is due to the emergence and development of the concept of "Hispanidad", the importance of this concept in the problem of regional disputes, as well as in some issues of modern national policy in Spain and Latin America. The article analyzes the ideology proposed by the philosopher and poet R. De Maestu, as well as its role in the course of historical events.

ПРОСВЕЩЕНИЕ; ОБРАЗОВАНИЕ; ФИЛОСОФИЯ; ИСТОРИЯ;
НАЦИОНАЛЬНОЕ; ПОЛИТИКА

ENLIGHTENMENT; EDUCATION; PHILOSOPHY; HISTORY; NATIONAL;
POLITICS

В начале XX века термин «Испанидад» мало употреблялся, его даже могли считать устаревшим. Несмотря на это, именно в XX веке этот термин получил новую жизнь. И в это слово начали вкладывать много разных значений. Данный термин начали часто использовать в таких областях, как философия, политология и во многих других сферах.

Прежде чем разбираться с терминологией, следует определить, что же означает в переводе слово «Hispanidad». Разные источники предоставляют разную интерпретация, например: испанский дух, испанизм, совокупность испанских народов, испанский характер.

Попробуем разобраться с некоторыми терминами.

- Совокупность испаноязычных народов – Испания и бывшие колонии, принадлежавшие Испании, те все страны и народы, у которых официальный язык – Испанский.
- В средствах массовой информации термин «Испанидад» часто пишется русскими буквами. На просторах интернета можно встретить использование термина «Hispanidad», как слово, которое относят ко всему, что связано с испанским языком, испанцами, а в некоторых случаях и вовсе со всем, что связано с Латинской Америкой.

В научной сфере это понятие впервые начал вводить аргентинский священнослужитель Сакариасом де Вискара. Вискара в своей статье 1923г впервые использовал термин «Испанидад» после чего его активно начали использовать. Священник предложил изменить название национального испанского праздника, под названием День Расы, который проходил 12 октября. Вискара аргументировал свое предложение тем, что использование слова раса – некорректно. И предложил заменить название праздника на Hispanidad, так же предложил использовать это название для определения испанских народов. [18,С.167-170]

По мнению Сакариса де Вискары термин «Испанидад» имеет несколько значений:

- Объединение всех народов испанской культуры и людей испанского происхождения, которых разбросало по миру.

- Показывает все особенности, которыми обладала испанская народность. От происхождения до культуры.

Термин «Испанидад» в наше время носит следующее значение: испанское происхождение народа, испанская культура, испанский язык. Первым человеком, который причислил авторство де Вискарре за термин «Испанидад» является Рамиро де Маэсту. Несмотря на то, что де Маэсту присвоил де Вискарре открытие термина «Испанидад» тот в свою очередь так не считал. Ведь слово само по себе существовало давно, просто его все позабыли и почти не использовали, а де Вискарре просто вернул слово к жизни, начав его употреблять, поэтому он противился высказываниям, где говорилось, термин является его открытием. [14, С.93-99]

Так как термин существовал уже давно, и в разное время имел разное значение, стоит определить, какой же смысл вкладывал священник в это слово, как он понимал, что стоит за этим словом. Он в этот термин вкладывал следующий смысл – для него это слово вмещало в себе всю важность и масштаб уважительного отношения к испанской культуре и народности. Можно обобщить, что смысл был следующим – духовная общность народов испанской цивилизации. Прежде чем обсуждать содержание концепции «Испанидад» на предмет трактовки, которую в нее вкладывал де Маэсту, в первую очередь важно осмыслить, какие черты и проявления испанской истории и испанского общества в заданный период времени содействовали популяризации и развитию концепции «Испанидад» почему эта идея стала так популярна в ультраправых рядах. Чтобы получить ответы на эти вопросы необходимо вернуться к истокам концепции, а именно установить, что явилось причиной и служило подспорьем для ее становления. [7, С.219-223]

Конечно, не сложно догадаться, что истоки концепции приходят к нам из истории Испании, а точнее из истории Испанской Империи. Возникновение Испанской империи датируется 12 октября 1492 г, именно тогда во время экспедиции Колумб корабли Колумба пришвартовались к Американскому берегу. Если быть точнее, то это был остров Гуанахани (Guanahani) в Багамских островах, который в наши дни, носит название Сан Сальвадор. Именно в этот момент случилось «знакомство» двух разных миров так, как Америка и Европа. Что изменило мир навсегда. Тогда и началась колонизация Америки. Что послужило большим толчком для развития Испанской империи, которая несла свое величие с 1492-1898 года. Нельзя не акцентировать внимание на том, что именно в этот день – 12 октября Колумб впервые вошел на американскую землю. Этот день в Испании принято считать днем поклонения святой дева Пилар. Которая считается одной из излюбленных святых в Испании. [22,С.66-71]

Почему же именно дева Пилар? Все просто, она является покровительницей миссионеров. Тот факт, что именно в день почитания девы Пилар, Колумб ступил на американскую землю, никому не казалось случайностью, а наоборот, все считали что именно Пилар своим покровительством помогла своим величием в открытии новых земель. Конечно, нужно обозначить, что перелом в истории страны Испания произошла именно в 1492 году. Этот год был значимым еще тем, что последний уголок Испании был удачно отвоеван. Ведь еще были территории Испании, которые находились во власти Гренада. Что послужило образованию централизованного испанского государства. Теперь Испании ничего не мешало заняться завоеванием американского континента. Под завоеванием подразумевается, не только силовой захват территории. Но и умов людей, присваивание им Испанскую культуру, идеологию и религию. Все колонии, которые были под властью испанцев

были максимально испанизированы, что влекло за собой популяризацию испанского языка и католической веры. [15,С.193-201]

Но надо указать это оказалось не просто сделать, в основном Латинская Америка была населена индейцами, что послужило проблемой для популяризации всего испанского, потому что индейцы были абсолютно не подвержены влиянию, особенно культурному, что вызывала определенные сложности у колонизаторов, которые были европейцами, в числе которых были различные смешанные группы населения. Таким образом в основном смешанные группы населения, которые входили в состав европейцев и занимали олимп латиноамериканского общества, следом, в следствии их величия над индийцами, они получаю свое имя как «креолы». Но стоит уточнить, что «креолы» не самое правильное название, ведь креолами считались чистокровные европейцы, что в нашем случаи не совсем так, так как нами описанные креолы были не чистокровные, они имели индусские и негритянские корни, что уже перечило термину «креолы». Но можно сделать вывод, что нация, которая начала формироваться, включала в свою основу не только генетику испанцев и латиноамериканцев, а также народов других рас, которые населяли этот континент. [9,С.348-352]

Культурное единство испаноговорящих народов положило свое начало в XVIII веке, так как в 1713 г. была основана Королевская академия испанского языка, основным назначением которой было установить стандарты испанского языка, который будет потребляться во всем мире. Но все же на данный момент латиноамериканские верхушки были больше озадачены тем, чтобы начать борьбу за независимость, так как данное время было достаточно благоприятным. Как известно, в XIX веке метрополия находилась во власти наполеоновской империи. Но положение

метрополии было не самым стабильным, кризисное положение дало криолам возможность начать борьбу за независимость. [9,С.355-357]

1898 год стал ключевым годом осмысления концепции и проблемы «Испанидад». События в последние годы XIX века и начала XX века не устраивала общество испании, особенно интеллигенцию, так как за эти года были почти потеряны колонии и был жуткий кризис, который затронул такие сферы, как политика и экономика, что в последствии сформировало «**el mito de noventa y ocho**». Вопрос о утрате колоний в 1898 году считался вопросом национальной важности. Данные события сильно отразились на культуре, настали времена бедствия для испанской культуры, что в будущем повлияло на осмысление проблем, которые всем казались в Испании не важными. [9,С.361-365]

El mito de noventa y ocho принято называть «Миф 89», так как модернизация Испании проходила очень медленными темпами, что сподвигло в рамках «Миф 89» сделать исследования, которые обоснуют ряд проблем. Не смотря на положение Испании, в тезис был вложен смысл, не как проблема бедствия и кризиса, а скорее трактовалось как события, которые закономерно происходили в истории. Однако, часть людей, принадлежащие к консервативным кругам, не считали происходящее закономерностью, совсем наоборот, трактовали происходящее, как тотальное бедствие. [9,С.367-372]

1989 год, принято считать годом, который лишил Испанию колоний. Но в тоже время не до конца были разорваны связи между Испанией и Латинской Америкой. Особенно подпитывали эту связь культура, которую уже Испанцы успели привить. Большинство писателей и мыслителей, большинство из которых проживали в Испании, в своих работах любили развивать латиноамериканские темы, одним из символов философской эпохи того времени стал Мигель де Унамуно. В испанском обществе

встали рассматриваться кризисные явления. В любом случае их связывали с 1989 годом. «Миф 98» все старались использовать в своих целях, например Бурбонская монархия. Одним из людей, кто заметил такие настроения был Мигель де Унамуну, у которого всегда было много сомнений и вопросов, поэтому он решил дать сове оценку «Миф 98» и дал ей трактовку. К 1899 году, де Унамуну давал свои высказывания против новой и непонятной одержимостью «большой испано- американо- американской расой», которых он и считал виновными в бедствии 1898 года. Писатель официально принял сторону оппозиции, которая выступала против Испанской Америки, так же они боролись за голословное превосходство испанцев. Унамуну оповестил своих читателей аргентинского происхождения, что испанцы продолжают уважать колониализм, а в 1916 году он дополнил свое заявление, тем что, выяснил, что большое количество людей, которые обитают на полуострове, тайно мечтают вернуть свою преобладание среди земель, в которых говорят по-испански. [17,С.23-38]

Одним из образцов эксплуатации имеющегося мифа правительством – праздник – день святой девы Пилар, который раньше отмечали в Арагоне 12 октября. День, который позже в 1918 году станет национальным праздником и будет иметь название День Расы. [12,С.94-98] Руководство, которое считается одной из первостепенных католических святых, присваивает данному празднику особое значение, и дата была выбрана не случайно, она акцентирует внимание на культурное и этническое единство между Испанией и колониями, которыми они владели. До того, как 12 октября ста днем нового праздника – «День расы», до этого этот день был самым любимым в сердцах большинства Испанцев, многие даже почитали этот день больше, чем собственный день рождения. Люди, которые так тепло относились к этому празднику, не могли спокойно реагировать на

изменения, которые сделало правительство. В числе этих людей был и Унамуну, его гнев был неизмерим. Писатель принял решение заявить, о том что использование словосочетания «испанская раса» неприемлемо, так же он заявил что, такой шаг это всего лишь хитрый маневр испанской власти, чтобы показать их принятие колоний, как равных людей. [19,С.147-152]

Так же нужно отметить, впервые «День Испанской Расы». Отметим в 1915 году, тогда он и стал официальным праздником. А в Аргентине стал начал праздноваться с 1917 года. Аргентина приняла праздник, потому что им пришлось принять свое испанское происхождение, хотя до последнего аргентинцы старались найти что-то свое, свою национальную идею. Но их попытки были безуспешны, и они приняли все испанское, культуру в том числе. Таким образом, можно утверждать о общем идейном пространстве. Теперь идеи и теории с легкостью перелетали через океан и обратно. Сам термин «Испанидад» был введен еще в 1926 году, что произошло во время философской дискуссии испанского эмигранта из Аргентины.[8,С.296-303]

Становится ясно, что концепция Испанидад, которая уже успела сформироваться, включала в себя следующий посыл – духовенство царской Испании и попытки сохранить авторитет, несмотря на революционные волнения в стране, влияние в немалой степени так же оказали процессы, которые происходили в Латинской Америке. [22,С.84-87]

В начале века в латиноамериканской стороне начинается рождение своих собственных националистических концепций, которые ссылались на колониальное прошлое Испании. Одной из наиболее ярких концепций, который можно считать показателем – концепция «Архентинидад», философскую основу которой многие люди, связанные со сферой исследований, называют эту концепцию частым случаем философии

латиноамериканской сущности. В годы пребывания в Аргентине Р. де Маэсту испытал влияние данной концепции, что сыграло свою роль для будущего написания им «Защиты Испанидад».[6,С.285-291]

Теория «Архентинидад» появилась в XX веке, когда круги олигархов и помещиков Аргентины, которые совсем утратили интерес в политической жизни страны, так как было большое давление со стороны рабочих и не только, стоит отметить, что давление так же оказывали и общедемократического, антиимпериалистического движения.[14,С.59-64]

Чтобы как-то отстоять свои привилегии в данных условия, аристократия решила отстоять свои привилегии, ухватившись за шовинистические концепции. «Архентинидад» являлась единственной националистической концепцией Латинской Америки, которая закладывала в своей основе обоснование привилегии белой расы. Так же в этой основе лежит особенность аргентинского духа, образа жизни, которую аргентинцы считают абсолютно отличной от других общин и народностей.[16,С.321-328]

Поэт де Маэсту, посчастливилось в 20-е годы проживать в Аргентине, что позволило ему почувствовать влияние концепции «Архентинидад». Признавая общность с схожесть испанских и латиноамериканских народов, он на себе ощущает «проблему Испании», понимая остроту национальной проблемы испанского сообщества, которая выделялась за счет испанских традиций, влияние которых было испорчено революциями. Вернувшись на родину, поэт излагает концепцию «Испанидад», которая поможет в борьбе против республики, для этого он акцентирует свое внимание на национальной идее и традициях. [11,С.41-45]

В среде политического и идеологического кризиса, что остро чувствовалось из-за потери колоний, так же накладывался кризис

национальной идентичности. Концепция «Испанидад», включает в себя кусочек испанской истории, след которой в истории остался в виде идеологического оружия, которым могут воспользоваться правые консерваторы в борьбе против республики.[22,С.185-189] Делая выводы можно отметить :

- Испанидад – очень ёмкий термин, который включает в себя все аспекты, относящиеся к Испании и всему испанскому, так же этот термин заключает в себе испанские происхождение.
- Испанидад, как термин, который включает все больше и больше глубинного смысла в себя и становится чем-то больше, чем просто термин. Он становится идеологией, поддерживающей традиции и веру испанцев.

Во время существования журнала «Испанское действие», которым руководил де Маэсту, он не упускал возможности воспользоваться положением и писал много статей про концепцию «Испанидад». В 1934 году де Маэсту приводит выводы и систематизирует всю информацию, доступную на данный момент. Так же в. Эти выводы. Входят и его написанная ранее книга «Защита Испанидад». Эта книга стала считаться самой яркой и значимой в творчестве Рамиро де Маэсту, а для многих она явилась самой главной в творческой жизни поэта. В своей работе он сформулировал главные аксиомы «правых», что в дальнейшем объединило монархическое и фашистское правое движение.[3,С.65-69]

Стоит начать разбираться в работе Р. Де Маэсту с разговоров о концепции «Испанидад» внутри которой была рассмотрена тема «двух Испаний», которую он раскрыл в статье «Испанское действие», которая была опубликована в одноименном журнале. Свое видение на проблемы Испании де Маэсту рассмотрел через призму художественных образов. «Испания- это дуб, обвитый плющом», - вот, с чего он начал свою статью,

позже этот художественный образ стал предисловием к его книге, опубликованной в 1934 году. Роль традиционной Испании, довелось нести мощному развесистому дереву – Дуб. Таким образом он хотел показать, насколько сильны и весомы испанские традиции. А вот роль либеральных идей досталась плющу, не имеющему опоры. Этим де Маэсту показывал, что у либерализма нету корней. Таким образом, плющ, который обвивался вокруг дуба мешал его развитию и существованию в общем. [18, С.202-208]

Так выглядело строение концепций, которые через яркие образы передавал де Маэсту. Сила дуба выражается в традиции, именно испанские традиции определяют испанскую особость, выраженную понятием «Испанидад».

Поэт следующим образом объясняет, как же он трактует для себя понятие *Hispanidad*. Все его изложения сводятся к испанскому духу, который выражает силу испанского народа, так же он отмечает принадлежность и любовь к основам испанской культуры, так же ее чтение и сохранение. Так же де Маэсту не раз говорит о то, что Испанидад может сплавивать народы, родной язык которых – Испанский. И народы, которым близка испанская культура и ментальное воспитание.[10, С.194-198]

Де Маэсту старается подчеркнуть и уделить особое внимание тому, что его видение не национальное, и никак не географическое. А напротив, духовное и объединяющее, абсолютно для всех. Так же автор подчеркивает, что главной целью Испанидад он видит, как объединение всех народов испанской империи. Вслед за С. де Вискаррой де Маэсту противопоставляет *Hispanidad* расе и настаивает на духовной, культурной составляющей этого понятия. Испанидад - это традиция, общая для Испании и испаноговорящего мира.[5, С.52-59]

Потерям колоний де Маэсту, так же дает свою оценку, описывая потери, как рассеивание испанского духа (*separacion de la Hispanidad*). Де Маэсту попытался разобраться, что же было причиной потери колоний, эта тема оказала на него огромное влияние. Автор считает, что причиной потери колоний были попытки внедрения в чуждых элементов, принадлежащих западу, а именно – либерализм и республиканизм, который пытались представить как часть Испании, что и привело к обвиванию плющом вокруг векового испанского дуба, так де Маэсту сформировал свою концепцию. Эти выводы в дальнейшем будут лежать в основе его новой книги.[15, С.89-93]

После автор приходит к выводу, что испанский дух находится в упадке, но почему так происходит, он приходит к выводу, что виной все та же потеря колоний. И пытается понять, что же больше уязвимо для Испании – упадок испанского духа или потеря колоний? Де Маэсту написал целую книгу, в которой в которой попытался ответить на все свои вопросы. Что в итоге ему удалось сделать. Дальше в истории Испании будем много моментов, когда будут отсылки к этой книге, для ответа на вопросы.[2, С.79-82]

Итак, какие же выводы сделал в своей книге де Маэсту?

Итог таков – все проблемы, с которыми Испанской империи пришлось столкнуться это все-таки связано с потерей испанского духа, что не мало важно, в потере испанского духа он имел ввиду и религию тоже, ведь это был один из главных основ формирования духа и сплоченности народа. Так же он считал, что либерализм тоже был неправильным вариантом развития событий, что тоже привело к упадку испанского духа. Вся его работа пропитана сравнениями, что истинно, а что ложно, что принадлежит всему испанскому, а что пришло из чужой культуры. [13, С.321-326]

Вопрос о месте концепции де Маэсту среди националистических идей невероятно сложный и обширный. При его изучении встают другие вопросы, более конкретные и более значимые для темы данного исследования, а именно какое место отводится идеи «Испанидад» в правоконсервативном лагере Испании в первой трети XX века. Итак, в нашей работе мы попытались произвести анализ концепции «Испанидад»:

- Были определены истоки термина, происхождение, факторы, оказавшие влияние на терминологию, события, повлиявшие на смысл, который был вложен в этот термин, что было заслугой де Маэсту.
- Были рассмотрены работы философа и писателя де Маэсту, который сформировал идеологию правых.

В общенаучной литературе представлено мнение, что де Маэсту повлиял своими идеями на становление идеологии режима Ф. Франко, который носил правоавторитарную идеологию. Но именно то факт, что Франко в своей идеологии уделял не малое значение католицизму и духовенству явилось связующей с концепцией Испанидад. [21; С. 223-226]

Де Маэсту еще удалось заручиться поддержкой у сословия военных, которые в следствии стали опорой во время режима Ф. Франко. Армия Испании во времена республики располагала крайне правым флангом в политическом спектре. Диктатура военных значилась, как одна из более разумных альтернатив монархии и этапом, который может помочь ее вернуть. Сам писатель де Маэсту в одной из своих поздних работах высказывал схожие идеи. [1; С. 103-112]

Бесспорно наблюдается связь идей фашистских организаций, которые публиковали свои статьи в журнале, которым владел де Маэсту и его работы, так же часто публиковались в журнале под названием «Испанские Действия». Такая связь, может так же показывать нам

схожесть идей между фашистскими организациями и идеями, которыми делится с нами де Маэсту.

Сходство во взглядах де Маэсту и фашистской организации на проблемы Испании. Например, одни считали, что нужно разделить жителей страны на два лагеря. Одна половина представляла настоящую монархическую Испанию, со всеми традициями, религией, основами воспитания, испанским духом. А остальные люди – те, кто принял сторону новшеств и всего не родного для испанской культуры, а точнее вторая половина считалась ложной с несвойственной испанцам традициями. Сразу вспоминается, художественное сравнение, которое привел де Маэсту в своей работе, описывая аллегория дуба, обвитого плющом. Стоит отметить, что идея разделения населения совсем не новая, такое развитие событий и решение проблемы очень свойственно взглядам представителей консервативного движения. Идейную базу концепции «Испанидад» можно считать единой. По мнению многих представителей разных идеологических организаций в основе идеи должна лежать вера, что обеспечит единство страны. Что схоже со. Взглядами де Маэсту, который считал католическую монархию идеальным государством. [1; С. 123-126]

Справедливо будет подчеркнуть, что заслугой Р. Де Маэсту была разработка национальной идеи, которая была заложена в основу всего испанского, что ярко выражено в концепции «Испанидад». Стимулом для формирования концепции послужил кризис «испанской идентичности», который можно было наблюдать на рубеже веков. [4; С. 94-99]

В сложившихся исторических условиях предложить вариант выхода из этого кризиса могла только испанская традиция, так концепция «Испанидад» стала порождением испанского традиционализма, на котором основывалось правоконсервативное движение 30-х годов.

Исконно испанские ценности, которые донес до нас де Маэсту, были так же рассмотрены в нашей работе. Была дана полная интерпретация концепции и мы узнали, что она очень тесно связана с испанской историей. Термин включает в себя настоящий испанский характер, который был присущ всем народам воспитанным и высшим, соблюдая испанские традиции. В основе которых лежат исконно испанские ценности такие, как религиозность, преданность монарху, что позже определило всю историю Испании. Отказ от ценностей явился губительным для Испании, вот с чем де Маэсту связывает кризисное состояние, случившееся с Испанией в конце XIX – начало XX века.

Так же стоит отметить, что образованная писателем де Маэсту концепция основывается на постулатах, которые характерны для консерватизма. Он не был создателем данной идеи, ведь похожая идея была изложена фашистским движением в Испании. Если уникальность и отличие основано на том, что он наделяет Испанидад консервативной идеологией, тем самым придает ей другой окрас, добавляя в идеологию испанскую национальную идею. В ходе долгих идейных поисков, определивших всю жизнь Рамиро де Маэсту, он находит решение проблемы Испании, исторически оправдывая существование традиционных испанских ценностей.

Идеи единства, испанской особенности и апеллирование к национальному чувству, и противопоставление «истинной Испании» правых, разрозненной и наносной идеологии левых, определили силу правоконсервативного лагеря и ознаменовали его победу.

12 октября – главный государственный Испанский праздник – день Испанидад.

Пусть это останется в испанской терминологии иногда говорят «день испанизации», но это не совсем точный термин. Ближе все-таки понятие испанского мира и испанской культуры.

Ведь, именно, 12 октября 1492 года корабли Христофора Колумба достигли берегов Богамский островов, потом уже были и Гаити, Куба и следующие экспедиции, в ходе которых были открыты страны Южной и центральной Америки. Именно 12 октября принято считать днем открытия Америки.[7, С.241-247]

Праздник многогранный, это и повод для амбициозных воспоминаний, когда над Испанской Коронай не заходило солнце, это и повод вспомнить огромное количество индейцев, которые были истреблены испанскими колонизаторами, но в этот день в Испании проходит парад, на котором сверкает оружие, военные. Самолеты заходят на виражи, породистые конницы следуют по главным улицам Испании, но в то же время в парад включены представители всех стран, которые были обогащены испанской культурой и они идут в своих национальных костюмах, со своими танцами, со своей музыкой, подчеркивая свою самобытность, не смотря на то, что огни все объединены испанской культурой. [7; С. 233-235]

Это еще один шаг на встречу к интеграции и своеобразного объединения.

Во всем испанских посольствах по миру 12 октября проходят приемы, на которые приглашены дипломаты, представители прессы, испанские импресарио. Сегодня этот день, считается днем радости и празднуется очень масштабно.

В рамках данной статьи попробовали разобраться и предоставить полный анализ концепции правых – «Испанидад».

Концепцию «Испанидад» мы рассмотрели со всех сторон. В первую очередь, концепция стала вариантом решения «проблемы Испании», став правоконсервативной. А следом, она стала главным достоянием и предметом гордости испанского философа и писателя Рамиро де Маэсту, который на своем жизненном пути видел многое и прошел сложную политическую эволюцию. Эволюция, которая от части была его заслугой. Так же, концепция «Испанидад», во время кризиса испанской национальной идентичности, была представлена как вариант выхода из кризиса.

Основной причиной продвижения Испании в XIX начале XX веков, являлось сопротивлением нескольких направлений - либерально-республиканской, европейской и консервативной, подлинно испанской. Кризис 1989 года обнажил ситуацию в стране, что поставило испанцев перед выбором, каким же они видят дальнейшее развитие страны. В таких условиях, одержавшая поражение в ходе истории XIX века. Либеральная традиция делала попытки, которые помогли бы занять им политическую нишу. Тогда и началась новая борьба на политической арене. В составе республиканской традиции создается левое движение, политическая идея которой была подпитана проблемами страны.

Идея подготовленная де Маэсту являлась самой сильной, среди других идей, которые лежали в основе правого движения. Идеология де Маэсту выигрывала тем, что давила на самые уязвимые места народа, в его идеологии можно было найти ответы на следующие вопросы – «Кто мы?», и «Что с нами будет дальше?» - вопросы, которые больше всего интересовали социальные слои общества. Конечно, может показаться что идеология де Маэсту похожа на высказывания фашистского движения. Но что было первоисточником? – этот вопрос остается открытым несмотря на то, что идея де Маэсту лежит в основе формирования консервативной

концепции Ф. Франко. Во многом именно идейная база, в основе которой лежала концепция «Испанидад». Так же концепция дала толчок консервативному движению, став причиной победы в очном в очном противостоянии с «ложной» Испанией второй республики, которое выразилось в открытом вооруженном конфликте - гражданской войне 1936 - 1939 гг.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. **ÁLVAREZ CHILLIDA, Gonzalo** (2014). «Epígono de la Hispanidad. La españolidad de la colonia de Guinea durante el primer franquismo». En: Stéphane Michonneau y Xosé M. Núñez-Seixas (Eds.). *Imaginarios y representaciones de España durante el franquismo* (Casa de Velázquez): p. 458. ISBN 978-84-15636-65-6. ISSN 1132-7340.

2. **ARD, Michael J.** (2003). *An Eternal Struggle: How the National Action Party Transformed Mexican Politics*. Westport y Londres: Praeger. ISBN 0-275-97831-1.

3. **ARENAL, Celestino del** (2011). *Política exterior de España y relaciones con América Latina: iberoamericanidad, europeización y atlantismo en la política exterior española*. Madrid y Tres Cantos: Fundación Carolina y Siglo XXI de España Editores. ISBN 978-84-323-1486-5.

4. **BARBEITO DÍEZ, Mercedes** (1989). «El Consejo de la Hispanidad». *Espacio, tiempo y forma. Serie V, Historia contemporánea* (Madrid: Universidad Nacional de Educación a Distancia) 2: 113-140. ISSN 1130-0124.

5. **CALLE VELASCO, María Dolores de la** (2004). «Hispanoamericanismo. De la fraternidad cultural a la defensa de la Hispanidad». En: Mariano Esteban de Vega, Francisco de Luis Martín y Antonio Morales Moya (Eds.). *Jirones de hispanidad. España, Cuba, Puerto Rico y Filipinas, en la perspectiva de dos cambios de siglo* (Salamanca: Ediciones Universidad de Salamanca): 151-172. ISBN 84-7800-609-5.

6. **CAMPOS HARRIET, Fernando** (1983). «Cristianismo e Hispanidad en la obra de Jaime Eyzaguirre». *Boletín de la Academia Chilena de la Historia* (Academia Chilena de la Historia) 50: 49-58. ISSN 0716-5439.

7. **CAPUANO, Claudio Francisco; CARLI, Alberto J.** (2012). «Antonio Vallejo Nagera (1889-1960) y la eugenesia en la España Franquista. Cuando la ciencia

fue el argumento para la apropiación de la descendencia». *Revista de Bioética y Derecho* (Barcelona: Universidad de Barcelona) (26): 3-12. ISSN 1886-5887.

8. **CARRANZA, Jerónimo** (2006). «La Hispanidad en Colombia: Eduardo Carranza y el Instituto de Cultura Hispánica». *Boletín Cultural y Bibliográfico* (Bogotá: Banco de la República) 43 (73): 2-15. ISSN 0006-6184.

9. **CENARRO, Ángela** (1997). «La Reina de la Hispanidad: Fascismo y Nacionalcatolicismo en Zaragoza. 1939-1945». *Revista de historia Jerónimo Zurita* (Institución Fernando el Católico) 72: 91-102. ISSN 0044-5517.

10. **COLOM GONZÁLEZ, Francisco** (2006). «El hispanismo reaccionario. Catolicismo y nacionalismo en la tradición antiliberal española». En: Francisco Colom y Ángel Rivero (Eds.). *El altar y el trono. Ensayos sobre el catolicismo político latinoamericano* (Rubí y Bogotá: Anthropos Editorial y Universidad Nacional de Colombia). ISBN 84-7658-801-1.

11. **COLOM GONZÁLEZ, Francisco** (2013). «Political Catholicism and the Secular State: a Spanish Predicament». *Recode Working Paper Series* (European Science Foundation - Research Networking Programme) 20. ISSN 2242-3559.

12. **DELGADO GÓMEZ-ESCALONILLA, Lorenzo** (1992). *Imperio de papel: acción cultural y política exterior durante el primer franquismo*. Madrid: Consejo Superior de Investigaciones Científicas. ISBN 84-00-07243-X.

13. **FERNÁNDEZ DE MIGUEL, Daniel** (2012). *El enemigo yanqui: Las raíces conservadoras del antiamericanismo español*. Zaragoza: Genuève Ediciones. ISBN 978-84-940186-3-3.

14. **FRIEDMAN, Michal** (2011). «“Reconquering 'Sepharad': Hispanism and proto-Fascism in Giménez Caballero's Sephardist Crusade». *Journal of Spanish Cultural Studies* (Abingdon: Routledge) 12 (1): 35-60. ISSN 1463-6204.

15. **GÓMEZ PERALTA, Héctor** (2010). «El humanismo político de Efraín González Luna». *Estudios políticos* (20). ISSN 0185-1616.

16. **GONZÁLEZ-ALLENDE, Iker** (2009). «From the self to the nation, willpower in José María Salaverría». *Romance notes* (University of North Carolina) 49 (1): 61-69. ISSN 0035-7995.

17. **GONZÁLEZ CALLEJA, Eduardo** (2007). «El Hispanismo autoritario español y el movimiento nacionalista argentino: balance de medio siglo de relaciones políticas e intelectuales». *Hispania. Revista Española de Historia* (Madrid: Consejo Superior de Investigaciones Científicas. Instituto de Historia) 62 (226): 599-642. ISSN 0018-2141.

18. **GONZÁLEZ CUEVAS, Pedro Carlos** (2003). *Maeztu: biografía de un nacionalista español*. Madrid: Marcial Pons Historia. ISBN 84-95379-65-1.

19. **JUAN-NAVARRO, Santiago** (2006). «"Una sola fe en una sola lengua": La Hispanidad como coartada ideológica en el pensamiento reaccionario

español». *Hispania* (Walled Lake: American Association of Teachers of Spanish and Portuguese) 89 (2): 392-399. ISSN 0018-2133.

20. **LOCKER, Tobias** (2014). «The Baroque in the Construction of a National Culture in Francoist Spain: An Introduction». *Bulletin of Spanish Studies: Hispanic Studies and Researches on Spain, Portugal and Latin America* (University of Glasgow. Department of Hispanic Studies) 91 (5): 657-671. ISSN 1475-3820.

21. **MAEZTU, Ramiro de** (2006). *Defensa de la Hispanidad. Homo Legens*. ISBN 84-934595-3-4.

22. **MARCILHACY, David** (2014). «La Hispanidad bajo el franquismo. El americanismo al servicio de un proyecto nacionalista». En: Stéphane Michonneau y Xosé M. Núñez-Seixas (Eds.). *Imaginarios y representaciones de España durante el franquismo* (Casa de Velázquez): 73-102. ISBN 978-84-15636-65-6. ISSN 1132-7340.

УДК 327.7

Ли Цзинчэн

ЦЕЛИ В ОБЛАСТИ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ И БРИКС

SUSTAINABLE DEVELOPMENT GOALS AND BRICS

Ли Цзинчэн – старший преподаватель Высшей школы международных отношений Гуманитарного института, Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого, E-mail: li_ts@spbstu.ru

LI Jingcheng - Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University, Saint Petersburg, Russia. E-mail: li_ts@spbstu.ru

Реализация концепции устойчивого развития в развивающихся экономиках мира – в странах БРИКС является актуальной задачей современных исследований. Анализ основных этапов формирования концепции устойчивого развития становится приоритетным в странах БРИКС. Активное стремление к устойчивому развитию приведет к коренным изменениям в образе жизни народов и экономических отношениях не только в странах БРИКС, но и во всем мире. Содействуя устойчивому развитию, страны БРИКС сближаются и тесно сотрудничают друг с другом. В статье определены подходы к реализации ключевых «целей в области устойчивого развития» в странах БРИКС, а именно: сокращение бедности, образование и здравоохранение, охрана окружающей среды (восстановление экологии) и «зеленая» экономика, которые стали основными направлениями деятельности стран БРИКС на современном этапе. Столкнувшись с глобальными вызовами финансового, экологического и климатического кризисов, а также с крупными качественными изменениями в области научно-технической революции, страны БРИКС все больше стремятся перейти к устойчивому развитию. Цель заключается в устранении неравенства между социальными слоями, укреплении внутренней стабильности и расширении международного сотрудничества.

Implementation of the concept of sustainable development in the developing world economies - in the BRICS countries is an urgent task of modern research. The analysis of the main stages of the sustainable development concept formation is becoming a priority in the BRICS countries. The active pursuit of sustainable development will lead to fundamental changes in the way of life of peoples and economic relations not only in the BRICS countries, but throughout the world. In promoting sustainable development, the BRICS countries are closer and closely cooperate with each other. The article defines approaches to the implementation of key "sustainable development goals" in the BRICS countries, namely: poverty reduction, education and health, environmental protection (ecological restoration) and "green" economy, which have become the main areas of activity of the BRICS countries at the present stage. Faced with the global challenges of the financial, environmental and climate crises, as well as major qualitative changes in the scientific and technological revolution, the BRICS countries are increasingly seeking to move towards sustainable development. The aim is to eliminate social inequalities, strengthen domestic stability and enhance international cooperation.

РОССИЯ; КИТАЙ; БРИКС; ООН; УСТОЙЧИВОЕ РАЗВИТИЕ; ЗЕЛЕНАЯ ЭКОНОМИКА; БОРЬБА С БЕДНОСТЬЮ; МЕЖДУНАРОДНОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО

RUSSIA; CHINA; BRICS; UN; SUSTAINABLE DEVELOPMENT; GREEN ECONOMY; COMBATING POVERTY; INTERNATIONAL COOPERATION

Участие таких крупных игроков, как страны БРИКС (Бразилия, Россия, Индия, Китай, ЮАР), в мировом глобальном управлении является одним из важнейших политических факторов современной мировой политики. В своих политических принципах эти страны ставят важность организации в глобальном управлении для решения важных глобальных проблем, а именно устойчивого развития и обеспечения реализации его целей. Эти принципы отражены в повестке дня БРИКС и национальных внешнеполитических и внешнеэкономических стратегиях стран-участниц.

Важной особенностью сближения БРИКС стало общее стратегическое стремление к реализации концепции устойчивого развития. В то же время каждая из стран объединения стремится улучшить экономические показатели без хищнической эксплуатации природных ресурсов и нанесения ущерба окружающей среде (экосистеме). Страны БРИКС наладили тесное экономическое, торговое и финансовое сотрудничество, способствующее быстрому развитию как пяти стран, так и многих развивающихся стран в целом. По мнению китайского ученого Тянь Хуэйфан еще многие задачи, стоящие перед странами БРИКС, в области устойчивого развития, будут существовать и в будущем в течение длительного времени [15]. Среди национальных приоритетов на первый план вышли борьба с бедностью и повышение уровня жизни людей.

На данном этапе разбалансировка взаимодействия двух миров – искусственного и естественного является важнейшей проблемой всего человечества, а потому поиск ее решения должен стать объединяющим началом для всех государств мира. Еще в XX веке Организация Объединенных Наций (ООН) предложила концепцию устойчивого

развития, которая приобрела характер ключевой стратегии развития в этом столетии.

Под эгидой ООН в 1992 г. в Рио-де-Жанейро состоялась Конференция ООН по окружающей среде и развитию, получившая название «Саммит Земли». На конференции был принят ряд важных документов: Рио-де-Жанейрская декларация по окружающей среде и развитию, Повестка дня на XXI век, Конвенция о биологическом разнообразии, Рамочная конвенция ООН об изменении климата и др. Именно на Саммите Земли впервые были сформулированы цели и планы действий по реализации устойчивого развития. Ведущими принципами итоговой декларации Саммита Земли стали главные вызовы современного сообщества, обозначенные в докладе «Наше общее будущее» (1987 г), подготовленном Международной комиссией по окружающей среде и развитию ООН: население и человеческие ресурсы, продовольственная и энергетическая безопасность, защита экосистемы, промышленная трансформация, развитие урбанизации и другие [4].

Декларация получила положительный отклик во всем мире, и большинство государств и международных организаций приступили к интенсивному обсуждению вопросов устойчивого развития [7]. Российские эксперты считают, что английский термин «sustainable development», после его перевода на русский язык, теряет свою многогранность, а именно экологический и социальный аспект [14]. В китайской литературе устойчивое развитие интерпретируется как важный принцип современного общества и гармонии между человеком и природой. Устойчивое развитие подчеркивает, что социально-экономическое развитие должно быть скоординировано с охраной природы и стремиться к гармонии между человеком и природой. Развитие не должно осуществляться путем разрушения окружающей среды, а

должно не только адаптироваться к существующим природным условиям, но и учитывать интересы будущих поколений и идти по пути устойчивого развития [18].

Концепция устойчивого развития подразумевает революционные изменения в человеческом обществе. Согласно определению, содержащемуся в документе «Наше общее будущее», устойчивое развитие означает «развитие, которое удовлетворяет потребности настоящего времени, но которое не ставит под угрозу способность будущих поколений удовлетворять свои собственные потребности» [11].

Всемирная встреча на высшем уровне по устойчивому развитию в Йоханнесбурге (2002 г.) и Конференция ООН по устойчивому развитию («Рио+20», 2012 г.), в очередной раз подтвердили преимущество перехода к устойчивому развитию. Однако этот курс был сопряжен с рядом проблем. С одной стороны, ученые-экологи указывают на губительность современных темпов глобального экономического развития для природного мира, а с другой, ученые-экономисты из развивающихся стран утверждают, что без интенсификации социально-экономического развития большая часть человечества остается в нищете.

Следует отметить, что человечество добилось большого прогресса во многих аспектах устойчивого развития, однако этот прогресс не в полной мере отвечает требованиям, установленным соответствующими международными стандартами ООН. Поэтому концепция устойчивого развития должна быть компромиссным планом развития человечества в контексте гармонизации отношений между искусственной и природной средой человечества.

Устойчивое развитие необходимо всем государствам мира и имеет свои особенности в каждой стране. Цели тысячелетия ООН 2000 года были в наибольшей степени выполнены благодаря активной социальной

политике в Китае и Индии. Эти страны сумели значительно сократить уровень бедности. Важно отметить о принятых решениях на состоявшемся в 2015 г. Саммите по устойчивому развитию ООН. На Саммите была принята «Повестка дня в области устойчивого развития на период до 2030 года». Она определяет 17 «целей в области устойчивого развития» (ЦУР), охватывающие три аспекта: социальный, экономический и экологический. «Повестка дня» стала первым исторически принятым всеми государствами-членами ООН программным документом в области устойчивого развития, направленным на развитие всех стран и международному сотрудничеству до 2030 г.

В «Концепции перехода Российской Федерации к устойчивому развитию», принятой в 1996 г. отмечается, что «движение человечества к устойчивому развитию, в конечном счете, приведет к формированию предсказанной В.И. Вернадским сферы разума (ноосферы), когда мерилom национального и индивидуального богатства станут ценности и знания Человека, живущего в гармонии с окружающей средой» [12]. По мнению российского исследователя В. Горбачевой, устойчивое развитие должно отражать экономическую эффективность и социальную справедливость при становлении единой стратегии «социо-природного» развития с целью уменьшения «антропогенного пресса на биосферу» [8].

На основании выше сказанного можно отметить, что формирование некой единой глобальной экономической политики вряд ли возможно в ближайшем будущем. Противоречия в стратегиях развития развитых и развивающихся стран наглядно иллюстрируют неутешительные практические результаты.

Концепция устойчивого развития продолжает развиваться на протяжении последних 30 лет, в течение которых были заключены многие международные документы. Так, в конце 1997 г. был заключен Киотский

протокол в соответствии с Рамочной конвенцией ООН об изменении климата, который направлен на ограничение выбросов парниковых газов в промышленно развитых странах. Однако последующие Копенгагенское и Парижское соглашения о мерах по противодействию глобальному потеплению не были реализованы. Это произошло, в частности, из-за выхода США из Парижского соглашения.

В этих мирополитических условиях важную роль в достижении целей устойчивого развития может сыграть объединение БРИКС, поскольку вместе в этих странах проживает более половины населения мира, а значит, ответственность за будущее планеты в большой степени лежит на народах этих стран.

Страны БРИКС являются важными сторонниками инициативы ООН в области устойчивого развития. Для стран БРИКС цели в области устойчивого развития являются ключевыми стратегическими задачами развития. У каждой страны свой подход к устойчивому развитию, что объясняется особенностями исторического пути развития страны и ее социально-экономическими показателями. Как отмечает российский эксперт Н.Г. Хмелевская, масштаб использования ресурсов, основные направления технического развития и структурные изменения в экономике БРИКС имеют разные величины и по-разному влияют на реализацию ЦУР к 2030 г. [17].

Принимая активное участие в глобальном управлении и реформировании международной финансовой системы, страны БРИКС сталкиваются с серьезными вызовами устойчивому развитию, а именно: экономическим ростом, структурными преобразованиями, социальным обеспечением, загрязнением окружающей среды, изменением климата и многими другими. В рамках различных программ ООН страны БРИКС добились значительного прогресса в реализации ЦУР по таким вопросам,

как искоренение бедности, образование и здравоохранение, охрана окружающей среды и развитие «зеленой» экономики.

Президент России В.В. Путин по завершению Сямэньского саммита БРИКС в 2017 г., сказал: «БРИКС – очень перспективное объединение <...>, и прежде всего, связано это со структурой экономики и с нашим общим стремлением придать мировой экономике более справедливый и благородный характер» [13].

Перед странами БРИКС, как и перед другими развивающимися странами, стоит задача сделать стратегии устойчивого развития основой для решения целого ряда проблем. Прежде всего, это комплекс мер по борьбе с антропогенным воздействием на климатические изменения. Об этом много говорилось на саммитах БРИКС и в результате, был взят курс на развитие «зеленой экономики», основанной на развитии наукоемких энергоэффективных и ресурсосберегающих технологий. Следует отметить достижения БРИКС в обеспечении продовольственной безопасности. Развитые и развивающиеся страны живут в разных социально-экономических реалиях, поэтому БРИКС придает большое значение качественному развитию и выполнению ЦУР, в таких направлениях как:

Борьба с бедностью. Бедность как социальное явление по-разному измеряется на мировом уровне. Важной составляющей ЦУР является обеспечение равенства между социальными слоями общества. Как отметил китайский эксперт Бай Вэйцзюнь: «Для создания долгосрочного сотрудничества в области борьбы с бедностью страны БРИКС должны прежде всего обеспечить стабильность и экономическое развитие» [5]. Для определения степени бедности в основном используются индекс человеческого развития (ИЧР), коэффициент Джини и ВВП на душу населения стран БРИКС.

Индекс человеческого развития (ИЧР) показывает процесс искоренения бедности в стране, используя три основных показателя развития человека: а) здоровье и продолжительность жизни, б) грамотность, в) уровень жизни. Согласно данным Программы развития ООН на 2018 г. [10], Россия остается единственной страной среди стран БРИКС, включенной в категорию «стран с очень высоким уровнем человеческого развития»: ИЧР России составил 0,824 (49-е место в мире). «Странами с высоким уровнем» стали Бразилия – 0,761 (79-е), Китай – 0,758 (85-е) и ЮАР – 0,705 (113-е). Индия остается «страной со средним уровнем», с индексом 0,647 (129-е в мире). ЮАР считается страной с наибольшим неравенством среди БРИКС, где доходы населения фактически не выросли со времени кризиса 2008 г. Эти данные показывают, что страны БРИКС все еще имеют много возможностей для улучшения своих позиций в ИЧР, что является отражением выполнения внутренних целей устойчивого развития.

Коэффициент Джини в основном используется в качестве аналитического показателя для определения степени различия в распределении доходов граждан. По данным исследований Национального бюро статистики КНР, проведенных на основе статистических отчетов пяти стран БРИКС, коэффициент Джини составил: в Бразилии – 0,549 (2017 г.), в России – 0,412 (2016 г.), в Индии: в городах – 0,367, в селах – 0,280 (2011 и 2012 гг.), в Китае – 0,467 (2017 г.), в ЮАР – 0,639 (2015 г.) [19, с. 13]. Цифры показывают, что общий разрыв между условно «богатыми» и «бедными» широко распространен в странах БРИКС. Требуется дополнительные усилия для решения серьезной социальной проблемы и для контроля разрыва между слоями общества в разумных пределах.

Для стран БРИКС важно развивать всестороннее сотрудничество в области устойчивого развития, прежде всего в экономической, социальной и экологической сферах. По данным Всемирного банка на 2018 г. [2], ВВП на душу населения в странах БРИКС составил в среднем 8,008 долл. США. Темпы роста ВВП на душу населения в Китае составили 6,08%, Индии – 5,70%, в России – 2,26%. Именно эти три страны сохранили наиболее динамичный и устойчивый рост среди стран БРИКС. Для сравнения среднемировой рост в 2018 г. составил 1,88%. Быстрый экономический рост в странах БРИКС не только повышает доходы и уровень жизни, но и сокращает масштабы бедности.

По мнению российского эксперта Н.Г. Хмелевской, в связи с перераспределением ВВП экономический рост, направленный на искоренение бедности в странах БРИКС, может не отразиться на реальных доходах большинства граждан [17]. Однако Бай Вэйцзюнь рассматривает этот вопрос по-другому: в борьбе с бедностью Китай и Индия играют роль «поставщиков товаров и услуг», а Бразилия, Россия и Южная Африка – роль «поставщиков сырья и ресурсов». Страны БРИКС имеют взаимное дополнительное преимущество в плане спроса и предложения, что способствует созданию рабочих мест и росту доходов [6].

Образование и здравоохранение. В последние годы страны БРИКС добились динамичного экономического развития и имеют больше возможностей для увеличения своих бюджетов в ключевых сферах общества: образовании и здравоохранении. Государственная поддержка этим статьям повышает уровень грамотности и жизни населения (особенно актуальная задача для Китая и Индии, где проживает более миллиарда людей), а также увеличивает ожидаемую продолжительность жизни и обеспечивает внутреннюю стабильность в долгосрочной перспективе. Государственные расходы стран на образование в процентах от ВВП

составляют: в Бразилии 5,7% (2014 г.), в России 3,5% (2017 г.), в Индии 2,7% (2017 г.), в Китае 4,2% (2016 г.), и в ЮАР 6,9% (2016 г.) [19, с. 13]. Для сравнения, страны Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР) расходуют на образование в среднем 4,5% от ВВП (2016 г.) [3]. Расходы Бразилии и ЮАР на образование в целом соответствуют средним параметрам развитых стран.

Страны БРИКС постоянно увеличивают средства в общественное здравоохранение. Согласно последним данным [19, с. 13]: Бразилия тратит на здравоохранение 4,9% от ВВП (2013 г.), Россия 3,1% (2017 г.), Индия 1,2% (2016 г.), Китай 6,2% (2016 г.), и ЮАР 4,2% (2016 г.). Увеличение бюджетного финансирования здравоохранения оказывает влияние на научно-техническое и инфраструктурное развитие медицины, на эффективность контроля над распространением инфекционных заболеваний, на совершенствование систем здравоохранения, а также на увеличение количества и повышение квалификации медицинских работников. Китай, Бразилия и ЮАР выделили значительные ресурсы на медицину и здравоохранение. Однако для решения проблемы нехватки ресурсов в области здравоохранения в Индии по-прежнему требуется значительная государственная поддержка.

Охрана окружающей среды и «зеленая экономика». Как отметил исполнительный директор Национального комитета по исследованию БРИКС России Г. Толорая, «сформировалась неестественная модель потребления, вовсе не соответствующая задачам удовлетворения реальных потребностей человека» [14]. На протяжении последних лет страны БРИКС придают большое значение устойчивому развитию и прилагают серьезные усилия в таких областях, как поиск новых источников чистой энергии и охрана окружающей среды (восстановление экологии). Однако, как наиболее густонаселенные и развивающиеся страны мира – Китай и

Индия, их потребности в энергоресурсах и природных ресурсах огромные, и исторически сложившиеся ситуации с загрязнением и экологическим ущербом также серьезные. Согласно докладу ведущей транснациональной нефтегазовой компании «BP» (2013 г.) [1]: к 2030 г. чистый прирост мирового спроса на уголь будет обеспечен Китаем и Индией, на эти две страны приходится 63% и 29% мирового прироста угля соответственно, только на китайский рынок уже приходится 25% мирового прироста спроса на газ. Китай остается крупнейшим потребителем угля, а Индия обгоняет США по употреблению энергоресурса в 2024 г.

Эксперты «BP» отметили, что нынешняя структурная трансформация экономики в Китае приведет к снижению спроса на энергоресурсы, особенно после 2020 г. Это приводит к значительному сокращению выбросов углерода в Китае. Потребность в энергии быстро растет в Южной Африке и Бразилии. Поэтому вопрос о том, как сбалансировать потребление ресурсов и защиту окружающей среды, становится все более актуальным особенно для развивающихся стран.

Следует отметить деятельность Нового банка развития БРИКС (НБР) как международного финансового института по поддержке инвестиций в перспективные проекты устойчивого развития в странах БРИКС и за его пределами. Приоритетными направлениями этой деятельности НБР являются развитие возобновляемых, экологически чистых и новых источников энергии, инвестиции в урбанизацию и инфраструктуру, охрана окружающей среды, социальное обеспечение, здравоохранение и образование и т. д. Используя возможности НБР, страны БРИКС смогут реализовать цели в области устойчивого развития. Страны БРИКС приняли стратегии развития чистых технологий и промышленности, чтобы обеспечить экономический рост, основанный на устойчивых природных ресурсах.

Как заявлено в Форталезской декларации БРИКС (2014 г.): страны БРИКС выступают «за укрепление международного сотрудничества в вопросах более широкого использования возобновляемых и экологически чистых источников энергии и обеспечения всеобщего доступа к энергоресурсам, что имеет большое значение для повышения уровня жизни населения наших стран» [16].

Цели в области устойчивого развития представляют собой инновационное развитие инициатив ООН, сосредоточенных на социальном, экономическом, энергетическом и экологическом блоках. Однако без борьбы за реализацию концепции устойчивого развития не может быть позитивных изменений в решении вопроса гармонизации искусственной и естественной среды обитания человека. На саммите глав государств БРИКС в Сямэне в 2017 г. одной из центральных тем стало обсуждение вопросов устойчивого развития. Как отмечает российский ученый Л. Григорьев, цели устойчивого развития по отдельности хороши, но в совокупности представляют собой сложную комбинацию, потому что они разные по масштабу – к примеру, равенство полов и проблема чистой воды [9].

Столкнувшись с двойными вызовами, связанными с международным финансовым кризисом и климатическим кризисом, а также грядущей научно-технической революцией, страны БРИКС должны не только обеспечить устойчивый рост, но и внести свой вклад в трансформацию образа экономического развития, придавая большое значение охране окружающей среды и концепции устойчивому развитию. Китайский эксперт Чжао Цинсы считает, что в современном мире изменение климата и «низкоуглеродистая экономика» являются основными вызовами глобальному развитию. Именно новые и возобновляемые источники

энергии будут определять разделение труда в новом цикле промышленной революции [20].

В заключение следует отметить, что внутреннее социальное развитие в странах БРИКС отличается. От каждой страны зависит принятие мер по устранению неравенства в обществе, укреплению социальной стабильности и развитию рынка. Являясь крупнейшей развивающейся страной, Китай активно стремится к достижению целей в области устойчивого развития и прилагает важные усилия в таких областях, как энергосбережение, сокращение выбросов и восстановление окружающей среды. Все страны БРИКС также неоднократно заявляли о своей решимости двигаться в направлении устойчивого развития на международном уровне. В ходе саммитов и встреч БРИКС на различных уровнях пять стран участвуют в международном сотрудничестве, руководствуясь принципами устойчивого развития. Участие БРИКС в «Повестке дня устойчивого развития до 2030 года» дает надежду на их реализацию, поскольку страны БРИКС концентрируют основные ресурсы планеты и около половины населения мира.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Energy Outlook 2030 // BP. URL: <https://www.bp.com/content/dam/bp/business-sites/en/global/corporate/pdfs/energy-economics/energy-outlook/bp-energy-outlook-2013.pdf> (дата обращения: 01.01.2020)
2. GDP per capita growth (annual %) // World Bank. URL: <https://data.worldbank.org/indicator/NY.GDP.PCAP.KD.ZG> (дата обращения: 01.01.2020)
3. Public spending on education (Public policies for families and children) // OECD Family Database. URL: https://www.oecd.org/els/soc/PF1_2_Public_expenditure_education.pdf (дата обращения: 01.01.2020)
4. Rio Declaration on Environment and Development // Secretariat of the Convention on Biological Diversity. URL: <https://www.cbd.int/doc/ref/rio->

declaration.shtml (дата обращения: 01.01.2020)

5. **Бай Вэйцзюнь.** “Цзинь чжуань го цзя” фань пинь кунь хэ цзо цзи чжи янь цзю : [Исследование механизма сотрудничества стран БРИКС в борьбе с бедностью] // Цзин цзи ти чжи гай гэ. 2013. № 1. С. 149-153. (на кит. яз.)

6. **Бай Вэйцзюнь.** “Цзинь чжуань го цзя” фань пинь кунь чжэн цэ би цзяо янь цзю : [Сравнительное исследование политики стран БРИКС по борьбе с бедностью] // Сянь дай цзин цзи тань тао. 2012. № 12. С. 88-92. (на кит. яз.)

7. **Васильева Н.А.** ООН: необходимость экологического менеджмента // Известия Тульского государственного университета. Гуманитарные науки. 2010. № 1. С. 139-149.

8. **Горбачева В.** БРИКС: Укрепление партнерства во имя безоблачного будущего // Российская газета. URL: <https://rg.ru/2017/10/30/briks-ukreplenie-partnerstva-vo-imia-bezoblachnogo-budushchego.html> (дата обращения: 01.01.2020)

9. **Григорьев Л.** Цели устойчивого развития и БРИКС // BRICS Information Portal. URL: <http://infobrics.org/post/25856/> (дата обращения: 01.01.2020)

10. Доклад о человеческом развитии 2019 // Программа развития ООН. URL: hdr.undp.org/sites/default/files/hdr_2019_overview_-_russian.pdf (дата обращения: 01.01.2020)

11. «Наше общее будущее» — Доклад Всемирной комиссии по вопросам окружающей среды и развития [доклад Брундтланд] // Генеральная Ассамблея ООН. URL: <https://www.un.org/ru/ga/pdf/brundtland.pdf> (дата обращения: 01.01.2020)

12. О Концепции перехода Российской Федерации к устойчивому развитию // Президент России. URL: <http://kremlin.ru/acts/bank/9120> (дата обращения: 01.01.2020)

13. Путин назвал БРИКС перспективным объединением // РИА Новости. URL: <https://ria.ru/20170905/1501767809.html> (дата обращения: 01.01.2020)

14. **Толорая Г.** Устойчивое развитие и БРИКС. Проблемы выработки стратегии для России // Национальный комитет по исследованию БРИКС. URL: <http://nkibrics.ru/posts/show/53fce0c36272697ee4050000> (дата обращения: 01.01.2020)

15. **Тянь Хуэйфан.** Цзинь чжуань го цзя кэ чи суй фа чжань хэ цзо дэ ю сянь лин юй юй чжэн цэ сюань цзэ : [Приоритетные области и варианты политики для сотрудничества в области устойчивого развития в странах БРИКС] // Го цзи цзин цзи хэ цзо. 2017. № 8. С. 19-23. (на кит. яз.)

16. Форталезская декларация // МИД России. URL: https://brics.mid.ru/document/-/asset_publisher/VmQiT11AUALV/content/fortalezskaa-deklaracia?_101_INSTANCE_VmQiT11AUALV_languageId=ru_RU (дата

обращения: 01.01.2020)

17. **Хмелевская Н.Г.** Контуры диалога БРИКС по устойчивому развитию в реалиях внешнеторговых отношений // Вестник международных организаций. 2018. Т. 13. № 4. С. 74-95.

18. **Ху Чань.** Кэ чи суй фа чжань – вэй у ши гуань шэ хуэй ли ши хэ ли лунь дэ синь фа чжань : [Устойчивое развитие - новое развитие результирующей теории социально-исторического развития исторического материализма] // Цянь янь. 2010. № 11. С. 34-36. (на кит. яз.)

19. Цзинь чжуань го цзя лян хэ тун цзи шоу цэ : [Совместная статистическая публикация БРИКС]. – Пекин: Чжун го тун цзи чу бань шэ, 2018. – 256 с. (на кит. яз.)

20. **Чжао Цинсы.** Цзинь чжуань го цзя юй цюань цю нэн юань чжи ли: цзяо сэ, цэ жэнь юй лу цзин : [БРИКС и глобальное энергетическое управление: роли, обязанности и пути] // Дан дай ши цзе юй шэ хуэй чжу и. 2014. № 1. С. 147-152. (на кит. яз.)

НЕКОНСЕРВАТИВНЫЕ ИДЕИ РОНАЛЬДА РЕЙГАНА

RONALD'S REAGAN NEOCONSERVATIVE IDEAS

КУЗЯКИН Александр Григорьевич — аспирант Высшей школы международных отношений Гуманитарного института, Санкт-Петербургский Политехнический Университет Петра Великого. E-mail: alexander_kuzyakin@yahoo.com

KUZYAKIN Alexander G. - Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University, Saint Petersburg, Russia.
E-mail: alexander_kuzyakin@yahoo.com

Данная статья посвящена неоконсервативным идеям Рональда Рейгана. Для анализа идей, относящихся к данному политическому течению, была предпринята попытка анализа ключевых особенностей и идей консерватизма, а также неоконсерватизма. Кроме того, в данной работе проанализирована внутренняя политика Рональда Рейгана. Отражены основные положения политической деятельности, цели и задачи. Также был проведен анализ соответствия внутренней политики Рональда Рейгана основным положениям неоконсервативного политического течения.

The Research article dedicated to Ronald's Reagan Neoconservative Ideas. To analyze neoconservative approach, information about main characteristics of conservatism and neoconservatism are given. Moreover, this work also dedicated to Ronald's Reagan internal policy, aims and goals. Comparative analysis of Ronald's Reagan internal policy and neoconservative ideas are given.

РОНАЛЬД РЕЙГАН, ВНУТРЕННЯЯ ПОЛИТИКА РЕЙГАНА, КОНСЕРВАТИЗМ, НЕОКОНСЕРВАТИЗМ, НЕОКОНСЕРВАТИВНЫЕ ИДЕИ РОНАЛЬДА РЕЙГАНА

NEOCONSERVATISM, RONALD'S REAGAN INTERNAL POLICY, RONALD'S REAGAN NEOCONSERVATIVE IDEAS

Рональд Рейган — уникальный политический лидер. Его нетривиальная карьера в качестве политика заслуживает большого внимания, а также интереса в рамках нашей дисциплины. Актер, снискавший мировую известность, занимает пост губернатора Калифорнии, а затем избирается на два президентских срока. Данный сценарий для 70-80-ых годов XX века представлялся весьма

нереалистичным, однако, он осуществился. Рейган занял президентский пост в непростое для Америки время: экономический спад, существенный рост уровня инфляции и безработицы. Многие американцы потеряли веру в демократическое управление страной и, впервые за долгое время, стали рассматривать консерваторов в качестве вполне реальной альтернативы.

Кроме того, имя Рейгана часто упоминается в контексте неоконсерватизма. Многие ученые и исследователи считают, что именно он являлся один из основоположников данного политического течения в Америке.

В настоящей работе мы изучим понятие неоконсерватизма, выделим его ключевые особенности и характеристики. Затем мы проанализируем экономическую, а также политическую ситуацию в Америке в период правления Рейгана для того чтобы понять, насколько возможным было появление неоконсервативной политики в тот период. Кроме того, мы изучим особенности внутренней политики, а также ее результаты с целью определения, какие идеи Рональда Рейгана можно отнести к неоконсервативным.

Консерватизм и неоконсерватизм

Учитывая тот факт, что неоконсерватизм является направлением традиционного консерватизма, представляется полезным выделить ключевые особенности и характеристики данных понятий

Под понятием «консерватизм» подразумевается политическая идеология, направленная на сохранение, а также поддержание исторически сложившихся форм как государственной, так и общественной жизни.

Отличительными особенностями консерватизма являются:

- наличие четкой иерархии общества;
- предпочтения в пользу целого, а не частного;

- враждебность по отношению к рационализму, а также индивидуализму;
- важная роль таких институтов, как семья и церковь;
- идея сильного государства [1].

Со временем произошла эволюция идей консерватизма, которая вылилась в появление новых течений данного направления политической мысли. Причинами этому послужило множество факторов. Например, изменения противоположного направления, то есть либерализма. Сегодня принято считать, что идеи об ограниченном вмешательстве государства в экономику страны, а также идеи о свободном саморегулировании рынка принято считать консервативными, хотя раньше они являлись принципиальными для либеральной мысли. В то же время, традиционная в прошлом для консерватизма идея о централизованном регулировании власти стала относиться к либеральному течению.

Как уже отмечалось ранее, в консерватизме существует несколько направлений, а именно, —традиционалистское, либертариистское, а также неконсервативное. В данной работе мы будем рассматривать именно неконсервативное направление ввиду того, что политические идеи Рональда Рейгана относятся к данному направлению.

Одной из ключевых особенностей неоконсерватизма является тот факт, что данное течение соединяет в себе, как либеральные, так и консервативные идеи. Так, например, неоконсерватизм сочетает идеи о свободном регулировании рынка, а также прогрессе с уклоном в сторону традиционных ценностей. Зародилось данное направление примерно в конце 70-х годов XX века. Наибольшую. Популярность получил в Америке и Великобритании [2].

Из активных представителей неоконсерватизма необходимо отметить Кристола, Подгореца, Мойнихена, Хантингтона, Бенуа. Примечательно, что многие неоконсерватисты имели либеральную основу.

Как уже отмечалось ранее, главными идеями неоконсерватизма, направленными на внутреннюю политическую жизнь страны, являются идеи о самостоятельности граждан, самостоятельной регуляции рынка, минимальном вмешательстве государства в экономику и т.д. Неоконсерваторы пытались реализовать идею о том, что человек должен жить самостоятельно, рассчитывать на себя самого. В свою очередь, государство обеспечивает комфортные условия для жизни на основе традиции, идеях о преемственности и правопорядке. Если обратиться к внешнему политическому курсу, то довольно распространенным является силовой метод решения конфликтов. В данном случае главной целью неоконсерватизма является достижения наиболее выгодного для государства экономического, а также политического климата на международной арене с помощью как ненасильственных, так и военных методов решения вопросов с акцентом на последние. Кроме того, невозможным представляется неоконсерватизм во внешней политике без антикоммунистических идей. Однако, важно отметить, что в наше время ученые и исследователи, отдающие предпочтения неоконсерватизму, выступают против силового разрешения конфликтных ситуаций. Они считают, что довольно сложно в реальной обстановке оценить действительную необходимость применения оружия [3].

Неоконсерватизм являлся ответом на остро стоящие вопросы об ослаблении государственного контроля над экономикой, стимулирования предпринимательской деятельности, частного предпринимательства, а также рыночной конкуренции. Кроме того, многие люди отдавали предпочтения неоконсерватизму, так как он выступал за сохранение

традиционных ценностей. Это было особенно актуально в 60-х годах XX века, когда протестные движения с феминистской, антивоенной, а также либеральной повесткой были особенно актуальны. В представлении многих людей данные протесты служили угрозой для стабильности государства, а также могли нанести вред традиционным ценностям.

Далее мы подробнее проанализируем роль государства в неоконсерватизме. Одна из главных особенностей — значительное сокращение государственных функций, особенно социально-экономических. Таким образом сокращается государственный аппарат и увеличивается качество его работы. В свою очередь, это укрепляет позиции государства и усиливает его политическую роль. Кроме того, важной отличительной чертой неоконсерватизма является самостоятельная деятельность местных (региональных) органов управления [4].

С экономической точки зрения можно выделить следующие особенности:

- активное стимулирование предпринимательской деятельности;
- поощрение конкуренции;
- существенное снижение налогов для стимулирования рынка;
- Финансирование преимущественно выгодных для экономики отраслей;
- Инвестиции в науку и технологии.

Таким образом неоконсерватизм продемонстрировал возможность существенных преобразований с акцентом на традиции и ценности прошлого. Благодаря идеям о самостоятельной регуляции многих сфер деятельности, появляется устойчивость к внешним изменениям в социальной, а также экономической сферах.

В современном мире политика неоконсерваторов направлена на решение вопросов образования, культуры, а также общего повышения

уровня жизни. В данном случае главными ценностями становятся духовность и культура.

Безусловно, как и у любого другого политического направления, у неоконсерватизма есть и свои недостатки. Наиболее существенными является сильное расслоение общества и социальная дифференциация [5].

Неоконсервативные идеи Рональда Рейгана

В данной части нашей работы мы рассмотрим и проанализируем основные направления внутренней политики Рейгана. Для того, чтобы сделать это в полной мере, необходимо изучить исторический контекст. Для этого мы проанализируем экономическую ситуацию в Америке до прихода к власти Рональда Рейгана. Это необходимый шаг, поскольку оценка экономической, а также политической ситуации в стране в тот период позволит сделать вывод о том, мог ли появиться неоконсерватизм в Америке того времени.

Многие ученые и эксперты склоняются к мнению, что в 70-х годах XX века экономика США находилась в состоянии упадка. Причин тому было несколько, далее мы перечислим наиболее весомые.

Прежде всего, необходимо отметить тот факт, что в начале 70-х ОПЕК сократил производство, а также увеличил цены на нефть примерно на 8 долларов за баррель. По примерным подсчетам цена барреля нефти за короткий промежуток времени возросла приблизительно в 4 раза. Кроме того, в 1979 году, произошло еще одно возрастание цен: стоимость барреля нефти составила 21 доллар [6].

Повышение цен на нефть привело к увеличению издержек производства на единицу продукции для большинства производителей. В свою очередь, это привело к росту цен и сокращению объемов производства, а также сокращению рабочих мест. Однако, в то же время, некоторые штаты, например, Техас и Луизиана стали получать большие

прибыли ввиду того, что именно там была сосредоточена нефтяная промышленность страны.

Заметные экономические изменения наступили не только внутри страны, но и на международных валютных рынках. Так стоимость доллара на мировой арене за 8 лет понизилась примерно на 40%, что усилило инфляцию ввиду роста издержек производства.

Из негативных следствии стагнации и застоя экономики США в 70-х годах мы можем выделить следующее:

- замедление темпа экономического развития;
- уменьшение роста производительности труда;
- замедление темпа научно-технического прогресса;
- увеличение уровня безработицы;
- уровень инфляции возрос практически до 13%;
- уменьшение уровня жилищного строительства;
- приблизительно 8 миллионов увольнений к 1980 году;
- резкое повышение ставок по банковским кредитам;
- неэффективные меры регулирования экономики.

Перечисленные выше причины экономического упадка в стране привели к падению рейтинга президента Джимми Картера. В свою очередь, данный факт повлиял на активное выдвижение на президентский пост республиканцев: свои кандидатуры предложили Рейган, Коннелли, Крейн, Буш, Бейкер и другие [7].

Рональд Рейган начал активную политическую деятельность. В скором времени после избрания на пост президента он предложил программу экономического восстановления после событий 70-х годов XX века. Из основных пунктов данной программы мы можем выделить следующие:

- меры по созданию новых рабочих мест;

- реформа сокращения федеральных расходов;
- уменьшение налогообложения на личный доход граждан до 10% на 3 года.

Необходимо отметить, что основные пункты данной программы были представлены в документе под названием «Новое начало для Америки. Программа экономического возрождения». Одним из важнейших пунктов данной программы являлась идея о восстановлении прежних позиций, а также статуса США в мире [8].

Экономическая политика Рейгана носила название «рейганомика». Далее мы предпримем попытку выделить ключевые особенности данного подхода:

- уменьшение вовлеченности государства в экономическую деятельность страны;
- сокращение налогообложения;
- уменьшение расходов правительства;
- сокращение денежных средств как мера борьбы с инфляцией.

Безусловным нововведением был факт меньшей вовлеченности государства в экономику страны, например, уменьшение регулирующих функций. Вместо этого, силы государства направлены на обеспечение кредитно-денежных условий, комфортных для развития частного бизнеса и улучшения работы рыночного механизма.

Экономическая программа Рональда Рейгана была рассчитана на то, чтобы научить население Америки рационально потреблять ресурсы, снизить уровень безработицы в стране, а также на активные инвестиции в частный сектор. Важной особенностью данного подхода является акцент деятельности государства на активном стимулировании предложения, а также частных капиталовложений. По мнению аппарата президента Рейгана данные решения должны были способствовать повышению

конкурентоспособности отраслевой экономики, обновлению старых предприятий, а также стимулированию роста научно-технического прогресса.

Важным направлением деятельности рейганомии являлась реформа дерегулирования. Под данным термином подразумевается перераспределение регулирующих функций государства внутри иерархии для стимулирования частного бизнеса и предпринимательской деятельности. Одной из конкретных мер данного подхода была отмена контроля уровня минимальной заработной платы, уменьшение влияния на стандарты, связанные с очисткой воды и воздуха промышленными и строительными компаниями, а также ценообразования нефти, добываемой в США. Кроме того, был предпринят ряд мер по сокращению кадров государственного аппарата, а также расходов на его содержание. Важным этапом дерегулирования являлись мероприятия по децентрализации системы государственного управления. Теперь все штаты, а также местные органы власти самостоятельно принимали решения по регулированию расходов. Данные меры должны были привести к ликвидации дефицита бюджетных средств, а также перераспределению финансов в угоду военным программам [9].

Также любопытно отметить, что не все изменения президента встречались единогласным одобрением. В качестве примера можно привести неодобрение политики налогообложения Конгрессом: предполагалось, что изначально, в 1981 году сокращение налогов достигнет 5%, а затем, к 1983 году, достигнет 10%.

Безусловно важной основной политического курса Рональда Рейгана, а также его внутренней политики являлась концепция предложения.

Концепция предложения подразумевает смещение акцентов с частных, а также государственных расходов на накопление сбережений и

сокращение спроса потребителей. При таком подходе главным инструментом правительства по влиянию на экономику становится налогообложение. Под этим подразумевается постепенное и планомерное снижение налогов, а также сокращение ставок на прибыль корпорации и частные доходы с целью уменьшения роста инфляции [5].

Кроме того, концепция предложения подразумевает сокращение государственных расходов, а это, как уже отмечалось ранее, наилучшим образом вписывается в политическую компанию Рональда Рейгана. В 1981 году был принят закон о налогообложении. Из основных положений данного закона можно выделить следующие:

- уменьшенное налогообложение на инвестиции;
- уменьшение подоходного налога на 23%;
- сокращение на 20% (с 70% до 50%) максимальной налоговой ставки на доходы от капитала.

Предполагалось, что в течение 5 лет данные меры должны были сократить поступления федерального бюджета приблизительно на 750 миллиардов долларов. Кроме того, считалось, что описанные выше экономические меры должны были решить проблемы с безработицей, а также привить американцам идею о рациональном сбережении и инвестировании. В перспективе данный подход должен был привести к экономическому росту, увеличению производительности труда, конкурентоспособности, так же росту научно-технического прогресса [7].

В результате сценарий не был столь утопическим. Предполагалось, что в период с 1981 по 1985 годы рост ВВП составит 3,8%. Реальный рост ВВП составил 2,4%. Кроме того, не была решена проблема с безработицей. Безусловно, заметно увеличился среднегодовой показатель роста производительности труда по сравнению с 70-ми годами XX века (с 0,6%

до 0,9%). Однако, необходимо отметить, что в послевоенный период данный показатель составлял 1,9%.

Характерной особенностью мер Рейгана по восстановлению экономики являлся тот факт, что она ориентировалась преимущественно на накопления, а также на более состоятельную часть населения и военные программы. Как уже отмечалось выше, в подтверждение этих слов один из первых указов Рейгана был документ, отменяющий контроль государства за ценами на нефть, а также бензин.

Следующим шагом политики Рональда Рейгана было принятие закона о снижении подоходных налогов на 25% в течение следующих нескольких лет. Кроме того, были предприняты меры по сокращению федеральных расходов на социальные услуги. Аппарат президента надеялся, что данные меры также приведут к улучшению экономической ситуации в таких конкретных пунктах, как сокращение безработицы, рост инвестиций в производство, увеличение национального продукта, а также получение правительством большего налогового дохода.

В сфере социальной политики также принимались меры. Была осуществлена программа разделения функций разделения федеральных и местных органов власти. Федеральные органы управления должны были заняться реализацией программ талонов на питание, а также помощи многодетным семьям. За остальные социальные программы теперь отвечали местные органы управления. С этой целью был создан фонд их финансирования [10].

За первые несколько лет в качестве президента Рейгану удалось достичь снижения уровня инфляции до 4%. Уровень безработицы снизился на 2% (с 10% до 8%). Кроме того, были снижены процентные ставки, что заметно облегчило возможность покупки недвижимости и автомобилей.

Но также были и негативные последствия. Так, сокращение налогообложения не привело к существенному росту инвестиций. Также остро стояла проблема увеличения дефицита государственного бюджета из-за расходов на военные программы (приблизительно до 200 миллиардов долларов).

В то же время было обеспечено приблизительно 17 миллионов рабочих мест. В данном случае речь идет в основном о сфере услуг. Уровень безработицы составил 5%. Любопытно отметить, что это самый низкий уровень за период после 1973 года. Объем валового национального продукта, а также продуктов производства на момент 1989 года увеличился приблизительно на 28% по сравнению с 1979 годом. То же самое можно сказать и про уровень личного потребления: он возрос примерно на треть за аналогичный период. Можем предположить, что в основном это стало возможно благодаря увеличению рабочих мест.

Проанализировав данные, мы можем заключить, что наибольшему сокращению и урезанию подверглись программы, имеющие прямое отношение к бедным слоям населения. В данном случае речь идет о сокращении пособий для матерей-одиночек, а также отмене продовольственных карточек. Социальные программы, предназначенные для среднего слоя населения, остались практически без изменений, также, как и пенсионное страхование.

Также, необходимо отметить, что дефицит государственного бюджета Америки составил примерно 152 миллиарда долларов. Кроме того, возрос уровень расходов по сравнению с доходами (приблизительно 5% от ВВП). Аналогичные показатели составляют и расходы по обслуживанию государственных долгов [11].

Одной из главных проблем экономической политики Рейгана являлся факт того, что произошло колоссальное расслоение общества. В

данном случае мы говорим о том, что в 80-е годы XX века доходы зажиточных слоев населения, которые составляли примерно 1% от всех американцев увеличились практически в два раза. В это же время доходы 70% американского населения либо не изменились, либо увеличились незначительно. Показатель валового национального продукта на душу населения позволил занять Америке лишь 10 место в мировом рейтинге. На наш взгляд, любопытно отметить, что в середине 60-х годов XX века США занимали первое место в мире по данному показателю. Кроме того, в 80-е средняя заработная плата населения Америки была самой низкой за последние 30 лет.

Кроме того, есть ряд неоднозначных итогов, которые мы приведем ниже. Результатами экономической политики Рейгана является тот факт, что богатые и зажиточные слои населения увеличили свои доходы. Так, 20% богатого населения увеличили свои доходы на 8,7%. В то же время аналогичное количество бедных американцев стали получать на 7,6% меньше. Однако общий показатель качества жизни, а также доходы населения возросли. Также необходимо отметить факт, что количество людей, нуждающихся в государственной поддержке сократилось на 332 тысячи человек. В то же время затраты на государственные программы поддержки населения возросли на 30%.

Обратившись к статистическим данным, мы можем заключить, что за первые несколько лет президентства Рональда Рейгана наступили следующие изменения:

- приблизительно 34 миллиона человек находились за чертой бедности;
- 12 миллионов человек безработного населения;
- повышение налога на социальное страхование;
- уменьшение показателя ВВП;

- почти в два раза уменьшился уровень инфляции (с 12% до 6,1%).

Безусловно нельзя говорить, что все вышеперечисленные негативные пункты — это вина Рейгана и его аппарата. Необходимо учитывать контекст затяжного экономического спада, который происходил в 70-е года. Рейган занял пост президента страны с большим количеством экономических проблем, которые невозможно было решить за несколько первых лет правления. Тем не менее, все упомянутые выше факты негативно сказались на итогах выборов в конгресс в 1982 году. Тогда республиканская партия лишилась 26 мест в палате представителей. Кроме того, партия потеряла 7 губернаторских постов по всей стране. Считаем полезным отметить, что личный рейтинг Рейгана также значительно снизился (с 52 процентов в 1981 году до 35% в 1983 году) [8].

В 1984 году Рейган повторно баллотировался на пост президента и одержал победу большинством голосов с результатом в 58,77%. Кроме того, республиканцы сумели заполучить 14 мест в палате представителей и 4 губернаторских поста, а также лишиться 2 мест в сенате.

Все же мы можем говорить о том, что внутренняя политика Рональда Рейгана оказала положительное воздействие на экономическую ситуацию в стране. Так, в 1983 году министерство труда Америки заявило о снижении уровня безработицы в стране. Обратившись к показателю ВВП, мы можем заметить ощутимый рост. В первые три месяца 1983 года он увеличился на 3,3%. Но самое примечательное, что дальше рост данного показателя увеличился до 9,4%. Таким образом, рост показателя валового национального продукта за 1983 год составил 7,6%, что является успешным результатом, учитывая контекст экономического спада. К 1988 году индекс инфляции сократился до 4,5%. Было создано 18 миллионов рабочих мест [10].

В нашей работе мы уже проанализировали ключевые особенности неоконсерватизма. Также мы изучили основные пункты внутренней политики Рональда Рейгана и проанализировали экономическую и политическую ситуацию в стране. Это были необходимые шаги, поскольку далее мы выясним, какие идеи Рейгана можно отнести к неоконсерватистским.

Анализ внутренней политики президента Рейгана показал, что большая часть политической деятельности относится к неоконсерватизму. Это мы можем наблюдать, например, в желании Рейгана ослабить государственный контроль над экономикой. Прежде всего, неоконсерваторской повестке соответствуют меры Рональда Рейгана по снижению государственного контроля цен на нефть и топливо. Кроме того, сниженное налогообложение, а также активное стимулирование предпринимательской деятельности также соответствуют исследуемому нами политическому течению, ведь, как отмечалось ранее, неоконсерватизм предполагает самостоятельность людей, а также их умение рассчитывать на себя. Кроме того, экономическая политика Рейгана опиралась на концепцию предложения, что также подходит под неоконсерватизм.

Также неоконсерватистские идеи мы можем наблюдать в мерах Рейгана по децентрализации власти, а также стимулировании региональных органов управления.

Все меры Рейгана по изменению государственного аппарата были направлены на его разгрузку и улучшение эффективности. Это мы можем наблюдать и в политике по отношению к социальным программам поддержки населения, что опять же соответствует неоконсерватизму.

Рейган делал большую ставку на инвестиции в военные программы. Мы можем видеть это по экономическим мерам, а также по темпу роста

вооружения в стране. Одна из причин — это использование вооружения как политического инструмента на международной арене. Как уже отмечалось ранее, неоконсерватизм во внешней политике также предполагает акцент на военном вооружении, а также силовом методе разрешения конфликтных ситуаций [12].

Политика Рональда Рейгана способствовала существенному классовому расслоению. Как отмечалось ранее, богатые слои населения смогли увеличить свои доходы, в то время как все остальные либо не изменили уровень своего дохода, либо вообще уменьшили. Кроме того, не стоит забывать, что по итогам первых нескольких лет правления президента Рейгана приблизительно 34 миллиона человек находились за чертой бедности. В первой главе мы проанализировали некоторые важные проблемы неоконсерватизма — социальную дифференциацию, а также расслоение общества.

Также полезным представляется проанализировать достаточно популярное событие, связанное с негативными последствиями внутренней политики Рональда Рейгана. В данном случае речь идет о забастовке авиадиспетчеров.

Важной причиной данного события являлись долгие переговоры, а также обещание правительства об увеличении резерва, предназначенного для зарплат авиадиспетчеров на 40 миллионов долларов. Однако, представители профсоюзов без объяснимой на то причины потребовали увеличить данную прибавку в значительное количество раз, претендуя на 681 миллион долларов.

Правительство не могло согласиться на такие условия. Рейган лично обратился к бастующим. Он напомнил им, что сам состоял в профсоюзе и принимал участие в забастовках, но в данном случае позиция авиадиспетчеров — это прямое нарушение закона. Рейган был

непреклонен и дал двое суток авиадиспетчерам для того, чтобы ты прекратили забастовку и вернулись к своим обязанностям, иначе последуют увольнения и привлечения к ответственности.

По итогам данного решения 11 тысяч диспетчеров отказались от выполнения требований и были уволены. 5 тысяч диспетчеров прекратили забастовку и вернулись к своим обязанностям. Тем не менее, правительству удалось чуть больше чем за неделю восстановить 70% авиасообщений с помощью привлечения военных, а также пенсионеров [8].

В качестве итога данного события можно говорить о том, что Рейган продемонстрировал способность власти справиться с публичными выступлениями граждан без урона для имиджа. Забастовка являлся результатом неэффективной социально-экономической политики. Многие специалисты и консультанты рекомендовали Рейгану отказаться от обещаний уменьшения подоходного налога, так как они предполагали, что для выполнения, данного обещания правительству придется дополнительно сократить свои доходы до 90 миллиардов долларов. Для достижения данной цели необходимо было уменьшить финансирование военных программ иначе к 1984 году дефицит бюджета составил бы 100 миллиардов долларов. В итоге 22 октября 1981 года государственный долг Америки составил 1 триллион долларов. Президент Рейган проигнорировал опасения специалистов, так как считал, что остро стоящим вопросом для всего населения США на данный момент является проблема национальной безопасности страны [11].

Таким образом, поведение Рейгана при разрешении данного конфликта также можно отнести к неоконсерватизму: непоколебимость авторитета власти, неготовность идти на уступки радикально настроенных масс, а также жесткие санкции по отношению к протестующим.

Кроме того, для развития неоконсервативных идей был достаточно благоприятный климат. Как мы помним, в Америке 70-ых годов XX века наблюдался существенный спад экономики. Такие проблемы, как инфляция и безработица стояли как никогда остро. Кроме того, после правления президента Картера люди разочаровались в либеральных идеях, а достаточно радикальные массы, выступающие с активными протестами также склоняли Америку к идеям о преодолении кризиса с акцентом на сохранение традиционных ценностей.

В заключении необходимо сказать, что многие ученые и исследователи до сих пор не могут однозначно решить, была ли внутренняя политическая деятельность Рейгана успешной. Если рассматривать ситуацию глобально, то можно сделать вывод о том, что политические меры сработали: уровень безработицы заметно снизился, замедлился темп роста инфляции. Кроме того, появились и новые рабочие места. С другой стороны, политический курс Рейгана мало учитывал потребности бедного населения, а также среднего класса: в то время, как богатые слои населения смогли улучшить свое материальное положение, доходы остальных либо не изменились, либо уменьшились. К данному факту также следует добавить уменьшение финансирования социальных программ.

Безусловно, нельзя говорить, что политика Рейгана по внутренним вопросам Америки оказалась провальной. Важно учитывать, что Рональд Рейган пришел к власти в тот момент, когда в стране наблюдался сильный экономический спад, плавно превращающийся в кризис.

Еще одним неоднозначным решением является колоссальное финансирование военных программ, которое привело к дефициту бюджета, а также увеличению долгов страны. Конечно, поддержка военных программ является стандартной для консерваторов, но Рональд

Рейган занимался развитием данной сферы в ущерб всем остальным. По его мнению, вопросы национальной безопасности в тот момент времени были более актуальными, чем все остальные. Примечательно, что многие американцы с ним не согласятся.

Кроме того, наращивание военной мощи плавно подводит нас к вопросу внешней политики Рейгана. Данный вопрос является достаточно глобальным и комплексным. Внешний политический курс также оставляет большинство исследователей равнодушными. Именно поэтому он заслуживает отдельной работы. В будущем можно исследовать такие вопросы, как использование ядерного оружия в качестве инструмента политической деятельности, отношения Америки с СССР, безусловно, вопрос Холодной Войны и многие другие.

По итогу мы можем говорить, что политический курс Рональда Рейгана соответствовал практически всем идеям неоконсерватизма. Политическая деятельность президента была направлена на саморегуляцию рынка, ослабление государственного контроля над экономикой, стимулирование предпринимательской деятельности, а также самостоятельной жизни граждан. Кроме того, на международной политической арене акцент делался на военную мощь и создание благоприятного с точки зрения экономики и политики климата для Америки.

Также при анализе неоконсервативных идей Рональда Рейгана необходимо учитывать общую политическую, а также экономическую обстановку в стране в тот период. В данном случае речь идет об экономическом упадке, инфляции и безработицы. Кроме того, важно учитывать, что американцы были не рады результатами либеральной политики прошлого президента и впервые за долгое время рассматривали консервативные идеи в качестве реальной альтернативы.

В дальнейшем можно предпринять попытку изучения эволюции международной политики Рейгана, а также ее взаимосвязь с неоконсерватизмом.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Исследуя феномен консерватизма: сайт/ Elibrary. — Москва, 2003. — URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=5078700> (дата обращения: 12.06.2020).
2. Внешнеполитическая идеология и практика американского неоконсерватизма: сайт / Dissercat. — Москва, 2019. — URL: <https://www.dissercat.com/content/vneshnepoliticheskaya-ideologiya-i-praktika-amerikanskogo-neokonservatizma> (дата обращения: 01.06.2020).
3. Политико-психологический подход к изучению консерватизма: обоснование и структура анализа: сайт / CYBERLENIKA. — Москва, 2007. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/politiko-psihologicheskiiy-podhod-k-izucheniyu-konservatizma-obosnovanie-i-struktura-analiza> (дата обращения: 12.06.2020).
4. Консерватизм и либерализм: метаморфозы консенсуса: сайт / Politstudies/ — Москва, 2006. — URL: <https://www.politstudies.ru/article/3612> (дата обращения: 12.06.2020).
5. Консерватизм и либерализм: тождество и различие: сайт / Politstudies/ — Москва, 2005. — URL: <https://www.politstudies.ru/article/3750> (дата обращения: 12.06.2020).
6. Дебаты в политической системе США: сайт / CYBERLENIKA. — Новосибирск, 2011. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/debaty-v-politicheskoy-sisteme-ssha> (дата обращения: 12.06.2020).
7. Экономические программы президентов США: сайт / CYBERLENIKA. — Москва, 2005. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ekonomicheskie-programmy-prezidentov-ssha> (дата обращения: 12.06.2020).
8. Рейгановская революция: теория и практика американского консерватизма 1981-1988 гг.: сайт / Dissercat. — Москва, 1998. — URL: <https://www.dissercat.com/content/reiganovskaya-revolyuetsiya-teoriya-i-praktika-amerikanskogo-konservatizma-1981-1988-gg> (дата обращения: 12.06.2020).
9. Президент Рональд Рейган и система кабинетного правления: сайт / CYBERLENIKA. — 1997. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/prezident-ronald-reygan-i-sistema-kabinetnogo-pravleniya> (дата обращения: 12.06.2020).
10. Попытки реформирования американской системы государственного вспомоществования в 1980-е годы администрацией Р. Рейгана: сайт / CYBERLENIKA. — Москва, 2010. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/poputki-reformirovaniya-amerikanskoy-sistemy->

gosudarstvennogo-vspomoshchestvovaniya-v-1980-e-gody-administratsiey-r-reygana (дата обращения: 12.06.2020).

11. Трансформация американского консерватизма на рубеже 1980-1990-х годов: дискуссия по социально-культурным вопросам: сайт / CYBERLENINKA. — Москва, 2010. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/transformatsiya-amerikanskogo-konservatizma-na-rubezhe-1980-1990-h-godov-diskussiya-po-sotsialno-kulturnym-voprosam-1> (дата обращения: 12.06.2020).

12. США как мировой лидер: реалии, теории, перспективы: сайт / CYBERLENINKA. — Волгоград, 2018. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ssha-kak-mirovoy-lider-realii-teorii-perspektivy> (дата обращения: 12.06.2020).

Глава 3

**ИСТОРИЯ
ЕСТЕСТВОЗНАНИЯ И
ТЕХНИКИ В КОНТЕКСТЕ
ФИЛОСОФИИ НАУКИ**

УДК 001.5

G. S. Levit, U. Hossfeld, T. Junker

**ТЕОРИИ ЭВОЛЮЦИИ И ИХ ИСТОРИЯ В ПЕРСПЕКТИВЕ
ФИЛОСОФИИ НАУКИ**

**THEORIES OF EVOLUTION AND THEIR HISTORY FROM THE
PHILOSOPHY OF SCIENCE PERSPECTIVE**

LEVIT Georgy S. — Dr. rer. nat. habit, Privat-Dozent, Research Group for Biology Education, Institute for Zoology and Evolutionary Research, Faculty of Biological Sciences, Friedrich Schiller University Jena, Am Steiger 3, Bienenhaus, 07743 Jena, Germany.
E-mail: georgelevit@gmx.net.

HOSSFELD Uwe — Dr. rer. nat. habit, Professor, Research Group for Biology Education, Institute for Zoology and Evolutionary Research, Faculty of Biological Sciences, Friedrich Schiller University Jena Am Steiger 3, Bienenhaus, 07743 Jena, Germany.
E-mail: georgelevit@gmx.net; uwe.hossfeld@uni-jena.de.

JUNKER Thomas — Dr. rer. nat. habit, Professor, Fakultät für Biologie, Universität Tübingen, Auf der Morgenstelle 5, 72076 Tübingen. E-mail: mail@tjunker.de.

Corresponding author: georgelevit@gmx.net.

Эволюционная теория — это развивающаяся, динамическая теоретическая система. Первая попытка создать полноценную научную теорию эволюции была предпринята Жаном Батистом Ламарком в начале XIX века. Однако, не Ламарк, а Чарльз Дарвин считается основателем современного эволюционизма, поскольку именно Дарвин в середине XIX века, на основе огромного эмпирического материала, сформулировал ряд базовых принципов теории эволюции и сегодня составляющих ядро эволюционной теории. Тем не менее, современная теория эволюции не сводима к дарвинизму самого Дарвина. В к середине XX века возникла так называемая Синтетическая Теория Эволюции (СТЭ), обогатившая эволюционную теорию принципами популяционной генетики и объединившей различные биологические дисциплины вокруг принципа эволюционизма. К концу XX века сложился новый комплекс эволюционных теорий, получивший условное название Расширенного Синтеза. Расширенный Синтез вобрал в себя ультрасовременные теории, такие как теория эпигенеза и эволюционная биология развития.

В статье кратко воспроизводится история эволюционной теории начиная от её истоков и до ультрасовременных концепций. Целью является описание динамики дарвинизма как теоретической системы в перспективе философско-научных проблем. В работе защищаются два основных положения. Первое заключается в том, что дарвинизм это не просто одна из множества научных теорий, но одна из мировоззренческих основ современной западной цивилизации. Именно поэтому

дарвинизм оказывается в центре креационистских дебатов, инициированных консервативными религиозными кругами, прежде всего сторонниками евангеликальских учений в США. Второе положение заключается в том, что для описания динамики эволюционной теории начиная с Дарвина лучше всего подходит учение Имре Лакатоса об исследовательских программах, но не в «чистом» виде, а с элементами марксистско-гегелевской диалектики.

Evolutionary theory is a complex, dynamic theoretical system. First attempt to establish a holistic scientific and empirically based theory of evolution was undertaken by Jean Baptiste Lamarck at the beginning of the 19th century. Yet it was Charles Darwin who is regarded as a founder of modern evolutionism. In the mid-20th century Darwin formulated a series of compelling scientific principles, which until today constitute the core of evolutionary theory. Nevertheless, modern evolutionary theory is not reducible to Darwin's own Darwinism. To the mid-20th century a so-called Synthetic Theory of Evolution (STE) enriched and partly replaced the classical Darwinism. The STE enriched evolutionary theory by the principles of population genetics and united various biological disciplines under the umbrella of Darwinian evolutionism. Several concepts supported by Darwin such as the inheritance of acquired characters were rejected by the STE. To the end of the 20th century the STE developed itself into a new theoretical system known as the Extended Evolutionary Synthesis, which embraced ultra-contemporary concepts such as epigenesis or evolutionary developmental biology (evo-devo).

The paper briefly recapitulates the history of evolutionary theory beginning with its roots and ending with ultra-contemporary concepts. Its major objective is to outline the dynamics of Darwinism as a theoretical system in the light of the philosophical issues. The paper pushes forward two major claims. First claim is that Darwinism is not merely one of many scientific theories, but one of the foundations of the modern Western civilization. It is because of this Darwinism is central for debates initiated by conservative religious circles, first of all by American evangelicals. Our second claim is that the dynamics of evolutionary theory can be best described in terms of the Lakatosian research programmes, though not in their "pure" form, but rather mixed with elements of Marxian-Hegelian dialectics.

БИОЛОГИЧЕСКАЯ ЭВОЛЮЦИЯ, ЭВОЛЮЦИОННАЯ ТЕОРИЯ, ДАРВИНИЗМ, ЛАМАРКИЗМ, КРЕАЦИОНИЗМ, ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЕ ПРОГРАММЫ

BIOLOGICAL EVOLUTION, EVOLUTIONARY THEORY, DARWINISM, LAMARCKISM, CREATIONISM, RESEARCH PROGRAMMES

Когда 24 ноября 1859 года появилась объёмистая книга с пространным заголовком «О происхождении видов путём естественного отбора или сохранении благоприятствуемых пород в борьбе за жизнь», только немногие современники догадывались, какие она вызовет духовные потрясения. Её автор — английский натуралист Чарльз Дарвин — более 20 лет не решался обнародовать свои мысли. Он справедливо опасался, что современники не примут его революционную теорию, и старался

подкрепить её как можно большим объёмом данных. В январе 1844 года он доверился своему другу Джозефу Дальтону Гукеру: «Наконец наступил проблеск, и я почти убедился (полностью противоположно тому мнению, которого я придерживался ранее), что виды (это напоминает признание в убийстве) не являются неизменными» [1, р. 2].

В последующие десятилетия теория Дарвина потрясла до основания и традиционное представление о человеке [2]. Фрейд приводил её в качестве примера одной из самых больших обид, которые наука нанесла наивному самомнению человека. Всего, по его мнению, таких обид было три. Первая из них восходит к трудам Коперника, в результате которых люди осознали, что «наша Земля является не центром Вселенной, а крошечной частью настолько огромного мира, что его величину трудно себе представить». Вторую обиду нанесли биологические исследования, которые «разрушили мнимую привилегию творения человека и доказали, что он произошёл от животных и сохраняет неистребимую животную сущность». Фрейд не забыл при этом указать на то, что такая «переоценка [...], которая произошла под влиянием Ч. Дарвина, Уоллеса и их последователей, осуществлялась при сильном сопротивлении современников». Третьей обидой «сильной болезненной страсти человека» Фрейд назвал психоанализ, которым он «доказал, что человек даже не является хозяином в собственном доме, а предоставлен скудным известиям от того, что неосознанно происходит в его душе в течение всей его жизни» [3, р. 94—5].

Не меньше проблем для самомнения человека создали попытки практического применения эволюционной теории. В 1949 году американский палеонтолог Джордж Гейлорд Симпсон писал: «Возможности человека влиять на направление собственной эволюции, определяют его ответственность заняться этим и сделать это наилучшим

образом» [4, p. 325, 330]. Того же мнения придерживался Джеймс Уотсон, один из авторов открытия структуры наследственного материала (ДНК). Он выступил за то, чтобы вмешаться в эволюцию человека «когда это возможно, поскольку таким путём мы можем сделать человеческое существование здоровее и разумнее» [5].

В настоящее время теория Дарвина и её следствия всё ещё продолжают оставаться противоречивыми и волнующими темами науки. Кроме них очень немногие области так же глубоко отражают современное мировоззрение и так же сильно влияют на фундаментальное изменение культурных ценностей. Недаром противостояние между так называемыми «научными креационистами» (сторонниками иррационального антинаучного религиозного скептицизма) и наукой вращается по преимуществу вокруг эволюционной теории (в некоторой степени оно затрагивает и геологию с космологией, но основное поле битвы — эволюционизм) [6; 7]. В США этот конфликт выразился в более чем полувековой истории судебных тяжб между сторонниками креационизма и буквалистского толкования Библии и светскими образовательными учреждениями [8]. Это противостояние показывает, что эволюционная теория для современной западной цивилизации — это не просто одна из научных теорий, а один из источников научного мировоззрения, которое, в свою очередь, является одним из столпов этой самой цивилизации.

Рис. 1. Чарльз Дарвин в 1840 г.. Рисунок Джорджа Ричмонда, Университетская Библиотека Кембриджа.

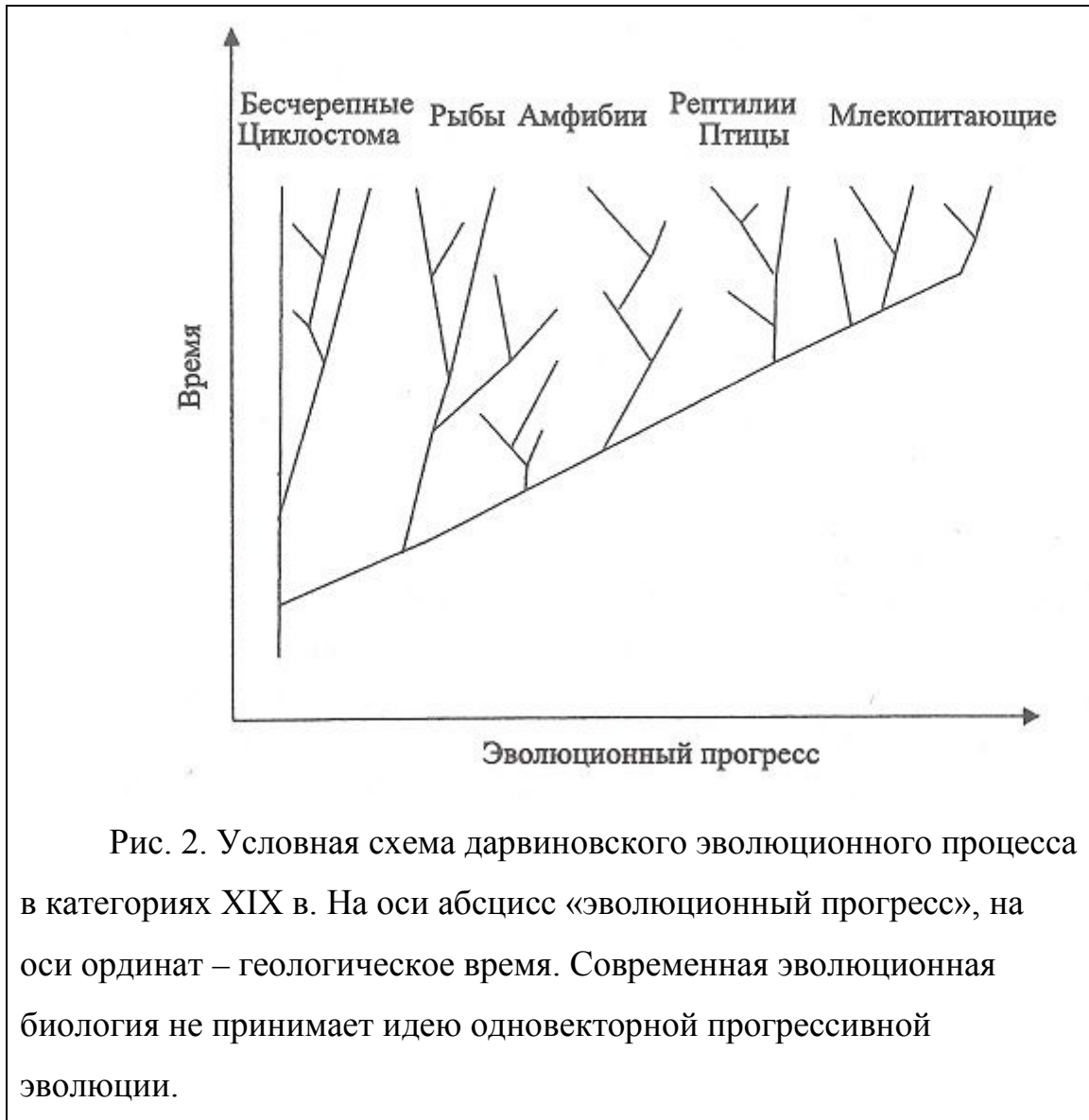
Эволюция: факты истории

Хотя неприятие эволюционной теории в значительной степени обусловлено мировоззрением, в ней были и есть — как и в любой другой области науки — спорные вопросы. Отчасти они являются следствием трудностей прямого наблюдения эволюции. Хотя, конечно, уже во времена Дарвина эти трудности были в значительной мере преодолены, поскольку животноводы и растениеводы доказали, что определённые породы домашних животных (например, собаки и голуби) в историческое время поразительно сильно изменились. Если речь идёт и филогенетической истории целых групп животных на протяжении длительных промежутков времени, то соответствующее экспериментальное доказательство

невозможно, и нам остаётся довольствоваться косвенными свидетельствами (например, находками ископаемых). Но при этом эволюция организмов является не гипотетическим предположением, а, как констатировал немецкий философ Хуго Динглер, «историческим фактом, который является достоверным в той же мере, что и любые другие факты истории, как, скажем, поход Александра, появление Альп, возникновение христианства и т.п., которые методически могут быть установлены только на точно таких же принципах» [9, р. 232]. То, что в случае эволюции речь идёт об исторических фактах, не может оспариваться никаким образованным и непредвзятым человеком [10, р. 15], и в этом единодушны все теоретики эволюции и биологи (например, [11, р. 17—77; 12, р. 139; 13, р. 162]). Но при этом о механизмах и деталях исторического развития живого имеется множество гипотез и теорий. Реконструкция прошлого часто остаётся временной и спекулятивной из-за неполных и часто противоречивых данных палеонтологии, сравнительной анатомии, биогеографии, систематики и генетики [2; 14, 15; 16]. В целом, эволюционную теорию удобно разделять на две составляющие: эволюция как исторический факт (сам факт эволюционного развития, филогенез) и факторы эволюции, т.е. механизмы приводящие в движение эволюционную машину.

Сочетание различных факторов эволюции (например, естественный отбор, изотропические мутации, рекомбинация, изоляции, «волны жизни» и т.д.) может являться предметом обсуждения в науке. То, что естественный отбор, мутации и т. п. существуют и в состоянии изменить биологический вид, то есть привести к эволюции, является в настоящее время установленным фактом. Спорным всегда остаётся то, какое значение имеют отдельные факторы, как они взаимодействуют и существуют ли ещё какие-нибудь помимо них. Когда Дарвин опубликовал свою знаменитую

книгу «Происхождение видов», доказательства ещё не были такими ясными, и потребовались множество дискуссий и эмпирических исследований, чтобы доказать правильность его тезисов. К тому же нужно учитывать, что Дарвин не имел ни малейшего представления о механизмах наследственности, законах генетики, эпигенетических механизмах и других достижениях науки XX и XXI вв.

Мировоззренческое противостояние

Современная наука исходит из того, что все свойства реальности космологического, геологического, биологического или психологического

свойства должны рассматриваться как результат действия естественных сил. Эта позиция ставит под вопрос традиционные элементы веры, прежде всего буквалистские (литералистские) христианские догмы. Под библейским литературализмом подразумеваются попытки буквального прочтения Библии, в особенности Книги Бытия, отрицание её метафорической природы. Теологи основных христианских конфессий современного мира (православие, католицизм и протестантизм) как правило отмежевываются от такого подхода характерного в основном для евангеликальских общин США, хотя и в РФ были попытки создания «православной биологии» [17, с. 76]. Главными положениями современного религиозного консерватизма, основанного на библейском литературализме, являются следующие [2]:

1. *Творение и неизменность мира*: согласно буквальному толкованию библейского предания, Бог сотворил мир, который мы сейчас видим, включая растения, животных и людей, за 6 дней. Этот мир остаётся в общих чертах неизменным, если не считать мелких нарушений (наводнений, извержений вулканов). Постоянство свойственно также биологическим видам (в некоторых вариантах — классам или типам живого). Их приспособления к окружающей живой и неживой среде абсолютно совершенны, поскольку виды были задуманы всемогущим творцом. Эволюционная теория, напротив, исходит из того, что мы живём в постоянно меняющемся мире, даже если его изменения осуществляются так медленно, что они не доступны прямым наблюдениям.

2. *Небольшой возраст Земли*: если руководствоваться консервативными христианскими верованиями, то следует считать Вселенную исключительно молодой — её возраст должен быть всего несколько тысячелетий. Но уже во времена Дарвина большинство образованных людей считало, что возраст Земли измеряется миллионами

лет. В дальнейшем по мере того, как геологи определяли масштабы изменений земной поверхности, оценка возраста Земли увеличилась до 4—5 миллиардов лет.

3. *Вера в чудеса*: по креационистским представлениям Бог не только сотворил мир, в котором мы живём, но продолжает вмешиваться в процесс биологической эволюции. Руководствуясь этим соображением, многие палеонтологи-креационисты полагали, что Бог в начале каждой геологической эпохи заново создавал виды или целые фауны и флоры. Так называемая специальная теория творения предполагает, что Творец (в ультрасовременных креационистских теориях — абстрактный «дизайнер») создавал отдельно виды или «типы» живых существ. Возможность этих сверхъестественных событий отвергается эволюционной биологией. Её суть состоит в том, что новые виды появляются естественным путём.

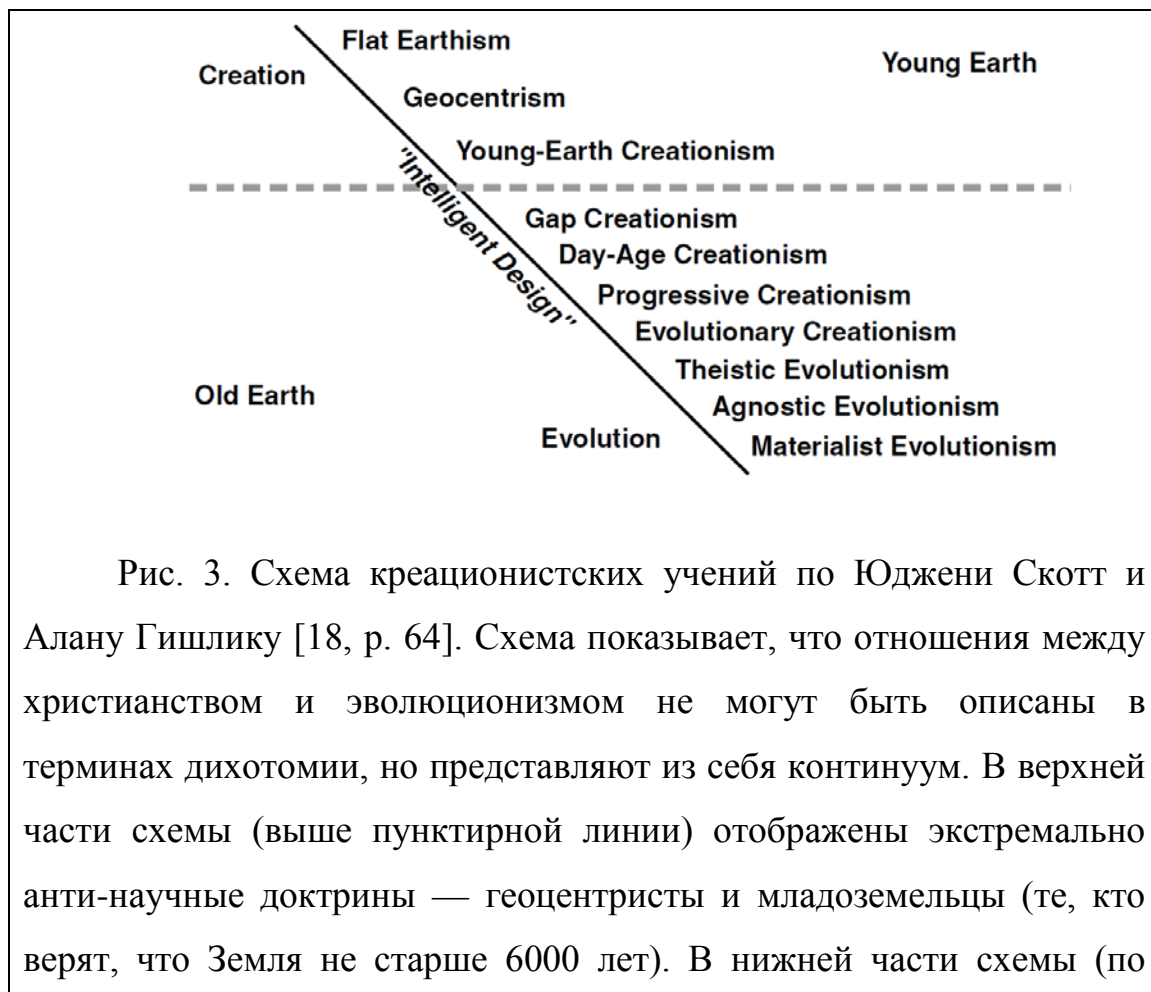

Рис. 3. Схема креационистских учений по Юджени Скотт и Алану Гишлику [18, р. 64]. Схема показывает, что отношения между христианством и эволюционизмом не могут быть описаны в терминах дихотомии, но представляют из себя континуум. В верхней части схемы (выше пунктирной линии) отображены экстремально анти-научные доктрины — геоцентристы и младоземельцы (те, кто верят, что Земля не старше 6000 лет). В нижней части схемы (по

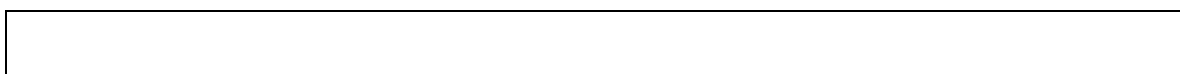
нисходящей) — учения староземельцев (которые не отрицают реальный геологический возраст Земли), постепенно переходящие в материалистический эволюционизм.

4. *Предначертанные цели (телеология)*: креационисты утверждают, что виды были не просто сотворены, а сотворены для определённых целей. Поэтому сложность организмов, сложность отдельных органов, их разнообразные организменные адаптации к окружающей среде должны представлять прямые доказательства общей целесообразности мира, а также мудрости и доброй воли Творца; «слепые» естественные процессы никогда не были бы в состоянии привести к возникновению таких сложных явлений. Этот аргумент получил название «нередуцируемая сложность» (irreducible complexity). Телеологический аргумент приводится и независимо от аргумента нередуцируемой сложности, а также и независимо от библейской истории творения. Одна из его версий состояла в том, что некий условный творец или «дизайнер» уже запланировал прошлые, современные и будущие стадии развития Земли, и поэтому как геологическая, так и биологическая эволюции направляются к одной цели, которая может формулироваться, например, как всеобщая гармония. В противоположность им Дарвин объяснял целесообразность особенностей организмов действием непрерывной борьбы за существование, которая не имеет предначертанной цели. При этом дарвиновский механизм — естественный отбор, или «война природы» — не рассматривался как инструмент, которым пользуется некая высшая сила для достижений своих целей, а описывался как стохастический процесс [19, p. 490].

5. *Сверхъестественное происхождение человека*: согласно консервативному религиозному представлению человек никак не мог возникнуть в результате естественных процессов, потому что он имеет

бессмертную душу. У растений и животных такой души нет, и поэтому постепенный переход от человека к другим живым существам невозможен. Иногда эта теория модифицируется и утверждается что тело человека — это результат эволюции, в то время как душа — это продукт божественного творения. Этой идеи придерживался и соавтор теории естественного отбора (наряду с Дарвином), Альфред Рассел Уоллес. Теория Уоллеса получила довольно широкое распространение в консервативных кругах дореволюционной России [20]. Современная эволюционная теория, напротив, рассматривает человека как часть природы. Несмотря на то, что человек имеет ряд особенностей, которые развиты больше, чем у других видов, он имеет много общего с другими видами и связан с ними общим происхождением. Исследованием развития психических черт человека с точки зрения биологической эволюции занимается эволюционная психология.

Таким образом, теория биологической эволюции оказывается не просто одной из научных теорий, но одним из факторов, формирующих картину мира. С одной стороны, статическое восприятие мира было заменено динамическим. С другой стороны, представление о предначертанной цели, определяющей совершенство организмов, стало излишним. Кроме религиозных представлений имелись и другие устоявшиеся традиционные взгляды, которые ставились под сомнение эволюционной биологией. В дальнейшем изложении мы перейдём к ним.

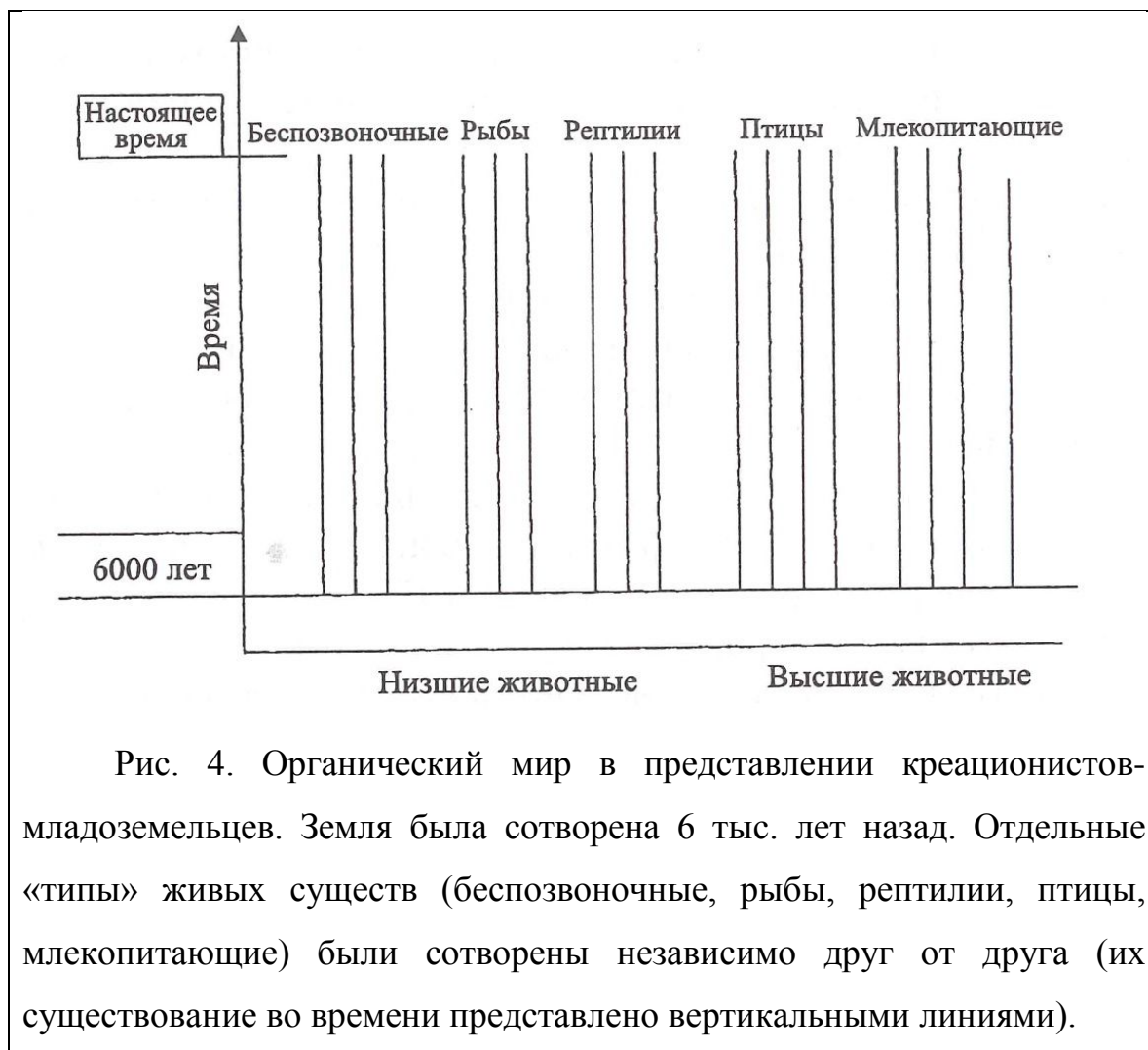

Рис. 4. Органический мир в представлении креационистов-младоземельцев. Земля была сотворена 6 тыс. лет назад. Отдельные «типы» живых существ (беспозвоночные, рыбы, рептилии, птицы, млекопитающие) были сотворены независимо друг от друга (их существование во времени представлено вертикальными линиями).

Что такое эволюция?

До сих пор мы говорили об идее эволюции только в самом общем виде, чтобы отграничить её от различных представлений, которые ей противоречили. При этом мы подразумевали, что речь идёт об одной концепции, но такое употребление данного термина является чисто условным. В общем смысле «эволюция» означает лишь изменение, и оно охватывает всё, что изменяется: галактики, языки, политические системы, науку и т. д. Современное состояние мира, в котором мы живём, является результатом длительного ряда изменений. С этим основополагающим представлением совместимы различные точки зрения о том, как именно эти изменения происходят, и теория Дарвина является только одной из

них. По этому поводу было предложено множество различных теорий и гипотез, и только после длительных дискуссий и обширных исследований удалось достичь некоторого согласия в отношении характеристики основных механизмов эволюции [14, 15; 21; 22].

Слово «эволюция» происходит от латинского «evolvere» — развёртываться, или «evolutio» — разматываться, и подразумевает развитие уже существующей в компактной форме структуры [23]. В биологии XVIII в. это слово служило в первую очередь для того, чтобы обозначить эмбриологическое развитие в смысле учения преформизма (как развитие предсуществующих, преформированных структур). Позднее, в XIX в., применение термина «эволюция» в контексте истории развития живых существ первоначально также нередко имело преформистский оттенок, поскольку многие биологи были убеждены в том, что у развития всего живого имеется определённая цель. Дарвин сначала не использовал понятие «эволюция». Его главные труды были посвящены «общему происхождению и изменениям». При их обсуждении другие авторы говорили о «трансмутации» или «едином происхождении» («Deszendenz»). Философ Герберт Спенсер в 1860-е годы впервые использовал термин «эволюция» в современном смысле, т.е. для обозначения изменений видов [2].

Эволюционная идея означает не просто мысль об изменении — она подразумевает нарастание изменений и формирование совершенно нового состояния всего живого. Её критики, напротив, нередко утверждали, что хотя изменения организмов и происходят, они создают только небольшие отклонения от исходного типа, а в дальнейшем могут произойти в обратном направлении, так что общее состояние живого не меняется (теория «steady-state»).

По современным представлениям биологическая эволюция включает в себя два в значительной мере независимых друг от друга процесса: изменение видов во времени (трансформацию) и их разделение в пространстве (видообразование). При этом речь идёт об изменениях в свойствах популяций организмов, которые превосходят по продолжительности жизнь отдельных особей. Развитие одной особи не является эволюционным изменением — отдельное живое существо не эволюционирует. Среди изменений популяций в свою очередь эволюционными считаются только те, которые имеют наследственный характер, то есть будут переданы последующим поколениям посредством генетического материала.

Эти изменения могут выражаться только в небольших сдвигах частот аллелей или же приводить к коренному преобразованию вида. Хотя незначительные наследственные изменения относятся к эволюции, в последующем изложении под «настоящими» эволюционными теориями мы понимаем только те, в которых допускаются практически неограниченные возможности изменений видов. Иными словами, если автор полагает, что виды были сотворены или появились в древности посредством самозарождения, и потом в какой-то степени к своей среде приспособились и несколько изменили свои наследственные особенности, то ещё не означает, что его можно причислять к сторонникам эволюционной идеи [2].

Многообразие теорий происхождения видов

В течение последних двух столетий был предложен ряд различных конкурирующих и дополняющих друг друга гипотез и теорий о том, как появились современные организмы. Один из величайших биологов XX в. Эрнст Майр [24] заметил по этому поводу, что теория самого Дарвина представляет собой совокупность нескольких теорий: собственно

эволюционной теории, теории общего происхождения организмов (включая и человека), градуализма (эволюция идёт путём возникновения малых различий), теории умножения числа видов и теории естественного отбора (Maug, 1985: 757). Выявление этих составляющих имеет значение не только для уточнения терминологии, но также для исследования истории эволюционной теории, потому что их судьбы существенно различались. В целом, теории происхождения видов условно можно разделить на 4 группы:

1. *Теории возникновения*: до XIX в. многие авторы исходили из того, что современные биологические виды появились непосредственно из неживой материи, а не путём изменения других видов. Теории возникновения в свою очередь подразделяются на религиозные теории творения (креационизм) и материалистические теории самозарождения. Все они нередко комбинировались с отдельными элементами эволюционных теорий [2].

2. *Постоянство видов*: появившиеся независимо друг от друга виды неизменны и резко отграничены один от другого; организмы могут изменяться только в небольшой степени, не нарушая границ вида. Утверждение постоянства видов является одним из вариантов *эссенциалистских*, или *типологических теорий* [26]. Согласно эссенциализму, группы организмов определяются ограниченным числом «эйдосов» (типов или планов строения, интерпретируемых в духе неоплатонизма). Объём таких групп оценивался по-разному — «типы» выявлялись для видов, родов или семейств. Неоплатонизм был довольно распространён в немецкоязычной биологии первой половины XX века [27].

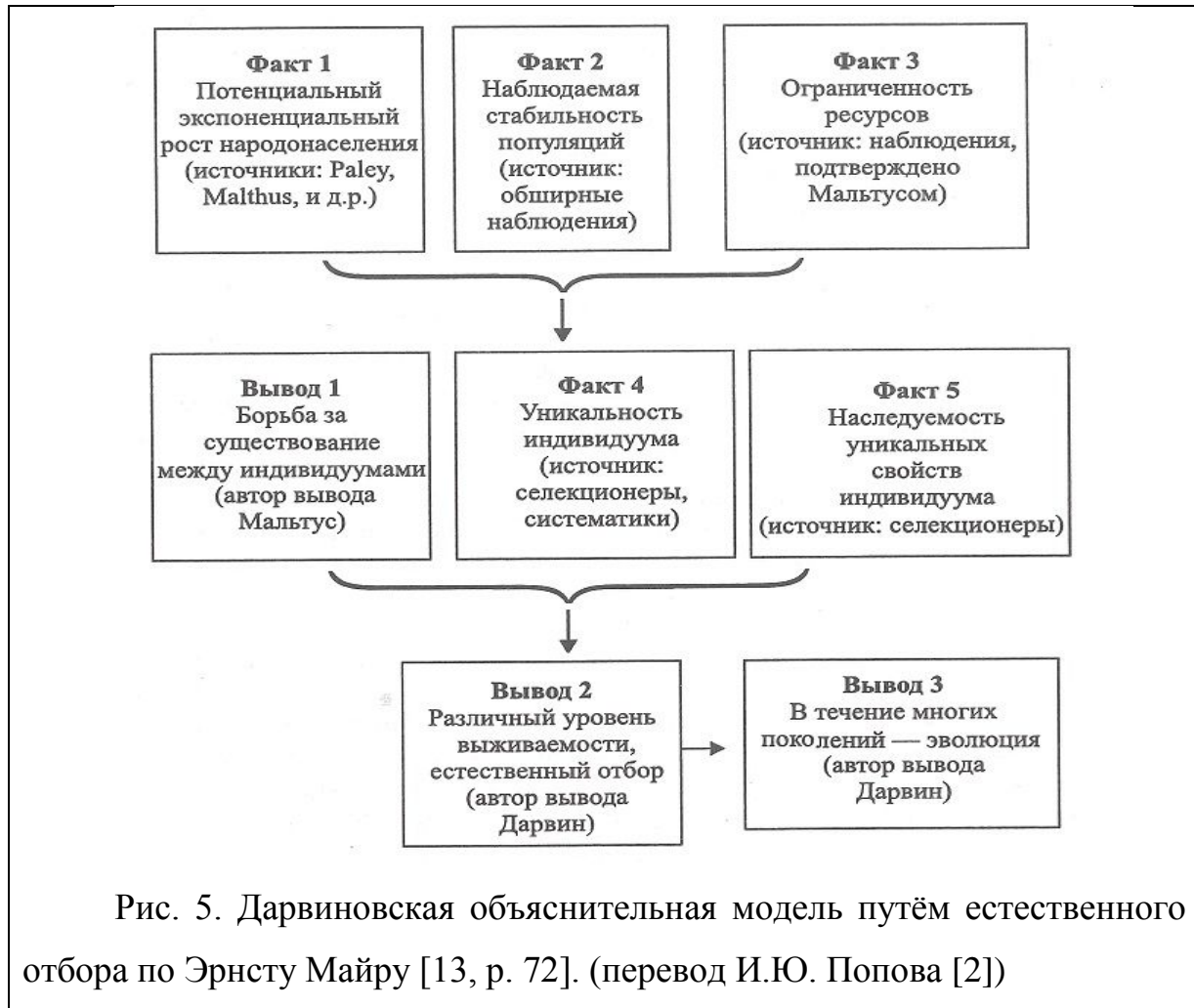
3. В *эволюционных теориях*, напротив, постулируется, что появление организмов нужно объяснять посредством постепенного и неограниченного изменения. Мнение о том, что все организмы развились

из одной или небольшого количества исходных форм, не является обязательным следствием эволюционной теории. Теория Ламарка и другие полифилетические (в противоположной монофилетическим) концепции постулируют многократное появление живого из неживого. Поэтому между теориями возникновения и эволюционными теориями может не быть никакого фундаментального противоречия. Разграничение между ними определяется в зависимости от того, чему в них уделяется основное внимание — многократному возникновению или превращениям.

4. *Теория общего происхождения*, далее, означает, что все организмы произошли от одного или небольшого числа общих предков, т.е. живое возникло на Земле однократно. При этом ранний дарвинизм не был жёстко привязан к монофилетизму, и, в частности, один из влиятельнейших дарвинистов и младший современник Дарвина, Эрнст Геккель, не исключал полифилетическую природу ранней эволюции [28].

Эволюционные механизмы

Все концепции, касающиеся механизмов эволюционного превращения, можно разделить на две большие группы: 1. теории, которые исходят из того, что эволюция в значительной степени обусловлена силами, заключёнными внутри самих организмов (некоторые теории направленной эволюции, т.е. ортогенез, а также онтогенетическая парадигма, см. [29]); 2. теории, согласно которым направления эволюции определяются в первую очередь внешними воздействиями (теория естественного отбора, ламаркизм). Если классифицировать представление об эволюционных механизмах более детально, то их можно разделить на следующие группы [14; 15]

1. Согласно *онтогенетической парадигме* филогенетическая история определяется теми же причинами, что и индивидуальное развитие (онтогенез). Эволюция видов рассматривается по аналогии с рождением и развитием особи. Поскольку процессы, происходящие в онтогенезе, необычайно многообразны, такая позиция даёт возможность разработки большого количества эволюционных концепций, или же концепций возникновения. Например, некоторые авторы пытались охарактеризовать эволюцию по аналогии с преобразованием листьев растения: как зародышевые листья превращаются в обычные листья, лепестки цветка и тычинки, так и виды зарождаются, преобразуются и отмирают. Подобные представления имеют давнюю традицию, и в додарвиновское время они

были доминирующими среди мыслителей, рассуждавших о развитии живого.

2. Важнейшей подгруппой онтогенетической парадигмы являются некоторые *ортогенетические* теории [27, с. 368—370]. Их основная мысль состоит в том, что эволюция осуществляется вне зависимости от требований среды в результате действия сил, заключённых внутри организмов, и поэтому эволюционные изменения неадаптивны и могут в некоторых случаях даже привести виды к гибели. Ортогенез, т.е. развитие в определённом направлении, рассматривался или как прогрессивное развитие, или как аналогия жизненному циклу особи. Во многих случаях ортогенетические теории не отличаются от настоящих телеологических теорий, хотя сторонники ортогенеза обычно пытались характеризовать эволюцию как внутренне запрограммированный телеономический процесс, цель которого не задаётся откуда-то извне. В современную эволюционную биологию ортогенез вошёл в виде концепции эволюционных ограничений (*constraints*), которая говорит о том что изменчивость не безгранична, и могут существовать эндогенные факторы молекулярной или морфологической природы, её ограничивающие [29].

3. *Телеологические* эволюционные теории, отчасти примыкающие к ортогенетическим теориям, подчёркивали, что эволюция движется к цели, которая является одновременно конечной причиной этого развития. Эти теории большей частью имеют теистическую подоплёку. Они пытаются объединить идею эволюции с религиозными представлениями о запланированном Богом мире. В современной биологии телеология является «смертным грехом» и считается несовместимой с материалистическим эволюционизмом.

4. Согласно теории естественного отбора (селекционизм) эволюционные изменения осуществляются путём двухступенчатого

процесса. Сначала случайным образом появляется фенотипически выраженная генетическая изменчивость, а затем из неё выбирается небольшая часть вариантов, которые могут наиболее успешно размножаться в соответствующей среде. Сам Дарвин считал, что основные факторы и причина эволюции (изменчивость, наследственность, борьба за существование и естественный отбор) являются универсальными [30, с. 122]. Однако во времена Дарвина физиологические механизмы появления генетической изменчивости ещё не были известны, и поэтому теория естественного отбора комбинировалась с различными элементами ламаркизма (наследованием приобретённых признаков). Только в XX в. было установлено, что источником изменчивости являются мутации и рекомбинации, и что их появление никак не связано с сиюминутными потребностями организмов или видов.

5. Согласно *ламаркизму* ход эволюции обусловлен либо прямым воздействием среды, либо «упражнением/не упражнением органов», т.е. особенности организма, которые изменились появились в течение его жизни в результате внешнего воздействия или образа жизни, становятся наследственными и передаются его потомству. Такое значение понятие «ламаркизм» уже прочно укоренилось, хотя надо отметить, что оно не вполне соответствует теории самого Ламарка. Принцип наследования приобретённых свойств действительно был использован Ламарком, но в его время этот принцип считался практически общеизвестным и общепринятым. Главные идеи Ламарка о роли инстинктов и стремления к совершенствованию имели небольшое значение в тех концепциях, которые позднее назывались «ламаркизмом», либо же «неоламаркизмом».

6. *Теория изоляции* объясняет умножение числа видов географическим разобщением.

Несмотря на то, что все эти теории можно хорошо разграничить, обычно они образуют многочисленные комбинации в трудах эволюционистов. Так, Дарвин связал в единую теорию принципы эволюции, общего происхождения и селекции, и при этом он признавал известную роль ламарковских эффектов [2].

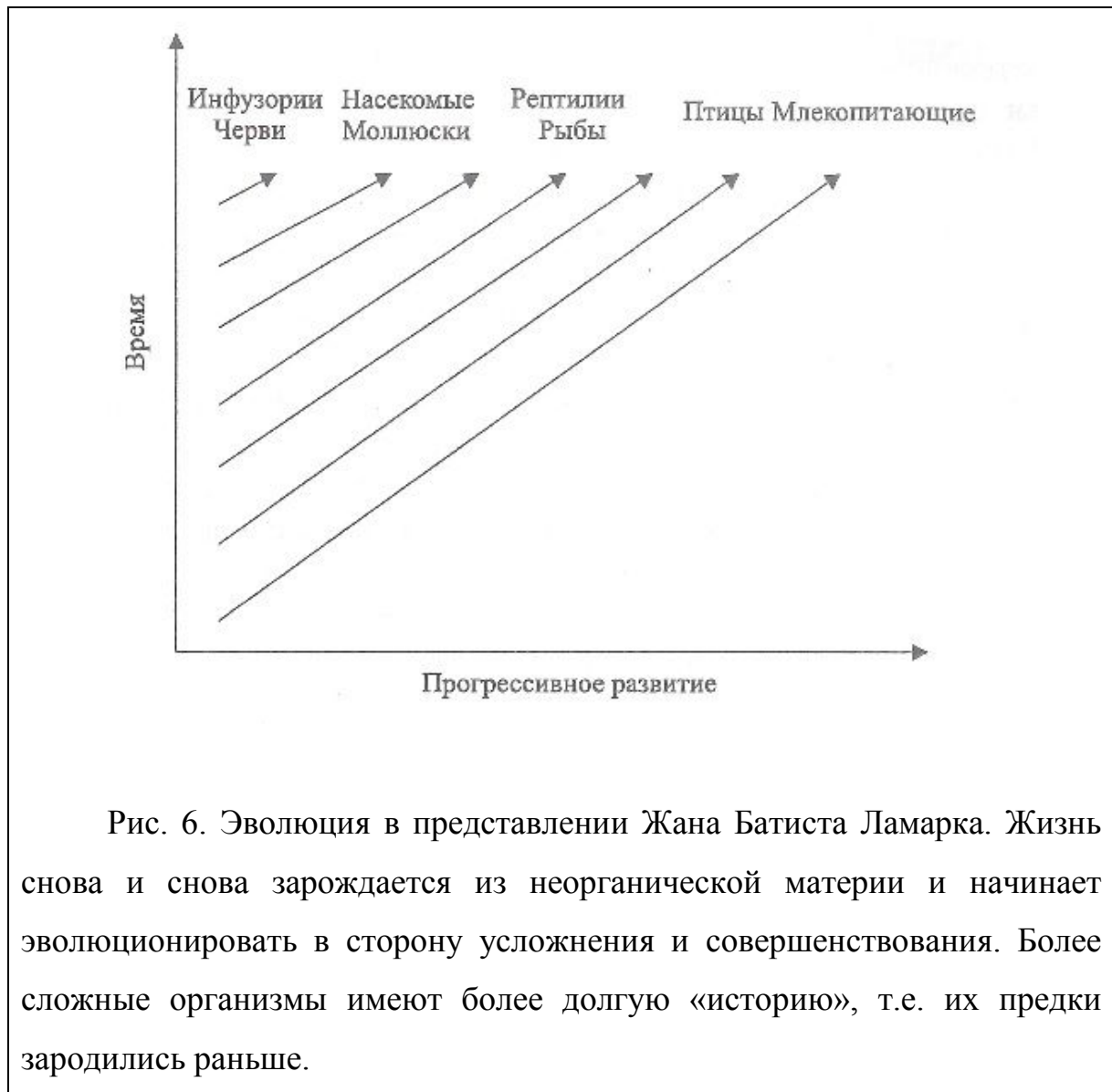

Рис. 6. Эволюция в представлении Жана Батиста Ламарка. Жизнь снова и снова зарождается из неорганической материи и начинает эволюционировать в сторону усложнения и совершенствования. Более сложные организмы имеют более долгую «историю», т.е. их предки зародились раньше.

Эволюция и идеальные ценности

Ни естественный отбор, ни другие эволюционные факторы (например, мутации и рекомбинации) не имеют заданной извне цели.

Например, естественный отбор свидетельствует только о том, что определённые генетические варианты по сравнению с другими генетическими вариантами в определённых условиях среды имеют больше шансов размножиться. Отсюда следует, что селекция внутри вида не может предвещать ситуацию, которая сложится в будущем, и что она не имеет заданной изначально цели, даже если таковой является выживание вида. Когда среда изменяется, меняется направление отбора. Хотя в филогенетической истории можно наблюдать направления развития групп организмов, нет никаких оснований предполагать, что эти направления были predeterminedены изначально. Ещё меньше оснований утверждать, что всё живое эволюционирует в определённом направлении.

Бездушный механистический характер эволюции трудно принять людям, которые верят, что все события целесообразны. Поэтому в эволюционную идею часто вкладывают не тот смысл, который ей придавал Дарвин и его последователи. Эволюция нередко отождествлялась с неизбежным прогрессивным развитием организмов от простого к сложному. Но естественный отбор является таким же механистическим процессом, как, к примеру, гравитация. Он не является ни моральным, ни аморальным. Убеждение в том, что всё естественное является небезобразным, часто переносилось в эволюционную биологию из донаучных представлений. Но эволюция и естественный отбор являются явлениями природы, такими же как дождь, землетрясение или полёт кометы. Должны ли они существовать — это вопрос, на который наука не может ответить.

Несмотря на это сведения о механизмах эволюции часто экстраполировались на процессы развития человеческого общества. Так, например, был сделан вывод, что социальная и политическая совместная жизнь людей должна выражаться в борьбе за существование, потому что

этот принцип в природе является самым важным для дальнейшего развития видов. С большей благосклонностью, но с такой же небольшой правотомерностью другими авторами привлекались примеры кооперативного поведения живых организмов для обоснования кооперативной системы хозяйства.

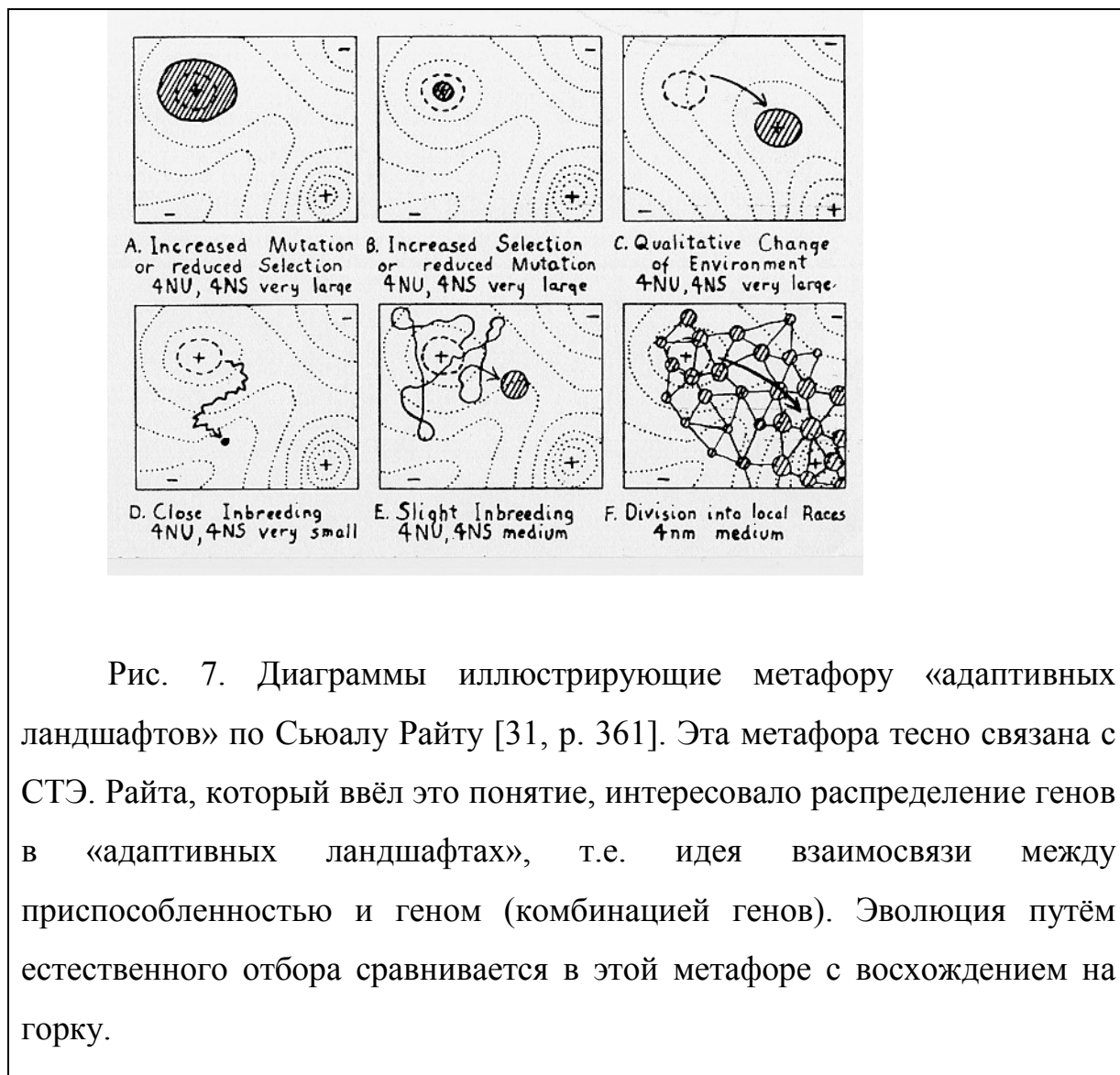

Рис. 7. Диаграммы иллюстрирующие метафору «адаптивных ландшафтов» по Сьюэлу Райту [31, р. 361]. Эта метафора тесно связана с СТЭ. Райта, который ввёл это понятие, интересовало распределение генов в «адаптивных ландшафтах», т.е. идея взаимосвязи между приспособленностью и геном (комбинацией генов). Эволюция путём естественного отбора сравнивается в этой метафоре с восхождением на горку.

Этапы развития дарвинизма и специфика дарвинизма как научной теории

Дарвин является основателем, но не автором дарвинизма, представляющего собой беспрецедентно сложную теоретическую систему. Если провести аналогию с физическими науками, можно попытаться представить, что Эйнштейн не создал бы теорию относительности в законченном виде, но оставил бы обширное и отчасти противоречивое описание методологии, на основе которой такая теория могла бы быть создана [32]. Большинство современных историков биологии согласны с тем, что формирование дарвинизма проходило в три исторических этапа (см., напр.: [33]).

Первый этап может быть назван этапом «классического дарвинизма». В этот период утвердился сам принцип эволюционизма и монофилетическая объяснительная схема. Кроме того, в самом общем виде были сформулированы принцип естественного отбора и гипотеза наследственности, включавшие некоторые ламаркистские элементы. Концепция градуализма дополнила «классическое» представление о механизме эволюции. Помимо этого у Дарвина можно найти и рудименты идеи эволюционных «ограничителей» (constraints), которая в своем крайнем проявлении легла в основу концепции ортогенеза [29]. Таким образом, «дарвинизм» собственно Дарвина утвердил идею эволюции и предложил ряд гипотетических эволюционных механизмов, но стройной гипотезы взглядов на сам механизм эволюции не дал. В 1895 г. уроженец Канады, британский психолог Джордж Романес предложил термин «неодарвинизм» для описания «чистой теории естественного отбора, исключаящей любые дополнительные теории» [34, p. 12]. Таким образом, он обозначил вторую фазу в эволюции дарвинизма, которая, однако же, не означала окончание первой фазы. Скорее, произошел раскол дарвинизма

на «стародарвинизм» (old-Darwinism) и неodarвинизм. Самые известные неodarвинисты — Август Вейсман и соавтор принципа естественного отбора Альфред Уоллес. Неodarвинизм пошел по пути создания новой теории наследственности, которая была призвана заменить дарвиновскую теорию пангенеза. Стародарвинисты (Эрнст Геккель, Людвиг Платэ) также впоследствии отказались от пангенеза, но не отказались от самой идеи наследования приобретенных признаков и ортогенеза. Ни тем, ни другим не удалось создать непротиворечивой теоретической системы, и многие ведущие эволюционисты в начале XX в. придерживались «плюралистической» модели эволюции, т.е. допускали одновременную работу нескольких эволюционных механизмов. Именно поэтому этот период был назван Питером Боулером «затмением дарвинизма» [35].

Выходом из тени дарвинизм обязан «второй дарвиновской революции» [13] в процессе которой была создана синтетическая теория эволюции (СТЭ). Мы совершенно не согласны с А. Б. Георгиевским, что термином СТЭ «характеризуют весь объем знаний об истории органического мира, накопленных совместно в самой теории эволюции и в сопряженных с ней науках, начиная с 1920-х гг. по настоящее время» [36, с. 52]. Согласно Майру, синтез, начавшийся 1930-х гг., по крайней мере в англоязычном мире завершился к 1947 г.. События после 1947 г. Майр обозначил как постсинтез [37]. СТЭ предложила логически взаимосвязанную модель эволюции, в то же время открытую для классических и новых биологических дисциплин, таких как классическая, популяционная и молекулярная генетика, систематика, эволюционная морфология, биология развития, палеонтология и т. д. Кроме того, СТЭ оказалась в состоянии предложить убедительную теорию макроэволюции. Таким образом, к 1947 г. полностью сформировалась исследовательская программа, выросшая из принципов классического дарвинизма, но не

сводимая к ним. Дж. Г. Симпсон писал о синтезе: «Будучи до конца развитой (full-blown), эта теория вполне отличалась от дарвиновской и опиралась на материал различных источников, отчасти не дарвинистских, отчасти антидарвинистских. Даже естественный отбор в этой теории получил смысл, существенно отличающийся от дарвиновской концепции естественного отбора, хотя и происходил из нее» [4, p. 277—278]. Помимо унаследованного от неodarвинизма отрицания ламаркизма и ортогенеза, СТЭ усилила роль стохастических неселекционистских факторов в эволюции, таких как изоляция, генетический дрейф. Отбор оказался важным, но не единственным фактором эволюции [33]. Классический дарвинизм послужил СТЭ исходной моделью, он заложил основы развивающейся парадигмы, но не совпадал с ней. Поскольку СТЭ создала логически завершённую модель эволюционных процессов, только «архитекторы» СТЭ сумели провести границу между дарвинизмом и альтернативными моделями. Современный методологически оформленный «дарвинизм» — это результат ретроспективной реконструкции истории эволюционной биологии. Именно поэтому утверждение, что Дарвин принимал наследование приобретённых признаков, не является аргументом в пользу допустимости этого элемента в дарвинизме. Поскольку основы методологии дарвинизма были разработаны только в период СТЭ, Дарвин не осознал в полной мере, что неоламаркистский принцип наследования разрушителен для популяционной селекционистской модели. Ещё раз уточним, что противоречия между суждениями Дарвина и современным дарвинизмом не могут быть объяснены закономерным в истории мысли ветвлением интерпретаций (как например, марксисты/неомарксисты, гегельянцы/младогегельянцы и т. д.), порождающим новые «измы». Дарвинизм как логически стройная теория был создан лишь спустя более полувека после смерти Дарвина.

Именно поэтому современная история науки (часто по умолчанию) исходит из принципа приоритета ретроспективного метода классификации эволюционных теорий, опирающегося на понимание дарвинизма как логически стройной теоретической системы.

Современный этап развития эволюционной теории принято называть «расширенным синтезом». Расширенный синтез занялся решением проблем, которыми классический синтез (СТЭ) пренебрёг. СТЭ не только обогатила эволюционную теорию альянсом с генетикой и созданием объединительной программы для подавляющего большинства биологических дисциплин, но и выступила в качестве ограничивающей парадигмы, отбирающей ретроспективно и потенциально приемлемые объяснения. Например, наследование приобретенных признаков, сальтационизм, мутационизм и ортогенез были объявлены несовместимыми с дарвинизмом. СТЭ не решила всех проблем эволюционной биологии, а скорее создала теоретический плацдарм, на котором ее методология была необходима и достаточна.

Одной из «вытесненных» проблем было, например, существование своеобразных «филогенетических взрывов» — резких ускорений филогенетического развития. Другим примером экспансии эволюционной теории может служить комплекс наук, образовавшийся в последнее время вокруг биологии развития (ранее называвшейся эмбриологией). Поскольку биология развития — это наука с долгой историей, по словам Скотта Гилберта, потребовались десятки лет после завершения формирования СТЭ для того, чтобы осознать, что «эволюция — это больше чем изменение частоты аллелей в пределах вида» [38, р. 318]. Новейшее направление эволюционной биологии — экологическая биология развития — включает целый ряд доменов, вытесненных СТЭ с теоретического плацдарма [38, 39]. Например, утверждается, что вариация аллелей в

структурных генах не является единственным источником изменчивости, поскольку существуют два других источника изменчивости, попадающие под действие естественного отбора, а именно аллельная изменчивость регуляторных регионов генов и «пластическая изменчивость процессов развития» (developmentally plastic variation) [38, p. 318f]. Последние два типа изменчивости крайне важны для макроэволюционных процессов, поскольку «продуцируют вариации, которые мы ассоциируем с филой и классом». «Расширяясь», синтез оккупирует территории бывших противников. Так, идея неадаптивных эволюционных трендов, некогда узурпированная ортогенезом, была переосмыслена в концепции эволюционных ограничений (constraints) [e. g., 40; 41]. Неоламаркизм также испытывает второе рождение. Дебаты, последовавшие за открытием адаптивных мутаций [42], так же как и осмысление эпигенетических феноменов, лишили ряд идей неоламаркизма ореола антинаучности [43]. К примеру, метиляция отдельных регионов генома, индуцированная окружающей средой, может преодолевать «вейсмановский барьер», запрещающий наследование приобретённых признаков. Нашей целью здесь не является реконструкция всех направлений расширения синтеза. Наши примеры, скорее, призваны проиллюстрировать, каким образом «расширяется» синтез. Причина этого — экспансия в области, запрещенные классической СТЭ по причине их «антидарвиновской» природы. Происходит это потому, что детальное описание эволюционных процессов позволяет точно определить место каждого механизма в общей картине. При этом бывшие «антидарвиновские» концепции оказываются совместимы с селекционизмом именно благодаря ограничениям, вводимым для их приложения. Градуальное расширение синтеза в области, прежде занятые антидарвинистской методологией, не означает, что «все позволено». Общий селекционистский характер «расширенного синтеза»

гарантируется дополнительными гипотезами, регулируемыми взаимоотношения между различными теориями в этой грандиозной теоретической системе. Таким образом, возникающий «расширенный синтез» (extended Synthesis, иногда expanded synthesis) в том смысле, в котором о нем пишут Мюллер [44], а также Кучера и Никлас [45], постепенно занимает пространство логических возможностей, ранее разрабатываемое ортогенезом, сальтационизмом, неоламаркизмом, и конвертирует новые гипотезы в единую теорию эволюции. «Расширение синтеза» идет на уровне детальных описаний эволюционных событий, что и наделяет «расширенный синтез» небывалой объяснительной силой.

Заключение

Эволюционная теория — это развивающаяся, динамическая теоретическая система. С определёнными оговорками её можно описать в терминах исследовательской программы в духе Имре Лакатоса, где в ядре программы будет монофилетическая теория эволюции и естественный отбор. Философская трудность, в данном случае, будет заключаться в том, что «ядро» этой исследовательской программы постоянно расширяется, пополняясь новыми теориями и поглощая то, что некогда было «вспомогательной гипотезой». Например, в классическом дарвинизме теория наследования приобретённых признаков была вспомогательной гипотезой. СТЭ очистило теорию от этой гипотезы, но позже «расширенный синтез» на новом уровне включил её в ядро программы в виде теории эпигенеза.

Вторая трудность заключается в интерпретации динамики расширения эволюционной теории. На схеме Тейеды и Вергары-Сильвы видно, что они пытаются представить эволюционную теорию в виде постоянно расширяющейся по спирали системы. Это представление тяготеет к анализу динамики системы с точки зрения новых дисциплин и

областей исследования. Схема не предполагает конфликтов и противоречий между старыми и новыми элементами.

Рис. 8. Динамическая картина развития эволюционной теории схематично представленная Тейедой и Вергарой-Сильвой основываясь на [46]). Схема иллюстрирует постоянное расширение эволюционной теории за счёт новых областей исследования, научных дисциплин и охвата изучаемых феноменов. Согласно этому представлению, эволюционная теория развивается по бесконечной спирали. Динамика начинается с открытия естественного отбора и общего происхождения (монофилетическая концепция эволюции) и, проходя через фазы открытия менделевской и популяционной генетики (составившей основу

СТЭ), выходит на уровень «расширенного синтеза» с характерными для него темами, такими как «экология», «модулярность» или «фенотипическая пластичность». Фиолетовое поле слева символизирует область будущих новых областей исследования и идей [см.: 47].

Напротив, схема, предложенная Ноблем [48] и созданная с точки зрения механизмов эволюции, указывает на несовместимые элементы между «расширенным синтезом» и СТЭ. Например, отбор в СТЭ проходил только на уровне гена, в то время как в «расширенном» или «интегративном» синтезе он может проходить на разных уровнях, включая в себя, например, теории группового и родственного отбора. Парадоксальным образом «интегративный синтез» оказывается совместим с классическим дарвинизмом, который предполагал множественность механизмов эволюции, и несовместим с СТЭ, с её исключительным селекционизмом.

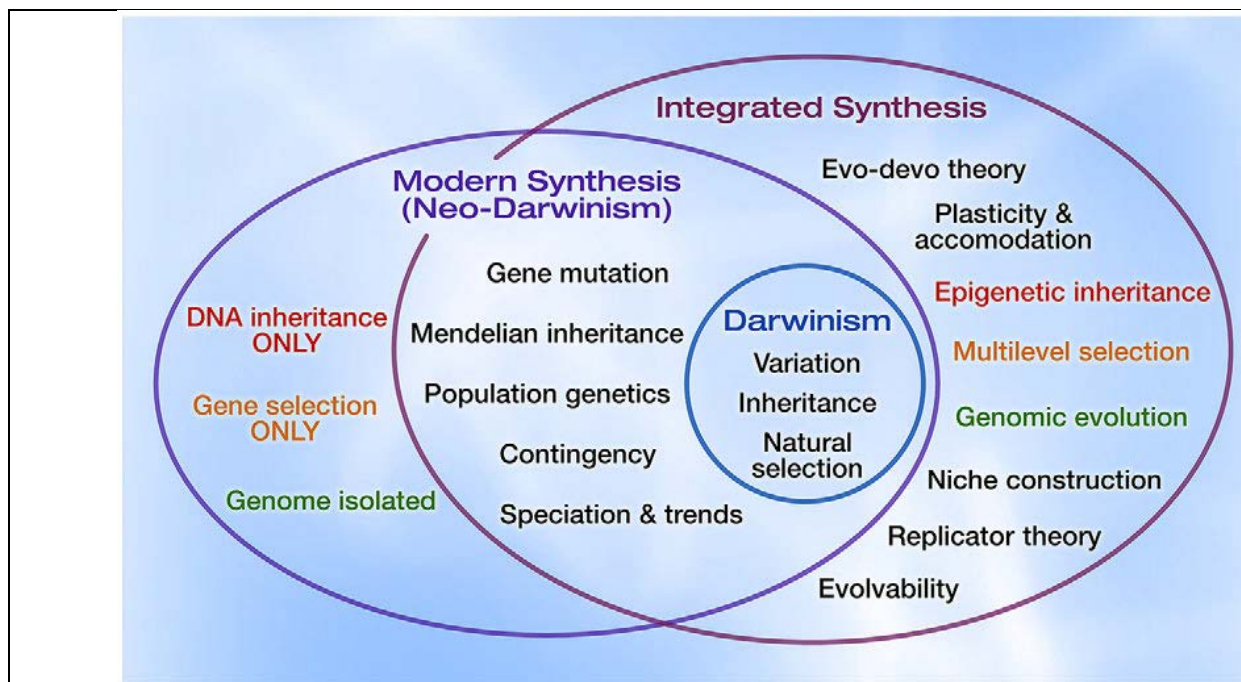

Рис. 9. Современная эволюционная теория в представлении Дениса

Нобля. Схема рассматривает теорию эволюции механизмов с точки зрения эволюции. В ядре теории находится классический дарвинизм (изменчивость, наследственность, естественный отбор). Синтетическая теория эволюции расширила теорию, включив в неё генетические мутации и видообразование. Термин «расширенный синтез» заменён на схеме понятием «интегративный синтез», чем подчеркивается несовместимость ряда положений «расширенного синтеза» с СТЭ (несовместимые положения выделены цветом). В частности, положение об эпигенетической наследственности противоречит положению об исключительно генетической наследственности (только ДНК) [см.: 48].

Если совместить обе схемы, то неожиданно актуальной становится старая марксистско-гегелевская схема диалектического развития с её «отрицанием отрицания». Если теперь попытаться интерпретировать эволюционную теорию в терминах как лакатосовских, так и марксистско-гегельянских, получится, что динамику эволюционной теории можно описать как постоянно расширяющееся ядро, окруженное вспомогательными гипотезами, которые это ядро может вытеснять, а может и поглощать. Динамику поглощения-вытеснения вполне можно описать в терминах диалектического развития, когда вспомогательная гипотеза сначала вытесняется расширяющимся ядром (отрицается), а потом поглощается (отрицание снимается).

На мета-теоретическом уровне, т.е. на более глубоком уровне теоретических оснований, делающих теорию эволюции в принципе возможной [7], эволюционная теория лучше всего существует в рамках материалистического (натуралистического) эволюционизма. Под натурализмом в данном случае понимается методологический натурализм, т.е. учение о том, что материальная каузальность (материя и энергия)

необходима и достаточна для объяснения феноменов, с которыми сталкиваются естественные науки [18, p. 72]. Вопрос о существовании супранатурального в рамках методологического материализма в принципе не ставится. Этим вопросом занимается философский материализм. Таким образом, наука и религия освобождаются от необходимости находиться в состоянии конфликта, к которому их толкают креационисты.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. **Burkhardt F. et al.** (eds.). *The Correspondence of Charles Darwin*. Cambridge: Cambridge University Press, 1985—99. Vol. 3.
2. **Юнкер Т, Хоссфельд У.** *Открытие эволюции: Революционная теория и ее история*. СПб: Издательство СПбГУ, 2007. 217 с.
3. **Freud S.** *Vorlesungen zur Einführung in die Psychoanalyse*. London: Imago Publishing Co., 1940. 495 S.
4. **Simpson G. G.** *The Meaning of Evolution. A Study of the History of Life and of Its Significance for Man*. New Haven: Yale University Press, 1949. 364 p.
5. **Watson J. D.** Sollen wir den Piloten ins Gehirn blicken? // *Frankfurter Allgemeine Zeitung*, 2000. Vom 28 Juni. S. 49.
6. **Cavanaugh M. A.** *Scientific Creationism and Rationality* // *Nature*. 1985. Vol. 315. P. 185–189.
7. **Levit I., Levit G. S., Hossfeld U., Olsson L.** *Creationism in Russia and Its Neighbors* // *Blancke S. et al. (eds.) The History of Creationism in Europe*. Baltimore: Johns Hopkins University Press, 2014. P. 162—179.
8. **Watts E., Hossfeld U., Tolstikova I., Levit G. S.** *Beyond Borders: On the Influence of Creationist Movement on the Educational Landscape in the USA and Russia*. *Theory in Biosciences*. 2017. Vol. 136. P. 31—48.
9. **Dingler H.** *Ist die Entwicklung der Lebewesen eine Idee oder eine Tatsache?* // *Der Biologe*. 1940. Vol. 9. S. 222—232.
10. **Futuyma D. J.** *Evolutionary Biology*. Sunderland, MA: Sinauer Associates, 2017. 600 p.
11. **Remane A., Storch V., Welsch U.** *Evolution. Tatsachen und Probleme der Abstammungslehre*. München: Deutscher Taschenbuch Verlag, 1980. 241 S.
12. **Siewing R.** *Evolution: Bedingungen, Resultate, Konsequenzen*. Stuttgart/New York: Gustav Fischer, 1987. 596 S.

13. **Mayr E.** One Long Argument: Charles Darwin and the Genesis of Modern Evolutionary Thought. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1991. 224 p.

14. **Левит Г. С., Попов И. Ю., Хоссфельд У., Олссон Л.** В тени дарвинизма: альтернативные теории эволюции в XX в. СПб: Fineday press, 2003. 247 с.

15. **Левит Г. С., Колчинский Э. И., Кучера У., Хоссфельд У., Олссон Л.** «Эволюционный Синтез»: Границы, Перспективы, Альтернативы. СПб: Роза Ветров, 2013. 274 с.

16. **Storch V., Welsch U., Wink M.** Evolutionsbiologie. Heidelberg: Springer, 2013. 570 p.

17. **Колчинский Э. И.** Единство эволюционной теории в разделенном мире XX века. СПб.: Нестор-История, 2015. 824 с.

18. **Scott E. C.** Evolution vs. Creationism. Westport & London: Greenwood Publishing Group, 2009. 351 p.

19. **Darwin C. R.** On the Origin of Species by Means of Natural Selection, or the Preservation of Favoured Races in the Struggle for Life. London: John Murray, 1859. 502 p.

20. **Levit G. S., Polatayko S. V.** At Home Among Strangers: Alfred Russel Wallace in Russia // Theory in Biosciences. 2013. Vol. 132. S. 289–297.

21. **Schmalhausen I. I.** Die Evolutionsfaktoren. Stuttgart: Franz Steiner Verlag, 2010. Reihe „Wissenschaftskultur um 1900“, Bd. 7.

22. **Хоссфельд У.** Биология и Политика. Происхождение Человека. СПб: НИУ ИТМО: ИХиБТ, 2013. 97 с.

23. **Bowler, P. J.** The Changing Meaning of ‘Evolution’ // Journal of the History of Ideas. 1975. Vol. 36. P. 95–114.

24. **Колчинский Э. И.** Эрнст Майр и современный эволюционный синтез. М.: Рос. акад. наук, Зоол. ин-т, С.-Петербург. фил. Ин-та истории естествознания и техники им. С.И. Вавилова, 2006. 147 с.

25. **Mayr E.** The Growth of Biological Thought. Cambridge, Massachusetts: Harvard University Press, 1985. 992 p.

26. **Levit G. S., Meister K.** The History of Essentialism vs. Ernst Mayr’s “Essentialism Story”: A Case Study of German Idealistic Morphology // Theory in Biosciences. 2006. Vol. 124. No. 3–4. P. 281–307.

27. **Колчинский Э. И.** Неокатастрофизм и селекционизм: Вечная дилемма или возможность синтеза? СПб.: Наука, 2002. 554 с.

28. **Kolchinsky E. I., Levit G. S.** The Reception of Haeckel in Pre-revolutionary Russia and His Impact on Evolutionary Theory // Theory in Biosciences. 2019. Vol. 138. No. 1. P. 73–88.

29. **Levit G. S., Olsson L.** “Evolution on Rails”: Mechanisms and Levels of Orthogenesis // *Annals of the History and Philosophy of Biology*. 2006. Vol. 11. P. 97—136.

30. **Завадский К. М., Колчинский Э. И.** Эволюция эволюции: историко-критические очерки проблемы. Л.: Наука, 1977. 236 с.

31. **Wright S.** The Role of Mutation, Inbreeding, Crossbreeding and Selection in Evolution // *Proceedings of the Sixth International Congress of Genetics*. Ithaca, N.Y., Menasha, WI: Brooklyn Botanic Garden, 1932. Vol. 1. P. 356—366.

32. **Левит Г. С., Кучера У.** «Расширенный Синтез» против «генерализованного дарвинизма». Чарльз Дарвин и Современная Биология / Под ред. Э. И. Колчинского, А. А. Федотовой. СПб: Нестор-История, 2010. С. 674—683.

33. **Reif W. E.** Darwinism, Gradualism and Uniformitarianism // *Neues Jahrbuch fur Geologie und Palaontologie*. 2000. Vol. 11. P. 669—680.

34. **Romanes G. J.** Darwin and after Darwin. Chicago: Open Court, 1895. Vol. 2.

35. **Bowler P. J.** The eclipse of Darwinism. Baltimore & London: The Johns Hopkins University Press, 1983. 291 p.

36. **Георгиевский А. Б.** Эволюционная антропология. СПб.: Нестор-История, 2009. 256 с.

37. **Mayr E.** Thoughts on the Evolutionary Synthesis in Germany // *Die Entstehung der Synthetischen Theorie: Beitrage zur Geschichte der Evolutionsbiologie in Deutschland* / T. Junker & E.-M. Engels (eds.). Berlin: Verlag für Wissenschaft und Bildung, 1999. S. 19—30.

38. **Gilbert S. F., Epel D.** Ecological Developmental Biology. Sunderland: Sinauer Associates, 2009. 480 p.

39. **Gilbert S. F., Bolker J.A.** Ecological developmental biology: preface to the symposium // *Evolution & Development*. 2003. Vol. 5. № 1. P. 3—8.

40. **Wimsatt W. C., Schank J. C.** Two constraints on the evolution of complex adaptations and the means for their avoidance // Nitecki M. (ed.). *Progress in Evolution*. Chicago, The University of Chicago Press, 1988. P. 213—273.

41. **McShea D.** The evolution of complexity without natural selection, a possible large-scale trend of the fourth kind // *Paleobiology*. 2005. Vol. 3. No. 2. P. 146—156.

42. **Cairns J., Overbaugh J., Miller S.** The origin of Mutants. 1988. *Nature*. Vol. 335. P.142—145.

43. **Jablonka E., Lamb M.** Evolution in Four Dimensions. Cambridge, MA: MIT Press, 2005. 462 p.

44. **Müller G. B.** Why an Extended Evolutionary Synthesis Is Necessary // *Interface Focus*. 2017. Vol. 7. No. 5. URL:

<https://royalsocietypublishing.org/doi/10.1098/rsfs.2017.0015> (access date: 09.07.2020).

45. **Kutschera U., Niklas K. J.** The modern theory of biological evolution: an expanded synthesis // *Naturwissenschaften*. 2004. Bd. 91. P. 255–276.

46. **Pigliucci M.** An Extended Synthesis for Evolutionary Biology. *Annals of the New York Academy of Sciences*, 1168: P. 218–228.

47. **Fabregas-Tejeda A., Vergara-Silva F.** The Emerging Structure of the Extended Evolutionary Synthesis: Where Does Evo -Devo Fit I
Biosciences. 2018. Vol. 137. P. 169—184.

48. **Noble D.** Evolution beyond Neo-Darwinism // *Journal of Experimental Biology*. 2015. Vol. 218. P. 7—13.

УДК 140.8+001.95

А. А. ЛЬВОВ

ЭПОХА COVID-19 В СВЕТЕ ИДЕОЛОГИИ И НАУЧНОЙ КАРТИНЫ МИРА

THE EPOCH OF COVID-19 IN THE LIGHT OF IDEOLOGY AND SCIENTIFIC WORLD PICTURE

ЛЬВОВ Александр Александрович — кандидат философских наук, доцент кафедры философской антропологии Санкт-Петербургского государственного университета. E-mail: a.lvov@spbu.ru

LVOV Alexander A. — Saint-Petersburg State University. St. Petersburg, Russia.
E-mail: a.lvov@spbu.ru

2020 год, несмотря на иные события, войдет в историю под знаком всемирной пандемии коронавируса. Закрытые границы, отмененные перемещения по всему миру, запрет на работу общественных пространств и рекомендованная самоизоляция — все эти меры борьбы с эпидемией заставили время остановиться. Однако сама остановка мира стала событием: уже в первой трети вирусного года было опубликовано большое количество материалов о природе и медицинских, политических, экономических и культурных последствиях COVID-19. В СМИ эта тема вытеснила все остальные новостные поводы. Закономерно, что саму эпидемию многие посчитали концом привычного миропорядка, закатом новоевропейской эпохи. Кроме того, начали появляться всевозможные лженаучные «предсказания» о последствиях коронавируса и «экспертные мнения» о причинах и бенефициариях всемирной пандемии. Мы попытаемся показать, что феномен пандемии COVID-19 вполне укладывается в антропоцентрическую парадигму эпохи модерна. Для этого мы развиваем сопоставление современной эпидемии с первой всемирной катастрофой Нового времени — Великим лиссабонским землетрясением. И тогда, и сегодня важными задачами является: справиться с последствиями катастрофы, понять причины происшедшего, организовать работу СМИ и обеспечить население достоверной информацией. В связи с этим мы проследим влияние происходящего на идеологическую сторону жизни общества, которая складывается в аспекте взаимодействия политики и науки. Мы также обсудим тенденции ненаучного толкования природы, причин и последствий пандемии как неперменной составляющей картины мира (а точнее говоря — мозаики мира) современного человека.

Regardless any other events, coronavirus pandemic is the real token of 2020. Closed borders, cancelled travels around the world, ban on public spaces and recommended self-isolation — all these measures against epidemic made the time stop. However, the very pause

became the event, and in the first third of 2020 a heap of different materials about the nature and medical, political, economic and cultural effects of COVID-19 has been published. This theme became topical in public media and superseded all other news. Thus, there is no surprise that many people considered the pandemic as the end of good old world order, the decline of Modernity. Besides, there have appeared various pseudoscientific “predictions” of the effects of coronavirus as well as “expert opinions” on the means and beneficiaries of global pandemic. The paper demonstrates that the phenomenon of COVID-19 has a clearly modern character and fits the anthropocentric paradigm of the Modern Age. To prove it, it compares the contemporary pandemic with the first global catastrophe, namely the Great Lisbon Earthquake. Then and today, it is highly important to solve the following tasks: to cope with the effects of the disaster, to realize the means of the occurrence, to organize the work of the media and provide the inhabitants with reliable information. With respect to this, the paper scrutinizes the influence of the current agenda on the ideological side of social life, which evolves as cooperation of politics and science. It also discusses the tendencies of non-scientific interpretation of nature, the means and effects of the pandemic as a mandatory element of a contemporary person’s world picture (or, precisely speaking, world mosaic).

КОРОНАВИРУС, COVID-19, ПАНДЕМИЯ, НАУЧНАЯ КАРТИНА МИРА, ИДЕОЛОГИЯ

CORONAVIRUS, COVID-19, PANDEMIC, SCIENTIFIC WORLD PICTURE, IDEOLOGY

Ничто не заслуживает большего уважения, чем здравый смысл
и способность безошибочно распознавать истину и ложь.

П. Николь, А. Арно «Логика, или Искусство мыслить»

Эпоха глобальной пандемии

Латинским словом *saeculum* в древние времена назывался период времени, равный одному поколению, или чуть больше тридцати трех лет. В период римских царей этим словом обозначались веки их правления, и период царствования Ромула был неравен царствию Нумы Помпилия или, например, Анка Марция. В узусе этого слова прочно проглядывает связь с

«миром сим», и на русский язык удачно переводится словом «век». Спустя время это понятие слилось с представлением о мирской жизни, и уже в Новое время от него произошло понятие «секулярный» в смысле мирской, нецерковный, а позже и вовсе как синоним «антиклерикального» [1, с. 11—12].

Пандемия коронавируса — актуальная веха нашего текущего времени, и если бы нам нужно было маркировать наше время каким-то одним важнейшим событием, им несомненно стала бы эпидемия COVID-19. Некоторые прямо называют современную эпидемию самым большим вызовом миру в XXI веке [2, с. 254]. Однако помимо слова «век» в связи с пандемией уместно говорить и о взятом из греческого языка слове «эпоха»: *ἐποχή* («остановка»), переосмысленное благодаря феноменологии Э. Гуссерля понятие, красноречиво отражает то, с чем мы столкнулись в високосном 2020 году от Рождества Христова. Сегодня все чаще кажется, что время остановилось. Каким бы условным ни было летоисчисление, все же эпидемия — всегда безусловное событие, которое переживаешь *hic et nunc*, безо всякой возможности отвлечься или забыть. Выглянув из окна, видишь новый порядок жизни, точнее говоря, не видишь постоянно воспроизводимый старый порядок. Это ли не живописное полотно конца света?

Можно ли говорить о том, что коронавирус стал первым всемирным *пост*модерновым явлением? Задаваясь этим вопросом, мы желаем понять, что заставляет современных людей не только мыслить эпидемию как завершение новоевропейского канона [см.: 3, с. 156], но даже прибегать для объяснения происходящей череды событий к лженаучным или по крайней мере недостоверным мнениям. В самом деле, зачем искать персонализированный источник неприятностей, если изначально допускается естественное происхождение вируса? Почему подобные

взгляды и проповеди получают такой живой отклик? Иначе говоря, мы ставим себе задачей найти ответ на вопрос, не сменилась ли наукоцентричная установка Нового времени, и не возник ли с приходом COVID-19 особым водораздел между различными познавательными и даже мировоззренческими установками.

Мы попытаемся показать, что такие ожидания преждевременны.¹ Наш основной тезис заключается в том, что, с одной стороны, происходящая пандемия и способы борьбы с ней отражают основные новоевропейские установки научного исследования, реализуемые в рамках политической идеологии политическими инструментами, а с другой стороны, что в отношении к самой болезни также имеет место и ненаучное ее восприятие. При этом не следует думать, что научное объяснение обладает неким приоритетом перед ненаучным — скорее, одно другое органично дополняет, тем самым выражая сущность картины мира как одновременно результата и условия человеческого познания. В этом смысле мы постараемся показать, что актуальная картина мира в силу своих созидательных элементов никогда не предстает как единообразное полотно. Скорее, мы всегда имеем дело с мозаикой мира, в которой с необходимостью присутствуют «серые зоны», восполняемые иными, мифологическими дискурсивными средствами.

«Похороните мертвых и исцелите живых!»

Несмотря на то, что заболевание такого типа как COVID-19 логичнее было бы попытаться сопоставить с чумой, с нашей точки зрения гораздо ближе по эффекту от случившегося коронавируса к первой всемирной катастрофе Нового времени. Великое лиссабонское землетрясение 1755

¹ Заметим, что для профессионального сообщества важной задачей является достичь консенсуса в представлении COVID-19 [см.: 4].

года фактически заложило прочное основание современной антропоцентричной по своей природе картине мира. 1 ноября 1755 года десятки тысяч человек пришли в церкви, храмы и монастыри Лиссабона на празднование дня всех святых с зажженными свечами. Страшное землетрясение, произошедшее в тот день, унесло жизни не менее восьмидесяти человек и уничтожило две трети столицы Португалии, а то, что не унесло разверзшейся земной корой, было уничтожено пожарами. Погибли не менее восьмидесяти тысяч человек.²

Это событие не только привлекло внимание как новостной повод — в природе случившегося искренне и со всей ответственностью попытались разобраться ведущие умы эпохи Просвещения. Вольтер в своей поэме о разрушении Лиссабона и знаменитом «Кандиде» дал решающий бой лейбницианской проповеди оптимизма и теодицеи; Кант, изучив многочисленные свидетельства и отчеты, напечатал три статьи, в которых изложил первую естественно-научную (впрочем, ошибочную) теорию подземных толчков. Множество газет постоянно держали все население просвещенных европейских держав и их заморских территорий в курсе происходящего в португальской столице. С. Кирнер указывает на две причины, по которым именно лиссабонское, а, например, не разрушительное перуанское землетрясение 1746 года (т.е. за девять лет до обсуждаемого события), сыграло такую важную роль в сознании современников: геополитическое положение Лиссабона заставило европейцев почувствовать, что грандиозная катастрофа произошла не в далекой экзотической стране, а в столице мировой империи, а многочисленные свидетельства очевидцев этого события в лице

² Количество жертв разнится от источника к источнику. Мы принимаем данные из [5, с. 5].

проживавших в городе дипломатов и купцов усилили эффект от случившегося [6, p. 75].

Пожалуй, мы должны согласиться, что публичность, пристальное внимание общественности является одним из наиболее существенных резонов, по которым происшествие 1 ноября 1755 году возымело такой резонанс. От этого землетрясения пострадали не только португальские территории — из западной Европы и Северной Африки поступали многочисленные свидетельства о том, как проявлялись сейсмические волны и к каким разрушениям они привели. В Марокко десять тысяч человек были погребены под оползнем. В Италии (в Венеции) сообщалось о серьезных повреждениях зданий на площади св. Марка — в частности, об этом сообщает знаменитый Дж. Казанова, находившийся в тот момент в тамошней тюрьме. В широко цитируемой статье А. А. Никонова красноречиво перечисляются свидетельства о катастрофе в других городах и странах: «В Аахене, на западе Германии, висевший на стене образ Богородицы вдруг стал раскачиваться подобно маятнику. Даже в некоторых церквах Гамбурга, на севере страны, качались люстры. Удар чувствовали в Саксонии. Слабые колебания ощутили в Голландии. На реках и озерах в Северной Германии, Южной Швеции, Исландии замечены волнения (сейши). О необычных приливах сообщалось с берегов Голландии, Ирландии, Англии, Норвегии. На Малых Антильских о-вах прилив (цунами) вместо привычных 0.7—0.75 м поднялся на 6 м. В одном из портов Ирландии волна закрутила в водовороте все суда и затопила рыночную площадь. Цунами были и на островах Атлантического океана. Да и сами сотрясения к западу и югу от Португалии достигли Азорских, Канарских о-вов и даже о-вов Зеленого Мыса, не говоря о Мадейре. Сотрясения, по оценкам, захватили площадь 2—3 млн км². И это при том, что эпицентр был далеко в море» [7]. В довершение всего именно после

этого происшествия Португалия перестала быть могучей торговой империей: акции на биржах Амстердама и Лондона обрушились, как только их игрокам стало известно о катастрофе. На восстановление столицы ушла невероятная сумма денег, но еще большие запасы денег и культурного наследия были безвозвратно потеряны вследствие землетрясения и пожаров.

Современники во главе с премьер-министром пострадавшей тогда Португалии маркизом де Помбалем настаивали на том, что произошедшее имеет естественные причины и их необходимо тщательно изучить. Это заметно контрастирует с тем, что еще за четверть века до того наблюдалась тенденция при объяснении подобных событий удовлетворяться промыслом Божьим. Ярким примером тому является образованное духовенство Великобритании и Новой Англии, выступающими против деизма и вплоть до 1750 гг. считавших «философов» (т.е. деятелей Просвещения) неразумными отрицателями воли Всевышнего [6, р. 72—74]. В этом смысле, пожалуй, справедливо замечание одного из исследователей взаимоотношений между маркизом де Помбалем и отцами-иезуитами: «Надменность тех, кто поклонялся разуму, была настолько же чрезмерна, как и чувство превосходства тех, кто верил, что их жизни предопределены Провидением» [8, р. 85]. Однако в случае с маркизом мы сталкиваемся с подлинным просвещенческим оптимизмом относительно порядка действий в сложившихся обстоятельствах. Вошел в историю его ответ, данный перепуганному королю Жозе I на вопрос о том, что же теперь им делать после опустошительной катастрофы: «Похороните мертвых и исцелите живых!»³ Это были слова не покорного раба Божия, но самого Всемогущего, в распоряжении которого были все знания и

³ В литературе встречается также вариант: «Похороните мертвых и накормите выживших» [9, р. 326].

умения его времени, а главное — который сам олицетворял собой дух Просвещенной эпохи.

Интересно, что разрушение Лиссабона поставило перед премьер-министром три задачи: во-первых, задуматься о том, как укрепить дома во вновь отстроенном городе, во-вторых, разобраться в природе произошедшего и, в-третьих, заставить информационный поток, формировавший общественное мнение, работать на пользу принятых государством мер. Первого он достиг с помощью анализа оставшихся невредимыми зданий, а архитекторы эпохи Просвещения, продумывая новые улицы и застройку в пострадавших районах города, стремились одновременно реализовать идеи комфорта, безопасности и функциональности [5, с. 12]. Далее, он составил список вопросов об обстоятельствах землетрясения (как долго длились толчки и сколько их было, какие наблюдались разрушения, что случилось с колодцами, как вели себя животные) и разослал его по всей стране, желая, чтобы очевидцы дали на них точные ответы. В частности, именно лиссабонское землетрясение послужило источником возникновения науки сейсмологии. Наконец, он активно противостоял распространявшимся проповедям красноречивого итальянского иезуита Габриэля Малагриды, который увещевал жителей Лиссабона против того, чтоб считать землетрясение событием естественного происхождения. Он настаивал на том, что все случившееся — наказание Божие, посланное людям за их грехи. Слухи, основанные на рассказах священников, о том, что ровно через год страшная катастрофа повторится, сеяли панику среди горожан [9, р. 328ff.]. Помбалю удалось справиться с ними при помощи могучего средства периодической печати: он смог в кратчайшие сроки восстановить распространение прессы, и через газеты информировал горожан о ходе реконструкции города, поиске раненых и пропавших без вести, а также о

ситуации в стране в целом. Все эти предпринятые маркизом де Помбалем меры были в конечном итоге направлены на одно: человек должен преодолеть мистический ужас перед неизвестным и научиться понимать происходящее силами собственного разума. Тем самым он стремился, с одной стороны, противостоять мракобесным слухам, затруднявшим восстановление города, а с другой — сделать каждого читателя этих газет свидетелем происходящего, соучастником возрождения разрушенной португальской столицы. Примечательно, что в 1758 году Помбаль расправился и с ненавистным ему иезуитом Малагридой: тот был арестован по обвинению в заговоре и казнен через гироту с последующим сожжением на костре [10, р. 99].

Ситуация с пандемией 2020 года в сущности своей идентична лиссабонской катастрофе. Во-первых, она также, как и последствия разрушения Португальской империи, имеет всемирный резонанс, сказывающийся во всех областях жизни и деятельности современной цивилизации. Во-вторых, эпидемия коронавируса оказалась чрезвычайно влиятельным еще и в культурном отношении: она властно оттеснила все остальные события на второй и третий план и стала предметом самых разнообразных исследований. Так, в марте и апреле текущего года на платформах Amazon, Ozon, Litres и др. было размещено более ста изданий, посвященных COVID-19. Разброс тематики при этом огромен: здесь мы находим как научно-популярную и философскую литературу, так и конспирологические сочинения и даже раскраски для детей [11]. Как и после 1755 года изменился язык: тогда были переосмыслены понятия и метафоры, связанные с устойчивостью, основательностью, фундаментом, теперь же — все, что касается околопрививочной тематики и, шире, конспирологического антуража вокруг неисследованного до конца естественнонаучного феномена. Чего стоят только сочный англицизм

«covidiot» [12] или многократно воспроизведенная в Рунете строка И. А. Бродского «Не выходи из комнаты...» применительно к режиму самоизоляции! Здесь мы имеем дело с существенным механизмом адаптации к современной культурной среде, о котором писал Р. Докинз: мемы создаются как единицы передачи культурного наследия, иначе говоря, репликаторы информации в «живительном бульоне» человеческой культуры [13, гл. 11].

Наконец, в-третьих, перед современным человечеством как перед единым целым (возможно, и как перед биологическим видом) коронавирус поставил ту же задачу, что и стихия перед маркизом де Помбалем: необходимо не только понять, что делать, но и выявить природу произошедшего, в том числе уже и на культурном уровне, а также умело организовать своевременное и достоверное информирование населения, не позволив ковид-диссидентам и адептам лженаучных взглядов возглавить информационную повестку. Случай с лиссабонским землетрясением оказывается как бы архетипом новоевропейской рациональности. В нем мы видим разворачивающееся противостояние уже не опасным маргиналам, которых в романтизированном Средневековье отправлялись в бесконечное плавание на «кораблях дураков», не борьбу с «дворами чудес», в которые сбивались деклассированные элементы Парижа Виктора Гюго, — мы видим, как вид *homo sapiens sapiens* противопоставляет себя могучей стихии, пользуясь своим разумом для ее укрощения. Исторически одновременно с этим происходит и пресловутая институционализация практик знания как властных практик, одной из важнейших составляющих которой стала кристаллизация системы здравоохранения. Отчего она играет такую важную роль?

COVID-19: тотальная мобилизация

М. Фуко, исследуя опыт организации медицинских учреждений в революционной Франции, указывает на то, что требования политической идеологии и медицинской технологии в то время феноменально совпадали: «В едином порыве врачи и государственные чиновники требовали, иногда в сходных словах, но на различном образом укорененных основаниях, упразднения всего, что могло мешать установлению нового пространства: больниц, которые искажали специфические законы, управляющие болезнью, и которые нарушали не менее строгие законы, определяющиеся связью собственности и богатства, нищеты и труда; врачебных корпораций, мешавших образованию централизованного медицинского знания и свободной игре безграничного опыта, доходящей до пределов Вселенной; наконец, Факультетов, признающих истину лишь как теоретическую структуру и придающих знанию социальные привилегии. <...> Необходимо создать мир, где взгляд, свободный от всех помех, будет подчинен лишь непосредственным законам истины, но взгляд не просто верный и починенный истине без страховки независимым управлением: взгляд, который видит, есть взгляд, который доминирует <...>» [14, с. 57—58]. Тем самым утверждается властное первенство знатоков — экспертов — ученых, от которых требуется устроить безопасное (от болезни) пространство, руководствуясь точными знаниями того, как протекает болезнь, как необходимо с ней бороться и как при этом должен вести себя пациент. Направленный взор знающего (собственно, доктора в его первоначальном смысле) приобретает семантическую окраску политического императива и особого жеста, наделяющего человека институциональным статусом. На первый взгляд это может показаться бесчеловечным. Однако за этим *жестом* стоит по природе своей гуманистический принцип, в соответствии с которым всякий деятель обретает в мире принятия решений свою субъектность. Л. Альтюссер

справедливо замечает, что идеология имеет то же воздействие на человека, что и окрик на улице, спонтанное к нему обращение: «идеология “действует”, или “функционирует”, таким образом, что “вербует” субъектов в среде индивидуумов (она вербует их всех) или “трансформирует” индивидуумов в субъектов (она трансформирует их всех), то есть тем самым образом, который мы называем “обращением” и который можно себе представить в виде самого банального, ежедневного обращения полицейского (или кого-то другого): “Эй, вы, там!”» [15]. При этом человек-субъект всегда подспудно понимает, что окликают именно его; в этом смысле мы все как субъекты действия обречены на объективность, на то, чтобы постоянно выполнять функцию инстанций по принятию или одобрению решений. Наделенное властью меньшинство осознанно стремится декларировать свою волю в форме всевозможных предписаний: те, кто знает, повелевают теми, кто не обладает знанием. В условиях современного политического мира мы сталкиваемся с тем, что Ж. Рансьер пронизательно называет *медиализацией мысли*: примером тому служит логика проведения французского национального этапа голосования по Конституции Европейского Союза, когда элиты принимают консолидированное решение в обход выраженной политической воли народа, аргументируя это присущим им правильным пониманием ситуации [16, p. 141; 17, p. 13ff.].

Однако ведь если люди здоровы и население в безопасности, любой политический лидер будет пожинать плоды своей победы, кто бы ее не обеспечил — но стоит угрозе выйти за контролируемые государственной машиной границы, необходимо будет найти того, кто персонифицирует борьбу с этой угрозой. Сегодня это хорошо видно по тому, как относятся к финансированию государственных и международных программ здравоохранения ведущие игроки в мировой политике: они никогда не

сознаются в том, что какие-то их действия влекут за собой приобретение для власти, а какие-то —потери для нее. И все же те из них, кто успешен в разработке и управлении программ всемирного здравоохранения, всегда сводят воедино свои личные повестки и то, что они считают «всеобщим благом» (“global goods”), поскольку по умолчанию признается, что того, чего хочет каждый из них, хотят и все здравомыслящие люди на свете [18, р. 323]. Таким образом, здравый смысл становится арбитром воли народа и, соответственно, критерием принятия единственно правильного решения. Короче говоря, организованная таким рациональным образом жизнь создала человека-идеологического субъекта.

Помимо стремления к «легализованному мистицизму» XX век обогатился также появлением коллективного субъекта. Личность, составившая доблесть (ἀρετή, virtus) мира модерна, утонула в массовости, но не растворилась в нем до конца. Единичное в человеке по-прежнему сообщает тягостное ощущение одиночества и невротичного существования, всякий раз провоцируя человека на отождествление себя с Другим, который заведомо распознается как солидарный с ним член одного ряда. Одним из важных антропологических следствий этого является такой феномен XX века, как *омассовление* человечества: это важное свойство, делающее возможным ощущение единства человечества с самим собой на основании солидарности и эгалитаризма, в том числе и в аксиологическом ключе. Человек на закате мира глобализации и всеобщих ценностей, мира единых для всех представлений о благе и здоровье, о безопасности и обустроенности начинает понимать, насколько этот мир зыбок и ненадежен. Выражением такого ощущения стала постоянная тревога, невротизация личности: с одной стороны, хорошо известны и эволюционно объяснимы адаптационные способности человека к опасности в постоянных условиях стресса во время горячих фаз боевых

действий. С другой же стороны, жизнь в комфортной и безопасной урбанизированной вселенной, представляющая собой не то бентамо-фукольдианский паноптикон, не то всемирную социальную паутину с анонимным аватаром в центре нее, служит сегодня куда более благоприятной почвой для множества самых разнообразных нервных расстройств, нежели вялотекущая Столетняя или Тридцатилетняя война. Конец эпохи модерна вполне характерно завершается борьбой с потрясениями внутри самого человека, который больше не является образом и подобием Божьим, по крайней мере, перестает видеть себя таковым в зеркале природы.

Отличительной чертой современности является солидарность, приверженность к невидимым, но ощущаемым сообществам, участие в жизни государства, для которого Гоббс предложил пронизательную метафору «смертного божества». Однако классическое государство как аппарат управления и подавления перестает быть функциональным. Размышляя о возможностях государства в борьбе с распространяющейся инфекцией коронавируса, А. Ф. Филиппов поясняет, что необходимо различать нормальное и ненормальное чрезвычайное положение: первое вводится и отменяется по определенным правилам, второе — неожиданно и непоследовательно. В любом случае мы сталкиваемся со стрессовой ситуацией как для всего государственного аппарата, так и для его руководителей; насильственный характер принимаемых мер должен быть при этом компенсирован осмысленным подчинением, лояльностью граждан как объектов вводимых мер: «Они [руководители. — А.Л.] нуждаются не просто в общем принципиальном консенсусе подданных, но в разумном активном соучастии. А для него требуется именно то, чего нет и быть в этих условиях не может: единство власти и разума, позволяющее подчинённому не по приказу, а интуитивно становиться на сторону

начальника» [19]. На важность взаимопонимания государства и общества указывает и С. Жижек: «Главным доводом против идеи о том, что государство должно управлять слухами, чтобы предотвратить панику, является то, что само такое управление распространяет недоверие и, таким образом, создает даже больше теорий заговора. Только взаимное доверие между рядовыми людьми и государством может не позволить этому случиться» [20, р. 13]. Однако очевидно, что для такого доверия необходимы прочные основания. В условиях современной пандемии нет никакой уверенности в том, что принимающее решение меньшинство компетентно в своих действиях — но и большинство, которое вынуждено постоянно учитывать меняющиеся правила политической игры, не могут чувствовать себя безопасно, лишь запершись дома. Необходим критерий, или инструмент, который позволил бы ощутить движение опасности.

Эпидемия COVID-19 наглядно продемонстрировала, что идеология неолиберализма с ее принципиальной субъектностью несостоятельна с борьбой с невидимой и постоянно нависающей угрозой. Если раньше политики своими решениями конституировали расстановку сил в мире, то теперь ситуация принятия решений такова, что субъектный статус не подходит для адекватной борьбы с постоянно меняющимся соперником. Этот момент блестяще ухватил А. Камю, когда один из его героев на реплику другого, ожидающего приказа начальства для дальнейших действий в борьбе с начавшейся чумой, восклицает: «Тут не приказы нужны, а воображение!» [21, с. 80] В современном по-набоковски прозрачном мире публичность является важнейшим условием существования политического деятеля. Не то чтобы он должен делать все без утайки, но любое действие или недеяние игрока на политической сцене теперь будет оценено в его пользу или засчитано за поражение. В этом смысле, перед заразой равны все: если человек становится настолько

объективным, то он уже не может избежать действия, причем действует он всегда от первого лица, даже если распределяет ответственность на своих сподвижников или делегирует кому-то решение в неудобной для себя ситуации.

Вместе с тем нельзя не заметить, что признаков эгалитаризма современной ситуации добавляет и обрамляющий его визуальный ряд. С. Жижек в опубликованной в первые месяцы болезни пронзительной брошюре замечает, что медицинские маски, ставшие обязательными атрибутами в общественных местах, предоставляют желанную анонимность тем немногим, кто носит их, и освобождают от социального давления получения признания [20, р. 45]. Не раздастся ли в этих словах эхо замечания К. Н. Леонтьева о повсеместном ношении фраков как вечном трауре европейцев [22, с. 54]? Не идет ли здесь речь не столько о том, что будущее уничтожает некий прекрасный *ancien régime*, сколько о том, что уже пройдет поворотный момент, когда мы могли бы подумать, что мы существуем в большом мире безотносительно друг друга? Современная ситуация специфична, поскольку на глобальном уровне человечество действует именно как организованная демократия, в рамках которой каждый представитель конкретного государства имеет собственный голос. Э. Юнгер, говоря об омассовлении мира и начале века технического прогресса, делал вывод об изменении характера мобилизации с частичной, присущей только монархическому строю, на тотальную, которая типична для государств массово демократических. Здесь на передний план выходит суровая фигура рабочего, своей широкой спиной оттеняющая гордую статью прежде утверждавшегося героя: «[К]аждая отдельная жизнь все однозначнее становится жизнью рабочего, и за войнами рыцарей, королей, и бюргеров следуют войны *рабочих*, — войны, отличающиеся рациональной структурой и беспощадностью,

представление о которых мы получили уже в первом большом столкновении XX века» [23, с. 453]. Мы наблюдаем удивительное переключение регистра: сегодня, в век толпы и массовой культуры (в самом широком смысле), господствуют представления о мобилизации сил каждого отдельно взятого человека — в то время как в героическое время отдельные человек концентрировал в себе самом все свои силы. Говоря об универсальном гении Гёте, К. А. Свасьян употребляет замечательную формулу «все мобилизованные силы индивида» [24, с. 120], тем самым подчеркивая, что в своем лице Великий Человек аккумулировал все многообразие собственных устремлений, как бы властно заставил множество своих интересов и достижений органично произрастать из единого основания собственной личности. По-видимому, эпоха коронавируса знаменует собой эпоху подлинной тотальной мобилизации в лице государственного аппарата при информационной и моральной, а в идеале и обоюдной, поддержке нации.

Cui bono?

Уже было сказано о том, что в первые месяцы пандемии мир обогатился огромным количеством тематической литературы. Обобщая все это информационное многообразие, мы могли бы выделить две господствующих направления. Во-первых, это различные прогнозы, попытка предвидеть дальнейший ход вещей и по возможности обосновать и проанализировать разворачивающуюся перед автором перспективу. Особенно заметны прогнозы экономические и общественно-политические, задающиеся вопросом о том, удастся ли сохранить прежний, «доковидный» порядок вещей или вирус в XXI веке сыграл ту революционную роль, после которой *ancien régime* более нельзя себе помыслить. Во-вторых, это всевозможные теории заговоров, изливающиеся нескончаемым потоком не только печатно, но и изустно, а

больше всего — из самых современных средств массовых коммуникаций [25]. Telegram, Tick-Tock, Facebook, YouTube и прочие социальные сети и информационные платформы буквально забиты всевозможными новостями о том, кому выгодно «всемирное помешательство», и разоблачением сил, которые, желая зла, под видом совершения блага собираются чипировать все население Земли. Казалось бы, эти две тенденции несовместимы — ведь если в первом случае мы говорим о предмете экспертизы, о том, что нам предлагают аргументированное обоснование той или иной позиции, то во втором случае мы сталкиваемся с бездоказательными или полными натяжек фантазиями. И тем не менее, с нашей точки зрения, между этими позициями существуют определенные точки соприкосновения.

Сила современной науки в том, по-видимому, и состоит, что она господствует над всеми возможными вариантами описания действительности и требует согласовывать с собственным дискурсом иные, ненаучные, мифологические практики толкования мира. Но современный этап науки «сложных самоорганизующихся человекоразмерных систем» [26, с. 50—51] требует новых формулировок, нового концептуального языка — тем более, что сегодня, после тотальной научной мобилизации вследствие COVID-19 тезис Б. Латура о том, что «[н]ет существенного различия между гуманитарными или общественными науками и науками точными или естественными, потому что нет больше науки, отличной от общества» [27, с. 210] звучит необычайно остро. Выработанный язык науки — это язык соответствий того, что мы знаем, и того, что мы делаем, и потеря равновесия между сказанным и сделанным или сказываемым и делаемым в данный момент времени грозит разрывом лежащей в основе нашего рационального мира смыслообразующей структуры. Ведь если мы прибегаем к иным формам

обоснования (мифологическим, или как вариант религиозным), мы тем самым рискуем утратить фактор очевидности, публичности и общедоступности данного сегмента знания. Если уж знать — так только сразу всем и при прочих равных условиях.

Интересно, что закрепление политического статуса жреца истины постепенно связывалось с усложнением техники добычи и распространения знания, поскольку сама природа научного знания изменилась. А. В. Дьяков совершенно справедливо замечает: «Вторая половина XIX в. — время открытия невидимых сил, господствующих над всем видимым миром: прибавочная стоимость, икс-лучи, бессознательное, Пастеровы микробы; время тайных обществ и скрытых заговоров, сплетаемых невидимыми злодеями по всему миру. Эти скрытые силы дают власть» [28, с. 14]. Здесь речь идет о том, что в отечественной парадигме принято называть неклассической рациональностью: виртуозная математизация приходит на смену видимости исследуемого материала, и постижение таинств микромира становится новой, подтверждающей макромир реальностью. Считается, что эта парадигма нами преодолена, и на смену неклассической науке пришла постнеклассическая с ее всеохватной междисциплинарностью и повсеместной имплементацией эволюционизма. Тем не менее, не следует забывать, что наряду с существеннейшими прорывами в физике начала XX века, с открытием заново законов Менделя, с преобразованием эволюционного учения, наряду с прорывными достижениями в науках о человеке и обществе (прежде всего в лингвистике и культурной антропологии) разворачивалась грандиозная изнанка этого познавательного полотна: теософия, герметика, возрождение магических практик и спиритизм. Иллюстрацией такой диалектики научного и мифологического постижения мира может служить замечательная особенность семантического смещения понятия

«грамматика» — зафиксированная словарями XVIII века трансформация из *grammar* в *glamour*, т.е. из умения в искусство, а затем и просто в сторону притягательной магической силы [29, с. 13]. Именно последнее чрезвычайно характерно для эпохи романтизма с ее культом гения и интересом к таинственному, мистическому — однако не будем забывать о том, что славная готическая литература появилась в эпоху торжествующего позитивизма.

По-видимому, установка на схватывание мира в его единстве и цельности присуща человеку как определенное свойство сознания на определенной стадии его эволюционного развития. Это отмечают и антропологи, изучающие человека с точки зрения биологии — А. В. Марков указывает на этом свойство на примере восстановления воображаемых отношений с реально отсутствующими людьми: «[С]пецифическая черта нашей психики — умение вступать в социальные отношения с людьми, в данный момент отсутствующими. Без этого не смогли бы существовать большие организованные коллективы. <...> Способность поддерживать отношения с “идеальным образом” отсутствующего человека — полезнейшая адаптация, но у нее есть неизбежные побочные следствия. Среди них такие широко распространенные явления, как стабильные, реалистичные и эмоционально насыщенные “взаимоотношения” людей (особенно детей) с вымышленными персонажами, героями, умершими родственниками, воображаемыми друзьями. Отсюда до религиозных верований — один шаг» [30, с. 439]. Другими словами: если некий конкретный человек (или персонаж), который по какой-то причине важен для меня или моего сообщества, отсутствует, то я при помощи естественного адаптационного механизма могу достроить его идеальный образ в своем сознании и тем самым восстановить с ним социальные отношения. При этом понятно, что

человек живет не только в окружающем природном, но и в куда более привычном ему окружающем культурном мире, и интересно было бы обсудить действие этого механизма в рамках теории «воображаемых сообществ», развитых Б. Андерсоном [31]. Однако этот механизм проявляется не только в отношении людей и социальных связей — мы наблюдаем его и в отношении всей реальности.

Раз наука — это то, как происходит и легитимизируется «расстановка сил» на карте научного мира, то наличие «слепых зон» в рамках складывающейся научной мозаики мира также должно обрести свой язык. Это вовсе не язык безумия — это язык мифа, который постоянно присутствует рядом с нами и как бы всякий раз стремится выйти из тени научного дискурса. Леви-Стросс хорошо говорит об этом в связи с двумя регистрами мышления, мифологического и научного: «[Ф]еномены из области больших и малых величин, затрагивающие представления о размерах и долгое время остававшиеся непоколебимыми, противоречат здравому смыслу точно так же, как самые причудливые мифологические построения. <...> Чтобы представить себе сверхъестественный мир, древние, а также близкие нам по времени бесписьменные народы изобретали мифы. И приходится с интересом констатировать, что, занимаясь мифотворчеством, они подчас предвосхищали сказки, которые придумывают современные физики, чтобы довести до нашего понимания результаты своих исследований и теорий, выстроенных на их основе» [32, с. 142—143]. Иначе говоря, логика мифологического мышления не менее последовательна и даже столь же неумолима, что логика мышления, основанного на данных естественных наук. Отличаются по существу только природы тех явлений, которые подвергаются мифологическому или научному исследованию: «Может быть, в один прекрасный день мы поймем, что в мифологическом мышлении работает та же логика, что и в

мышлении научном, и человек всегда мыслил одинаково “хорошо”» [33, с. 270]. Фактически, мы здесь сталкиваемся с развитием (хотя и в отступлении от первоначально эволюционистской схемы) классического тезиса Дж. Дж. Фрэзера о том, что магия — это псевдонаука, но при этом не следует считать мифологию и верования первобытных сообществ в умственном отношении ниже нашего века. Фрэзер одним из первых со всей обстоятельностью указал на аккумуляцию опытного знания как на качественный критерий развития исторически более позднего общества по отношению к более раннему [34, с. 251—253]. Безусловно, Леви-Стросс не считал магическое или мифологическое мышление находящимся с научным в одной плоскости; однако мы отмечаем, что как бы не были различны принципы и даже природа научного и мифологического мышления, мы всегда обнаруживаем их бок о бок друг с другом, насколько бы общество в данный нам период истории не продвинулось бы в критическом и рационально обоснованном поиске истины.

Из истории науки известно, что существуют различные формы бытования знания. То, что некогда считалось мейнстримом, с течением времени и под натиском новых данных сдается в архив, а при попытках возродить изжитые и опровергнутые представления в рамках уже поменявшейся парадигмы объявляется лженаучным и встречает со стороны исследовательского сообщества решительный отпор. Яркими примерами здесь являются астрология, алхимия и всякого рода неэволюционные представления в науках о жизни. С другой стороны, существующий мейнстрим может категорически отказывать в признании вновь возникающим теориями — так было с учением о метаморфозах растений И. В. Гёте или с гипотезой дрейфа континентов А. Венегера. Во времена, однако, научно сообщество признает их, выводя из тени *маргинальной науки (fringe science)* и помещая в корпус актуального

знания. Так или иначе подобные пертурбации знания возможны, а также сами влияют на становление определенного мировоззренческого фона, на котором и благодаря которому они существуют в качестве элементов знания и научных фактов. Иначе говоря, признать нечто научным или ненаучным можно только имея некоторый исторический и культурно сложившийся фон, который обычно в литературе обозначают понятием *картины мира* (*das Weltbild*). Предложивший это понятие Г. Герц понимал под ним «совокупность внутренних образов внешних предметов, из которых логическим путем можно получать сведения относительно поведения этих предметов» [35, с. 87]. Однако в современном смысле всеобщих метафизических предпосылок узнавания и выражения мира средствами сложившегося естественно-научного языка мы пользуемся этим понятием вслед за М. Хайдеггером, в своей знаменитой статье перечислившим пять основных явлений, которые характеризуют современную науку [36].

Вот почему в связи со сказанным мы не можем игнорировать также и психологический аспект картина мира. Пандемия показала нам, насколько хрупки наши представления о действительности и что подобные ситуации неопределенности в большей степени говорят об основополагающих свойствах нашего внутреннего устройства, нежели устройства внешнего мира. Это подтверждается и наблюдением психологов: «Потребность людей в определенности картины мира очень сильна и, по-видимому, сильнее, чем потребность в адекватном контакте с реальностью. Большинство людей по этой причине предпочтут любое однозначное объяснение каких-либо сложных явлений воздержанию от попытки объяснить их в условиях нехватки данных» [37, с. 18]. Отсюда, по-видимому, и появляется закономерный, хотя и совершенно в духе Фрэзерова «первобытного философа» вопрос *cui bono?* — кому это

выгодно? Ведь возникновение различных объяснительных моделей пандемического процесса, поиск бенефициаров эпидемии коронавируса с определенностью может свидетельствовать только о том, что наша вера в причинность зависит от принципа соответствия прошлого и будущего опыта, как это было блестяще продемонстрировано В. В. Васильевым [38, с. 39—44]. Этот универсальный принцип нашего сознания позволяет нам эффективно (и одновременно эффектно) достраивать общую картину происходящего на убедительных для нас самих основаниях, но при этом нисколько не достоверных с точки зрения разумного исследования данных. В этом смысле нам нужен условный выгодоприобретатель, чтобы рок, случайность или объективное незнание и добросовестное заблуждение человека нашло в его лице источник разумного целеполагания.

Тогда восстановленная в нашем сознании система работает хотя бы в том смысле, что она предстает как единая, целостная, а значит, осознаваемая и потенциально контролируемая. Иными словами, целокупность картины мира позволяет нам перевернуть основополагающий тезис естествознания Нового времени, гласящий, что мир — это система, которую человек постепенно открывает, познает и в отношении которой он изначально предполагает, что нет никакого формального условия утверждать о ее предопределенности. Переворот этого тезиса не следует воспринимать как шаг обратно к метафизике, потому что это шаг вперед — к идеологии.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. **Узланер Д. А.** Конец религии? История теории секуляризации. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2019. 240 с.
2. **Исихак Ф.А., Хамад М.А., Мустафа Н.Г.** COVID-19: обновленный взгляд // Инфекция и иммунитет. 2020. Т. 10. № 2. С. 247—258.
3. **Кравчик Е.В.** Влияние пандемии на сохранение культуры // Society and Security Insights. 2020. Т. 3. № 2. С. 150—157.

4. **Terzic B.** COVID-19 as Not Unique but New Generic Problem // *Horizons: Journal of International Relations and Sustainable Development*. 2020. Vol. 16. P. 84—91.
5. **Морайш А.Ж., Морайш С.Ю., Тарасова И.В.** Португальская конструктивная система Помбалино, или Чему научили руины // *Архитектон: известия вузов*. 2018. № 3 (63). С. 1—18.
6. **Kierner C. A.** *Inventing Disaster: The Culture of Calamity from the Jamestown Colony to the Johnstown Flood*. University of North Carolina Press, 2019. 304 p.
7. **Никонов А. А.** «Ужасное потрясение» Европы. Лиссабонское землетрясение 1 ноября 1755 г. // *Природа*. 2005. № 11 (1083). С. 21—29. [Электронный ресурс]. — URL: http://vivovoco.astronet.ru/VV/JOURNAL/NATURE/11_05/LISB.HTM (дата обращения: 17.07.2020).
8. **Alfaro A.** *The Monster of Reason* // *Artes de México*. 2008. No. 92. P. 84—94.
9. **Neiman S.** *Evil in Modern Thought: An Alternative History of Philosophy*. Princeton NJ, Princeton University Press, 2015. 408 p.
10. **Fumaroli M.** *Between the Rigorist Hammer and the Deist Anvil* // *Artes de México*, 2008, No. 92. P. 97—101.
11. «О коронавирусе уже начали писать книги — от романов про карантин с бывшим до раскраски Fuck Off, Coronavirus Краткий обзор “Медузы”». [Электронный ресурс] — URL: <https://meduza.io/feature/2020/05/03/o-koronaviruse-uzhe-nachali-pisat-knigi-ot-romanov-pro-karantin-s-byvshim-do-raskraski-fuck-off-coronavirus> (дата обращения: 17.07.2020).
12. «New Words We Created Because of Coronavirus». [Электронный ресурс] — URL: <https://www.dictionary.com/e/s/new-words-we-created-because-of-coronavirus/#covidiot> (дата обращения: 17.07.2020).
13. **Докинз Р.** *Эгоистичный ген*. М.: Corpus, 2020. 512 с.
14. **Фуко М.** *Рождение клиники*. М.: Академический проект, 2010. 252 с.
15. **Альтюссер Л.** *Идеология и идеологические аппараты государства*. [Электронный ресурс]. — URL: <http://www.intelros.ru/readroom/nz/neprikosnovennyj-zapas-77-32011/10296-ideologiya-i-ideologicheskie-apparaty-gosudarstva-zametki-dlya-issledovaniya.html> (дата обращения: 17.07.2020).
16. **Rancière J.** *Chronicles of Consensual Times*. New York: Continuum. 2010. 156 p.
17. **Koljević Griffith B.** *Twenty-First Century Europe at the Crossroads: Polis, Demos, Subjectivity, Democracy* // *Kritika & Kontext*. 2019. No. 56 (1). P. 8—15.

18. **Muraskin W.** The Power of Individuals and the Dependency of Nations in Global Eradication and Immunisation Campaignes // Holmberg Ch., Blum S., Greenough P. (eds.). The Politics of Vaccination. A Global History. Manchester, Manchester University Press, 2017. 343 p.

19. **Филиппов А. Ф.** Нормальность и ненормальность чрезвычайного // Россия в глобальной политике. [Электронный ресурс] — URL: https://globalaffairs.ru/articles/normalnost-chrezvychajnogo/?fbclid=IwAR2gSD7gMNUVzJRfuGmWYO_DBnM3rUyy2YMIx60XtcVHVEotjzUbHgqkL8 (дата обращения: 17.07.2020)

20. Zizek S. Pandemic! COVID-19 Shakes the World. New York, London, OR Books. 2020. 146 p.

21. **Камю А.** Чума. М.: Издательство АСТ, 2016. 382 с.

22. **Бердяев Н. А.** Константин Леонтьев. Очерк из истории русской религиозной мысли. Париж: YMCA-Press, 1926. 268 p.

23. **Юнгер Э.** Рабочий. Господство и гештальт; Тотальная мобилизация; О боли. СПб.: Наука, 2000. 539 с.

24. **Свасьян К. А.** Философское мировоззрение Гёте. М.: Эвидентис, 2001. 219 с.

25. **Sitaraman S.** 2019-NCOV Political Framing and Blame-Gaming // Security Nexus Perspectives. Daniel K. Inouye Asia-Pacific Center for Security Studies. 2020. [Электронный ресурс] — URL: <https://www.jstor.org/stable/resrep24861> (дата обращения: 17.07.2020).

26. **Степин В. С.** Типы научной рациональности и синергетическая парадигма // Сложность. Разум. Постнеклассика. 2013. №4. С. 45—59.

27. **Латур Б.** Пастер: Война и мир микробов, с приложением «Несводимого». СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2015. 316 с.

28. **Дьяков А. В.** Предисловие переводчика // Латур Б. Пастер: Война и мир микробов, с приложением «Несводимого». СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2015. С. 7—24.

29. **Вайнштейн О. Б.** Денди: мода, литература, стиль жизни. М.: Новое литературное обозрение, 2006. 640 с.

30. **Марков А. В.** Эволюция человека. В 2 кн. Кн. 2. Обезьяны, нейроны и душа. М.: Издательство АСТ: CORPUS, 2016. 512 с.

31. **Anderson B.** Imaginable Communities. Reflections on the Origin and Spread of Nationalism. London, New York: Verso, 2006. 351 p.

32. **Леви-Стросс К.** Все мы каннибалы. М.: Текст, 2019. 254 с.

33. **Леви-Стросс К.** Структурная антропология. М.: АСТ: Астрель, 2011. 541 с.

34. **Фрэзер Дж. Дж.** Золотая ветвь: Исследование магии и религии. М.: Политиздат, 1986. 703 с.
35. **Ярцева К. В.** Понятие «картина мира». Адаптивная функция картины мира // Вестник Поморского университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2010. № 4. С. 87—90.
36. **Хайдеггер М.** Время картины мира // Хайдеггер М. Время и бытие. СПб.: Наука, 2007. С. 58—86.
37. **Леонтьев Д.А., Моспан А.Н.** Картина мира, мировоззрение и определение неопределенного // Мир психологии. 2017. № 2 (90). С. 12—19.
38. **Васильев В. В.** Сознание и вещи: Очерк феноменалистической онтологии. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2014. 240 с.

УДК 1 (091)

А.Е. Шабалина

**ПРОБЛЕМА ДЕМАРКАЦИИ ЛОГИКИ ОТКРЫТИЯ И
ПСИХОЛОГИИ ОТКРЫТИЯ**

**THE PROBLEM OF DEMARCATATION OF THE LOGIC OF
DISCOVERY AND THE PSYCHOLOGY OF DISCOVERY**

ШАБАЛИНА Анна Евгеньевна – канд. филос. наук, доцент,
доцент кафедры философии и культурологии Санкт-
Петербургского государственного аграрного университета E-
mail: shabalinaae@gmail.com

SHABALINA Anna Ye. – St. Petersburg state agrarian University,
Saint-Petersburg, Russia.
E-mail: shabalinaae@gmail.com

В статье представлена проблема приоритетности имманентных основ научного творчества: логики и интуиции. Данный вопрос рассматривается сквозь призму «рациональной реконструкции» разработанной К. Поппером и И. Лакатосом. Другая позиция связывает научное творчество с неизбежным отступлением от ранее установленной логики, с включением интуитивного момента. При этом значение логики в научном открытии, не отвергается. Логика необходима и на стадии его подготовки, и на стадии разработки. С точки зрения ассоциативной теории и «эвристической логики» показан процесс интеграции логики и интуиции в получении нового знания. Обозначена проблема конкуренции человеческого и искусственного интеллекта в творческом процессе.

The article presents the problem of priority of the immanent foundations of scientific creativity: logic and intuition. This question is considered through the prism of the "rational reconstruction" developed by K. Popper and I. Lakatos. Another position connects scientific creativity with the inevitable digression from previously established logic, with the inclusion of an intuitive moment. However, the importance of logic in a scientific discovery is not rejected. Logic is necessary both at the stage of preparation and at the stage of development. From the point of view of associative theory and "heuristic logic", the process of integration of logic and intuition in obtaining new knowledge is shown. The problem of competition in the creative process of human and artificial intelligence is identified.

**НАУЧНОЕ ТВОРЧЕСТВО, РАЦИОНАЛЬНАЯ РЕКОНСТРУКЦИЯ, ЛОГИКА,
ИНТУИЦИЯ, ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ**

SCIENTIFIC CREATIVITY, RATIONAL RECONSTRUCTION, LOGIC, INTUITION, ARTIFICIAL INTELLIGENCE

Две стороны имманентной силы развития научного знания: научное творчество, в которое включают интуицию, с одной стороны, методологическое и логическое обоснование – с другой. В ходе истории можно проследить изменение понимания источника нового, при этом истинного, знания. Изначально способностью творения и обладанием истинного знания приписывалось сверхъестественным силам, т. е. носила онтологический характер. Особая неординарная деятельность человека приписывалась участию сверхъестественных сил. Так древние греки состояние энтузиазма описывали, как вселение в человека одного из олимпийских богов, тем самым человек на какое-то время обладал некоторыми свойствами бога. Один из корней слова «философия» нас отсылает к мудрости богов, так древние греки считали своей задачей лишь стремление к мудрости, поскольку обладать ею могут только боги. Средневековые ученые были нацелены на интерпретацию (расшифровку) божественных знаков и знамений. В эпоху Возрождения в рамках антропоцентризма возникает идея человека, как творца, в связи с этим, значение знаний и деятельности отдельного человека возрастает. В Новое время научная мысль натывается на тщетные попытки объяснить суть бытия, и ставит теперь перед наукой задачу описания природы математическим способами. Начинается шествие разума, главенство метода в познании.

Мы видим то значение, которое привносит метод в дело постижения мира, разработке научных теорий. Необходимость метода стала насущна для Нового времени для преодоления средневековой схоластики. Ф. Бэкон видел метод как способ получения нового достоверного знания, хотя надо отметить его надежды не оправдались, это скорее выбор из уже

имеющихся вариантов. Параллельно с методами эмпиризма складываются математические методы, большая заслуга в этом Р. Декарта. Такие ученые, как И. Кеплер, П. Ферма, Б. Кавальери, Б. Паскаль своими достижениями создают платформу для дифференциального и интегрального исчисления И. Ньютона и Г.В. Лейбница. В XVIII веке наблюдается оптимистичная переоценка значения логики как метода. Тотальное использование логики и создание новой методологии стало необходимостью в связи с задачей построения системы научного знания и его доказательства. В связи с этим, требование к научному знанию системности у И. Канта вытекало из априорного знания, заложенного как шаблон, в который, человек вкладывает знания из чувственного опыта, из такого понимания исключается живой человек со всеми его особенностями и проявлениями. Такое положение дел рассматривается как естественное для человека, что именно такой способ познания для человека выдается за возвращение к естественности. Методы естествознания и математики заняли твердые позиции в науке Нового и Новейшего времени, это подтверждалось теми успехами, которые были достигнуты в это время.

В отличие от классической рациональности в неклассической трактовке рациональности освоение, овладение познанием мира ставится в зависимость от позиции субъекта от тех отношений с миром, в которые он включен, не как имманентная составляющая предуготовленного знания («чистого разума» или «абсолютного духа»), а как зависящая от усилий человека. Вера в рациональное разрешение вопроса усиливается в связи с развитием позитивистской мысли и установлением сциентистских взглядов. Для решения вопроса о природе научного знания и его развитии Карл Поппер вводит понятие «рациональная реконструкция».

К. Поппер, продолжая линию логического позитивизма, придерживается узкологического объяснения науки. Также, как и для

логических эмпиристов, для Поппера проблема реконструкции знания – это вопрос однозначного применения логики к его анализу и обоснованию. Они расходятся в том, насколько правомочно использование исключительно индуктивного аппарата. Поппер сомневается в возможности, однозначно реконструировать процесс приращения научного знания на фундаменте индуктивизма. С точки зрения ученого только исходя из дедуктивных положений наука может гарантировать достоверные выводы. Можно сказать, научная мысль продвигалась в проблемных структурах и понятийных смыслах, начисто лишенных способности создать хотя бы намек на то, что не предсказывалось бы содержанием тех предпосылок, принципов и установок, в границах которых только и могла проявлять себя классическая наука. Но здесь остается за рамками понимание влияния социально-исторической обусловленности становления научного знания.

Карл Поппер отмечает, что, если понимать под реконструкцией то, что стимулирует и вдохновляет познание, тем самым подчеркивая психологическую направленность, то она не может являться задачей логики познания. Если же реконструкцию мыслить как рационально воссозданную последовательность, чтобы установить, было ли открытие или получена новая истина, то в этом случае «рациональная реконструкция» является лишь инструментом для обоснования уже свершившегося открытия с помощью логического анализа, конкретных мыслительных процессов. И тогда она не может охватить в своем описании эти процессы в их полноте и сложности, как они действительно протекают, а только может восстановить логическую структуру процедуры проверки. В таком случае мы можем говорить о «рациональной реконструкции» как о способе, которым мы обогащаем знание, присоединяя к прежнему его массиву новое [1, с.32], прошедшее проверку логическими критериями.

Как видим, данное понятие служит средством для различения логики открытия и психологии открытия имеющей существенно иррациональный характер.

Так же затруднение вызывает двойственность смысла в выражении «рациональная». Во-первых, он может быть заключен в том, что реконструкция осуществляется только рациональными средствами, представляющие плавный, непрерывный логический процесс. Тогда критериями ее помимо логической связанности, выводимости и т.п., будут точность, прозрачность конструкции, конечный набор мыслительных приемов. Таким образом, при этом подходе рациональная реконструкция видится тождественной техники анализа, и подразумевает исключительно инструментальное приложение. Во-вторых, допустимо понимать реконструкцию как выявление чисто теоретического содержания или ядра в сложном комплексе знания, где допускается отступления от ранее установленной логики.

Поппер подчеркивает важность введения понятия «рациональность», желая разграничить логическое и психологическое, особо выделив интуитивный, психологический момент получения нового знания, поскольку он не лишен случайности, и чрезмерно индивидуализирован, где затруднительна проверка по некоторым стандартам и предписаниям, которые признаются в качестве требования к знаниям, входящим в состав науки. С помощью понятия «рациональная реконструкция» Поппер хотел объяснить некоторые процессы в эволюции знания и его роста т.е. появления нового знания, но в рамках его исследования наблюдаем выявление логической структуры только готового знания.

«Рациональная реконструкция» логического эмпиризма строится на логике. Философия науки, в таком случае, реализуя рациональную

реконструкцию, занимается только логикой научных систем и их отношением к опыту. Следовательно, там, где логика не применима, там нет проблемного поля для философии науки. Как известно, согласно неопозитивизму логика, бессильна дать анализ открытия. Если бы это свершилось, заявляет Поппер, то оно бы равнялось бы изобретению логической машины открытий, что им самим признается абсурдом. Поскольку открытия не обладают логической структурой, рациональная реконструкция не распространяется на эту область формирования научного знания.

Обратимся еще к одной точке зрения на «рациональную реконструкцию» знания. Понимание истории науки Лакатос сводит к идее нахождения алгоритма, по которому изменяется научное знание. Этот алгоритм он обозначил как научно-исследовательскую программу, смысл которой заключен в образовании «жесткого ядра» исходя из осуществления исходных идей и гипотез. Именно нахождение этой программы, ее выделение из суммы разнородных фактов реальной научной истории путем обнаружения таких связей между ними, которые дают понимание их обусловленности и составляют суть «рациональной реконструкции» в представлении Лакатоса. Мы сталкиваемся с тем, что не любой факт эмпирической истории оказывается действительным фактом научного развития, также под сомнение попадают некоторые суждения ученых по поводу истинности их исследований и открытий. В этом свете «рациональная реконструкция» представляет собой структуру, требующая пересмотра и выборки фактов в соответствии с внутренним смыслом хода развития научного знания, что возможно лишь при понимании действительной сути этого хода, который в свою очередь возможен только при ретроспективном взгляде. Не случайно, что Лакатос говорит о рациональной реконструкции истории как «дистиллированной» [2, с.11].

То есть она представлена вне контекста исторических, социальных и иных реалий. Некоторые исследователи философии науки указывают на диахронический характер реконструкции науки в подходе примененным Лакатосом, в отличие от синхронического подхода логических эмпиристов, однако время не имеет существенного значения в его рационально-реконструированной истории.

В традициях рационального мышления Лакатос использует установку гносеологического дуализма, «стремящегося четко разграничить сферу видимости, в которой обречено пребывать обыденное сознание..., и сферу подлинной реальности, открытую для мудреца, решившего полагаться исключительно на усмотрение Разума» [3, с.246-247], подчеркивая различия между «внешней историей» и «внутренней» или логико-гносеологическим статусом понятия научно-исследовательской программы и применяемым методом «рационального реконструирования» в свете историко-философских аналогий. Но некоторая осторожность Лакатоса наблюдается в том, что, сформулировав антитезу «внешней» и «внутренней» истории науки, как конкретное выражение классической рационалистической схемы противоположения видимости и действительности, он стремится понять эти крайности в их зависимости. Признается в свете этой трактовки, что действительная история науки шире и многообразнее ее рациональной реконструкции, что она оставляет за границей воссоздания многие социально-исторические моменты реального движения знания. Но в свете рационалистической модели строится в полном согласии и рационалистической традицией подчинения эмпирически данного процесса развития знания: «рациональная реконструкция, или внутренняя история, является первичной, а внешняя история — лишь вторичной, так как наиболее важные проблемы внешней истории определяются внутренней историей» [4, с. 231].

Реальная история науки всегда «ведет себя не так», как того ей предписывает априорная логика развития. Лакатос советует: «Изложить внутреннюю историю в основном тексте, а в примечаниях указать, как «неправильно вела себя» реальная история в свете ее рациональной реконструкции» [4, с. 233]. Парадокс возникает в понимании Лакатосом реальной истории науки, как производной от ее рациональной реконструкции. Можно отметить, что в трактовке рационалистической философской мысли наблюдается излишняя увлеченность теоретической схемой в ущерб реальным историческим процессам роста знания, которые воспринимались как искажение законов развития «внеличностного знания». И так как рациональная реконструкция не распространяется на открытия, поскольку таковые не обладают логической структурой, то необходимо включить в сферу формирования научного знания механизмы субъективного характера, связанные с научным творчеством. Научное творчество, поскольку оно направлено на получение нового знания, тем не менее, существует в поле социокультурных факторов эпохи, которые стоит учитывать при изучении развития науки и установления каналов, воздействующих на сферу научных изменений.

В этом вопросе помимо положительной роли логики и метода, видится и противоположная сторона. Словами Пуанкаре, «чистая логика всегда привела бы нас только к тавтологии; она не могла бы создать ничего нового; сама по себе она не может дать начало никакой науке.» [5, с. 163]. Само открытие в момент озарения не подчиняется логике, а как бы отыскивается на ощупь, и лишь потом исследователь оформляет свой вывод в логическую форму. Нарушение строгой логики может быть двигателем научной мысли, в силу не следования за ней, но преодоления границ ее. Не застывшие формы абсолютной истины, а игра пытливого ума, постоянное движение мысли от восхождения к вершине знания и

далее к новой вершине дает науке то многообразие форм и образов для построения научной картины мира. «Очевидно, и в физике не требования логической стройности определяют научную ценность какого-нибудь Масквелля, а напротив, вольности Масквелля учат о необязательности в науке внешней системы и логического порядка» [6, с. 116] - так хорошо подметил это Флоренский.

Ф. Бэкон и Р. Декарт, разрабатывая схемы познавательного процесса, рассматривали интуицию как первооснову интеллектуального постижения мира. У Этьенна Бонно де Кондильяка в его «Трактате об ощущениях» началом мысли или первым движением мысли (души) описывается через сравнение ощущений приятных и неприятных. Кондильяк делает вывод об удивлении как первоимпульсе творческой мысли. Но в дальнейших разработках у Канта и Гегеля эта тема уходит на задний план и их последователями почти не рассматривалась. Но все же у Бэкона и Декарта интуиция была включена в систему познания, а Кант считал, что в получении новых выводов надо пользоваться синтетическими суждениями, но не понятно, как из кантовского трансцендентального, из априорных логических форм получается что-то действительно новое: «человек теряет обычное сознание, окаменевают при виде какого-либо неожиданного явления – он изумевает, т.е. Выходит из ума, выступает из обычного состояния, из себя самого...» [6, с.135]. Вот эта несогласованность: ожидание предопределенности для рассудка (кантовское трансцендентальное) вдруг не совпадает с действительностью, т.е. она не может уложиться в эти, априорные формы, вот здесь в этой пропасти между действительностью и знанием и возможна творческая мысль.

Дальше в истории науки понятие интуиции рассматривается вскользь или вовсе исключается из большинства философских работ, и только у Фихте интуиция становится героиней «Наукоучения». У Шопенгауэра

интуиция противопоставляется интеллекту, и эта тема существовала на заднем плане парадигмального знания. Таким образом попытки создания метаязыка, подчинение строгой логике и однозначности значений не увенчались успехом. И эту неудачу предвосхищал В. фон Гумбольдт, говоря о двойственности языка: «Уже прочно оформившиеся элементы образуют в известном смысле мертвую массу, но в ней заключается живой зародыш нескончаемых формаций. Поэтому в каждый момент и в каждый период своего развития язык, подобно самой природе, представляется человеку – в отличие от всего уже познанного и продуманного им – в виде неисчерпаемой сокровищницы, в которой он вновь и вновь открывает неизведанные ценности и неиспытанные чувства» [7, с.98]. С этой точки зрения язык — это оковы мысли, но единственный инструмент передачи знаний возможный для науки. Объяснение возможно только в границах самого языка.

Когда ученый осознает, что достиг некоей вершины знания, начинает усиливать, обогащать его, то именно в этот момент «зачарованная этими перспективами, Наука начинает верить в достигнутую вершину как в окончательную и в наличности остановки усматривает оправдание неподвижности вообще, в следствие чего дальнейшим усовершенствованием своей стоянки, кстати сказать, не ею самой достигнутой, полагает закрепление и поворота наблюдателя, так чтобы отныне все попавшие на эту вершину, всегда смотрели на дали через определенное, ради установки глаза проделанное, отверстие, но никак не оборачивались из стороны в сторону» [6, с.206]. Функцию этого отверстия и выполняет метод, отсекая все, что не помещается в рамки данного научного исследования. В этом смысле метод играет негативную роль и не может являться причиной появления действительно нового. Скорее вопреки методу это становится возможным. Система, модель, шаблон

сужают количество вариантов образов для понимания научного знания. Как заметил Флоренский: «Беспорядочному богатству и жизни неустроенной противостоит упорядоченная пустота и смерть. Если «объяснить» - это значит исчерпывающе описать, то ни в житейском мировоззрении, ни в научной систематичности нет объяснения. И его бы вообще не было, если бы метод, как таковой, существенно исключал богатство и жизнь» [6, с.128].

Таким образом, можно отметить два подхода получения нового знания. Согласно одному, достижение нового знания является плавным логическим процессом; другой связывает его с неизбежным отступлением от ранее установленной логики, с включением интуитивного момента. Опора первой тенденции, особенно под влиянием успехов позитивизма – развитие логического аппарата, казалось бы, ведущего к «логике открытия». Многим она импонировала «строгостью» методологической позиции, твердым противостоянием интуитивизму. Сторонники второй тенденции полагают, что творческий процесс в науке не исчерпывается производством логических операций. Путь к принципиально новым творческим результатам прокладывается интуицией, процесс которой не осознается его создателем. При этом значение логики в научном открытии, конечно, не отвергается. Логика необходима и на стадии его подготовки, и на стадии разработки. Но механизм перехода от первой стадии к последней не сводится к механизмам выводного знания, этот переход интуитивен.

Особенность современной ситуации осмысления природы процесса научного творчества состоит прежде всего в том, что научное рассмотрение интуиции до сих пор ограничивалось лишь описанием ее результативной стороны – эффекта, достигаемого посредством интуитивного мышления. В.В. Налимов и Ж.А. Дрогалина творческое озарение определяют, как

перестройку вероятностей в семантическом пространстве, возможную благодаря выходу в бессознательное. Итак, мы выходим к практической проблеме – вопросу об управлении творческим процессом. Одна из них считает основным принципом управления построение алгоритмов творческой деятельности, с использованием «технических приемов», применение которых вело бы к открытию нового. Эта тенденция представлена направлениями, ставящими своей целью разработку алгоритмов для решения творческих задач изобретателями, учеными и т.п. Такой подход к изучению процедуры творческого процесса в современной литературе известен под названием ассоциативной теории. Особенностью этой теории, является акцент на метод проб и ошибок опирающуюся на ассоциацию и отбор из ряда уже известных знаний. В логической и ассоциативной теориях творчества для интуиции исключалась, что и послужило возникновению противопоставления логики и интуиции в исследованиях творчества, выразившееся в фразе А. Пуанкаре: «Доказывают при помощи логики, изобретают при помощи интуиции» [8]. Схожую позицию мы находим у А. Эйнштейна в его речи в честь Планка: «К этим законам ведет не логический путь, а только основанная на проникновении суть опыта интуиция» [9]

В Большой советской энциклопедии дано определение, согласно которому творчество – это «деятельность человека, созидаящая новые материальные и духовные ценности, обладающие общественной значимостью». Заострим внимание на словах «созидающая новые», поскольку не ясно, что считать новым. Если продукт мыслительной деятельности, будет содержать в себе уже известные и некоторые элементы нового, считать ли его новым, уникальным? Является ли наличие нового достаточным для признания творчества? По своему содержанию и сути возможности «логика открытий» противоречит самому

смыслу понятия о творчестве, но может нести дополнительную функцию в осмыслении науки о творчестве, и необходимо признать правомерность понятия «эвристическая логика». Известно, что по своей сути любое решение подлинно творческой задачи всегда выходит за границы логики, но как только это решение найдено, оно, может быть при определенных обстоятельствах логически осмысленным. И если оно принципиально ново, то с неизбежностью должно обогатить логику. Эвристической логикой в строгом смысле может быть названа та логика, которая постоянно обогащается в итоге анализа новых открытий. Но вот парадокс: опираясь на такую логику те задачи, которые до этого были творческими, перестают быть таковыми, они становятся задачами только логики, сфера творчества смещается и вновь оказывается за границами возможностей логики.

Феномены мышления, познания обычно описываются, особенно в рамках психологических школ, категорией процесса; и с этой точки зрения, главное видится в том, чтобы показать, как «протекает процесс», каковы его закономерности и т.д. Такова, например, хорошо известная схема познания – от ощущений к представлениям, а затем к мышлению, - описанная во всех отечественных учебниках и, более того, определяющая структуру изложения гносеологических положений. С точки зрения философской традиции она восходит еще к «Трактату об ощущениях» Кандильяка. Категориальная структура процесса, реализуемая в этой схеме, является основной и при изучении творчества.

Итак, исходя из представлений о процессе, нельзя построить схему научной деятельности, позволяющую учесть коннотативные моменты (т.е. вне имманентности этого процесса). Выход видится в отказе от представления деятельности как протекающего во времени процесса, только таким образом можно перейти к рассмотрению структуры и

механизмов научной деятельности, как совокупности функциональных составляющих, для которых следование друг за другом не имеет решающего значения и объединяются связями принципиально иного порядка. Осуществляя научно-исследовательскую деятельность некоторые ее этапы зачастую производятся различными учеными, к тому же в разное время и разных местах и в рамках разных научных традиций. С точки зрения общепринятого понимания творчества затруднительно выделить, какой из этих этапов считать творческим, а какой чисто техническим. Творчески значимым может оказаться любой этап, на котором было достигнуто нечто «научно и социально значимое», при этом имеет статус «нового знания». Новым знанием считается результат творческой деятельности, представляющий собой совокупность познавательных образов будучи опредмеченным и допускающий гипотетическую возможность применения в практической деятельности человека. Поскольку результатом творческой деятельности бывают и другие виды «новизны», используемые в качестве средств получения нового, то существенных различий в характере творческой деятельности здесь нет – есть лишь различие в результатах [10, с.41-42]. Так как творчество представляется динамичным, постоянно развивающимся процессом, то ему недальновидно примерять требования только линейной последовательности рациональной модели. Используя системный подход творчество можно определить с одной стороны, как структурное образование, обеспечивающее инвариантность системы, с другой, как динамическую систему, представляя единство устойчивости и изменчивости.

В работе английского представителя позитивистской ориентации философа М. Полани «Личностное знание» «истина» определяется, как личностная категория, принадлежащая к убеждениям отдельного

конкретного человека. Для Полани «личностное знание» - это единство личного, т.е. субъективного и объективного. «Личностное знание - это интеллектуальная самоотдача, поэтому в его претензии на истинность имеется определенная доля риска. Объективное знание такого рода может содержать лишь утверждения, для которых не исключена возможность оказаться ложными. ... будучи человеческими существами, мы неизбежно вынуждены смотреть на Вселенную из того центра, что находится внутри нас, и говорить о ней в терминах человеческого языка, сформированного насущными потребностями человеческого общения. Всякая попытка полностью исключить человеческую перспективу из нашей картины мира неминуемо ведет к бессмыслице» [11, с.19-20]. Для иллюстрации Полани использует пример, где из камней в саду выложено «Добро пожаловать в Уэльс», и мы делаем вывод, что их кто-то выложил; если же мы видим хаотически разбросанные эти же камушки, то делаем вывод о случайности именно такого их положения и даже можем подсчитать вероятность. Опираясь на теорию вероятностей, следует что априорная вероятность любого из этих вариантов одна и та же.

В лоне философии XIX века возникает тенденция, противопоставившая себя университетским традициям упорядочившихся форм. Им она противопоставляла совершенно иной мир: мир космических волепроявлений, мир жизненных порывов, мир борьбы тайных сил, побед и трагедий духа, мир проявлений гениальности, глубин личностных переживаний и побуждений, из которых рождается творчество. В некотором смысле даже можно сказать, что в познании действительности на уровне чувственно-художественного образа исследователю становится «тесно», и он преодолевает «горизонт знания». В этом преодолении ему помогает философия, которая своим категориальным аппаратом готовит фундамент для науки с ее средствами получения объективно-истинного

знания. Обычным гносеологическим разработкам они противопоставляли силу прозрения таинственных глубин сущего, такая сила дана не каждому и которая проявляется не всякий раз, когда к ней пытаются прибегнуть. Внешне, терминологически эта способность проникать в сущее, схватывая ее в полноте известна под именем интуиции. Но и в ее понимании произошел радикальный сдвиг. В ней не осталось почти ничего от картезианской рациональной интуиции, способной раскрывать структуру математической или формальной истины, ни от кантовского наглядного усмотрения (*Anschauung*). Образцом для нее стала служить художественная интуиция, подобно тому как вообще процесс художественного освоения и постижения мира был признан высшим и совершенным из возможных способов духовного отношения человека к миру.

Мы рассмотрели источники нового знания как онтологические (внешняя сверхъестественная сила или мир идей), так и антропологические (человек сам источник истинного знания и творческого начала). В последнее время становится краеугольным камнем вопрос о доступности творческого процесса искусственному интеллекту. Согласно современной нелинейной логике полученные с ее помощью вычисляемых методов устанавливаются связи между высказываниями, приводящими к решению научной задачи, взяв на вооружение теорию алгоритмов, используя точные методы устанавливает структуры различных форм мышления. Проанализировав количество способов решения задач и как они связаны между собой. Таким образом, в теоретико-познавательных исследованиях современная логика является продолжением и развитием анализа структур форм мышления. В конце пятидесятых годов в рамках теории алгоритмов А.А. Ляпуновым был предложен **операторный** метод, который позволял создать теорию синтаксических структур программ, А.П. Ершов

на стыке лингвистики и программирования создает метод функции расстановки для поиска совпадающих фрагментов (имен), и алгоритм оптимального распределения рабочих ячеек (регистров), и начальные идеи потокового анализа, Ю.И. Янов предложил метод разрешения семантических свойств алгоритмов и ряд других новшеств, которые позволяли получить логическую схему алгоритма, позволяющую прописать множество различных решений одной и той же задачи. Это было достигнуто с помощью приемов математики и программирования: любое решение задачи можно записать в виде последовательности связанных между собой определенных операторов с помощью алгоритмов, постоянные символы обозначающие операторы заменяли на переменные. В таком виде алгоритм представлял ряд переменных, что в свою очередь позволяло создать вариативность равновесных решений одной и той же задачи. Сторонники технического прогресса подвергли сомнению утверждение о том, что интуиция свойственна исключительно какими-то психическими особенностями индивида, принципиально недоступными логическому анализу. Такой логический анализ проводится в теории логических схем алгоритмов и в теории логических схем программ. Благодаря возможности точного алгоритмического описания процесса решения задач могут быть представлены в виде программы для нейронных сетей, и мы уже можем заметить, что выполнение процессов, связанных с интуицией передаются искусственному интеллекту. В 2020 году в Нидерландах впервые прошел музыкальный конкурс AI Song contest (аналог евровидения), в котором участвовала музыка, созданная исключительно искусственным интеллектом. В конкурсе приняли участие 12 команд ученых из ряда стран Европы (Швеция, Бельгия, Великобритания, Франция, Германия, Швейцария и Нидерланды) и одна из Австралии. Последняя и заняла первое место. Их искусственный интеллект

создал композицию Beautiful the World после обучения на мелодиях настоящего «Евровидения» и звуках, издаваемыми местной фауной – коалами, кукабаррами и тасманскими дьяволами. Другой пример: в 2018 году на аукционе Christie's в Нью-Йорке продали картину под названием «Портрет Эдмона Белами», автором которой стала нейронная сеть, создавшая полотно из набора данных 15 тысяч портретов, написанных между XIV и XX веками. Парижским ученым удалось обойти проверку дискриминатора, определяющего произведения созданные человеком или машиной. То есть искусственный интеллект создал уникальную вещь, которую признал картинный художественный искусствоведческий рынок. Если говорить о конкуренции человека и искусственного интеллекта, то человек по ряду позиций уже проигрывает.

Чем же заниматься человеку, если компьютеры вытесняют его не только из профессиональной деятельности, но и из творческой? Даже для мощного искусственного интеллекта, встречающегося с новыми условиями бытия, необходим механизм, генерирующий гипотезы, нужны критерии отбора гипотез, ограничивающих перебор вариантов. А это сфера интуиции, если подойти к пониманию творчества с отсылкой на Н.А. Бердяева, как «способности человека из доставляемого действительностью материала созидать новую реальность, удовлетворяющую многообразным потребностям человеческой жизнедеятельности» [12]. К чему прикладывать свой интеллект, волю, вдохновение, что будет достойно человека, что нельзя делегировать искусственному интеллекту? Это вопросы будущего, на которые нужно отвечать сегодня. Формирование образов будущего, которое удовлетворит потребности человека, но не превратит его в скучающую приставку к гаджету? Ученые, наука должны ставить себе задачи о создании таких условий, чтобы осталась у человека мотивация творить, поскольку только

человек может разобраться в собственных потребностях и направить усилия на привнесение гуманистических ценностей в научное знания и его результат.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. **Поппер К.** Логика научного исследования: Пер. с англ. / Под общ. ред. В.Н. Садовского. М.: Республика, 2004. 447 с. (Мыслители XX века).
2. **Лакатос И.** Доказательства и опровержения. М. 1967.
3. **Киссель М.А.** Судьба старой дилеммы. Рационализм и эмпиризм в буржуазной философии XX века. М., 1974. 280 с.
4. **Лакатос И.** История науки и ее рациональные реконструкции. // Структура и развитие науки. Сборник переводов. М.: Прогресс, 1978. С. 203-269.
5. **Пуанкаре А.** Ценность науки // О науке пер. с фр. М.: Наука, 1983. 561 с.
6. **Флоренский П.А.** У водоразделов мысли. М.: издательство «Правда», 1990. 447 с.
7. **Гумбольдт В. фон,** О различии строения человеческих языков и его влиянии на духовное развитие человеческого рода. М. Книжный дом «Либроком». 2013. 376 с.
8. **Пуанкаре А.** О науке. М.: Наука. 1990 [Электронный ресурс] — URL: http://pkse.pskgu.ru/ebooks/ap_06_2.html (дата обращения 03.06.2020)
9. **Эйнштейн А.** Мотивы научного творчества // Собр. науч. трудов. Т. 4. – М., 1967 // Научная электронная библиотека «Киберленинка». [Электронный ресурс]- URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/albert-eynshteyn-o-nauke/viewer> (дата обращения 03.06.2020)
10. **Кочергин А.Н.** Моделирование мышления. М., 1969. 224 с.
11. **Полани М.** Личностное знание. М.: Прогресс, 1985. 344 с.
12. Большой толковый словарь по культурологии / составитель Б.И. Кононенко. М.: Вече: АСТ, 2003. 511 с. [Электронный ресурс] — URL: <http://cult-lib.ru/doc/dictionary/culturology-dictionary/fc/slovar-210-1.htm#zag-1187> (дата обращения 03.06.2020)

УДК 1(091)

О.Л. Власова, М.Е. Соболев

ЗАРОЖДЕНИЕ И РАЗВИТИЕ МЕДИЦИНСКОЙ ФИЗИКИ

ORIGIN AND DEVELOPMENT OF MEDICAL PHYSICS

ВЛАСОВА Ольга Леонардовна – доктор ф.-м. наук, доцент, директор Высшей инженерно-физической школы, ИФНиТ, Санкт-Петербургского политехнического университета Петра Великого. E-mail: vlasova.ol@spbstu.ru

VLASOVA Olga L. - Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University, St. Petersburg, Russia.
E-mail: vlasova.ol@spbstu.ru

СОБОЛЕВ Максим Евгеньевич - аспирант высшей школы Высшей инженерно-физической школы факультет ИФНиТ, Санкт-Петербургского политехнического университета Петра Великого E-mail: m.e.sobolev@mail.ru

SOBOLEV Maxim E. - Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University, St. Petersburg, Russia.
E-mail: m.e.sobolev@mail.ru

Цель данной работы состоит в изучении истории медицинской физики. В данной работе исследуется «зарождение и развитие медицинской физики», прослежена история медицинской физики с 5000 года до н.э. до наших дней. Физические методы использовались в медицине с древности. Во многих странах созданы специализированные профессиональные организации и научные сообщества медицинских физиков.

The purpose of this work is to study the history of medical physics. This paper explores the "origin and development of medical physics", traces the history of medical physics from 5000 BC to the present day. Physical methods have been used in medicine since antiquity. In many countries, specialized professional organizations and scientific communities of medical physicists have been created.

ИСТОРИЯ МЕДИЦИНЫ, БИОФИЗИКА, ФИЗИЧЕСКИЕ МЕТОДЫ, МЕДИЦИНСКАЯ ФИЗИКА

HISTORY OF MEDICINE, BIOPHYSICS, PHYSICAL METHODS, MEDICAL PHYSICS

Биофизика – наука, изучающая биологические объекты физико - математическими методами. Медицинская физика (медицинская биофизика) – является одним из разделов биофизики. Объектом изучения медицинской физики выступает человек, его здоровье. Если рассматривать «медицинскую физику» в узком смысле слова, иными словами подразумевать только современное значение этого термина, когда под медицинской физикой понимается применение сложных физических установок, а также ИТ-технологий для лечения и диагностики состояния здоровья, то медицинской физике чуть больше 120 лет. Если же рассматривать медицинскую физику в широком смысле данного термина, то ее история насчитывает более 5000 лет. Множество великих ученых внесли свой вклад в эту область знаний и во многие другие. Но это и неудивительно: ведь раньше объем знаний был гораздо меньше и было несколько проще обладать знаниями в различных научных областях, отсюда в прошлом имеется столько ученых-универсалов. В современном мире, наоборот, объем знаний достиг колоссальных размеров и зачастую невозможно быть ученым-универсалом, а только специалистом в своей узкой области. Тем не менее, наука развивается, она не стоит на месте, и чтобы лучше понимать настоящее положение дел и предугадать возможные варианты развития науки, нужно знать ее историю.

Физические методы использовались в медицине с древности. Старейшим из известных медицинских документов является хирургический папирус Эдвина Смита, написанный в Египте между 3000 и 2500 гг. до н.э. В нем содержится описание лечения абсцессов (гнойное воспаление тканей) молочной железы путем прижигания с помощью раскаленного сверла [1]. В Средние Века известный греческий врач Гиппократ (460–370 до н.э.) описал первый зарегистрированный метод измерения температуры тела [2]. В 200 г. н.э. священники на греческом

острове Самофракия продавали магнитные кольца для лечения артрита [3]. Арабский ученый Ибн аль-Хайтам (965–1039), также известный под латинизированным именем Альхазен, произвел революцию в развитии науки и научного метода. Он был ученым-универсалом и внес свой вклад в физику, математику, механику и астрономию. Кроме того, Ибн аль-Хайтам дал описание физики зрения. Он установил, что мы видим объекты не из-за света, исходящего из глаз, а из-за света, исходящего и отраженного от различных поверхностей и предметов [4].

Ренессанс – временной период между 1350 и 1600 годами, когда искусство, архитектура и наука кардинально изменились. Была открыта Америка и совершено кругосветное плавание, тем самым было доказано, что Земля имеет форму шара. Культура приобретает светский характер на смену господствующему ранее религиозному, возрождается интерес к античной культуре и философии. Помимо этого, отличительной чертой эпохи Возрождения является антропоцентризм – то есть интерес к человеку и его деятельности. Теперь человек – главная ценность и загадка мироздания. Более того, в эпоху Возрождения, было создано множество изобретений, и, безусловно, наибольший вклад внес Леонардо Да Винчи (1452 – 1519).

Леонардо да Винчи [7] пытался понять все, что происходило вокруг него. Это понимание варьируется от природы, которая его окружала, до машин, которые использовались в эпоху Возрождения; а полученные знания он использовал для разработки новых машин и механизмов. Леонардо внес большой вклад в физиологию, часто вдохновляясь своими художественными интересами, он исследовал кровотоки, мышцы и физиологию дыхания. Тем не менее, работы Леонардо выходят за рамки описательной физиологии, ведь он также выявляет закономерности и создает модели, а эти черты характеризуют его как медицинского физика.

Считается, что Леонардо Да Винчи – первый медицинский физик, хотя имеется альтернативная точка зрения на этот счет. Часть исследователей полагают, что венецианский врач Санторио Санторио (1561 – 1636) был первым человеком, который систематически применял физические измерения в медицине [8]. Рисунок Леонардо Да Винчи «Витрувианский человек» (рис.3.) является, пожалуй, самым известным произведением великого мастера и, как и его другие работы, обладают точно переданными анатомическими особенностями. Эта картина посвящена Витрувию - римскому архитектору и инженеру, который изучал пропорции в зданиях и людях.

Признание в обществе того, что материальные объекты подчиняются рациональным физическим законам, привело к развитию механистической философии, укреплялась вера в то, что природа может быть исчерпывающе описана в чисто механистических терминах. Это также подтверждалось открытиями в механистическом описании функционирования живых существ, в том числе и человека. Андреас Везалий (1514–1564) показал, что сердце является органом, которое перекачивает кровь по организму, а не печень, как считали до него, тем самым Везалий исправил ошибочное представление Галена, за что подвергся нападкам современников. Позднее вышел труд Уильяма Гарвея (1578– 1657), в котором он описал кровообращение у животных. Кроме того, изобретение Антоном ван Левенгуком (1632–1723) микроскопа позволило изучать природу на микроуровне, на уровне клеток.

В XVII веке возник термин ятрофизика (греч. *ιάτρος* - врач), что можно толковать как медицинская физика. Но все же, она отличалась от медицинской физики. Ятрофизика исследовала фундаментальные вопросы о функциях организма и характере жизни, а не о практических аспектах медицинской диагностики и лечения. Ятрофизика дала полезную

информацию о функциях организма, что привело к развитию биомеханики благодаря работе Джованни Борелли (1608–1679), который рассмотрел организм человека с точки зрения механики [10]. Луиджи Гальвани (1737–1798), открывший животное электричество, и Алессандро Вольта (1745–1827), исследовавший электрическую возбудимость нервов - считаются одними из отцов-основателей электрофизиологии. Парацельс (1493–1541) считал, что живые организмы содержат различные химические вещества, в том числе ртуть и соли металлов, а болезни вызваны дисбалансом в концентрации этих веществ. Лечить болезни он предлагал с помощью магнитов. Продолжил изучение животного магнетизма Франц Антон Месмер (1734–1815).

В XIX веке все глубже и основательнее изучались механические, термические, электрические, оптические и слуховые процессы в организме. Томас Юнг (1773–1829), известный своими работами по интерференции и волновой теории света, также внес важный вклад в физиологию зрения, описав астигматизм – дефект зрения, связанный с неправильной формой роговицы глаза. Герман фон Гельмгольц (1821–1894) наряду со своими открытиями в физике, изобрел офтальмоскоп и факоскоп [11]. В 1856 году Адольф Фик (1829 – 1901), известный своими работами по диффузии, опубликовал в *Medizinische Physik* новые методы физиологических измерений, описав физику легких и применение термодинамики для экономии тепла тела [12]. Французский врач и анатом Рене Леннек (1781–1826) изобрел стетоскоп.

Первоначально, многие из этих фундаментальных исследований мало влияли на медицинскую практику, но некоторые разработки постепенно стали применяться на практике. С конца XIX века базовая физика была обязательным элементом для будущих медиков, в знак признания растущей важности физики в медицинской практике. Для

обеспечения преподавания физики в медицинских школах были созданы факультеты академической физики – первый профессор медицинской физики был назначен в Париже еще в первой половине XIX века [13], но прошло еще несколько десятков лет, прежде чем физики стали принимать непосредственное участие в оказании клинических услуг.

Последние годы XIX-го века были очень продуктивным периодом для физики. Вильгельм Рентген (1845-1923) открыл рентгеновские лучи (икс-лучи), Анри Беккерель (1852–1908) обнаружил радиоактивность, а Пьер и Мария Кюри (1859–1906 и 1867–1934 соответственно) открыли радий и другие радиоактивные изотопы. Ни один из этих ученых не был медицинским физиком в современном смысле, и их исследования не были вдохновлены перспективой медицинского применения. Но именно эти исследования считаются датой рождения современной медицинской физики. Происходило стремительное развитие медицинской физики. В апреле 1896 года был выпущен первый медицинский снимок в научном журнале *Archives of Clinical Skiagraphy* (ранний термин для радиографии, от греческого σκία - тень).

В 1897 году в Лондоне было сформировано первое в мире радиологическое общество, которое приняло врачей и физиков в качестве членов на равных (теперь это общество называется Британский институт радиологии). Вредные эффекты излучения стали очевидны практически сразу. В 1898 году Рентгеновское общество учредило Комитет по рентгенологическим травмам, положив начало дисциплине радиационной защиты. Признание биологического действия радиоизотопов вскоре должно было привести к совершенно случайному появлению еще одной важной области клинического применения. В 1901 году Беккерель сообщил о получении радиационного ожога от кусочка радия. Это

открытие дало начало для брахитерапии - размещения радиоактивных источников на поверхности тела, в полостях тела.

Мария Склодовская родилась 7 ноября 1867 года в Варшаве, Российская империя. Позже переехала в Париж для изучения физики, где и познакомилась со своим будущим мужем Пьером Кюри, специализирующимся на кристаллографии и открывшим пьезоэлектрический эффект. В 1903 году она получила Нобелевскую премию по физике вместе со своим мужем и Анри Беккерелем за открытие радиоактивности. Мария Склодовская-Кюри стала первой женщиной с должностью профессора в Научном университете Парижа, а в 1911 году получила Нобелевскую премию по химии за открытие радия и полония. Тем самым Мария Кюри стала не только первой женщиной, получившей Нобелевскую премию – самую высокую награду в научном мире - но и первым ученым, получившим 2 Нобелевские премии (на данный момент таких ученых 4).

В феврале 1896 года, через 3 месяца после открытия рентгеновских лучей Вильгельмом Конрадом Рентгеном, Анри Беккерель случайно обнаружил странное явление: урановая соль испускала невидимые лучи при отсутствии какого-либо светового возбуждения. Он объяснил это явление длительной невидимой фосфоресценцией и в последующие месяцы тщательно изучил свойства этих «урановых лучей». В те времена его открытие не вызвало такого большого интереса, как икс-лучи, и Беккерель прекратил свои исследования. Но через год Мария Кюри выбрала урановые лучи в качестве основного предмета исследования для своей докторской работы по физике [14].

Уже в феврале 1898 года, то есть всего через 2,5 месяца после начала ее исследований, она была убеждена, что количество испускаемых лучей было напрямую связано с количеством и атомными свойствами элемента.

Кроме того, Мария Склодовская-Кюри обнаружила, что некоторые вещества (особенно руда оксида урана) были гораздо более радиоактивными, чем ожидалось из-за их содержания урана. Она интерпретировала это странное поведение как следствие неизвестного радиоактивного элемента, присутствующего в таких небольших количествах, что он избежал предыдущих химических анализов. Чтобы доказать эту гипотезу, ей необходимо было выделить этот элемент в максимально чистой форме с целью определения как его спектра, так и атомного веса.

В марте 1898 года Пьер Кюри решил помочь своей жене в научных исследованиях. Они установили наличие нового элемента и предложили назвать его «полоний» (в честь Польши – родины Марии Склодовской-Кюри), а также ввели термин «радиоактивность». После дальнейшей химической сепарации они обнаружили, что в урановой смоляной руде содержался еще один радиоактивный элемент, и назвали его «радием» (от лат. луч). На этой стадии сепарации радий был в 900 раз более активным, чем уран, но для получения значительного количества радия требовалось гораздо большее количество руды. Поэтому процесс должен был продолжаться в промышленном масштабе.

В течение 1899 года более 1 тонны рудного остатка, полученного на австрийском руднике, было переработано в сотрудничестве с заводом, специализирующимся на оборудовании для физики и химии. Это сотрудничество дало Кюри возможность продолжить свои исследования. Пьер исследовал свойства радия, в то время как работа Мари была полностью посвящена процессу очистки с целью определения атомного веса радия. В 1902 году она достигла своей цели и оценила атомный вес радия в 225 ± 1 а.е.м., в настоящее время его масса принята за 226 а.е.м.

Физиологические характеристики лучей радия были определены в 1900 году, а медицинское применение радия началось в 1901 году с попытки залечить рубцы волчанки. Супруги Кюри не пытались защитить процесс производства радия с помощью патента, потому что они считали, что научный прогресс должен приносить человечеству свободу, а также потому, что в начале они не были уверены, что будет много практических применений их открытию. Однако радий постепенно становился «волшебным» веществом, которое во многих случаях использовалось в медицине, сельском хозяйстве или даже для отдыха благодаря своим люминесцентным свойствам; он становится продуктом, заслуживающим финансовых вложений. Чуть позже во Франции была основана компания, полностью посвященная производству, исследованиям и распространению радия.

Во время Международного конгресса по радиологии и электричеству, который состоялся в Брюсселе в сентябре 1910 года, «кюри» (Ки) был принят в качестве единицы измерения радиоактивности. Он был определен как «количество излучения радона, который находится в радиоактивном равновесии с 1 г радия». 1 Ки - значительная активность, и этот выбор был результатом настойчивости Марии Кюри в том, чтобы имя Кюри не было связано с бесконечно малой величиной.

К 1910 году нашли применение ионизирующего излучения в медицине: такими направлениями стали рентгенография и радиотерапия. Были разработаны более надежные рентгеновские трубки Уильямом Кулиджем (1873–1975) и проведена стандартизация измерений излучения Рольфом Зивертом (1896–1966), чей решающий вклад был признан в наименовании единицы СИ эквивалентной дозы.

Хотя физики занимали центральное место в этих разработках, они все еще не принимали непосредственного участия в клинической работе.

Заметным исключением является Чарльз Эдмунд Стэнли Филлипс (1871–1945), почетный физик Королевской онкологической больницы в Лондоне, который часто рассматривается как первый настоящий медицинский физик [15]. Позже и другие крупные больницы в Великобритании начали приглашать к работе физиков.

Для дальнейшего развития ядерной медицины было необходимо производство изотопов в достаточных количествах. Первый радиоизотоп, который использовался в клинической практике, стал ^{131}I (йод-131), который производился на циклотроне Беркли в США и использовался для исследования щитовидной железы [16].

Хэл Оскар Анже (1920–2005) изобрел гамма-камеру, предназначенную для визуализации кинетики радиофармпрепаратов в организме человека [17]. Что в дальнейшем привело к разработке систем позитронно-эмиссионной томографии (ПЭТ), в которых использовались достижения в области синтеза позитронизлучающих радионуклидов и технология детекторов, возникшая в ядерной физике и физике элементарных частиц. Разработка ускорителей для ядерной физики привело к внедрению рентгеновской терапии в Бостоне и Лондоне [18]. В 1949 году канадский физик Гарольд Джонс (1915–1998) впервые применил бетатронные ускорители в рентгенотерапии.

Кроме того, искусственные радиоизотопы, положившие начало ядерной медицине, имели применение не только в диагностике, но и в радиотерапии. Так кобальт-60 (^{60}Co), образующийся в ядерном реакторе, применялся в качестве источника γ -квантов.

В 1973 году Годфри Хаунсфилд (1919–2004) разработал первый компьютерный томограф (КТ) [19]. Революция, вызванная КТ в медицинской визуализации, была превзойдена разве что магнитно-резонансной томографией (МРТ). МРТ была изобретена американским

химиком Полом Лотербуром (1929– 2007) [20] и британским физиком Питером Мэнсфилдом (1933 - 2017) [21] и основана на ядерном магнитном резонансе (ЯМР). А достижения в области функциональной МРТ (фМРТ) головного мозга, возможно, приближают нас к пониманию сознания, такому неуловимому понятию для ятрофизиков.

Кроме того, достижения в области электроники и компьютерных технологий в течение XX-го века произвели революцию во многих областях клинических измерений, в частности, в офтальмологии, а также физиологических измерений в целом ряде других систем организма. Но, как и в XIX веке, физики, как правило, поставляли инструменты для использования другими людьми и не принимали непосредственного участия в оказании клинических услуг.

Адронная терапия, также известная как «ионно-лучевая терапия», представляет собой особый тип онкологической радиотерапии, в котором используются адроны (неэлементарные частицы, состоящие из кварков и антикварков) для получения лучших доз осаждения по сравнению с рентгеновскими лучами, используемыми в обычной лучевой терапии. Сегодня для лечения опухолей используются только два типа адронов [22]: протоны и ионы углерода, хотя и другие адроны, такие как нейтроны, ионы гелия и другие ядра легких ионов планируется использовать для лечения опухолевых пациентов. В настоящее время терапия протонами является важным инструментом в клинической практике благодаря наличию около пятидесяти действующих центров в мире и их количество постоянно растет. Очень многообещающие результаты были получены с пучками ионов углерода, особенно при лечении специфических радиорезистентных опухолей, но клинические испытания все еще необходимы для определения типов опухолей, подлежащих лечению, и для оптимизации протоколов лечения.

В настоящее время во многих странах созданы специализированные профессиональные организации и научные сообщества медицинских физиков. На международном уровне существуют региональные организации, такие как Европейская федерация организаций медицинской физики, а медицинские физики всего мира объединяются в Международную организацию медицинской физики, которая, в свою очередь, объединяется с Международной федерацией медицинской и биологической инженерии для формирования Международного союза физико-технических наук в медицине, который входит в Международный совет по науке.

Кроме того, молекулярные методы начинают воплощаться в медицинских приложениях, и мы, похоже, находимся на пороге новой эры персонализированной молекулярной диагностики и терапии, причем физика часто находится на переднем крае новых технологий. Например, оптические методы, такие как флуоресцентная томография и оптическая когерентная томография, демонстрируют большие перспективы в ряде онкологических применений. Помимо этого, растет доля ИТ-технологий, все большее значение занимает автоматизация процессов.

Направление «медицинская физика» имеет глубокую историю и составляет в узком смысле данного термина больше 100 лет, а в широком смысле - более 5000 лет. Для полного охвата всей истории медицинской физики потребовалось бы написание нескольких томов литературы, в виду чего в данном реферате освещены лишь некоторые аспекты из истории этого направления.

В современном понимании данного термина стоит приложение физических методов и установок в клинической практике. Широко применяются аппараты магнитно-резонансной томографии (МРТ), электроэнцефалографии (ЭЭГ), электрокардиографии (ЭКГ), позитронно-

эмиссионной томографии (ПЭТ) и компьютерной томографии (КТ) для диагностики состояния организма, выявления наличия тех или иных заболеваний. Помимо этого, существуют различные установки для терапии и хирургии.

Для того, чтобы у науки было будущее, необходимо знать ее прошлое. В виду чего крайне важно знать историю изучаемой дисциплины: как менялись подходы, взгляды на явления и события, какие открытия их сопровождали. Как общество и научное сообщество относилось к различным идеям и как менялось их отношение. Все это нужно для более глубокого и полного понимания.

Вклад физики в медицину часто был на переднем крае науки и был отмечен присуждением нескольких Нобелевских премий как для ученых, которые исследовали фундаментальную науку, так и для тех, кто превратил науку в клинически полезную технологию. Несомненна и очевидна важность и разнообразие этого вклада. Начиная с Альхазена, Леонардо и далее ятрофизиков, физика применяется для измерения и понимания физиологических функций. В процессе исследования были созданы новые дисциплины, такие как биомеханика и электрофизиология. Некоторые ученые сосредоточились на разработке технологий диагностики и лечения. Уникальная ситуация возникла в начале XXго века, когда применение ионизирующей радиации в медицине требовало постоянного участия физиков в клинических условиях. Следовательно, медицинская физика была создана как особая профессия на стыке фундаментального и практического, на стыке физики и медицины.

В современном мире, где упор сделан на междисциплинарные исследования, роль данного направления неуклонно растет и будет расти в виду его фундаментальной и практической значимости.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. **Sakorafas GH, Safioleas M** Breast cancer surgery: an historical narrative. Part I. From prehistoric times to renaissance/ Sakorafas GH, Safioleas M // *Eur J Cancer Care (Engl)*.- 2009.- № 18.- P. 530–544.
2. **Otsuka K, Togawa T** Hippocratic thermography/ Otsuka K, Togawa T // *Physiol Meas*.- 1997.- № 18.- P. 227–232.
3. **Mourino MR** From Thales to Lauterbur, or from the lodestone to MR imaging: magnetism and medicine/ Mourino MR // *Radiology*.- 1991.- № 180.- P. 593– 612.
4. **Russell GA** Emergence of physiological optics. In: Morelon R, Rashed R, eds. *Encyclopedia of the history of Arabic science*. London: Routledge, 1996.
5. Отец оптики Ибн аль-Хайсам // АНО «Центр дополнительного образования и исследования «Медина». [Электронный ресурс]. – URL: <https://medina-center.ru/otets-optiki-ibn-al-hajsam/> (дата обращения: 25.03.2020)
6. Музеи мира // Леонардо да Винчи. [Электронный ресурс]. – URL:<https://museumsworld.ru/vinci/2self.html> (дата обращения: 25.03.2020)
7. **Tomas Kron, Prem Krishnan** Leonardo DaVinci’s contributions to medical physics and biomedical engineering: celebrating the life of a ‘Polymath’/ Tomas Kron, Prem Krishnan // *Australasian Physical & Engineering Sciences in Medicine*.- 2019.- № 42.- P. 403–405.
8. **Duck FA** The origins of medical physics/ Duck FA // *Phys Med*.- 2014.- № 30.- P. 397–402. 9. https://muzei-mira.com/kartini_italia/1931-risunok-vitruvianskiy-chelovekleonardo-da-vinchi-opisanie.html (дата обращения: 25.03.2020)
10. **Nicola Piolanti** Giovanni Alfonso Borelli: The Precursor of Medial Pivot Concept in Knee Biomechanics/ Nicola Piolanti, Simone Polloni, Enrico Bonicoli, Michele Giuntoli, Michelangelo Scaglione and Pier Francesco Indelli // *Joints*.- 2018.- № 6(3).- P. 167–172.
11. Kostyle VA Medical physics: yesterday, today and tomorrow/ Kostyle VA // *Biomed Eng*.- 2000.- № 34.- P. 106–112.
12. Anonymous Adolph Fick (1829-1901) mathematician, physicist, physiologist/ Anonymous // *JAMA*.- 1967.- № 202.- P. 126–127.
13. **Duck F** Nineteenth century medical physics/ Duck F // *Scope*.- 1994.- №3.- P. 32–35.
14. **Rosenwald Jean-Claude, Fridtjof Nüsslin** Marie Curie’s contribution to Medical Physics/ Rosenwald Jean-Claude, Fridtjof Nüsslin // *Physica Medica*.- 2013.- № 29.- P. 423-425.
15. **Mould R** A century of x-rays and radioactivity in medicine. Bristol: IOP Publishing, 1993. 16. Hamilton JG, Soley MH Studies in iodine metabolism by use of

a new radioactive isotope of iodine / Hamilton JG, Soley MH // Am J Physiol.- 1939.- № 127.- P. 557–572.

17. **Anger HO** Scintillation camera / Anger HO // Rev Sci Instrum.- 1958.- № 29.- P. 27–33. 18. Robison RF The race for megavoltage. X-rays versus telegamma / Robison RF // Acta Oncol.- 1995.- № 34.- P. 1055-1074.

19. **Hounsfield GN** Computerized transverse axial scanning (tomography). I. Description of system. / Hounsfield GN // Br J Radiol.- 1973.- № 46.- P. 1016– 1022.

20. **Lauterbur PC** Image formation by induced local interactions: examples employing nuclear magnetic resonance/ Lauterbur PC // Nature.- 1973.- № 242.- P. 190–191.

21. **Mansfield P, Grannel PK** NMR diffraction in solids? / Mansfield P, Grannel PK // J Phys Chem.- 1973.- № 6.- P. 422–426.

22. **Degiovanni A, Amaldi U** History of hadron therapy accelerators/ Alberto Degiovanni, Ugo Amaldi // Physica Medica .- 2015.- P. 1-11.

УДК 1 (091)

С.А. Любомудров, В.А. Косова

**ИСТОРИЯ РАЗВИТИЯ СИСТЕМ УПРАВЛЕНИЯ КАЧЕСТВОМ В
МАШИНОСТРОЕНИИ**

**HISTORY OF DEVELOPMENT OF QUALITY MANAGEMENT
SYSTEMS IN ENGINEERING**

ЛЮБОМУДРОВ Сергей Александрович - кандидат технических наук, доцент, директор Высшей школы машиностроения Института машиностроения, материалов и транспорта Санкт-Петербургского политехнического университета Петра Великого. E-mail: lyubomudrov_sa@spbstu.ru

LYUBOMUDROV Sergey A. –Peter the Great Saint-Petersburg Polytechnic University, St. Petersburg, Russia.
E-mail: lyubomudrov_sa@spbstu.ru

КОСОВА Валентина Андреевна – аспирант, Высшей школы машиностроения Института машиностроения, материалов и транспорта Санкт-Петербургского политехнического университета Петра Великого. E-mail: kosova.va@yandex.ru

KOSOVA Valentina A. - Peter the Great Saint-Petersburg Polytechnic University, St. Petersburg, Russia.
E-mail: kosova.va@yandex.ru

Целью данной работы является проследить этапы эволюции и становления системы управления качеством. Необходимо рассмотреть понятие «качество», проанализировать и систематизировать периоды развития систем управления качеством, оценить основные идеи качества и их вклад в развитие теории развития систем управления качеством.

The aim of this work is to trace the stages of evolution and the establishment of a quality management system. It is necessary to consider the concept of “quality”, analyze and systematize the periods of development of quality management systems, evaluate the main ideas of quality and their contribution to the development of the theory of development of quality management systems.

**КАЧЕСТВО, СИСТЕМА УПРАВЛЕНИЯ, МАШИНОСТРОЕНИЕ, ТЕОРИИ
РАЗВИТИЯ, ВОПРОСЫ КАЧЕСТВА**

**QUALITY, MANAGEMENT SYSTEM, ENGINEERING, THEORY OF
DEVELOPMENT, QUESTIONS OF QUALITY**

В мире современных технологий и общей насыщенности рынков практически любых товаров вопросы повышения удовлетворенности своего потребителя становятся краеугольными для абсолютного большинства предприятий. Если для советского периода в нашем государстве практически до самого его конца сохранялась ситуация, которую гениальный Г. Форд выразил словами: «каждый покупатель может окрашивать свой автомобиль по желанию, если автомобиль черный» [1, с. 108], то в текущих условиях активной интеграции российской экономики в мировую с сопутствующим открытием внутренних границ для иностранных конкурентов, подобное пренебрежение к интересам клиентов становится невозможным. В этой связи рассмотрение вопросов обеспечения высокого качества выпускаемой продукции является особенно актуальным. Для того чтобы понять современный уровень управления качеством на производстве важно узнать историю его развития и становления науки о качества. Исследование этапов становления систем управления качеством, анализ опыта зарубежных и отечественных систем поможет ответить на вопросы, почему развитие управления качеством на отечественных машиностроительных предприятиях приобрело существующие формы, почему возникают проблемы в обеспечении качества продукции.

В современном мире слово «качество» достаточно распространено в различных сферах жизни общества. По утверждению нашего современника, специалиста в области качества В.В. Окрепилова «каждый предмет, каждое явление – будь то живым или неживым, природным или плодом человеческого труда – обладает качеством, составляющим сущность лица или вещи» [2, с.15].

Истоки определения понятия «качества» находятся в III в. до н. э. – времени, когда Аристотель впервые ввел разделение на категории «хороший - плохой».

Как следует из материалов, собранных В.В. Окрепиловым, «в китайской философии принято считать, что иероглиф, обозначающий качество состоит из двух элементов: «равновесия» и «денег». Следовательно, качество тождественно понятию «высококласный», «дорогой» [2, с.15].

В целом, в научной литературе, можно найти много определений понятия качества. Авторы статьи обобщают философскую категорию (Аристотеля, Гегеля, Канта и др.) этих определений и указывают, что «Качество - это существенная определенность объекта, в силу которой он является данным, а не иным объектом». Качество при этом - это состояние идеального совершенства объекта». [3, с.183].

Позднее, занимаясь вопросами качества, известный американский учёный У.Шухарт определил, что качество имеет два аспекта: объективные физические характеристики и субъективные - насколько вещь «хороша» [4, с. 53].

Японский специалист в области качества К. Исикава дополнил определение и обобщил субъективное понятие: «свойство, реально удовлетворяющее потребителей» [4, с. 53].

Обязательно стоит упомянуть известного гуру качества А. Фейгенбаума. В статье «Теоретические подходы к определению понятия «Качество» авторы упоминают, что Фейгенбаум в своей книге «Контроль качества продукции» понимает «под качеством можно определить как общую совокупность технических, технологических и эксплуатационных характеристик изделия и услуги, посредством которых продукция или

услуга будут отвечать требованиям потребителя при их эксплуатации» [4, с. 54].

Если рассматривать понятие качество с хрестоматийной точки зрения, то международная организация по стандартизации определяет качество – как степень совокупности присущих характеристик требованиям [5].

Если человеку спонтанно задать вопрос, как он понимает, что такое качество, четкого определения не поступит. У каждого человека есть своё особое представление, каким должен быть товар или предоставленная услуга с точки зрения качества. Если человек работает в конструкторском бюро или, например, на производственном предприятии, у него, конечно, сформируется мнение, что качественный товар – соответствующий требованиям нормативной документации. По набору документов – конструкторской документации, требованиям заказчика, картам замеров образцов из партии товаров, можно сказать, является ли продукт качественным или бракованным.

В противном случае, качественный товар значит соответствующий конкретным ожиданиям человека, сформированным на основе собственного опыта, мнения из интернет-источников и обзоров, рекомендаций соседей или друзей и пр. Например, довольно часто качество идёт бок о бок со словом деньги: дорогой товар значит качественный. Качество также может означать, что товар надежный, безотказный, красивый, функциональный, ремонтпригодный, с дополнительной гарантией, сервисной поддержкой, бесплатным обслуживанием и многое другое. Для юридических лиц качество может означать товар, доставленный точно в срок, в нужном количестве, со скидкой в 20% ввиду большого объема заказа.

Таким образом, понятие «качество» можно разделить на две составляющие:

1) Первая составляющая качества – производство продукции или предоставление услуги, чьи параметры или характеристики, имеющие количественные значения, можно измерить и проверить удовлетворяют ли они требованиям нормативно-технической документации.

2) Вторая составляющая качества характеризуется степенью удовлетворенности конкретного потребителя товаром или предоставленной услугой, т.е. как утверждает Ерохина А.В. в статье «Истоки эволюции системы управления качеством», качество - «насколько удовлетворены ожидания потребителя в отношении применения/использования этой продукции или услуги» [6, с. 52].

Каждому предприятию, в том числе машиностроительному, необходимо учитывать оба составляющие понятия качества и ориентироваться на них на всём производственном цикле от стадии зарождения идеи создания товара и до момента его утилизации.

Исходя из этого факта, машиностроительным предприятиям следует сформировать внутренние требования к качеству собственной продукции: при проектировании изделий в конструкцию закладывать параметры надежности и безотказности, универсальности выполняемых функций, эргономику изделия, отвечающую как требованиям безопасности работы, так и физическому удобству эксплуатации. Кроме того, с учетом потребностей потребителей, сформировать обширную сеть сервисных дилеров, которые оказывают полный спектр услуг по послепродажному сопровождению техники, ее техническому обслуживанию.

Предприятиям важно помнить о каждом составляющем понятия качества и стараться соблюдать баланс между этими составляющими. Ведь смещение в ту или иную сторону, либо игнорирования одного из понятий

может привести к неудовлетворенности потребителя. Неудовлетворенность одного потребителя может привести к существенной потере репутации предприятия и финансовым убыткам. Размытие границ, широкий доступ к информации, связанные с распространением сети-интернет и развитием баз отзывов и выпусков различных обзоров на продукцию сместили принятие решения о покупке товаров. Теперь потенциальному покупателю не требуется идти в магазин, достаточно открыть интернет-ресурс с возможностью сравнения товара с товарами-конкурентами, прочесть отзыв или посмотреть количество положительных/отрицательных оценок к товару.

Поэтому предприятиям необходимо помнить, что в условиях растущих потребностей потребителей и происходящих изменений следует на постоянной основе вести работы по обновлению продукции, проведению научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ, осуществлять поиск новых технологических решений, оптимизировать производственные процессы, внедрять меры, повышающие эффективность использования материальных и энергетических ресурсов. Также вести работу по обеспечению стабильности процессов, связанных с существующими и потенциальными поставщиками, на регулярной основе поддерживать обратную связь с потребителями, внедрять и поддерживать функционирование система менеджмента качества.

Зарубежную историю развития систем управления качеством можно разделить на 5 основных этапов.

Первый этап - конец XIX-начала XX веков – время развития капитализма в США и возникновения крупных машиностроительных предприятий. В данный период в становление науки о качестве существенный вклад внес Ф. Тейлор, который «впервые разработал научные принципы управления производством» [7, с. 253]. С развитием

науки и техники возникла необходимость в производстве большого количества технически сложной продукции, высокое качество которой невозможно было обеспечить усилиями одного человека. Ф. Тейлор, работая на сталелитейном заводе, разработал концепцию, главной идеей которой стали анализ систематизация труда. Два важных результата его труда, установка технических и производственных норм, а также требований, установленных в технических условиях, выполнение которых проверялось при приемочном контроле, до сих пор применяются на производстве как один из методов контроля. Девиз системы Ф. Тейлора можно вкратце назвать - «Качество продукции как соответствие стандартам». [8, с. 67]

Однако с развитием промышленности возросли потребности потребителей, которые стали требовать и высокое качество товара, и разнообразие при выборе этого товара. Начался спад массового производства. Система Тейлора была плохо приспособлена под изменения. Требовался большой штат контролеров для проверки качества продукции на выходе технологического процесса, работники были заинтересованы в сокрытии брака, так как была предусмотрена системы наказаний. Также не уделялось должного внимания причинам появления брака и методам его устранения. Поэтому потребовалось вносить изменения в существующую систему управления производством.

Второй этап развития систем управления качеством связан с осознанием промышленниками мысли, что продукция – результат выполнения последовательной цепочки процессов, и управлять необходимо именно процессами. В это время У. Шухартом, Х. Доджем и Х. Ромингом были использованы математические методы и сформулированы основы статистического контроля качества на основе контрольных карт и таблиц выборочного контроля. По мнению автора

статьи Ерохиной А.В. «этап статистических методов контроля и управления качеством явился продолжением предыдущего периода с переносом акцента с допускового подхода на подход, направленный на обеспечение стабильности процессов» [6, с 52]. Применение концепции У. Шухарта на практике однозначно можно охарактеризовать как шаг вперед в развитии теории систем управления качеством. В целом акцент с инспекции и выявления дефектов был перенесен на их предупреждение путем определения причин дефектов и их устранения на основе изучения процессов и управления ими [9, с. 16]. Впоследствии применение статистических методов управления качеством привело к существенному снижению производственного брака.

В дальнейшем, благодаря Э.Демингу, статистические методы управления получили очень широкое распространение в Японии и оказали весьма существенное влияние на экономическую революцию в этой стране [9, с.15].

Также отдельно стоит сказать о вкладе Г. Форда в развитие теории управления качеством. Результатом многолетнего труда Г.Форда стало формирование практического значения философии управления качеством, формирования научного подхода в сфере качества. Именно Г.Форд впервые ввел на производстве конвейер, сократив движения сотрудников сборки до минимального предела. Дробление операций, упрощение, принцип «каждый работник должен заниматься своим делом» – вот немного, что внёс Г.Форд. Именно Г.Форд продвигал идеи постоянного улучшения и оптимизации. В своей книге *Моя жизнь. Мои достижения* Форд писал «не проходит недели, чтобы не появилось какого-нибудь улучшения в машинах или в процессе производства» [1, с. 128].

Третий этап развития системы управления качеством приходит на 1950е гг. В классическом труде А. Фейгенбаума «Всеобщее управление

качеством» делается акцент на необходимости системного (или «всеобщего») подхода к качеству, который должен охватывать не только производство, но и все маршруты процесса создания качества - от маркетинга до доставки продукта потребителю и сервиса. В 1955 г. он вводит новое понятие: «Всеобщий (полный) контроль качества» (Total Quality Control или TQC) [7, с. 254].

Идеи TQC получили дальнейшее развитие в трудах К. Исикавы, который рассматривал качество с точки зрения управления, а не контроля. Он хотел, чтобы все сотрудники организации участвовали в мероприятиях улучшению качества.

Четвертый этап (1980-1990 гг.) - система всеобщего менеджмента качества (Total quality management - TQM). Основные идеи этой системы сформулированы в научных трудах гуру науки о менеджменте качества - Генити Тагути и Фелиппа Кросби. [3, с. 185].

Идея всеобщего менеджмента качества базируется на том, что каждый сотрудник организации в той или иной степени оказывает влияние на качество конечного продукта. Сотрудник отдела маркетинга должен точно определить потребности и ожидания потребителей, сформировать перечень характеристик продукции, на которые потребитель обращает внимание, в момент принятия решения о покупке. Перечень должен быть своевременно передан в конструкторское бюро для внесения изменений в конструкцию изделий или создания новой продукции. Конструкторская документация грамотно и своевременно, с учетом имеющегося на предприятии оборудования, должна быть сформирована в технологическую документацию. Непосредственно производственные участки должны создать качественные детали, соответствующие требованиям конструкторско-технологической документации. Подразделения, непосредственно не участвующие в создании деталей, не

выполняющие операции точения, сверления, контроля, тем не менее, влияют на качество конечного продукта. Только от сотрудников бухгалтерии будет зависеть корректное оформление документации на продукцию, от сотрудников материально-технического снабжения зависит выбор добросовестных поставщиков, которые обеспечивают поставку полуфабрикатов в нужном количестве, нужного качества, точно в срок. Именно поэтому очень важен личный вклад каждого сотрудника организации в общее дело. При этом необходимо понимать, что недостаточно останавливаться на достигнутом уровне качества, обеспечение конкурентоспособного товара возможно в случае постоянного улучшения и совершенствования, как товара, так и производственных процессов.

Полученный опыт применения описанных выше инструментов менеджмента качества дал достаточно фактологического материала, который лёг в основу выпуска серии стандартов ИСО 9000, в которых описываются требования к системе управления качеством. Введение этих стандартов и последующее подтверждение соответствия предприятий требованиям стандарта ИСО 9001 стало гарантом качества производимой на предприятии продукции. Наличие сертификата соответствия требованиям ИСО 9001 сократило время на проверку предприятий и существенно упростило взаимоотношения с поставщиками и заказчиками.

Пятый этап (1990-е гг.) - система комплексного менеджмента. Этап можно рассматривать как ответ промышленности на вызов, связанный с ухудшением экологической ситуации [3, с. 185]. Появилась необходимость использования альтернативных источников энергии, разработки новых более эффективных технологий, оптимизации производственных процессов, внедрения новых конструкционных материалов. Огромное значение стало уделяться вопросам безопасности продукции как для

человека, так и для окружающей среды. Появляются стандарты серии ИСО 14000 – системы экологического менеджмента.

В настоящее время системы менеджмента продолжают развиваться, основываясь на всех вышеизложенных методах и принципах. Появляются корпоративные, интегрированные системы менеджмента. Активно применяются системы автоматизации. Создание, внедрение и постоянное улучшение системы менеджмента качества на основе стандартов серии ИСО 9000 – хорошо известный путь решения основных задач в области качества, применяемый сегодня на практике для предприятий различных отраслей [10, с. 56]. Философия управления качеством перестала быть просто инструментом обеспечения качества товара. Она внедряется на машиностроительных предприятиях для обеспечения стабильности процессов, управления внутренней средой предприятия, анализа заинтересованных сторон, взаимодействия с поставщиками.

Существуют две точки зрения относительно истории развития систем управления качеством в России. С одной стороны, эксперты в области качества утверждают, что все инструменты, которые используют машиностроительные предприятия в России, базируются на западных – европейских и японских теориях.

Так, например, в 1932 г. был запущен Горьковский автомобильный завод (ГАЗ), который полностью был куплен у Форда. В течение 5 лет после запуска фирма Форд оказывала содействие и помощь заводу. Сталинградский тракторный завод, построенный по проекту Кана в 1930 году, был изначально сооружен в США, а затем был разобран, перевезен в СССР и собран под наблюдением американских инженеров [11, с. 54].

С другой стороны, в противовес прозападным экспертам, выступают эксперты, утверждающие, что наши отечественные системы, созданные в СССР, достаточно эффективны и не хуже зарубежных систем.

Историю развития систем управления качеством в России, в отличие от зарубежной истории следует разделять не по временным периодам, а по последовательности возникновения систем управления качеством, вводимых на машиностроительных предприятиях.

Впервые о создании комплексной системы качества упоминается в 1955 году. На Саратовском авиационном заводе была создана система бездефектного изготовления продукции (БИП). Суть системы - строгое выполнение технологических операций, достоинства - создание предпосылок, обеспечивающих изготовление продукции без отступления от технической документации, критерий качества - процент сданной ОТК продукции с первого предъявления. [3, с 186].

Следующим заметным шагом в освоении глубинных процессов управления качеством стала система КАНАРСПИ (качество, надежность, ресурс с первых изделий), отработанная на практике оборонного производства специалистами Горьковского авиационного завода [12, с. 56].

Отличием данной системы заключалось в том, что БИП была ориентирована на управление качеством в процессе изготовления продукции, КАНАРСПИ ориентировалась на устранение брака до стадии производства, на стадии конструкторско-технологической подготовки. Опыт контроля разрабатываемой документации, обязательное изготовление опытных образцов, совершенствование параметров позволили существенно повысить качество серийной продукции.

Далее следует упомянуть систему научной организации работ по увеличению моторесурса (НОРМ), которая была создана на Ярославском моторном заводе «Автодизель» в 1964 году. Эту систему можно назвать первой системой в СССР, которая охватывала и стадию проектирования, и изготовления, и эксплуатации двигателей с точки зрения управления качеством. В основе системы лежит разработка показателей качества и

управление этими показателями. В качестве базового был взят моторесурс двигателя. Внедрение системы НОРМ позволило значительно снизить затраты на техническое обслуживание и ремонт двигателей, существенно увеличить моторесурс двигателей. Инициатива завода по повышению моторесурса была одобрена, а опыт завода активно применялся на других машиностроительных предприятиях.

Опыт КАНАРСПИ и НОРМ и сейчас используется для решения сложных инженерных проблем создания новой техники и повышения ее надежности, в частности ресурса [12, с. 57].

Стоит отметить, что усилиями сотрудников завода моторостроения г. Рыбинска была создана система научной организации труда, производства и управления (НОТПУ). Ее главная идея – использование подходов научной организации труда, производства и управления с постоянным улучшением технологической составляющей. Согласно данной системе усилия были направлены на совершенствование оперативно-календарного планирования, культуры производства, организацию работ по обеспечению качества продукции – внедрению бездефектного производства.

Апофеозом усилий науки и практики стали комплексные системы управления качеством продукции (КС УКП), получившие широкое распространение в 70—80-х гг. в СССР [12, с. 57]. Данные системы представляли собой совокупность мероприятий, позволяющих поддерживать уровень качества на всех стадиях жизненного цикла продукции, от создания до утилизации. Основными принципами комплексной системы являлись непрерывное улучшение показателей качества продукции, обеспечение выпуска продукции в соответствии с требованиями, указанными в конструкторской документации, повышение

качества работы персонала, своевременная модернизация оборудования и др.

В дальнейшем идеи КС УКП получили развитие и трансформировались в отраслевые системы менеджмента качества. На основе полученного опыта Госстандарт СССР совместно с Государственным комитетом СССР по науке и технике и Госпланом СССР разработал Основные принципы Единой системы государственного управления качеством продукции, введенные в действие приказом Госстандарта СССР от 2 ноября 1978 г. [12, с. 58].

Как видно из зарубежной и отечественной истории развития систем управления качеством этапы развития и расширения знаний о понятии качества имеют примерно одинаковую структуру.

Зарубежные стандарты серии ИСО 9000, 14000 имеют отечественные аналоги в виде комплексов стандартов по управлению предприятиями. Идеи тотального управления качеством также можно найти в отечественных системах. Так, например, принцип менеджмента качества – ориентация на потребителей является важной составляющей КС УКП, лидирующая роль руководства подчеркивалась во всех рекомендациях по разработке и внедрению КС УКП [12, с. 57]. Участие профсоюзных организаций – иллюстрация принципа вовлеченности работников, процессный подход появился уже в системе КАНАРСПИ. Принцип «постоянное улучшение» в целом стал отправной точкой при создании самых первых систем управления, таких как НОРМ и КАНАРСПИ. Принцип «принятие решений, основанных на фактах» также практиковался в КС УКП. Последний принцип «управление взаимоотношениями» выражался в виде правил не передавать брак на другие участки и не принимать брак с других участков.

Таким образом, переходя от простого к сложному, современные промышленные предприятия внедряют комплексные системы управления, включающие себя лучшие практики предыдущих подходов.

Так, в настоящее время на машиностроительных предприятиях, реализующих полный жизненный цикл продукции, проектирование новых изделий осуществляется на основе:

- информации, предоставленной отделом маркетинга и отделом реализации о тенденциях на рынке, об ожиданиях потребителей, анализа основных европейских тенденций в предложении данного вида техники по информации, получаемой с международных специализированных выставок;

– идей по оптимизации затрат на их производство (например, за счет использования взаимозаменяемости некоторых частей, перевода максимально возможного количества операций на автоматический режим и т.п.);

– организации, при необходимости, обучения ключевых ответственных за изготовление изделия сотрудников (например, конструкторы проводят обучение на рабочем месте слесарей);

– определения списка поставщиков необходимых комплектующих на основании опыта предшествующего сотрудничества, а также наилучшего предложения в соотношении цена – качество – условия поставки;

– разработки рекламно-маркетинговой стратегии и политики продвижения нового изделия на рынок;

– проведение приемо-сдаточных и иных видов испытаний продукции;

– распределения первых опытных образцов среди крупнейших дилеров сети;

– получения обратной связи (в течение полугода) по каким-либо нареканиям, дефектам в эксплуатации;

- доработки изделия (конструкция, внешний вид, функциональные характеристики);
- запуск изделия в серийное производство;
- работа с сервисными дилерами по созданию у них страхового запаса основных расходных и запасных частей.

Следует отметить, что отечественный комплекс стандартов, представляющий собой единую систему, актуален и в настоящее время. Возможно, на его основе с учетом накопленного зарубежного и отечественного опыта управления, происшедших изменений в экологическом базисе, достижений информационных технологий целесообразно вернуться к идее создания национальной, а затем и международной систем документов по управлению предприятиями [12, с. 60].

Конечно, проблемы в вопросах понимания, внедрения и развития систем управления качеством остаются в задачах современных отечественных предприятиях. Зарубежные машиностроительные предприятия, локализованные на территории Российской Федерации, применяют зарубежные подходы в управлении качеством. На долю же отечественных предприятий приходится двойственность: с одной стороны, применяются западные методы, необходимость соответствия стандартам серии ИСО 9000, необходимость сертификации систем менеджмента качества, с другой стороны, так называемая «старая школа» сотрудников ориентируется на созданные в СССР системы. Также следует отметить, что свой негативный вклад, тормозящий внедрение на предприятия систем менеджмента, являлось, например, унификация заработных плат в СССР, которая лишала мотивации. Поэтому в СССР возникло «стахановское» движение. Установка была сделана только на количество продукции. В стране не проводилась системная научно обоснованная работа по организации труда, все сводилось к штурмовщине и рекордам [11, с.58].

Также следует отметить влияние движения по перевыполнению планов, которое порождало спешку, работы сверхурочно, нацеленность на количество, а не на качество выпускаемой продукции.

К сожалению, переход к рыночной экономике, тридцатилетний период интеграции систем управления качеством до конца не искоренил применяемые методы.

Зачастую, предприятия в условиях сокращения издержек применяют самые простые методы и малоэффективные методы – урезания заработной платы, сокращения сотрудников.

Еще в качестве мер по сокращению издержек выбирают оптимизацию конструкции выпускаемых изделий, которые обычно выражаются в замене используемых материалов на более дешевые. Или, например, на предприятиях в продукции уменьшают слой металла, применяют более дешевые лакокрасочные покрытия, отменяют закалку деталей, заменяют отечественные полуфабрикаты на более дешевые и непроверенные аналоги, что определенно негативно сказывается на качестве выпускаемой продукции.

Зная историю систем управления качеством, необходимо помнить, что важно искать внутренние резервы в технологических процессах, снижать потери за счет сокращения внутреннего брака и оптимизации производственных операций.

Также следует сказать о том, что нужна определенная государственная поддержка бизнеса. Во времена СССР идеология задавала тон производственному движению.

Сейчас зачастую организации оказываются без поддержки и должны сами справляться и с внешними задачами бизнеса, и с внутренними проблемами производства.

В этой жизненной позиции при любой стратегической альтернативе нет места долговременным стратегиям, каковыми являются качество или постоянное улучшение. Мы живем сегодняшним днем, поэтому главной задачей отечественного собственника становится мгновенный результат [13, с. 68].

Поэтому задача современного государства поощрять современные методы управления качеством, оказывать всевозможную мотивационную поддержку предприятиям, осуществлять мониторинг товаров, ввозимых из-за рубежа, на предмет соответствия этих товаров требованиям к качеству.

В настоящее время практически все страны постсоветского пространства выбрали путь рыночного демократического развития. Для подъема экономики, повышения качества и эффективности работы изучаются самые современные методы управления качеством, изучается опыт промышленно развитых стран. [11, с. 64].

В начале 50-х годов XX в. автор первой монографии по истории техники, академик АН УССР В.В. Данилевский точно заметил, что без истории техники нельзя основательно понять современную технику. По аналогии можно сказать, что без истории становления и развития систем управления качеством трудно понять, почему сейчас системы принимают именно такие формы [12, с 56].

В данной работе рассмотрено понятие «качество», проанализированы и систематизированы периоды развития систем управления качеством, оценены основные идеи пионеров и гуру качества и их вклад в развитие теории развития систем управления качеством.

Формирование термина «качества» имеет достаточно длинную историю. Философское значение слова «качества» получило развитие в практике применения машиностроительных предприятий, приобрело

надстройку в виде принципов управления качеством и трансформировалось сначала в систему, а затем в комплекс систем.

Важно опираться как на положительный, так и отрицательный опыт в истории развития систем управления качеством, учитывать его и продолжать совершенствоваться. Также машиностроительным производствам важно опираться на уже полученный опыт в решении возникающих инженерных задач по созданию новой, высококачественной продукции с необходимым набором потребительских свойств. Зная результаты внедрения различных систем управления качеством, необходимо более осознанно подходить к модернизации отечественных машиностроительных производств и внедрять только работающие приемы управления качеством для создания конкурентоспособной продукции.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. **Форд, Г.** Моя жизнь. Мои достижения / Генри Форд; пер. с англ. Е.А. Качелина. – Москва: АСТ. 2015. –349 с.
2. **Окрепилов, В.В.** Менеджмент качества: учебник. –СПб.: Изд-во Политехн.ун-та, 2013. – 650 с.
3. **Цзян, Ц.** Управление качеством предприятий: анализ модели управления качеством // Социально-экономические явления и процессы. 2017. Т. 12. № 3 С. 183-192.
4. **Гончаров, В.Н.** Теоретические подходы к определению понятия «Качество» // Экономинфо. 2015. № 23. С. 53-57.
5. ГОСТ Р ИСО 9000-2015 Системы менеджмента качества. Основные положения и словарь = Quality management systems. Fundamentals and vocabulary национальный стандарт Российской Федерации: издание официальное: утвержден и введен в действие Приказом Федерального агентства по техническому регулированию и метрологии от 28 сентября 2015 г. N 1390-ст: введен впервые : дата введения 2015-11-01 / подготовлен Открытым акционерным обществом "Всероссийский научно-исследовательский институт сертификации" (ОАО "ВНИИС"). – Москва: Стандартинформ, 2015. – 49 с.
6. **Ерохина, А.В.** Истоки эволюции системы управления качеством. // Статистика и экономика. 2011. № 2. С. 51-54.

7. **Бакеева, Р. Ф.** Генезис системы качества // Вестник Казанского технологического университета. 2008. № 6. С. 253-258.

8. **Цветков, В.Я.** Эволюция управления качеством. // Образовательные ресурсы и технологии. 2017. №1. С. 64-71.

9. **Ребрин, Ю.И.** Управление качеством: Учебное пособие. Таганрог: Изд-во ТРТУ, 2004. 174 с.

10. **Васильев, В.А.** Методы управления качеством инновационных технологических процессов // Качество. Инновации. Образование. 2016. №8-10. С.56-60.

11. **Аскарлов, Е.С.** Система управления качеством в СССР. // Вестник современной науки. 2015. № 9. С. 51-64.

12. **Белобрагин, В.Я.** Системы управления и их эволюция. // Стандарты и качество. 2007. № 4. С. 56-60.

13. **Гончаров, Э.Н.** Пессимистическая комедия. // Стандарты и качество. 2007. №4. С. 64-68.

СОДЕРЖАНИЕ

Осипов И.Д., Погодин С.Н.

ФИЛОСОФИЯ НАУКИ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ..... 3

Глава 1

ИСТОРИЯ ФИЛОСОФИИ НАУКИ В РОССИИ

Арефьев М.А., Давыденкова А. Г.

«СИНТЕТИЧЕСКАЯ ФИЛОСОФИЯ» П.А. КРОПОТКИНА
В КОНТЕКСТЕ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ФИЛОСОФИИ НАУКИ
(К 100-ЛЕТИЮ УХОДА ИЗ ЖИЗНИ ФИЛОСОФА И УЧЁНОГО)..... 8

Кожурин А.Я.

Э.В. ИЛЬЕНКОВ И ЕГО ШКОЛА О ПРОБЛЕМАХ ФИЛОСОФИИ НАУКИ..... 21

Мачкарин О.Д.

ФИЛОСОФИЯ НАУКИ ПЕТРА ИВАНОВИЧА ЛИНИЦКОГО (1839-1906)..... 45

Осипов И.Д.

МАРКСИСТСКАЯ МЕТОДОЛОГИЯ НАУКИ В.П. ТУГАРИНОВА..... 72

Павлова О.К.

ФИЛОСОФИЯ И ИСТОРИЯ ФОРМИРОВАНИЯ СИСТЕМЫ РОССИЙСКОГО
ОБРАЗОВАНИЯ (XVIII- XIX ВЕКА)..... 82

Погодин С.Н.

ИСТОРИЯ ПОЛИТИЧЕСКОЙ МЫСЛИ В ТРУДАХ М.М. КОВАЛЕВСКОГО..... 98

Саблина М.А., Любина Д.Е.

ИСТОКИ КОНЦЕПЦИИ ЕВРАЗИЙСТВА В РОССИЙСКОМ ПОЛИТИЧЕСКОМ
ДИСКУРСЕ..... 113

Шапошников Л.Е.

«НОВОЕ РЕЛИГИОЗНОЕ СОЗНАНИЕ» О ПУТЯХ ДОСТИЖЕНИЯ ИСТИНЫ... 128

Сюндюков Н.К.

«ВОЛЯЩИЙ РАЗУМ» КАК ПРИНЦИП НАУЧНОЙ МЕТОДОЛОГИИ А.С.
ХОМЯКОВА..... 142

Глава 2

ФИЛОСОФСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ГУМАНИТАРНОЙ НАУКИ

Колесник И.И. АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ФИЛОСОФИИ ЧЕЛОВЕКА В КОНТЕКСТАХ КУЛЬТУРЫ XX ВЕКА.....	158
Евсеев В.В., Матвеевская А.С., Погодина В.Л. ЭЛЕКТРОННЫЕ ТЕХНОЛОГИИ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБЩЕНИЯ В НАУЧНОЙ СРЕДЕ.....	167
Поздеева Е.Г., Шипунова О.Д., Евсеева Л.И. АГЕНТНОСТЬ И ИНТЕГРАЛЬНОСТЬ КАК ПРИНЦИПЫ АНАЛИЗА ТЕНДЕНЦИЙ ОТНОШЕНИЯ МОЛОДЕЖИ К НАУКЕ.....	179
Рябова А.Л. ЦЕННОСТНЫЕ СРЕДСТВА ВОЗДЕЙСТВИЯ В КОНТЕКСТЕ СОВРЕМЕННОЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ ДИСКУССИИ.....	200
Туфанов А.О., Вишняков М.А. ВОЛОНТЕРСКОЕ ДВИЖЕНИЕ КАК ПОКАЗАТЕЛЬ ОБЩЕСТВЕННОЙ САМООРГАНИЗАЦИИ: ФИЛОСОФСКИЕ И СОЦИАЛЬНО-ЭТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ.....	208
Лагойко А.Г. ЭВОЛЮЦИЯ ФЕМИНИСТСКОЙ МЫСЛИ В КОНТЕКСТЕ ПОЛИТИЧЕСКОЙ НАУКИ.....	220
Микаелян Л.А. ИСТОРИЯ И ФИЛОСОФИЯ КОНЦЕПЦИИ «ИСПАНИДАД».....	237
Ли Цзинчэн ЦЕЛИ В ОБЛАСТИ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ И БРИКС.....	257
Кузякин А.Г. НЕКОНСЕРВАТИВНЫЕ ИДЕИ РОНАЛЬДА РЕЙГАНА.....	272

Глава 3

**ИСТОРИЯ ЕСТЕСТВОЗНАНИЯ И ТЕХНИКИ В КОНТЕКСТЕ
ФИЛОСОФИИ НАУКИ**

Левит Г.С., Хосфельдт У., Юнкер Т. ТЕОРИИ ЭВОЛЮЦИИ И ИХ ИСТОРИЯ В ПЕРСПЕКТИВЕ ФИЛОСОФИИ НАУКИ.....	294
Львов А.А. ЭПОХА COVID-19 В СВЕТЕ ИДЕОЛОГИИ И НАУЧНОЙ КАРТИНЫ МИРА.....	329
Шабалина А.Е. ПРОБЛЕМА ДЕМАРКАЦИИ ЛОГИКИ ОТКРЫТИЯ И ПСИХОЛОГИИ ОТКРЫТИЯ.....	356
Власова О.Л., Соболев М.Е. ЗАРОЖДЕНИЕ И РАЗВИТИЕ МЕДИЦИНСКОЙ ФИЗИКИ.....	375
Любомудров С.А., Косова В.А. ИСТОРИЯ РАЗВИТИЯ СИСТЕМ УПРАВЛЕНИЯ КАЧЕСТВОМ В МАШИНОСТРОЕНИИ.....	390

CONTENTS

OSIPOV Igor. D., POGODIN Sergey N.
 PHILOSOPHY OF SCIENCE IN THE MODERN WORLD..... 3

Chapter 1

HISTORY OF PHILOSOPHY OF SCIENCE IN RUSSIA

AREFIEV Michail A., DAVYDENKOVA Antonina G.
 «SYNTHETIC PHILOSOPHY» by P. A. KROPOTKIN IN THE CONTEXT OF
 THE RUSSIAN PHILOSOPHY OF SCIENCE (TO THE 100TH ANNIVERSARY
 OF THE PASSING OF THE PHILOSOPHER AND SCIENTIST)..... 8

The authors of this paper consider the features of the formation of the national philosophy of science in the course of creative processing and understanding of the philosophy of classical positivism by the outstanding scientist, thinker P. A. Kropotkin. The Russian version of positivism differed radically from the European version of positive philosophy in its focus on solving moral and ethical problems. The ethos of science was understood as a representation of the moral and moral limitations associated with understanding the role of science in public life. Kropotkin's contribution to the formation of the philosophy of science can be considered the formation of his idea of the content side of synthetic philosophy. Such categories and concepts of synthetic philosophy as mutual aid and support, altruism, vitality, solidarity, justice, morality, and others in his teaching reflected the humanitarian and humanistic orientation of the philosophy of science.

HISTORY OF RUSSIAN PHILOSOPHY, SYNTHETIC PHILOSOPHY OF KROPOTKIN, THE INDUCTIVE METHOD OF NATURAL SCIENCES, MUTUAL AID, SOLIDARITY AND THE INSTINCT OF SOCIABILITY AS THE MAIN CATEGORIES OF SYNTHETIC PHILOSOPHY KROPOTKIN

KOZHURIN Anton Y.
 E. V. ILYENKOV AND HIS SCHOOL ABOUT THE PROBLEMS OF
 PHILOSOPHY OF SCIENCE..... 21

The text of this paper is devoted to the problems of philosophy of science, as they were interpreted by E. V. Ilyenkov and his school. This school can be considered a Soviet version of neo-Marxism, which passed through a thorough school of German classical philosophy. The most important aspect that characterizes the approach of E. V. Ilyenkov and his followers in the Russian philosophy of science is a sharp criticism of scientism and positivism. His work is characterized by a peculiar triad – "true art, true morality and true science". Accordingly, when art, morality, and science appeared, in his opinion, in inauthentic forms, they aroused the rejection of the philosopher.

NEO-MARXISM, EPISTEMOLOGY, DIALECTICAL LOGIC,
HISTORY OF THE DIALECTICAL TRADITION, SPECIAL
SCIENTIFIC THINKING, CONTRADICTION, PHILOSOPHICAL
TRADITION, MORAL BOUNDARIES OF SCIENTIFIC
KNOWLEDGE, IDEAL, IMAGINATION AS AN ACTIVITY

MACHKARINA Olga D.

PHILOSOPHY OF SCIENCE P.I. LINITSKY..... 45

In the article the author presents the concept of philosophy of science P.I. Linitsky, reveals the concept of science, knowledge, truth, shows the role of philosophy in the system of sciences and its features, reveals the ratio of empirical and hilarious sciences, shows the features of scientific cognition, reveals the relationship between scientific and non-scientific thinking in cognition. The author draws attention to the Russian professor's assessment of the relationship between natural and human sciences, scientific and non-scientific knowledge, the problems of proving the truth of knowledge and the problem of using the results of cognition, touching on the most important for today's problem of freedom of scientific search and responsibility

PHILOSOPHY OF SCIENCE, RUSSIAN PHILOSOPHY,
PHILOSOPHY AS A SCIENCE, NATURAL AND HUMAN
SCIENCES, SCIENCE, ART, RELIGION, KNOWLEDGE, SCIENTIFIC
COGNITION, EDUCATION, UPBRINGING

OSIPOV Igor D.

MARXIST METHODOLOGY OF SCIENCE BY V.P. TUGARINOV..... 72

The article examines the methodology of science of a prominent scientist-philosopher, Doctor of Philosophy, author of many scientific works, professor and dean of the Faculty of Philosophy of Leningrad University V.P. Tugarinov. He developed an original Marxist axiology, advocated interdisciplinary research in the context of the integration of the humanities and natural sciences, the mutual influence of philosophy and science. An important place in his works was played by the study of the concepts of information, civilization, culture, ecology, humanism, personality and nature. The works of V.P. Tugarinov caused a lively discussion in Soviet philosophical science, they continue to remain relevant to this day

SCIENCE, KNOWLEDGE, MAN, VALUE, CULTURE, MARXISM,
SOCIETY

- PAVLOVA Olga K.** 82
 PHILOSOPHY AND HISTORY OF RUSSIAN EDUCATION SYSTEM (XVIII-
 XIX CENTURIES).....

The paper is devoted to the philosophical – historical aspects of the education development in Russia. The socio-economic, political, cultural conditions that had a special impact on the philosophy of education development in Russia are viewed and considered. Attention is drawn to the role of the state and society, to the importance of the philosophical ideas of European and Russian thinkers in shaping the education system in Russia during the 18th-19th centuries.

HISTORY; PHILOSOPHY; RUSSIA; EDUCATION; STATE
 FORMATION STAGES; AIMS; SOCIETY; CLASSES OF PEOPLE;
 FROMS OF EDUCATION

- POGODIN Sergey N.** 98
 HISTORY OF POLITICAL THOUGHT IN LABOR M.M. KOVALEVSKY.....

The domestic historian, sociologist, political scientist Maxim Maksimovich Kovalevsky (1851-1916) paid much attention to the analysis of political thought. Prior to his work, many scholars associated the emergence of political ideas with the reformation. He managed to notice all the relativity and conditionality of this connection. M.M. Kovalevsky proved that political theories do not arise in the minds of thinkers, but are a natural product of popular thought, and thinkers only collected and designed them. He examines in detail the works of Nicola Machiavelli, Jean Boden, John Altusius, Benedict Spinoza, Jean-Jacques Rousseau, Charles Montesquieu, Thomas Hobbes. M.M. Kovalevsky was not limited only to the study of political theories and their formation. His focus was also on issues related to the reasons for their appearance. In this regard, his position on the impact of political doctrine on the French Revolution is remarkable. M.M. Kovalevsky developed the doctrine of "people's democracy." In it, he saw the way to creating a constitutional monarchical form of government for France. Speaking about the prospects for the future unification of states, M.M. Kovalevsky admitted the possibility of creating a European Federation.

POLITICAL THOUGHT, POLITICAL SCIENCES, POLITICAL
 DOCTRINE, MAKSIM MAKSIMOVICH KOVALEVSKY, "PEOPLE'S
 DEMOCRACY", STATE, FREEDOM

- SABLINA Marina A., LYUBINA Daria E.** 113
 ORIGINS OF THE EURASIANISM CONCEPT IN RUSSIAN POLITICAL
 DISCOURSE.....

The ideas of Eurasianism and Eurasian integration have been actively discussed in the modern Russian political discourse over the past decade. These ideas are also reflected in the foreign policy of the Russian Federation. At the same time, in many respects, the modern ideas of neo-eurasianism have undergone conceptual changes in relation to the ideas

of the "classical" eurasians N. Trubetskoy, P. Savitsky. The analysis of the origins of the concept of Eurasianism in Russian political discourse allows us to consider the process of evolution of the ideas of Eurasianism in Russian political science, as well as the contribution of L. N. Gumilyov to the development of the concept of Eurasianism. Highlighting the main theses of "classical" Eurasianism contributes to understanding their interpretation in modern Russian political science.

EURASIANISM, IDEAS, "CLASSIC" EURASIANS, L. N. GUMILEV, POLITICAL DISCOURSE

SHAPOSHNIKOV Lev E.

«NEW RELIGIOUS CONSCIOUSNESS» ABOUT WAYS TO ACHIEVE THE TRUTH..... 128

The article analyzes the epistemological attitudes of prominent representatives of Russian religious philosophy. It is shown how they tried to overcome rational logic in the analysis of the spiritual world. Russian philosophers justified the need for intuitive knowledge obtained as a result of human contact with the transcendent world. Only in this case the primitivization of spiritual energy, which leads to rational philosophy, is overcome. It is noted that in modern conditions, when conducting educational reform, it is important to preserve its spiritual component.

TRUTH, KNOWLEDGE, SPIRITUAL, REASON, REALISM, REASON, INTUITION, ANTINOMY

SIUNDIUKOV Nikita K.

THE «WILLING REASON» AS A PRINCIPLE OF SCIENTIFIC METHODOLOGY OF A. S. KHOMYAKOV..... 142

The article analyzes the scientific methodology of A. S. Khomyakov and traces the dialogue between slavophil's axiology and the ideas of german idealism. It is proved that Khomyakov's epistemology was influenced both positively and negatively by german philosophy, primarily by Hegel. Criticizing "hegelism", Khomyakov instead offers the concept of "willing reason", which constitutes a kind of synthesis of abstract rationality and direct faith. This approach to knowledge allows us to achieve the integrity of the mind: attention to the positive fact is balanced here by the general religious and moral attitude of the subject of knowledge. It is shown that Khomyakov applies this methodology primarily in the field of historical research. The most striking and illustrative fruit of his methodology is the unfinished work "Semiramide".

KHOMYAKOV, HEGEL, ZHIVOZNANIYE, WILLING REASON, METHODOLOGY, INTEGRITY, FACT, RATIONALITY

Chapter 2

PHILOSOPHICAL PROBLEMS OF HUMANITARIAN SCIENCE

KOLESNIK Irina I.

ACTUAL PROBLEMS OF HUMAN PHILOSOPHY IN THE CONTEXT OF CULTURE OF THE XX CENTURY..... 158

Cultural and philosophical concepts and works of art of the twentieth century have demonstrated the need to revise ideas about the relationship between the concepts of “science and technology” and “humanism and culture” in the modern worldview. A humanistic culture in a situation of overdevelopment of science and technology should take the place of a stabilizing factor. The central concept of humanistic philosophy - man - acquires a new content and becomes less abstract, being "attached" to the specific contexts of the culture of the twentieth century. Those who have replaced traditional society, the era of industrial and informational culture are subjecting people to new transformations.

CULTURE, MAN, PHILOSOPHY OF CULTURE, HUMANISTIC CONCEPTS, INDUSTRIAL CULTURE, INFORMATION SOCIETY

EVSEEV Vladimir V., MATVEEVSKAYA Anna S., POGODINA Victoria L.
ELECTRONIC TECHNOLOGIES OF PROFESSIONAL COMMUNICATION IN THE SCIENTIFIC ENVIRONMENT..... 167

This article is devoted to the consideration of modern electronic technologies of scientific communication and professional communication in the field of scientific cooperation. Modern science is an innovator of high technology and uses the latest materials and methods of production in order to promote the presentation of research materials and scientific discoveries. Scientific communication is attracting increasing research interest of participants interested in scientific information of various formats. The growth is observed in the ways of interaction between researchers and scientists, actors in the manufacturing sector and business, as well as the public. It has led to new forms of electronic technology for professional communication. Such a relationship is valuable to members of the academic community. Scientific communication includes the whole set of types of communication in the scientific environment: e-mail, electronic channels and platforms, scientific social networks, cloud technologies, blogs. Participants have the opportunity to share the results of scientific experiments, demonstration of experiments, to coordinate joint experimental development, using these types of communication. Modern science should be open to interaction with the public, which is showing an increasing interest in scientific information. This leads to the popularization of science as a whole, and therefore to the development of society.

PROFESSIONAL COMMUNICATION, ELECTRONIC
TECHNOLOGY, SCIENTIFIC COMMUNICATION, SCIENTIFIC
COOPERATION, COMMUNICATION CHANNELS

- POZDEEVA Elena G., SHIPUNOVA Olga D., EVSEEVA Lidiya I.**
AGENCY AND INTEGRALITY AS PRINCIPLES OF ANALYSIS OF TRENDS
IN THE RELATIONSHIP OF YOUTH TO SCIENCE 179

The article analyzes the trends of changes in the attitude of young people to science and scientific activity through the prism of preserving traditional scientific principles (R. Merton, E. Giddens), as well as the value and behavioral shifts that occur under the influence of new generations and accompany the introduction of integrated educational models aimed at increasing students' independence and maintaining their active participation in scientific projects. The concept of effective subjectivity in combination with the trend of individualization allows us to establish a positive dynamic of a more interested, active and responsible attitude of young people to scientific production and expertise. Based on the comparative analysis of data from sociological surveys conducted by the authors at Peter the Great Saint Petersburg Polytechnic University and secondary data obtained at other Russian universities, the increasing role of the student's agent position in obtaining scientific knowledge and relevant skills that require research competencies and allow entering into a dialogue with the scientific community is noted. It is concluded that there is a General need for an integrated approach aimed at implementing new functions of science in a digital society and the role of the subject as an agent of a wide network of public scientific communications and a participant in expert knowledge.

SCIENCE, EXPERT KNOWLEDGE, AGENCY, INTEGRITY,
YOUTH, ATTITUDE TO SCIENTIFIC ACTIVITY, SOCIAL
PORTRAIT OF A SCIENTIST

- RIABOVA Anna L.**
VALUE MEANS OF IMPACT IN THE CONTEXT OF MODERN PUBLIC AND
POLITICAL DISCUSSION..... 200

The purpose of the paper is to identify the characteristics of value attitudes that contribute to the self-identification of a social group, united by belonging to a common party. The process of conducting communication, implemented by a group of participants, their contribution to the formation of the global communicative strategy of their group is highlighted. The participation of value concepts as the target aspect in the group integration is identified. A linguo-cognitive analysis of value concepts is carried out.

VALUE MEANS; VALUE CONCEPTS; PUBLIC - POLITICAL
DISCUSSION; COMMUNICATION PROCESS; COMMUNICATION
STRATEGIES

- TUFANOV Alexander O., VISHNYAKOV Maxim A.**
**VOLUNTEER MOVEMENT AS AN INDICATOR PUBLIC SELF-
 ORGANIZATION: PHILOSOPHICAL AND SOCIO-ETHICAL ASPECTS.....** 208

This paper raises a topical issue – the public response in Russia to the phenomenon of the coronavirus pandemic in the form of a volunteer movement. For voluntary activities, the concept of self-organization is the fundamental principle of the organization. Self-organization is interpreted as one of the categories of modern social philosophy, and in the context of the philosophy of science, it is associated with the conceptual and categorical apparatus of synergetics. The synergetic approach in the Russian philosophy of science is based on the ideas put forward in the 20-30s of the twentieth century by A. A. Bogdanov in the General organizational science of tectology. Self-organization in the volunteer movement is associated with a common approach and the sharing of a set of moral and ethical values by its participants: altruism, mutual assistance and support, solidarity, communication, etc.

SYNERGETICS, PHILOSOPHY OF SCIENCE, SELF-ORGANIZATION,
 VOLUNTEER MOVEMENT, MORAL VALUES OF TRADITIONAL
 CULTURE OF RUSSIA, SYSTEMATIC APPROACH

- LAGOYKO Anastasia G.**
**EVOLUTION OF FEMINIST THOUGHT IN RELATION TO POLITICAL
 SCIENCE.....** 220

Feminism as a concept and as a movement often elicits mixed reactions. Gender equality is increasingly recognized as an accepted value, but feminism is still a hotly debated issue that runs counter to established norms. In political science, the feminist movement appeared in connection with disagreement with the status of women and their exclusion from social and political life. It was believed that women were not created to make important decisions, and this was within the historical norms of political theory. Feminists emphasize the inequality that women face in society and the political consequences of this inequality. In the context of political science, this includes discussing the causes and consequences of overrepresentation of men. The feminist movement raises a number of issues that contradict the foundations of political science.

FEMINISM, GENDER EQUALITY, THREE WAVES OF FEMINISM,
 WOMEN SOCIAL MOVEMENT

- MIKAELIAN Lusine A.**
HISTORY AND PHILOSOPHY OF THE «HISPANIDAD» CONCEPT..... 237

This article examines the history of Spain in the late XIX – early XX centuries in order to understand the ideology, philosophy and basic principles embedded in the concept. The relevance of this work is due to the emergence and development of the concept of "Hispanidad", the importance of this concept in the problem of regional disputes, as well as

in some issues of modern national policy in Spain and Latin America. The article analyzes the ideology proposed by the philosopher and poet R. De Maestu, as well as its role in the course of historical events.

ENLIGHTENMENT; EDUCATION; PHILOSOPHY; HISTORY;
NATIONAL; POLITICS

LI Jingcheng

SUSTAINABLE DEVELOPMENT GOALS AND BRICS..... 257

Implementation of the concept of sustainable development in the developing world economies - in the BRICS countries is an urgent task of modern research. The analysis of the main stages of the sustainable development concept formation is becoming a priority in the BRICS countries. The active pursuit of sustainable development will lead to fundamental changes in the way of life of peoples and economic relations not only in the BRICS countries, but throughout the world. In promoting sustainable development, the BRICS countries are closer and closely cooperate with each other. The article defines approaches to the implementation of key "sustainable development goals" in the BRICS countries, namely: poverty reduction, education and health, environmental protection (ecological restoration) and "green" economy, which have become the main areas of activity of the BRICS countries at the present stage. Faced with the global challenges of the financial, environmental and climate crises, as well as major qualitative changes in the scientific and technological revolution, the BRICS countries are increasingly seeking to move towards sustainable development. The aim is to eliminate social inequalities, strengthen domestic stability and enhance international cooperation.

RUSSIA; CHINA; BRICS; UN; SUSTAINABLE DEVELOPMENT;
GREEN ECONOMY; COMBATING POVERTY; INTERNATIONAL
COOPERATION

KUZYAKIN Alexander G.

RONALD'S REAGAN NEOCONSERVATIVE IDEAS..... 272

The Research article dedicated to Ronald's Reagan Neoconservative Ideas. To analyze neoconservative approach, information about main characteristics of conservatism and neoconservatism are given. Moreover, this work also dedicated to Ronald's Reagan internal policy, aims and goals. Comparative analysis of Ronald's Reagan internal policy and neoconservative ideas are given.

NEOCONSERVATISM, RONALD'S REAGAN INTERNAL POLICY,
RONALD'S REAGAN NEOCONSERVATIVE IDEAS

Chapter 3

**HISTORY OF NATURAL SCIENCE AND TECHNOLOGY IN THE
CONTEXT OF PHILOSOPHY OF SCIENCE**

LEVIT Georgy S., HOSSFELD Uwe, JUNKER Thomas
THEORIES OF EVOLUTION AND THEIR HISTORY FROM THE PHILOSOPHY
OF SCIENCE PERSPECTIVE..... 294

Evolutionary theory is a complex, dynamic theoretical system. First attempt to establish a holistic scientific and empirically based theory of evolution was undertaken by Jean Baptiste Lamarck at the beginning of the 19th century. Yet it was Charles Darwin who is regarded as a founder of modern evolutionism. In the mid-20th century Darwin formulated a series of compelling scientific principles, which until today constitute the core of evolutionary theory. Nevertheless, modern evolutionary theory is not reducible to Darwin's own Darwinism. To the mid-20th century a so-called Synthetic Theory of Evolution (STE) enriched and partly replaced the classical Darwinism. The STE enriched evolutionary theory by the principles of population genetics and united various biological disciplines under the umbrella of Darwinian evolutionism. Several concepts supported by Darwin such as the inheritance of acquired characters were rejected by the STE. To the end of the 20th century the STE developed itself into a new theoretical system known as the Extended Evolutionary Synthesis, which embraced ultra-contemporary concepts such as epigenesis or evolutionary developmental biology (evo-devo).

The paper briefly recapitulates the history of evolutionary theory beginning with its roots and ending with ultra-contemporary concepts. Its major objective is to outline the dynamics of Darwinism as a theoretical system in the light of the philosophical issues. The paper pushes forward two major claims. First claim is that Darwinism is not merely one of many scientific theories, but one of the foundations of the modern Western civilization. It is because of this Darwinism is central for debates initiated by conservative religious circles, first of all by American evangelicals. Our second claim is that the dynamics of evolutionary theory can be best described in terms of the Lakatosian research programmes, though not in their "pure" form, but rather mixed with elements of Marxian-Hegelian dialectics

**BIOLOGICAL EVOLUTION, EVOLUTIONARY THEORY,
DARWINISM, LAMARCKISM, CREATIONISM, RESEARCH
PROGRAMMES.**

LVOV Alexander A.

THE EPOCH OF COVID-19 IN THE LIGHT OF IDEOLOGY AND SCIENTIFIC WORLD PICTURE..... 329

Regardless any other events, coronavirus pandemic is the real token of 2020. Closed borders, cancelled travels around the world, ban on public spaces and recommended self-isolation — all these measures against epidemic made the time stop. However, the very pause became the event, and in the first third of 2020 a heap of different materials about the nature and medical, political, economic and cultural effects of COVID-19 has been published. This theme became topical in public media and superseded all other news. Thus, there is no surprise that many people considered the pandemic as the end of good old world order, the decline of Modernity. Besides, there have appeared various pseudoscientific “predictions” of the effects of coronavirus as well as “expert opinions” on the means and beneficiaries of global pandemic. The paper demonstrates that the phenomenon of COVID-19 has a clearly modern character and fits the anthropocentric paradigm of the Modern Age. To prove it, it compares the contemporary pandemic with the first global catastrophe, namely the Great Lisbon Earthquake. Then and today, it is highly important to solve the following tasks: to cope with the effects of the disaster, to realize the means of the occurrence, to organize the work of the media and provide the inhabitants with reliable information. With respect to this, the paper scrutinizes the influence of the current agenda on the ideological side of social life, which evolves as cooperation of politics and science. It also discusses the tendencies of non-scientific interpretation of nature, the means and effects of the pandemic as a mandatory element of a contemporary person’s world picture (or, precisely speaking, world mosaic).

CORONAVIRUS, COVID-19, PANDEMIC, SCIENTIFIC WORLD PICTURE, IDEOLOGY

SHABALINA Anna Ye.

THE PROBLEM OF DEMARCATION OF THE LOGIC OF DISCOVERY AND THE PSYCHOLOGY OF DISCOVERY..... 356

The article presents the problem of priority of the immanent foundations of scientific creativity: logic and intuition. This question is considered through the prism of the "rational reconstruction" developed by K. Popper and I. Lakatos. Another position connects scientific creativity with the inevitable digression from previously established logic, with the inclusion of an intuitive moment. However, the importance of logic in a scientific discovery is not rejected. Logic is necessary both at the stage of preparation and at the stage of development. From the point of view of associative theory and "heuristic logic", the process of integration of logic and intuition in obtaining new knowledge is shown. The problem of competition in the creative process of human and artificial intelligence is identified.

SCIENTIFIC CREATIVITY, RATIONAL RECONSTRUCTION,
LOGIC, INTUITION, ARTIFICIAL INTELLIGENCE

VLASOVA Olga L., SOBOLEV Maxim E.

ORIGIN AND DEVELOPMENT OF MEDICAL PHYSICS..... 375

The purpose of this work is to study the history of medical physics. This paper explores the "origin and development of medical physics", traces the history of medical physics from 5000 BC to the present day. Physical methods have been used in medicine since antiquity. In many countries, specialized professional organizations and scientific communities of medical physicists have been created.

HISTORY OF MEDICINE, BIOPHYSICS, PHYSICAL METHODS,
MEDICAL PHYSICS

LYUBOMUDROV Sergey A., KOSOVA Valentina A.

HISTORY OF DEVELOPMENT OF QUALITY MANAGEMENT SYSTEMS IN
ENGINEERING 390

The aim of this work is to trace the stages of evolution and the establishment of a quality management system. It is necessary to consider the concept of "quality", analyze and systematize the periods of development of quality management systems, evaluate the main ideas of quality and their contribution to the development of the theory of development of quality management systems.

QUALITY, MANAGEMENT SYSTEM, ENGINEERING, THEORY OF
DEVELOPMENT, QUESTIONS OF QUALITY

ФИЛОСОФИЯ НАУКИ: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

Монография

Под редакцией *И. Д. Осипова, С. Н. Погодина*

Налоговая льгота – Общероссийский классификатор продукции
ОК 005-93, т. 2; 95 3004 – научная и производственная литература

Подписано в печать 01.09.2020. Формат 60×84/16.

Усл. печ. л. 26,5. Тираж 1000. Заказ 1661.

Отпечатано с готового оригинал-макета,
предоставленного научными редакторами,
в Издательско-полиграфическом центре Политехнического университета.
195251, Санкт-Петербург, Политехническая ул., 29.
Тел.: (812) 552-77-17; 550-40-14.